

ОЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

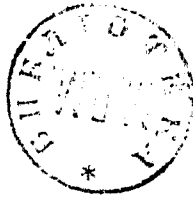
А. ВАМБЕРИ.

6487-

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Европейская и американская прессы въ приговорѣ своемъ о моемъ «Путешествіи по Средней Азій» почти всѣ единогласно упрекають меня въ скупости и краткости описаній, однимъ словомъ, говорятъ, что я могъ бы гораздо болѣе сказать о моемъ путешествіи отъ Босфора до Самарканда, тажъ богатомъ разными случайностями и приключеніями.

Сознаюсь, что упрекъ этотъ не безъоснователенъ.

Возвратясь изъ моихъ многолѣтнихъ странствованій по Азій, я долго не могъ освоиться съ мыслью объ осѣдлой жизни, особенно же въ первые три мѣсяца моего пребыванія въ Лондонѣ, когда я именно и написалъ мои воспоминанія. Мнѣ все казалось, что опять надо будетъ подниматься и пускаться еще въ путь съ моимъ караваномъ, а поэтому я былъ слѣдственно нерѣшителенъ и работалъ слѣдно. Не мудрено, слѣдовательно, что я, выступивъ впервые на литературномъ поприщѣ съ описаніемъ путешествія, о многомъ намѣренно сказалъ только вскользь и многое опустилъ вовсе, какъ менѣе интересное.

Чтобы поправить эту ошибку — если скупость на слова есть ошибка — я въ послѣдніе три года, въ часы, свободные отъ моихъ филологическихъ занятій, написалъ предлагаемыя здѣсь главы въ видѣ дополненія къ сказанному уже мною, частію о моихъ путевыхъ приключеніяхъ, частію о нравахъ и этнографическихъ особенностяхъ жителей Средней Азии. Конечно, лучше бы было, если бы листки эти вошли въ составъ главнаго моего сочиненія, но я того мнѣнія, что, и отдѣльно взятая, каждая замѣтка о краѣ, орошаемомъ Оксусомъ, какъ бы ничтожна она ни была, всегда будетъ имѣть свою цѣну, и потому мнѣ казалось, что «meglio tardi che mai» *).

Арминій Вáмбѣри.

Пешть.

Декабрь 1867 года.

---

*) Лучше поздно, чѣмъ никогда.

I.

Дервиши и хаджи.

Дервишъ представляетъ собою олицетвореніе главныхъ характеристическихъ чертъ восточной жизни: праздность, фанатическая мечтательность, раболѣпіе, поразительная беззаботность — его символы. Все это восхваляется въ немъ какъ добродѣтели и, какъ о таковыхъ, самъ онъ проповѣдуетъ о нихъ повсюду. Праздность оправдывается немощностью человѣческой, болѣзненная игра воображенія—вдохновеніемъ свыше, раболѣпіе—рожденіемъ отъ праха, а беззаботность—всемогуществомъ рока, управляющаго людьми. Если бы преимущества нашей европейской цивилизаціи не выступали такъ блистательно передъ восточною, я бы, кажется, готовъ былъ позавидовать дервишу—тому блаженству, которое свѣтится въ его глазахъ, когда онъ, въ своихъ лохмотьяхъ, сидитъ, пріютившись на корточкахъ въ уголѣ какой-нибудь развалины. Что за невозмутимый покой въ чертахъ его

лица, во всей его фигурѣ; и какой рѣзкій контрастъ съ нашею европейскою жизнью! Эта противная моей природѣ безмятежность почти постоянно раздражала мои нервы въ моемъ дервишескомъ инкогнито и естественно, что, поддѣлываясь подъ нее, я часто дѣлалъ огромные промахи. Никогда не забуду, какъ разъ въ Гератѣ, наэлектризованный радостной мыслью о близкомъ избавленіи, я вскочилъ съ своего мѣста и началъ стремительно ходить изъ угла въ уголъ по развалинѣ, въ которой пріютился. Черезъ нѣсколько минутъ замѣтилъ я, что у входа собралась цѣлая толпа народа и съ удивленіемъ глазѣла на меня; я остановился и со стыдомъ усѣлся на свое мѣсто; ко мнѣ подошли и начали освѣдомляться о моемъ здоровьѣ: добрые люди сочли меня за помѣшаннаго, такъ какъ, по восточнымъ понятіямъ, надо быть не въ своемъ умѣ, чтобы безъ крайней необходимости встать съ мѣста и начать ходить по комнатѣ.

Дервиши служатъ представителями не только восточной жизни вообще, но и всѣхъ оттѣнковъ различныхъ отдѣльныхъ народностей востока. Хотя законъ и гласитъ, что «Исламъ есть одинъ народъ», тѣмъ не менѣе въ каждомъ отдѣльномъ орденомъ нельзя не узнать его происхожденія и его родины. Бекташи, мевлеви и руфай имѣютъ своимъ мѣстопробываніемъ преимущественно Турцію, такъ какъ Бекташъ, вдохновенный основатель янычарства, и мулла Джелаледдинъ-Руми — великій поэтъ, авторъ «Месневи» — дѣйствовали въ Турціи и тамъ же погребены. Въ Аравіи большею частію встрѣчаются кадри и джелали, въ Персіи — овеизи, нурбахши-ниметуллахи;

въ Индіи — хилали и сахиби, а въ Средней Азій — накишбенди и софи-исламъ *).

Члены каждаго ордена связаны между собою крѣпкими узами братства, мюриды (ученики) и кхалфы (сочлены) слѣпо повинуются своему пиру (главѣ), который можетъ вполне распоряжаться и имуществомъ ихъ, и жизнью; но корпораціи эти совершенно далеки отъ преслѣдованія какихъ бы то ни было тайныхъ политическихъ или соціальныхъ цѣлей, какъ это имъ приписывается въ Европѣ со словъ нѣкоторыхъ рьяныхъ путешественниковъ, которымъ кажется, что они открыли масоновъ и среди бедуиновъ Великой пустыни. Дервиши — это монахи Ислама; происхожденіемъ своимъ и существованіемъ они обязаны фанатичной религіозности, и отличаются между собою только наружнымъ проявленіемъ своего благочестія. Одинъ орденъ, на примѣръ, предписываетъ своимъ членамъ постоянное хожденіе на поклоненіе могиламъ святыхъ, другой — постоянное памятованіе о безконечномъ величій Божіемъ и о смѣшной ничтожности человѣческаго бытія, а третій заставляетъ своихъ учениковъ денно и ночью заниматься сикрами (произношеніе имени Божія) и телгинами (гимнами). Часто иной ревностный ученикъ до тѣхъ поръ выкрикиваетъ изо всѣхъ силъ «Я ху!

---

*) Этотъ орденъ основанъ лѣтъ 30 тому назадъ однимъ таджикомъ изъ Белха для противудѣйствія все болѣе и болѣе возрастающей силѣ ордена накишбенди. Члены этого братства встрѣчаются болѣею частью по сю сторону Оксуса, около Герата, а также между туркменами, и носятъ для отличія отъ другихъ войлочныя шапки, опушенныя мѣхомъ.

Я хагъ! Ла иллахи илла ху!» пока съ большинствомъ соучастниковъ не сдѣлается припадковъ падучей болѣзни. У правовѣрныхъ это болѣзненное состояніе носить названіе «медшубъ», что значитъ: пришедшій въ восторгъ, восхищенный божественной любовью. Человѣку, которому выпадаетъ на долю такое счастье, всѣ завидуютъ; больные, увѣчные, неплодныя женщины тѣснятся къ нему, хватаются за его одежду, ибо прикосновеніе къ нему считается исцѣляющимъ отъ всѣхъ болѣзней.

Въ Самаркандѣ я самъ былъ свидѣтелемъ того, что могутъ продѣлывать дервиши, придя въ экстазъ. Въ Дехбидѣ, близъ могилы Махдумъ-Азама, собралось разъ такое общество крикуновъ и, усѣвшись въ кружокъ около своего пира, начало выкрикивать обычные свои возгласы, сначала тихо и соблюдая нѣчто въ родѣ такта. Пиръ, между тѣмъ, сидѣлъ погруженный въ глубочайшее раздумье, слегка покачивая головой. Окружающіе слѣдили за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ каждымъ движеніемъ его головы, съ каждымъ его вздохомъ, одушевленіе ихъ все росло. Наконецъ пиръ, казалось, вышелъ изъ своего полудремотнаго состоянія и поднялъ опущенную на грудь голову. Едва только увидали это дервиши, какъ сумасшедшіе вскочили они съ своихъ мѣсть. Кружокъ разбился и всѣ по одиночкѣ принялись подпрыгивать, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ. Когда же пиръ поднялся совсѣмъ на ноги, то одушевленіе плясунновъ перешло въ такое бѣшенство, что я, невольно принужденный участвовать, внутренно содрогнулся отъ ужаса. Точно вихремъ кружимые,

В носились сломя голову, то вправо, то влево; съ мягкаго луга многіе попали на голые камни, въ ногъ несчастныхъ побѣжала кровь,—все-таки они устанно продолжали плясать, пока нѣкоторые не залились наконецъ безъ чувствъ на землю.

При такихъ социальныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ на востокѣ, гдѣ крайности такъ сходятся, видишь или, что то же, нищій, стоящій на послѣдней ступени общественной, долженъ пользоваться и самомъ дѣлѣ пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ любой властитель, стоящій во главѣ цѣлыхъ миліоновъ людей и располагающій громадными сокровищами. Человѣкъ, этотъ легкій мячъ въ могучихъ рукахъ дѣвы, можетъ въ одно мгновеніе ока быть перемѣнянъ изъ одной крайности въ другую, чему, впрочемъ, есть много примѣровъ въ исторіи. Какъ у насъ оба антипода—шахъ и гедаръ, т. е. король и нищій, постоянно одинъ подлѣ другаго, такъ и въ настоящей жизни находимъ мы часто оборваннаго, грязнаго, покрытаго насѣкомыми дервиша сидящимъ рядомъ съ блистающимъ въ своемъ великолѣпномъ одѣяніи ханомъ, на одномъ и томъ же коврѣ, дружно, съ нимъ бесѣдующимъ и нерѣдко пьющимъ даже съ нимъ изъ одной и той же чаши. Европейецъ посмотритъ съ удивленіемъ на подобное tête-à-tête, иной, пожалуй, съ удовольствіемъ, а житель Востока не удивитъ въ этомъ ничего необыкновеннаго. Князь—вѣдь гласитъ, по крайней мѣрѣ, мораль—смотря на обесѣдника, долженъ вспоминать о ничтожности своего земнаго величія и воздерживаться, слѣдовательно, отъ гордости, а дервишъ, съ своей стороны, видя,

что подъ пышными одеждами скрывается такой же смертный и, помня бренность человѣческую, долженъ смѣяться надъ призрачнымъ, обманчивымъ величіемъ земнымъ. Правила эти хорошо извѣстны и тому и другому, а потому и король и нищій, эти двѣ крайности, встрѣчаются другъ съ другомъ съ величайшею терпимостью и снисходительностію. Наединѣ, въ комнатѣ, дервишъ держитъ себя съ своимъ повелителемъ, какъ задушевный пріятель его; передъ народомъ же, при торжественномъ случаѣ, не забываетъ своего настоящаго мѣста—бѣднѣйшаго изъ бѣдныхъ. За то и знатный терпитъ отъ дервиша, что другому показалось бы невыносимымъ. Напримѣръ, въ Керки, во дворцѣ начальника провинціи помѣстился дервишъ, на котораго по предписанію ордена была возложена пріятнѣйшая обязанность съ заката солнечнаго до восхода неумолгаемо кричать и непремѣнно громко: «Я ху! Я хагъ! Ла иллахи иллаху *)!» Однообразный, заунывный крикъ начинался ежедневно съ наступленіемъ сумерокъ и, по мѣрѣ стиханія городского шума, разносился все громче и громче по окрестностямъ, не говоря уже о самомъ дворцѣ. Понятно, что эти возгласы многимъ мѣшали спать, но, несмотря даже на просьбы семейства своего, губернаторъ ничего не могъ сдѣлать и дервишъ продолжалъ кричать во все время пребыванія своего въ Керки. Такъ какъ я жилъ не вдалекѣ, то и мнѣ приходилось наслаждаться этимъ концертомъ; по го-

---

*) Да, это Онь! Онь—Справедливый! Нѣтъ другаго Бога, кромя Его!

лосу вдохновеннаго прикуна, постепенно ослабѣвавшему къ утру, я могъ узнавать о приближеніи разсвѣта, не выходя изъ своей темной кельи.

Впрочемъ, въ настоящее время трудно найдти дервиша въ полномъ значеніи этого слова, т. е. чело-вѣка по внутреннему убѣжденію отрѣкшагося отъ мірскихъ благъ и житейскихъ удовольствій—такого, какимъ описываютъ, напр., гениальнаго поэта Саади. Дервишами теперь по большей части дѣлаются зѣнтяи и записные нищія, которые подъ покровомъ бѣдности набираютъ капиталы и, разбогатѣвъ, пускаются въ торговыя предпріятія. Такъ бываетъ обыкновенно въ Персіи. Пока благопріятствуетъ фортуна, жизнь идетъ съ великолѣпіемъ и пышностью, доходящею до смѣшнаго, и о тлѣнности земной помина нѣтъ; но лишь несчастіе коснется такого чело-вѣка, онъ тотчасъ же принимаетъ на себя личину смиренія, съ презрѣніемъ осмѣиваетъ суетныя стремленія людскія и съ видомъ самодовольства воскликаетъ: «Менъ дервишъ емъ!» (Я дервишъ).

Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ первобытнѣе сохранились всѣ восточныя учрежденія, нравы и обычаи. Такъ и дервиши въ Персіи имѣютъ уже болѣе важное значеніе, чѣмъ въ Турціи; а въ Средней Азій, гдѣ вслѣдствіе многовѣковой разобщенности ея еще ничто не измѣнилось, они, являюся во всемъ блескѣ своего первоначальнаго установленія и оказываютъ громадное вліяніе на всѣ соціальныя отношенія. О кругѣ дѣйствія ишановъ (свѣтскаго духовенства) я неоднократно поминалъ уже въ моемъ «путешествіи». Вліяніе ихъ на ужасающей азіатскій произволь и на

тиранію можно назвать благодѣтельнымъ. Такъ какъ тамъ религія имѣетъ большое значеніе, то каждый стремится приобрести санъ ели-кераметъ (дѣлателя чудесъ), или, если это невозможно, званіе вели-улла (святой). Улемы, кичащіеся званіемъ объяснителей писанія, постоянно соперничаютъ съ ишанами, пользующимися бѣльшимъ уваженіемъ народа, благодаря таинственности, которою они облакаются. Среднеазіяца, какъ самаго дикаго сына Азіи, легче привлечь къ себѣ волшебными изрѣченіями и другой внѣшнею торжественною обрядностью, чѣмъ книгами; безъ муллы онъ легко можетъ обойтись, между тѣмъ какъ ишанъ ему необходимъ: фатиха (благословеніе) или дыханіе ишана составляетъ для него вѣрнѣйшій талисманъ и въ палаткѣ, и въ пустынѣ, и въ разбойничьемъ набѣгѣ, и когда онъ пасетъ свое стадо.

Послѣ ишановъ не менѣе интересное явленіе представляютъ странствующие, нищенствующие дервиши—калентеры *), извѣстные у киргизовъ и туркменовъ подъ именемъ гудушей или дивановъ (сумасшедшихъ). Только одни они, въ своихъ лохмотьяхъ, могутъ безпрепятственно бродить по необозримой пустынѣ отъ восточныхъ границъ Китая до Каспійскаго моря. Имъ нѣтъ никакого дѣла до различія племенъ, родовъ; могучій лозунгъ «яги, или иль?» (другъ или врагъ?) для нихъ не существуетъ, они на пути своемъ присоединяются къ первому встрѣ-

---

*) Калентеръ произошло отъ древнеперсидскаго келантеръ (старшій). Этимъ именемъ и теперь называютъ въ восточной Персіи деревенскихъ судей.

ному—будь это мирный караванъ, или дикая разбойничья шайка. Дервиши, бродящіе по киргизскимъ или туркменскимъ степямъ, принадлежать большою частію къ такимъ людямъ, которые, по особенной наклонности къ ничего-не-дѣланію, обращаются къ нищенскому ремеслу, считаемому во всей Азіи дѣломъ почтеннымъ. Отъ людей этихъ требуется только знаніе нѣсколькихъ молитвенныхъ изреченій и своего рода мимика, съ помощію которой выдѣлываются всѣ фокусы хиромантіи. Я ни разу не встрѣчалъ ни одного кочевника, который бы оставался равнодушнымъ при встрѣчѣ съ босоногимъ дервишемъ, косматымъ, съ непокрытою головою, подставляющимъ ему свою кешкуль *), насквозь пронизывающимъ своимъ огненнымъ взглядомъ простодушнаго сына пустыни и дико ревущимъ ему на встрѣчу свое «я ху!»

Прибытіе такого факира въ кочевье считается всегда праздникомъ, радостнымъ событіемъ; особенно важно оно въ глазахъ женщинъ и дѣвушекъ. Даже самый часъ прибытія его имѣетъ значеніе: если пришелъ онъ утромъ, это предвѣщаетъ благополучное рожденіе верблюда или лошади, если въ полдень—ссору мужа съ женой, а вечеромъ—отважнаго жениха взрослой дочери. Тотчасъ по приходѣ, дервишемъ овладѣваютъ по большей части всегда женщины; онѣ угощаютъ его всѣмъ, что есть у нихъ лучшаго, всѣ-

---

*) Кешкуль называется овальный сосудъ, сдѣланный изъ кокосовой скорлупы, неразлучный спутникъ всякаго дервиша. Въ него собираются подаванія пищею, жидкой и сухой, холодной и горячей, кислой и сладкой. Гастронома эта смѣсь не прельстила бы, но какъ впуска она казалась мнѣ послѣ длиннаго дневнаго перехода.

ми лакомыми кусочками, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ онъ вытащитъ изъ подъ своихъ лохмотьевъ стеклянную бусу, или иной желанный талисманъ. Подаянія получаетъ онъ не деньгами—это у номадовъ не въ обычаѣ—а натурою: ему даютъ старый войлочный коврикъ, нѣсколько пригоршней верблюжей шерсти, а иногда даже какую нибудь старую одежду. Дервишъ гоститъ по нѣскольку дней въ одной семьѣ, перекочевываетъ вмѣстѣ съ нею, и, несмотря на это, имъ никто не тяготится. Если онъ музыкантъ, т. е. знаетъ наизусть нѣсколько пѣсень и умѣетъ себѣ акомпанировать на дутарѣ (двуструнномъ инструментѣ), то его просто носятъ на рукахъ и въ такомъ случаѣ вырваться ему бываетъ довольно затруднительно.

Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы дервиша оскорбили или обидѣли; позволить себѣ это могутъ, какъ говорятъ, развѣ только одни туркмены, которые по своей безграничной алчности не знаютъ ничего святаго, способны на всякую жестокость, которую только можно себѣ вообразить. Одинъ черноволосый, здоровенный дервишъ изъ Бухары, котораго я встрѣтилъ въ Маймене, рассказывалъ мнѣ, какъ взялъ его въ плѣнъ какой-то текке-туркмень, соблазнившійся 30 дукатами, которые онъ, судя по сложенію плѣнника, надѣялся выручить, продавъ его въ неволю. «Я велъ себя», продолжалъ рассказчикъ, «какъ будто дѣло вовсе до меня не касалось и продолжалъ подъ звукъ цѣпей свои обычные сикры и молитвы. Приближалось уже время вести меня на рынокъ, какъ вдругъ захворала жена моего разбойника; это помѣ-

шало намъ отправиться. Въ болѣзни жены онъ увидѣлъ персть Божій и началъ уже призадумываться, а тутъ захворала еще любимая его лошадь и перестала даже кормъ брать». Этого было довольно. Испуганный туркмень тотчасъ же расковалъ своего плѣнника, отдалъ ему отнятыя у него вещи и просилъ какъ можно скорѣе оставить его палатку.

Пока туркмень съ нетерпѣніемъ ожидалъ ухода своего зловѣщаго гостя, тотъ, перебирая свою сумку, замѣтилъ, что въ ней не доставало гребня, того самого гребня, который онъ получилъ отъ своего пра въ видѣ талисмана на дорогу, и безъ котораго онъ шагу сдѣлать будто бы не могъ. Смущенный туркмень бросился съ быстротою стрѣлы къ тому мѣсту, гдѣ лежали вещи дервиша, но послѣ долгихъ поисковъ ничего не нашель; въ большомъ страхѣ началъ онъ именемъ Божиимъ просить дервиша отойти хоть на одинъ шагъ отъ палатки, за что обѣщаль дать ему столько денегъ, сколько стоятъ двадцать гребней. Хитрый бухарець, видя, что фонды его поднялись, принялъ видъ, что ничто не могло его утѣшить, и увѣрялъ, что принужденъ теперь остаться въ палаткѣ на цѣлый годъ.

Можно себѣ представить въ какое отчаяніе это привело суевѣрнаго бандита! Какъ сумасшедшій, онъ бросился къ сосѣдямъ за совѣтомъ. Вступили съ дервишемъ въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что дервишъ получилъ за свой гребень, который, мимоходомъ сказать, былъ у него въ карманѣ, лошадь, одежду и десять дукатовъ наличными деньгами и распрощался съ палаткою. Полагать надо, что

туркмень этотъ не скоро опять рѣшится напасть на странствующаго дервиша.

Что касается до хитрости, знанія всякихъ волшебствъ и заклинаній, то этимъ отличаются на всемъ востокѣ индійскіе дервиши, преимущественно же кашмирскіе. Люди эти безсовѣстно пользуются легковѣріемъ народа въ Персїи и Средней Азїи; по временамъ, и умные, образованные люди попадаютъ въ ихъ сѣти. Куда бы ни пришелъ такой кашмирецъ — а у нихъ по большей части очень внушительная осанка, черные огненные глаза, длинные развѣвающиеся волоса, выразительныя черты лица — онъ впередъ увѣренъ уже въ побѣдѣ. Магометане Индїи и сосѣднихъ къ востоку странъ искони знамениты во всемъ магометанскомъ мїрѣ своими волшебствами. За исцѣленіемъ болѣзней, изгнаніемъ духовъ, отыскиваніемъ кладовъ всегда обращаются къ одному изъ такихъ захожихъ святыхъ, которые, не смотря на то, что искусство ихъ считается запрещеннымъ по законамъ Ислама, являются вездѣ, какъ самые ревностные магометане. Графъ Гобино въ своей книгѣ «Trois ans dans l'Asie», рассказываетъ про одну отличную штуку, которую сыгралъ одинъ алхимикъ изъ Кашмира съ какимъ-то златолюбивымъ принцемъ въ Тегеранѣ. Подобная же потѣшная исторія случилась и съ братомъ нынѣшняго хивинскаго хана, желавшимъ превратить всю свою конскую збрую въ золото. Но кашмирцы не ограничиваются подобными обманами и часто бываютъ на столько безсовѣстны, что выманиваютъ послѣднюю копейку у бѣдняка. Въ Тегеранѣ мнѣ со слезами раз-

сказывалъ одинъ хаджи, недавно возвратившійся изъ Средней Азій, слѣдующую исторію: «Такъ какъ въ Мешхедѣ много говорили о частыхъ разбояхъ по дорогѣ къ Тегерану, то я и товарищъ мой сильно были озабочены, куда бы лучше спрятать нашъ небольшой капиталецъ, который мы въ теченіе пяти лѣтъ собирали на путешествіе ко гробу пророка, ибо, ты знаешь, въ Персію, эту еретическую страну, безъ денегъ идти невозможно. О затрудненіи нашемъ мы сообщили одному ишану изъ Кашмира, жившему рядомъ съ нами въ каравансараѣ, и были весьма обрадованы, когда онъ предложилъ намъ молитвеннымъ заговоромъ обезопасить наши деньги отъ разбойничьихъ рукъ. Пригласивъ насъ въ мечеть Имамъ-Ризасъ, онъ приказалъ намъ сначала совершить омовеніе, потомъ положить деньги на его колѣна, затѣмъ подулъ на нихъ нѣсколько разъ, собственными руками положилъ ихъ снова въ наши кошельки и, завернувъ въ семь бумажекъ, строго приказалъ не развертывать ихъ, пока мы не придемъ въ Тегеранъ и не совершимъ троекратной молитвы въ мечети. Уже шесть недѣль какъ мы вышли изъ Мешхеда. Представь же, каковъ былъ нашъ ужасъ, когда мы вчера, послѣ третьей молитвы, раскрывъ кошельки, нашли въ нихъ вмѣсто дорогихъ нашихъ дукатовъ какой-то красноватый тяжелый песокъ—и только». Бѣдняки сопровождали рассказъ душераздирающими воплями и, казалось, съ ума сходили отъ горя. Они по простотѣ своей не замѣтили какъ продувной кашмирецъ во время самаго благословенія подмѣнилъ ихъ деньги; пропутешествовавъ въ полной увѣ-

ренности, что дукаты ихъ будутъ цѣлы, они дорого заплатились за эту увѣренность.

Къ дервишамъ близко подходятъ тѣ святоши, которые, прикрываясь священнымъ долгомъ, предаются своей страсти къ путешествіямъ и проходятъ страны и цѣлыя части свѣта, чтобы, возвратясь домой, приобрести титулъ хаджи-поклонниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ почетъ и положеніе въ обществѣ. Въ Коранѣ сказано: «Ходите на поклоненіе къ моему дому (Кааба), если обстоятельства позволяютъ вамъ». Толкователи закона подводятъ эти обстоятельства подъ семь условій: 1) достаточныя денежные средства для путешествія; 2) тѣлесное здоровье; 3) быть не женатому; 4) не оставлять дома долговъ; 5) отправляться въ мирное время, 6) по сушѣ и не подвергаясь опасностямъ; 7) быть совершеннолѣтнимъ, т. е. имѣть болѣе 15 лѣтъ. Кто имѣетъ хотя приблизительное понятіе о странахъ, лежащихъ между Оксусомъ и Яксартомъ, тотъ легко пойметъ, что добрые татары вовсе не заботятся о соблюденіи этихъ условій. Въ Персіи только тогда ходятъ на поклоненіе въ Кербелу, Мешхедъ или Мекку, когда есть достаточно денегъ для того, чтобы путешествіе не лишено было удобствъ; въ Средней жѣ Азіи, напротивъ, на богомолье ходятъ только самые бѣднѣйшіе люди—на такое дальнее и опасное путешествіе съ дальняго востока ко гробу своего пророка побуждаетъ среднеазіятца только особая склонность къ приключеніямъ, къ которой примѣшивается малая доля религіознаго рвенія. Правда, матеріальнаго убытка они понести не могутъ, ибо страннической посохъ—

весь ихъ капиталъ, но за то часто они рискуютъ самымъ дорогимъ — своею жизнью, ибо изъ туркестанскихъ богомольцевъ ежегодно, по крайней мѣрѣ одна треть падаетъ жертвою тяжелыхъ климатическихъ условій.

Страсть къ путешествіямъ, съ святою ли, мірскою ли цѣлью, при сознаніи всѣхъ опасностей; рѣшимость погннуть семью, родныхъ, соотчичей и идти въ невѣдомую далекую страну—это-то все и сообщаетъ личности хаджи какое-то романтическое обаяніе. Цѣлыя недѣли прожилъ я уже съ своими товарищами, а все-таки постоянно меня поражалъ бодрый видъ, съ какимъ они шли по глубокимъ пескамъ и по болотамъ, опираясь на свой пальмовый посохъ—священное воспоминаніе Аравіи. Они уже возвращались домой; но сколько хаджи я видѣлъ, которые еще были только въ началѣ своего долгаго пути и шли съ не меньшею бодростью! На пути изъ Самарканда къ Тегерану со мною вмѣстѣ шель одинъ китайскій татаринъ, который былъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно отдаленности той страны, куда онъ шель; когда мы еще недалеко отошли отъ Мешхеда, онъ каждый вечеръ спрашивалъ меня: «завтра или послѣзавтра мы придемъ въ Мекку»? Бѣднякъ и не догадывался, сколько ему придется еще проработать, прежде чѣмъ онъ достигнетъ цѣли! Впрочемъ, это не должно насъ удивлять, ибо во время крестовыхъ походовъ многіе благородные тевтонцы, пустившись на защиту святой земли и пройдя лишь нѣсколько дней, уже искали на горизонтѣ башни іерусалимскія.

Благочестивые татары слѣдуютъ въ Аравію обыкновенно по одному изъ слѣдующихъ четырехъ путей: 1) на Яркендъ, Киліанъ *), Тибетъ и Кашмиръ; 2) черезъ южную Сибирь, Казань и Константинополь, 3) черезъ Афганистанъ, Индію, на Джедду; 4) черезъ Персію, Багдадъ и Дамаскъ.

Изъ всѣхъ четырехъ путей ни одинъ не удобенъ, а большее или меньшее количество опасностей на томъ или другомъ зависитъ отъ времени года и политическихъ обстоятельствъ. Путешественники собираются обыкновенно небольшими иногда и большими обществами, изъ среды себя выбираютъ начальника—чауша; онъ въ то же время долженъ быть и имамомъ и пользоваться нѣкоторою властью. Главную цѣль богомолья составляетъ не кааба и не гробъ Магомета (къ которымъ отправиться можно во всякое время), а гора Арафатъ, на которую восхождение совершается только разъ въ годъ, въ день малаго байрама (10-го дзу'л-гедше); тамъ происходитъ представленіе въ лицахъ жертвоприношенія Авраама. Все это и составляетъ собственно хаджъ, и настоящими хаджи называются только участвовавшіе въ этомъ торжествѣ, т. е. присоединявшіе свои голоса къ возгласамъ: «Лебейъ-аллахумъ!» (повели, о Боже!) въ воспоминаніе о примѣрной покорности Авраама. Эти восклицанія составляютъ торжественнѣйшій моментъ для богомольца и, какъ кажется, производятъ на него самое сильное впечатлѣніе: мои

---

*) Отъ Яркенда до Киліана (Керіа?), лежащаго на границѣ, — 3 дня; отсюда черезъ Тагарму, Кадунъ, до Тибета — 20 дней; отъ Тибета до Кашмира — 15 дней.

спутники всегда вспоминали о нихъ въ минуты воодушевленія и веселаго настроенія духа, и крикъ: «лебейкъ»! — воспоминаніе о каменистой Аравіи, — часто нарушалъ безмолвіе татарскихъ пустынь.

Если и надрывается сердце у хаджи при разставаніи его съ домашнимъ очагомъ, — да и можетъ ли быть оно иначе, когда пускаешься въ такой дальній, опасный путь, — за то какъ безгранична радость, которая встрѣчаетъ его по возвращеніи домой! Извѣщенные о его прибытіи родственники спѣшатъ ему на встрѣчу на нѣсколько дней пути; онъ вступаетъ въ родной городъ среди радостныхъ слезъ и пѣнія гимновъ; всѣ спѣшатъ его обнять, прикоснуться къ нему, потому что онъ не отряхнулъ еще праха Мекки и Медины съ своей одежды, потому что отъ него вѣетъ еще ароматами священнаго мѣста! Въ Средней Азійи хаджи пользуется несравненно большимъ почетомъ, чѣмъ въ остальныхъ магометанскихъ странахъ, и вполне вознаграждается за понесенные труды. Сильный уваженіемъ и поддержкой общества, онъ болѣе всякаго другого защищенъ отъ произвола и тираніи; приобрѣтенный имъ титулъ — дворянскую грамоту свою, при жизни онъ носитъ на печати, а по смерти имъ украшается могила хаджи.

Хотя религія и запрещаетъ заниматься торговлею во время богомолья (*Hem Ziaret hem tidscharet*), тѣмъ не менѣе хаджи (разумеется, исключая тѣхъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ посоха) не считаютъ великимъ грѣхомъ переправить съ собою кой-какія мелочи изъ дальняго Туркестана своимъ аравійскимъ единовѣрцамъ. А это дѣло выгодное, вопервыхъ

потому, что произведенія благородной Бухары и другихъ священныхъ мѣстъ Средней Азіи высоко цѣнятся, во вторыхъ потому, что желаніе оказать благодѣяніе хаджи заставляетъ платить ему за все вдвое.

Мелочной этотъ торгъ ведется по всему протяженію отъ восточной окраины магометанской Азіи до Стамбульскаго конца Галатскаго моста, гдѣ вы очень часто встрѣтите татарина и непременно замѣтите его, не смотря на извѣстную всему свѣту пестроту тамошней толпы, потому что черты его лица также не похожи на окружающихъ, какъ не похожи краски дешево продаваемаго имъ тонкаго шелковаго платка на краски остальныхъ платковъ. Щеголихи рѣдко покупаютъ что-нибудь у такого татарина; за то вы часто можете видѣть какую-нибудь почтенную матрону, которая, заплативъ изъ благочестія хорошую цѣну, крѣпко прижимаетъ купленный платокъ ко лбу, къ лицу, и отходить отъ торговца, громко бормоча обычный «аллахумъ селла!»

Удачный сбытъ вывезенныхъ товаровъ поощряетъ естественно къ ввозу, и поэтому ни одинъ хаджи не уходитъ изъ святыхъ мѣстъ, не сдѣлавъ маленькихъ закупокъ для родины. Въ Меккѣ и Мединѣ онъ покупаетъ благовонія, финики, четки, гребни и, главнымъ образомъ, цемцемскую воду *); въ Ямбу и

---

*) Цемцемъ—названіе находящагося на пути, весьма почитаемаго колодца. Вода его, о чудодѣйственной силѣ которой ходитъ много разсказовъ, разносится въ маленькихъ сосудахъ по всѣмъ магометанскимъ странамъ, ибо одной капли ея, принятой передъ смертью, довольно, чтобы на 500 лѣтъ сократить адскія мученія. Происхожденіе колодца приписываютъ Измаилу, брошенному Агарью: маленькою ножкою своею онъ ударилъ въ землю и изъ нея истекла вода.

Джеддѣ—европейскіе галантерейные товары. Но такъ какъ у невѣрныхъ френговъ ничего хорошаго быть не можетъ, то товары эти называются мали-истамбуль (стамбульскими товарами); состоятъ они изъ перочинныхъ ножей, ножницъ, иглобъ, наперстковъ и т. п.

Алеппо и Дамаскъ славятся лучшимъ мисвакомъ—волокнуистымъ корнемъ, зубную щетку изъ котораго вы найдете у каждаго благочестиваго магометанина. Въ Багдадѣ покупаютъ хирку изъ верблюжьей шерсти, ибо здѣсь это платье (его носилъ, какъ увѣряютъ, самъ пророкъ, не надѣвая подъ него рубашки) дѣлается лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Наконецъ, изъ Персіи хаджи берутъ съ собою нѣсколько сухихъ чернилъ и тростниковыя перья.

Всѣ поименованные товары чрезвычайно рѣдки въ Средней Азіи и оплачиваются весьма хорошо, частію вслѣдствіе религіознаго чувства и частію вслѣдствіе крайней въ нихъ необходимости. Вообще караваны хаджей, разумѣется благонадежныя, лучшіе спутники не только по Средней Азіи, но почти по всему востоку, если только ничѣмъ не будешь выдѣляться изъ нихъ. На счетъ всего, что можетъ понадобится въ дорогѣ, хаджи всегда снабженъ лучше другихъ; меня постоянно изумляло, что у много, имѣющаго въ своемъ распоряженіи одного какого-нибудь несчастнаго ослика, по прибытіи на стоянку оказывался и коверъ и вся посуда для чая *) и другая по-

---

*) По предписанію корана чайджушъ—кружкообразный мѣдный сосудъ, есть непремѣнный спутникъ каждаго путешествующаго татарина. Самый бѣдный нищій носитъ такой сосудъ, призвавъ его за ручку къ поясу.

суда для пилава. Никто лучше хаджи не съумѣетъ вести себя при столкновеніяхъ на пути съ разнообразнѣйшими элементами: съ кочевниками, и съ осѣдлыми, и съ правовѣрными, и съ невѣрными. Изъ хаджи можно все сдѣлать, ибо онъ до мозгу костей проникнуть принципомъ «*Si fueris Romae*». Печальный и угрюмый по наружности, онъ рѣдко бываетъ таковъ на самомъ дѣлѣ, въ пути же онъ особенно веселъ; въ хорошемъ расположеніи духа эти святые и дѣлатели чудесъ не прочь отъ мірской шутки, причемъ ихъ въ иное время серьезныя фізіономіи дѣлаются такъ комичны, что я не рѣдко, благодаря имъ, забывалъ самыя горестныя передряги.

II.

Мое инкогнито.

Вечеромъ 27 марта 1863 года благородный мой покровитель, турецкій посланникъ въ Тегеранъ давалъ мнѣ прощальный пиръ. Бывшіе на немъ, желая меня застрашать и заставить отказаться отъ задуманнаго мною предпріятія, говорили мнѣ, что я въ этотъ вечеръ въ послѣдній разъ въ своей жизни наслаждаюсь европейскою пищею на европейскій манеръ. Красивая столовая посольскаго дома сіяла огнями, на столѣ стояли отличнѣйшія яства, были поданы лучшія вина — все было разсчитано на то, чтобы мнѣ на моемъ многотрудномъ пути было чѣмъ вспомнить о европейскомъ комфортѣ. Друзья всматривались въ мое лице, думая найти на немъ слѣды внутренней тревоги, но они сильно ошиблись: я въ полномъ довольствіи сидѣлъ, погрузясь въ мягкое бархатное кресло, а лицо мое, благодаря винамъ далекой земли Франковъ, приняло почти одинъ цвѣтъ съ бывшею на головѣ феской. Благочестивый дровишъ и.... вино — какое странное сопоставленіе! Впрочемъ въ тотъ вечеръ можно было порядкомъ

погрѣшить, потому что впереди предстояло долгое покаяніе.

Двадцать четыре часа спустя, т. е., 28 марта вечеромъ я былъ уже на дорогѣ въ Сари и сидѣлъ въ полуразвалившейся глиняной мазанкѣ среди нищенствующихъ моихъ спутниковъ. Дождь лилъ ручьями сквозь крышу. Промокши уже порядочно въ теченіе дневнаго перехода, всякій изъ насъ жался въ уголокъ хижины, остававшейся сухимъ; но такъ какъ мѣстечко это было очень невелико, то мнѣ пришлось съ перваго же дня войти въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ товарищами моего путешествія. Лохмотья, составлявшія ихъ одежду, и въ сухомъ видѣ не отличавшіяся особеннымъ благоуханіемъ, теперь, размокши, испускали немовѣрные испаренія, такъ что не удивительно, что я не имѣлъ ни малѣйшей охоты присосѣдиться къ большому деревянному блюду, изъ котораго проголодавшіеся хаджи руками таскали свой ужинъ. Впрочемъ меня мучилъ не столько голодъ, сколько усталость и непривычка носить мокрую, изодранную одежду. Свернувшись клубкомъ, я попробовалъ было заснуть, но и это оказалось невозможнымъ: одинъ изъ спящихъ клалъ на меня свою голову, другой — руку, а *vis-à-vis* мой, вытягивая ногу, попадалъ мнѣ ею прямо въ лицо. Я переносилъ все съ терпѣніемъ Іова и вѣроятно ухитрился бы заснуть, еслибы къ этимъ неприятностямъ не прибавилось еще оглушительное храпѣніе лежащихъ вокругъ меня и стоны несчастнаго персіянина, погонщика муловъ, страдавшаго ломотою въ бостяхъ.

Видя, что всё усилія мои бесполезны, я всталъ и уѣлся посреди этой безпорядочно наваленной кучи спящихъ. Дождь не переставалъ. Вглядываясь въ окружавшую меня темноту, я вспомнилъ о томъ, что было сутки тому назадъ, о великолѣпномъ пирѣ въ роскошномъ домѣ турецкаго посольства, и показалось мнѣ, что все происходившее вокругъ меня было ничто иное, какъ сцены изъ пьесы «король и нищій», въ которой я игралъ главную роль. Впрочемъ горечь настоящаго положенія чувствовалась не очень сильно, потому что я самъ добровольно избралъ эту участь и самъ былъ причиною внезапнаго превращенія. Чтобы превозмочь себя и войти совершенно въ роль, достаточно было нѣсколькихъ дней, а послѣ этого ничего уже не стоило освоиться со всѣми атрибутами жизни дервишей—грязью и тому подобнымъ. Лучшее мое платье, взятое мною изъ Тегерана, я отдалъ одному слабому, болѣзненному хаджи и этимъ приобрѣлъ себѣ общее расположеніе. Мой же нарядъ состоялъ изъ войлочной куртки, надѣтой прямо на тѣло безъ рубашки, и изъ джуббы (верхней одежды) *), состоявшей изъ безчисленнаго множества заплатъ и перехваченной вмѣсто пояса

---

*) Одежда эта называется хиркаи-дервишапъ (плащъ дервиша) и носится даже самыми зажиточными дервишами поверхъ ихъ хорошей одежды. Плащъ этотъ служитъ символомъ бѣдности и состоитъ изъ безчисленнаго множества лоскутковъ, часто даже новой матеріи, сшитыхъ вмѣстѣ. Нижній край его дѣлается неровнымъ, точно оборванымъ; верхняя покрывка сшивается грубыми нитками и большими стежками, а подкладка въ тоже время дѣлается изъ шелковой или другой цѣнной матеріи. Дальше идти въ лицемѣрніи невозможно. Вѣроятно мудрецы востока задолго до римлянъ еще знали, что *mundus vult decipi—ergo decipiatur*.

веревкою. Ноги я себѣ обернулъ тряпками, на голову надѣлъ огромнѣйшую чалму, исполнявшую мнѣ днемъ должность зонтика, ночью — должность подушки; а на груди моей, какъ у всѣхъ хаджи, висѣлъ въ видѣ патронташа мѣшечекъ съ довольно объемистымъ кораномъ. Увидя себя въ полной формѣ, я могъ съ гордостью воскликнуть: «Да, я рожденъ быть нищимъ!»

Съ внѣшней, матеріальной стороною моего инкогнито я легко покончилъ, но моральная сторона дала мнѣ больше труда, чѣмъ я предполагалъ. Я имѣлъ случай изучать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отличія азійтской жизни отъ западной; настоящее мое критическое положеніе заставляло меня постоянно быть насторожѣ, и, не смотря на все это, я не могъ избѣгнуть многихъ довольно грубыхъ ошибокъ. Наше западное общество отличается отъ восточнаго не только языкомъ, чертами лица и платьемъ, но мы, европейцы, ѣдимъ, пьемъ, сидимъ, стоимъ, даже смѣемся, плачемъ, вздыхаемъ, киваемъ — все дѣлаемъ не такъ, какъ жители востока. Эти, повидимому, мелочи, на самомъ дѣлѣ очень тяжелы и — все-таки онѣ были ничто въ сравненіи съ тою нравственною работою, которая нужна для того, чтобы постоянно стараться скрывать свои чувства. Въ путешествіи человѣкъ находится въ болѣе возбужденномъ, напряженномъ состояніи, чѣмъ въ обыкновенной жизни, поэтому невозможно передать, какія нужны усилія, чтобы удерживать передъ вялымъ, вѣчно ко всему равнодушнымъ жителемъ востока свое любопытство, удивленіе и

другія волнующія путника чувства. Кромѣ того, моя личность имѣла интересъ для моихъ спутниковъ только въ первыя минуты нашего знакомства, а ихъ личности, напротивъ, служили для меня постояннымъ предметомъ изученія, и ни одному изъ нихъ конечно въ голову никогда не пришло, что даже въ самыя счастливыя минуты, когда мы дружески болтали и шутили, я былъ занятъ двойною работой: поддерживалъ бесѣду и въ то же время изучалъ бесѣдующихъ.

Только на практикѣ знающій восточную жизнь можетъ понять, какъ много труда мнѣ стоило въ началѣ приладиться къ новому быту. Конечно въ четырехлѣтнее мое пребываніе въ Константинополѣ я многому научился, но тамъ я игралъ просто роль дилетанта, а здѣсь ни на волосокъ нельзя было отступать отъ дѣйствительности. Да, я не скрою, что въ первые дни борьба была хоть и не продолжительна, но за то сильна; раскаяніе, угрызенія совѣсти терзали душу при всякомъ встрѣчаемомъ затрудненіи, но, по счастью, тщеславіе не дало духу пасть въ борьбѣ и, вспомоествуемое здоровымъ моимъ организмомъ, помогло все побѣдить, все перенести.

И теперь еще воспоминанія о трудностяхъ первыхъ дней моего путешествія заставляютъ меня невольно содрогаться. Много пришлось мнѣ перетерпѣть отъ сырости, холода, нечистоты, отъ которой волосъ дыбомъ становится, отъ вѣчной возни съ мучителями фанатиками шінтами во время нашего долгаго, скучнаго перехода черезъ Мазендранъ, исторически извѣстный своими отвратительными дорогами. Часто

дождь шелъ съутра до вечера, и я, измокши до послѣдней нитки, долженъ былъ еще въ продолженіи цѣлыхъ часовъ идти по колѣно въ грязи. Узкая горная тропинка, порядкомъ выбитая путниками въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, во многихъ мѣстахъ походила на ручей грязи, по дну котораго торчали острые обломки скаль. Въ сѣдлѣ усидѣть не было никакой возможности, поэтому во избѣжаніе опасности нужно было идти пѣшкомъ, ногой изслѣдуя дно; оттого мы подвигались впередъ весьма медленно. Понятно, что послѣ такого перехода, мы, вечеромъ, придя на привалъ, бывали страшнымъ образомъ утомлены и измучены. Глаза томительно смотрѣли вокругъ, ища кровли и огня. Того и другаго въ Мазендранѣ много, но мы — нищие сунниты — покоя ради предпочитали останавливаться на ночь вдали отъ жилья шитовъ. По приходѣ на стоянку прежде всего мы раскладывали огонь, чтобы высушиться, но старшіе годами изъ моихъ татарскихъ спутниковъ находили, что этотъ способъ вреденъ для здоровья и предпочитали ему другой, безспорно весьма оригинальный. Извѣстно, что на востокѣ лошадиный пометъ высушивается, толчется и употребляется ночью вмѣсто соломы на подстилку лошадямъ, днемъ же онъ лежитъ разсыпаннымъ или сгребеннымъ въ конусообразныя кучи. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что мои товарищи раздѣвались до нага и зарывались по шею въ этотъ *poudre de santé*. Я думаю, излишне говорить, что прикосновеніе къ тѣлу этого, какъ извѣстно, довольно ѣдкаго порошка не особенно пріятно, — впрочемъ только въ первые четверть

часа; за то, какъ я въ послѣдствіи лично убѣдился, эта непривлекательная для европейскаго глаза постель доставляетъ сладкій, освѣжающій сонъ.

Да, но при всемъ томъ я былъ бы въ высшей степени доволенъ, если бы судьба, кромѣ трудностей, общихъ всѣмъ путникамъ, не отпустила на мою долю еще особой порціи ихъ. Какъ чужестранецъ, пришлецъ, я долженъ былъ выказывать ко всѣмъ почтительность, даже покорность и стараться предупредительностью и мелкими услугами приобрести любовь, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ. Сначала многіе отклоняли мои услуги, ибо привыкли считать меня за ефенди и боялись оскорбить, но я, не смотря на это, продолжалъ стараться быть всѣмъ полезнымъ. Кромѣ мелкихъ услугъ во время самаго пути, я по приходѣ на стоянку помогалъ то тому, то другому въ приготовленіи чая, въ печеніи хлѣба, въ уборкѣ животныхъ, въ нагрузкѣ, разгрузкѣ и т. п. Иные отвѣчали мнѣ тѣмъ же, другіе, давно позабывъ, что я ефенди, сами требовали услугъ и принимали ихъ безъ малѣйшей церемоніи. Я отъ души смѣялся, какъ разъ одинъ хаджи изъ Коканда передалъ мнѣ свою рубашку, чтобъ я изгналъ изъ нея непрошенныхъ гостей; самъ онъ занятъ былъ тою же работою, только надъ другою частію своего туалета.

Само собой разумѣется, что такимъ путемъ согласіе между мной и остальнымъ обществомъ должно было все болѣе и болѣе увеличиваться и что, по мѣрѣ того, какъ я забывалъ прошлое и сживался съ настоящимъ, должна была уменьшаться стѣна, раздѣлявшая меня отъ остальныхъ хаджи. Общество

повсюду и всегда оказываетъ громадное вліяніе на личность: оно, такъ-сказать, амальгамируетъ всё разнородные элементы, и я, проживъ мѣсяць дервишемъ, сталъ находить все сноснымъ и естественнымъ. Новизна окружавшей меня жизни отогнала на дальній планъ воспоминанія о Тегеранѣ, Стамбулѣ, Европѣ, а постоянное нравственное напряженіе создало во мнѣ какое-то необыкновенное состояніе духа, впрочемъ не непріятное.

Было одно только чувство, съ которымъ я не такъ-то легко могъ сжиться, именно: страхъ быть узненнымъ, или, лучше сказать, боязнь тѣхъ послѣдствій, которыя бы это за собой повлекло, — той мучительной смерти, которую татарская жестокость и глубоко оскорбленный фанатизмъ изобрѣли бы для меня. Въ первые же дни моего пребыванія между туркменами я уже ясно видѣлъ какую опасную игру я вель, принявъ такое инкогнито и, не будь я твердо убѣжденъ въ непоколебимой вѣрности моихъ спутниковъ, не имѣй я вѣры въ достаточность собственной подготовки, страхъ мученической смерти ни на минуту не покидалъ бы меня — какъ ужасное привидѣніе онъ не отступно слѣдовалъ бы за мною по пятамъ. Въ продолженіе большей части дня общество, занятія и разныя приключенія развлекали меня и спасали отъ страха, но вечеромъ, когда все стихало вокругъ меня и я погружался въ раздумье, сидя уединенно гдѣ нибудь въ углу палатки, или въ голой пустынѣ, тогда этотъ странный призракъ вставалъ передо мною во всемъ своемъ величіи. Напрасно старался я вызвать въ себѣ веселое настро-

ніе духа, побѣдить страхъ разсудкомъ, — призракъ по прежнему стоялъ передо мною. Какъ мучилъ онъ меня даже въ то время, когда я искалъ успокоенія въ созерцаніи красотъ природы или въ изученіи окружающихъ меня людей. Послѣ продолжительной борьбы я вышелъ наконецъ побѣдителемъ, но и до сихъ поръ краснѣю при воспоминаніи о ней. Удивительно, какихъ усилій стоитъ сжиться съ мыслью о грозящей опасности, сколько надо употребить труда, чтобы спокойно смотрѣть на то, что надежда на дальнѣйшее существованіе покоится на весьма шаткомъ основаніи.

Что я былъ остороженъ, чрезвычайно остороженъ въ началѣ, никто, разумѣется, мнѣ этого въ ошибку не поставитъ; но долженъ сознаться, что я доводилъ осторожность до крайности, даже до смѣшнаго. Зная, на примѣръ, за собою привычку размахивать руками при разговорѣ (что на востокѣ не дозволяется), я, изъ боязни выдать себя, прибѣгъ къ насильственнымъ мѣрамъ, т. е., подвязалъ себѣ руку, сказавъ всѣмъ, что она у меня болитъ, — и рука скоро отвыкла отъ произвольныхъ движеній. Я остерегался съѣсть что нибудь лишнее на ночь, боясь, что обремененный желудокъ нагонитъ тяжелые сны, и что я во снѣ заговорю, пожалуй, на какомъ нибудь европейскомъ языкѣ. Теперь я смѣюсь надъ этимъ малодушіемъ: вѣдь долженъ бы я былъ сообразить, что татары, не зная ни одного европейскаго языка, не могли бы ничего понять, но въ то время мнѣ приходили только на умъ слова одного изъ моихъ спутниковъ, который однажды утромъ пренаивно замѣтилъ мнѣ, что я храплю совсѣмъ не такъ,

какъ храпятъ жители Туркестана, на что ему кто-то поучительно замѣтилъ: «да, такъ храпятъ въ Константинополь».

Если я боялся промахнуться при людяхъ, такъ по крайней мѣрѣ хоть на одинъ-то могъ бы дать себѣ болѣе свободы. Не тутъ-то было! Я и наединѣ былъ рабомъ осторожности. Не удивительно ли, или скорѣе не смѣшно ли, что я ночью, среди необозримой пустыни, вдали отъ каравана, не могъ съѣсть куска черстваго хлѣба; смѣшаннаго съ золою и пескомъ, выпить глотка вонючей воды, не сопровождая всего этого обычнымъ магометанскимъ молитвеннымъ возгласомъ!

Должно бы было придти мнѣ въ голову, что меня никто не видитъ, что всѣ спятъ... Нѣтъ! Отдаленные песчаные холмы казались мнѣ шпионами, подслушивавшими скажу ли я: «бисмаллахъ», переломлю я хлѣбъ, какъ того требуетъ магометанскій уставъ. Такъ, разъ въ Хивѣ лежалъ я одинъ одинешенекъ, запершись въ своей темной кельѣ и, услышавъ зовъ на молитву, быстро вскочилъ съ постели и принялся за чтеніе тринадцати рикаатъ. На шестомъ или на седьмомъ захотѣлось мнѣ покончить чтеніе, такъ какъ мнѣ пришло въ голову, что я далеко запрятался— такъ нѣтъ же, мнѣ тотчасъ же представилось, что чей нибудь глазъ могъ подсматривать за мною сквозь щель въ двери, и я опять усердно принялся за прерванное, противное занятіе.

Только время, одно всеисцѣляющее время могло помочь моей бѣдѣ. Да, хотя нравственныя страданія труднѣе было побѣдить, чѣмъ физическія, но и они

не устояли: послѣ четырехмѣсячной борьбы душа закалилась и также привыкла къ страху смерти, какъ тѣло привыкло къ грязи и нечистотѣ. Наступило время душевнаго спокойствія, давшего мнѣ, наконецъ, возможность наслаждаться всѣми прелестями моего путешествія. Безграничная свобода нашей бродячей жизни, величайшая безопасность относительно одежды и пищи (ибо дервишу дарятъ то и другое), нравственная сила дервиша надъ толпою—все это безконечно мнѣ нравилось, и поэтому неудивительно, что я умѣлъ при всякомъ удобномъ случаѣ пользоваться выгодами моего положенія. Товарищи мои признавали во мнѣ замѣчательный талантъ для дервишеской жизни и поэтому всякій разъ, когда приходилось собирать подающія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было рассчитывать на щедрость жителей, это дѣло всегда поручалось мнѣ. Разъ я даже блистательнѣйшимъ образомъ оправдалъ возложенное на меня такимъ образомъ довѣріе. Это было въ кочевьѣ чаудоръ-туркменовъ, самыхъ дикихъ изъ всѣхъ кочевниковъ, людей извѣстныхъ своимъ безбожіемъ; хаджи, ишаны и дервиши никогда не заходятъ въ ихъ палатки. Несмотря на это, я отправился къ нимъ въ сопровожденіи троихъ своихъ товарищей, считавшихся лучшими пѣвцами, не забывъ также захватить съ собою достаточное количество священнаго праха, цемцемской воды, зубочистокъ, гребней и другихъ вещей, приносимыхъ обыкновенно богомольцами. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ меня дѣйствительно приняли довольно холодно, но гдѣ же дикому сыну пустыни, будь онъ еще вдвое болѣе дикъ, устоять про-

тивъ искусныхъ маневровъ дервиша! Я не только былъ щедро одаренъ молокомъ, масломъ, сыромъ, войлоками, но мнѣ удалось даже добиться того, что одинъ изъ кочевниковъ нагрузилъ все это на своего осла и доставилъ къ нашему изумленному каравану.

Успѣхъ придаетъ смѣлость, поэтому неудивительно, что я послѣ нѣсколькихъ удачныхъ опытовъ сталъ такъ себя держать, что иные, пожалуй, увидѣли бы въ поведеніи моемъ даже извѣстную долю безстыдства. Положимъ, что я и былъ нѣсколько безстыжъ, но могъ ли я иначе поступать? Можетъ ли европеецъ представить себѣ, чего стоитъ переодѣтому френги, этому пугалу востока, стоять передъ такимъ тираномъ, каковъ хивинскій ханъ, и, вдобавокъ еще, давать ему свое благословеніе? Чтобы видѣть передъ собой это желтое, блеклое лице, этотъ мрачный взглядъ и думать, что тебя сейчасъ могутъ изблещить — для этого надо имѣть большой запасъ рѣшимости. На первую мою аудіенцію у хана я вошелъ такими твердыми шагами и держалъ себя такъ смѣло, что, казалось, я осчастлививалъ его своимъ посѣщеніемъ. Благочестивому хаджи подобаетъ смиреніе, поэтому на мою смѣлость посмотрѣли всѣ съ изумленіемъ, но, подумавъ, что таковъ въ Турціи обычай, никто не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія.

Впрочемъ, прибѣгать къ такимъ крайностямъ приходилось очень рѣдко; вообще же дервишеская жизнь доставляла мнѣ счастливейшія минуты. Я не имѣлъ особой склонности подражать русскому графу Д., кото-

рый, соскучившись жизнью европейских гостинныхъ, удалился нищенствующимъ дервишемъ въ одну изъ долинъ Кашмира; но тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что я ощущалъ какое-то особенное чувство радости, когда, бывало, сидѣлъ, пригрѣваемый лучами осенняго солнца, гдѣ нибудь въ уединенномъ уголкѣ развалины и погружался, какъ истый сынъ востока, въ раздумье ничего не думающаго человѣка. Есть какая-то невыразимая сладость въ покачиваньи въ мягкой люлькѣ восточнаго покоя, безъ денегъ, безъ занятій, не зная никакихъ заботъ, тревогъ и волненій! Конечно для насъ, европейцевъ, подобное наслажденіе не можетъ долго длиться, потому что стоитъ только перенестись мыслями на далекій, бодрый, вѣчно движущійся западъ, взглянуть на громадный контрастъ, представляемый обоими мірами, какъ уже невольно почувствуешь влеченіе къ послѣднему. Европейское стремленіе и азійскій покой—вотъ два великіе вопроса, представляющіеся духу человѣческому, но стоитъ только оглянуться кругомъ, чтобъ увидѣть, чья жизненная философія лучше. Здѣсь все идетъ къ упадку и рабству, тамъ—къ процвѣтанію и господству.

Пестрота окружавшей меня жизни вовсе не на столько была лишена прелести, какъ это можетъ показаться многимъ записнымъ европейцамъ. Конечно, привлекаетъ она не на долго; поэтому я очень испугался, когда однажды хивинскій ханъ сдѣлалъ мнѣ серьезное предложеніе жениться и поселиться въ Хивѣ, говоря, что ему такіе люди, какъ я, не неприятны. Мысль провести всю жизнь въ Туркестанѣ, съ дряжайшею половиной изъ узбекскихъ красавицъ,

была конечно ужасна, но тѣхъ немногихъ мѣсяцевъ, которые я провелъ среди всевозможныхъ приключеній, благополучно кончившихся, я навѣрно никогда не пожалѣю. Я говорю смѣло — никогда, потому что самое даже воспоминаніе о моей тогдашней жизни невыразимо пріятно. Не смотря на то, что теперь уже слишкомъ три года прошло со дня моего возвращенія въ Европу, я до сихъ поръ отчетливо помню всѣ подробности: прошлое кажется такимъ близкимъ, какъ будто я вчера еще вечеромъ пришелъ съ караваномъ и завтра утромъ долженъ опять выучить своего осла и пускаться снова въ путь. Неплицемѣрное дружелюбіе, связывавшее меня съ моими спутниками, до сихъ поръ живо во мнѣ. Во время долгихъ нашихъ дневныхъ переходовъ мы дружно болтали, смѣялись, шутили и лучшаго не желали. Мой счастливый характеръ, который такъ имъ нравился, мои шутки и остроты, когда мы были одни (при людяхъ мы, какъ подобало нашей святости, имѣли холодныя, вытянутыя фізіономіи) — все это служило для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ веселья. Что бы сказали они теперь, увидя меня среди невѣрныхъ, носящимъ смѣшное платье-вилы, какъ они называютъ панталоны; меня, котораго всѣ считали настоящимъ образцомъ западно-магометанскаго муллы?

Если съ одной стороны мое инкогнито доставляло мнѣ веселыя минуты, понывѣ являющіяся иногда свѣтлыми точками въ прошломъ, то съ другой стороны оно же доставляло мнѣ и цѣлые часы страданій и мукъ, мрачными тучами заволакивающихъ горизонтъ моихъ воспоминаній. До сихъ поръ среди

тяжелыхъ сновъ я часто вижу то его величество хана бухарскаго, на крыльяхъ морфея перелетающаго сюда изъ Средней Азии, то толпу муллъ-фанатиковъ, то мученія жажды. Съ какимъ восторгомъ, проснувшись, я вижу, что я въ Европѣ, въ моемъ дорогомъ отечествѣ, въ мирномъ моемъ жилищѣ! Да, часто мнѣ приходилось бывать въ очень критическихъ положеніяхъ. Впрочемъ, надо сознаться, что изъ нихъ только нѣкоторыя оставили по себѣ сильное очень впечатлѣніе, а именно тѣ, въ которыхъ грозила величайшая опасность — ихъ я, пока живъ, навѣрно не забуду.

1.

Памятный вечеръ въ халатской пустынѣ, когда я послѣ двухдневныхъ мученій жажды, проглотивъ послѣдній глотокъ воды, чувствовалъ, что силы мои все болѣе и болѣе исчезаютъ. Вокругъ меня лежали многіе изъ моихъ спутниковъ: по ихъ искаженнымъ чертамъ лица, но неподвижно устремленнымъ глазамъ видно было, что люди эти находились въ такомъ же мучительномъ положеніи, какъ и я. Когда, собравъ послѣднія силы, я поднялъ голову и осмотрѣлся кругомъ, то мнѣ показалось, что все со злобою смотрѣли на меня, потому что старый аскетъ Кари-Мессудъ не разъ въ этотъ день повторялъ, что «мы надемъ очистительною жертвою за великаго грѣшника, находящагося въ нашемъ караванѣ». Быть можетъ, никто обо мнѣ въ это время и не думалъ, мнѣ тѣмъ не менѣе сдѣлалось страшно тяжело на сердцѣ. Наступило время вечерней молитвы, но въ ней немногіе могли принять участіе.

Наконецъ солнце приблизилось къ закату, и я невольно устремилъ мои глаза на ту точку, откуда оно бросало свои послѣдніе лучи на насъ, страдальцевъ, имѣвшихъ мало надежды снова увидѣть его поутру. Да, я не могъ отвести глазъ отъ той страны, что называютъ западомъ, дорогимъ западомъ. Съ невыразимою тоской остановился я на этомъ словѣ и нѣсколько ожилъ при мысли о западѣ: пришла мнѣ въ голову Европа, дорогая моя родина, тяжелая борьба въ прошломъ, ранняя моя смерть и конецъ всѣмъ моимъ надеждамъ. Сердце разрывалось отъ боли, я хотѣлъ плакать, но не могъ.... Мгновеніе это незабвенно, оно какъ призракъ встаетъ передо мною и теперь, едва лишь вспомню я о халатской пустынѣ.

2.

Аудіенція моя у бухарскаго эмира въ Самаркандѣ. Эмиръ, которому сказано было обо мнѣ, какъ о человѣкѣ подозрительномъ, все время не спускалъ глазъ съ моего лица, желая открыть во мнѣ переодѣтаго френги. Часть происходившаго между нами разговора извѣстна уже читавшимъ мое путешествіе. Я льстилъ себя надеждою заслужить расположеніе эмира, но мнѣ стоило неимоверныхъ усилій, чтобы лице мое и особенно глаза не выдали моего внутренняго волненія, и хотя нервная дрожь пробѣгла по всему тѣлу, но я долженъ былъ не выказывать ни малѣйшаго признака страха. Усилія мои увѣнчались успѣхомъ: я не повраснѣлъ, не измѣнился въ лицѣ, но пусть читатель представитъ себѣ мое положеніе, когда вдругъ эмиръ послѣ четверти-

часоваго разговора подозвалъ къ себѣ служителя, шепнулъ что-то ему на ухо и бивнулъ мнѣ, чтобъ я слѣдовалъ за нимъ.

Я быстро поднялся съ своего мѣста и вышелъ. Служитель повелъ меня по комнатамъ и дворамъ, и я все время мучился страхомъ неизвѣстности. Передо мной возставали картины одна другой мрачнѣй: мнѣ казалось, что меня ведутъ на пытку, на ту ужасную смерть, которая такъ часто какъ призракъ носилась передо мною. Послѣ долгаго странствованія проводникъ мой привелъ меня, наконецъ, въ темную комнату и, сказавъ мнѣ, чтобъ я сѣлъ здѣсь и ждалъ его возвращенія, самъ ушелъ. Легко себѣ вообразить, что было со мной въ эту минуту. Еслибъ я могъ хотя только предположить, какая казнь меня ждала, я былъ бы спокойнѣе, но ужасная неизвѣстность томила меня. Этой адской пытки я вѣкъ не забуду! Съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ считалъ я секунды, ожидая, когда дверь снова отворится. Наконецъ служитель появился... Я впился въ него глазами, но вмѣсто орудій казни увидѣлъ у него подъ мышкой тщательно свернутый узелокъ: это была почетная одежда, жалуемая мнѣ эмиромъ и нѣсколько денегъ для продолженія моего путешествія.

3.

Въ ожиданіи прихода гератскаго каравана въ жаркіе августовскіе дни жилъ я на берегу Оксуса у лебабъ-туркменовъ; пріютился я на дворѣ заброшенной мечети. Туркмены обыкновенно собирались ко мнѣ вечеромъ и приносили съ собой или свой пѣ-

сенникъ или какой-нибудь поэтической разсказъ, и я долженъ былъ имъ читать вслухъ. Напряженное вниманіе, съ какимъ выслушивались дѣянія какого-нибудь любимаго героя, ночная тишина, глухой ропоть Оксуса — все это производило во мнѣ радостное чувство.

Однажды вечеромъ чтеніе наше протянулось до полуночи. Я порядкомъ усталъ и, забывъ совѣтъ никогда не спать близко развалинъ, улегся у стѣны и скоро заснулъ. Прошло не болѣе часа, какъ меня вдругъ разбудила невыразимая боль въ ногѣ. Съ страшнымъ крикомъ я вскочилъ — мнѣ казалось, какъ будто сотни ядовитыхъ иголъ впились въ мою правую ногу около большого пальца. Крикъ мой разбудилъ старика туркмена, спавшаго недалеко отъ меня. Не спрашивая меня ни о чемъ, онъ воскликнулъ: «Бѣдный хаджи! тебя укусила скорпионъ и къ тому жъ въ несчастное время саратана (жаркіе дни августа). Помоги тебѣ Богъ!» Съ этими словами онъ схватилъ мою ногу, перевязалъ ее около щиколдки такъ туго, какъ будто хотѣлъ ее перерѣзать надвое; потомъ тотчасъ принялся сосать рану, но такъ сильно, что я чувствовалъ потяготу во всемъ тѣлѣ. Когда старикъ усталъ, его смѣнилъ другой туркмень. Наконецъ, наложивъ мнѣ еще двѣ повязки, меня оставили, сказавъ въ утѣшеніе, что если Аллаху будетъ угодно, то завтра къ утренней молитвѣ рѣшится: прощусь ли я съ болью или совсѣмъ съ странствованіемъ по суетному свѣту. Хотя я совсѣмъ почти лишился сознанія отъ зуда, колотья и жара, все болѣе усиливавшихся, тѣмъ не менѣе мнѣ пришли на память раз-

сказы объ извѣстныхъ съ давняго времени своею ядовитостью скорпіонахъ белхскихъ. Небезосновательный страхъ дѣлалъ боль еще невыносимѣе. Что я лишился всякой надежды, это видно изъ того, что, забывъ свой инкогнито, я сталъ стонать такимъ голосомъ, что татарамъ, какъ они потомъ мнѣ говорили, показались даже смѣшно, потому что у нихъ такіе звуки издають только при сильной радости. Замѣчательно, что боль въ нѣсколько минутъ распространилась отъ большаго пальца ноги до макушки головы, но только по одной правой сторонѣ тѣла — казалось, что огонь протекать по жиламъ, то внизъ, то вверхъ. Нельзя описать тѣхъ страданій, той муки, которая я испытывалъ въ эту ночь. Чтобы покончить съ жизнью, я бился головою объ землю, но это скоро замѣтили и привязали меня къ дереву. Такъ лежалъ я нѣсколько часовъ съ глазами, обращенными къ небу, обливаясь холоднымъ потомъ. Плеяды склонялись постепенно къ дорогому западу, котораго я болѣе уже не надѣялся видѣть; къ утру я слегка заснулъ, но скоро меня разбудилъ монотонный, «Ла иллахъ, ил аллахъ!» сзывавшій правовѣрныхъ на молитву.

Когда я пришелъ въ себя, боль немного уже унялась. Колотье и жаръ начали постепенно исчезать, начиная съ ноги. Когда же солнце поднялось не болѣе, какъ на высоту копья, я хотя и сильно ослабѣлъ и изнемогъ, но могъ уже подняться на ноги. Спутники мои увѣрили, что чорта, вошедшаго въ меня черезъ укушенное мѣсто, выгнало ни что иное, какъ утренняя молитва, въ чемъ я, разумѣт-

ся, не смѣлъ усумниться. Но эта ночь, эта страшная ночь, останется навѣки для меня незабвенною.

*

*

*

Вотъ три критическіе момента изъ моихъ скитаній по Средней Азій; все остальное — постоянно испытующіе взгляды, преслѣдовавшіе меня, безпрестанныя подозрѣнія, несказанныя трудности путешествія съ сумой нищаго, всѣ лишенія, всѣ мерзости оставили по себѣ немного мрачныхъ воспоминаній. Восхищеніе, что я видѣлъ, наконецъ, тѣ страны, къ которымъ стремился еще со дней ранней юности, оживляло, укрѣпляло меня и, за исключеніемъ немногихъ приведенныхъ случаевъ, я былъ постоянно веселъ и счастливъ. Даже несомнѣнно то, что теперь среди цивилизованной европейской жизни я не нахожу болѣе въ себѣ той физической и нравственной бодрости, и кто знаетъ, можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ я еще пожалѣю о томъ времени, когда я, въ лохмотьяхъ, лишенный крова, но сильный и веселый бродилъ по степямъ Средней Азій.

III.

Среди туркменовъ.

(Изъ моего дневника).

13 апрѣля.

Дивясь и изумляясь страннымъ социальнымъ отношеніямъ, среди которыхъ я сегодня впервые нахожусь, утромъ сидѣлъ я на одномъ коврѣ съ гостепріимнымъ моимъ хозяиномъ, Хандшаномъ, и слушалъ внимательно его рассказы о туркменской жизни. Этотъ, уважаемый всѣми начальникъ хотѣлъ познакомить меня со всѣми достоинствами и недостатками своего народа. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что я османли и лице полуофициальное, и потому думалъ добиться черезъ меня помощи противъ русскихъ и персовъ у султана, на котораго весь суннитскій міръ взираетъ съ особою надеждою. Хандшанъ говорилъ горячо, но стараясь этого не выказывать; потомъ, прочитавъ мнѣ первое наставленіе, онъ поднялся, чтобъ, какъ онъ сказалъ, представить мнѣ свой домъ и дворъ, т. е., переводя на нашъ языкъ, познакомить меня съ своими дамами, что у жителей Азіи считается знакомъ особаго вниманія къ гостю. Впрочемъ, мни-

мый служитель великаго повелителя вполне заслуживалъ этого почтенія и старался сидѣть, принимать такое выраженіе лица и вообще держать себя такъ, чтобы вполне соответствовать приему.

Нѣсколько минутъ спустя послышалось какое-то особенное позваниваніе и побрякиваніе, занавѣсъ палатки поднялся, и съ нее вошла цѣлая толпа женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Предводимые довольно дородною, пожилую матроной, онѣ подошли ко мнѣ. Сцена эта поразила меня не менѣе, чѣмъ вошедшихъ. Всѣ робко поглядывали на меня, женщины помоложе опускали глазки, а дѣти въ страхѣ цѣплялись за платья матерей. Дородную особу Хандшани представилъ мнѣ, какъ свою мать и сообщилъ, что ей 60 лѣтъ. Поверхъ ея первобытнаго костюма — длинной, красной, шелковой рубашки, на груди справа и слѣва висѣло множество различной величины серебряныхъ футлярчиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были украшены даже драгоценными камнями. Въ футлярчикахъ этихъ помѣщались разные талисманы испытанной силы. Кромѣ того, на почтенной дамѣ было значительное количество разныхъ ожерелій и браслетовъ на рукахъ и ногахъ, которые, какъ наследственные фамильные украшения, переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, и, судя по наружности, принадлежали къ глубокой древности. Остальныя женщины и дѣти также были обвѣшаны разными украшениями, болѣе или менѣе, смотря по расположенію къ нимъ ихъ повелителя. Для здѣшнихъ дамъ одежда, часто грязная и изорванная, вещь совершенно второстепенная: туркменка только тогда счи-

таетъ себя нарядною, если она въ состояніи таскать на себѣ лишній фунтъ, или два, серебра.

Сначала старуха протянула мнѣ свои морщинистыя руки для обычнаго привѣтствія: ея примѣру послѣдовали остальные. Я обнялъ поочередно всѣхъ женщинъ и дѣтей, какъ того требуетъ хорошій тонъ; за тѣмъ всѣ усадились на корточкахъ полукругомъ около меня, и начались разспросы о здоровьѣ, о счастливомъ прибытіи. Каждый спрашивалъ раза по три, по четыре объ одномъ и томъ же, и я каждому на каждый вопросъ долженъ былъ отвѣчать. Не въ одной Европѣ можно стать несвѣтскому челоѣку въ тушикъ въ дамскомъ обществѣ — и въ Средней Азій можетъ случиться нечто подобное. Какъ вообще у всѣхъ кочевниковъ магометанскаго востока, женщины чѣмъ болѣе старѣютъ, тѣмъ болѣе утрачиваютъ какъ физическія, такъ и нравственныя свои достоинства; такъ и теперь молодымъ дамамъ мнѣ приходилось отвѣчать на самые деликатные вопросы, а со старыми я бесѣдовалъ о религіи, войнѣ и внутреннихъ отношеніяхъ сосѣднихъ племенъ. Съ тѣми и съ другими я долженъ былъ стоять насторожѣ, чтобы въ чемъ-нибудь не промахнуться; на молодыхъ женщинъ я долженъ былъ повліять, пользуясь всѣмъ обаяніемъ моего сана муллы, а на старыхъ расточать благословенія. Во время этого визита въ палатку вошло нѣсколько мужчинъ — сосѣдей и родственниковъ, но они не мѣшали женщинамъ. Вообще, какъ я позже замѣтилъ, туркменскія женщины, хотя онѣ и исключительно одніе составляютъ рабочій классъ общества, пользуются извѣстнымъ уваженіемъ у муж-

чинъ, что онъ впрочемъ вполне заслуживаютъ, ибо такой примѣрной добродѣтели, такого самопожертвованія для блага семьи и такой неутомимости, какъ у нихъ, я нигдѣ на востокѣ не встрѣчалъ.

Въ концѣ визита, продолжавшагося около часа, мнѣ пришлось написать нѣсколько талисмановъ, за что мнѣ отдали мелкими подарками изъ женскихъ рукодѣлій. Старуха въ послѣдствіи неоднократно меня посѣщала; разъ я сопровождалъ ее даже на могилу ея супруга, чтобы тамъ помолиться объ усопшемъ. Согласіе, царившее между нами, удивило даже самихъ кочевниковъ, но теперь причина его для меня ясна: странность, неожиданность моего появленія и ореолъ святости, окружавшій меня, естественно должны были привлечь старушку. Кромѣ того, я терпѣливо и внимательно выслушивалъ ея рассказы о промахахъ персидскихъ невольницъ въ домашнемъ хозяйствѣ, о томъ, какъ нынѣшнія женщины неискусны въ тканьѣ ковровъ, въ приготовленіи войлоковъ и т. п. Я самъ даже дѣлалъ иногда тамъ и сямъ замѣчанія, съ видомъ знатока и человѣка, интересующагося этимъ предметомъ.

Да, если путешественникъ хочетъ что-нибудь узнать, то онъ долженъ постоянно слѣдовать подобной житейской философіи. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ обходительность моя принесла мнѣ значительную пользу: расположеніе ко мнѣ старой домохозяйки сдѣлало то, что я пріятно провелъ время у туркменовъ, народа, который въ своихъ владѣніяхъ не позволяетъ свободно двигаться не только европейцу, но даже и азіятцу другого племени.

16 апрѣля.

Послѣ утренней молитвы, войдя въ палатку Хандшана, я засталъ тамъ цѣлое общество, чрезвычайно внимательно слушавшее разсказъ молодаго туркмена, всего въ пыли и грязи, и по лицу котораго видно было, что онъ только-что вышелъ изъ какой-то передраги. Туркмень разсказывалъ не громко, но въ живыхъ краскахъ о вчерашнемъ разбойничьемъ набѣгѣ на персовъ, въ которомъ онъ принималъ участіе. Женщины, прислуга и невольники (бѣдные, каково было у нихъ на сердцѣ!), сидѣли кружкомъ около разсказчика; на долю послѣднихъ досталось не одно красное словцо за то, что по временамъ звукъ цѣпей на ихъ ногахъ мѣшалъ слушать. Станнымъ мнѣ показалось, что когда разсказчикъ описывалъ отчаянное сопротивленіе несчастныхъ персіянъ, то всѣ слушатели приходили въ страшное негодованіе на то, что персы осмѣливались не позволять добровольно себя грабить.

Когда разсказъ кончился, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и отправились осматривать добычу, которая всегда вызываетъ у туркменъ смѣшанное чувство зависти и довольства. Я также послѣдовалъ за толпою и, войдя въ палатку, гдѣ была добыча, увидѣлъ страшную картину. Посрединѣ лежало двое персіянъ съ лицами, покрытыми смертельною блѣдностью, всѣ въ запекшейся крови, въ грязи, въ пыли; на поломанные члены ихъ накладывали цѣпи. Одному изъ нихъ оковы были узки, онъ дико вскрикивалъ, когда жестокосердый туркмень силою ихъ нака-

лачивалъ. Въ одномъ углѣ сидѣло на землѣ двое блѣдныхъ, дрожащихъ отъ страха дѣтей, съ отчаяніемъ смотрѣвшихъ на несчастнаго страдальца—это былъ ихъ отецъ! Имъ хотѣлось плакать, но одного взгляда разбойника, на котораго они изрѣдко вскидывали глаза, между тѣмъ какъ челюсти ихъ судорожно дрожали, достаточно было, чтобъ удержать ихъ слезы. Въ другомъ углѣ палатки сидѣла дѣвушка лѣтъ 15—16, съ распущенными волосами, въ изодранной одеждѣ и почти вся залитая кровью. Она рыдала, закрывъ лице руками. Нѣкоторыя туркменки изъ состраданія и любопытства спрашивали ее, что съ ней, не ранена ли она? «Нѣтъ, я не ранена», отвѣчала дѣвушка чрезвычайно жалобнымъ голосомъ. «Это кровь моей матери, моей единственной, доброй матери. О, ана дшанъ, ана дшанъ! (дорогая мать)». Съ восклицаніемъ этимъ несчастная начинала биться головою о деревянный переплетъ палатки такъ, что онъ едва выдерживалъ. Глотокъ воды развязалъ ей немного языкъ, и она рассказала, какъ ее, цѣнную добычу, разбойникъ посадилъ къ себѣ на сѣдло, а мать ее привязалъ къ стремени. Послѣ часоваго пути несчастная мать такъ устала, что падала на каждомъ шагу. Туркмень попробывалъ было придать ей силы кнутомъ, но видя, что это не помогаетъ и желая въ то же время не отстать отъ своихъ товарищей, онъ пришелъ въ бѣшенство, выхватилъ саблю и въ одно мгновеніе она снесъ голову несчастной. Брызнувшая кровь залила и дочь, и всадника, и лошадь. Рассказывая это, дѣвушка взглянула на кровь, покрывавшую ее одежду, и снова громко и горько зарыдала.

Пока это происходило внутри палатки, родственники разбойника собрались снаружи ее разсматривать награбленную добычу. Старухи съ алчностью накинулись на домашнюю утварь, а рѣзвая молодежь принялась примѣривать то ту, то другую одежду, что иногда вызывало громкій смѣхъ окружающихъ.

Здѣсь все веселилось и лиговало, а невдалекѣ представлялась картина глубочайшаго горя и страданія. Но никто и вниманія не обращалъ на этотъ контрастъ: по общимъ понятіямъ нѣтъ ничего необычайнаго, что туркменьъ обогащается разбоемъ и грабежемъ.

И такія ужасающія соціальныя отношенія существуютъ дняхъ въ четырнадцать пути отъ Европы!

18 апрѣля.

На берегу Гѣргена, черезъ три палатки отъ меня, живетъ Еліаскули — туркмень, до тридцати лѣтъ занимавшійся обычнымъ грабежемъ, а нынѣ удалившійся отъ дѣлъ для того, чтобы, какъ самъ онъ говоритъ, провести остатокъ этой ничтожной, достойной смѣха жизни, соблюдая велѣнія благочестія. А какъ мнѣ кажется—не благочестіе, а просто раны, полученные имъ отъ адскаго оружія при Ашурадѣ, не позволяютъ ему продолжать его отвратительнаго ремесла. Въ надеждѣ, что молитвы мои ниспосылютъ все благословеніе небесъ на его нечестивую голову, Еліаскули обстоятельно рассказалъ мнѣ, какъ русскіе, объявивъ, разъ, священную войну, т. е. другими словами, желая отнять своихъ плѣнныхъ, высадились на берегъ Гѣргена, напали на палатки и

подожгли ихъ. Бой продолжался болѣе дня. Хотя русскіе изъ трусости не подходили близко, а только издали стрѣляли, тѣмъ не менѣе храбрые газисы (воины за религію) не могли противостоятъ дьявольскому ихъ искусству. Самъ Еліаскули при этомъ получилъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ и, пролежавъ цѣлый день за мертво, былъ воскрешенъ своимъ пиромъ (духовнымъ главою).

Еліаскули изъявилъ желаніе съѣздить со мною сегодня въ ову (палатку) Ана-хана, главы племени ярали, живущаго на верховьяхъ Гѣргена, близъ самой персидской границы. Ана-ханъ желалъ со мной познакомиться вѣроятно изъ любопытства, а можетъ быть и почему нибудь еще. Путь нашъ лежалъ по лѣвому берегу Гѣргена, но мы часто дѣлали большіе обходы для избѣжанія болотъ и трясинъ. Не зная зачѣмъ я ѣхалъ, я могъ бы подозрѣвать что-нибудь не доброе, но я былъ совершенно покоенъ: по всему пути люди выходили изъ палатокъ мнѣ на встрѣчу съ молокомъ, сыромъ, подарками, чтобъ я только ихъ благословилъ; разумѣется, даже послѣдняя тѣнь подозрѣнія улеглась и у меня было очень весело на душѣ.

Безпокоили меня только тяжелая туркменская войлочная шапка, на которой намотано было нѣсколько локтей холста въ видѣ чалмы, да еще тяжелое ружье, которое я, хотя меня и считали муллою, долженъ былъ взять съ собою для вида. По временамъ Еліаскули на цѣлые полчаса отставалъ отъ меня, и я, продолжая путь одинъ, встрѣчалъ кое-гдѣ мародеровъ, которые, возвращаясь съ пустыми руками изъ неудавшагося

похода, мрачно посматривали на меня. Одни привѣтствовали меня, другіе же только спрашивали: «чей ты гость, мулла?» Получивъ отъ меня въ отвѣтъ— «келте Хандшанъ-бей», они съ видимымъ неудовольствиемъ продолжали путь, бормоча себѣ въ бороду: «Аманъ боль!» (будь здоровъ).

Къ вечеру Хандшанъ, ѣхавшій другою дорогою, присоединился къ намъ, и мы вмѣстѣ добрались до цѣли нашей поѣздки. Ана-ханъ, челоуѣкъ лѣтъ около шестидесяти, какъ патриархъ сидѣлъ на склонѣ зеленого холма, окруженный внучатами и своими маленькими дѣтьми (только на востокѣ можно встрѣтить однолѣтокъ внучатъ и сыновей), довольными глазами окидывая окружавшихъ и любясь возвращавшимися съ пастбищъ стадами овецъ и верблюдовъ. Приемъ, вамъ оказанный, былъ коротокъ, но дружелюбенъ. Ана-ханъ повелъ насъ въ приготовленную палатку, указалъ мнѣ на почетное мѣсто и началъ разговоръ только тогда, когда со стола исчезли послѣдніе остатки нарочно для насъ убитой овцы. Въ первый день Ана-ханъ былъ молчаливъ и внимательно выслушивалъ мои рассказы о турецкой жизни и объ отношеніяхъ русскихъ къ тургамъ; на второй же день онъ разговорился и сообщилъ мнѣ прежде всего о дружелюбномъ приемѣ, который онъ оказалъ англійскому елтчи (посланнику), отправлявшемуся въ Хиву. Я догадался, что это былъ м. Виліамъ Томсонъ, посланный своимъ правительствомъ для примиренія Персіи съ Хивой. Такъ какъ Ана-ханъ при описаніи оружія, драгоценностей и личности френгскаго посланника, особенно упиралъ на

сходство его лица съ моимъ, то мнѣ стала понятна причина, почему ему хотѣлось меня видѣть. Обведя огненнымъ взглядомъ всѣхъ окружавшихъ, какъ бы желая убѣдить ихъ въ своей проницательности, Ана-ханъ подошелъ ко мнѣ и, тихо ударивъ меня по плечу, сказалъ: «Ефенди! Тура (печать) султана румскаго у насъ высоко почитается: во-первыхъ, онъ глава всѣхъ султановъ, во-вторыхъ, туркмены и османли находятся въ кровномъ родствѣ и хотя ты явился безъ даровъ, ты все-таки дорогой для насъ гость».

Замѣчаніе это показало мнѣ, что не всѣ вѣрили моему инкогнито. Впрочемъ, отдѣльныя личности не могли меня беспокоить, ибо большинство, особенно муллы, были за меня.

Но Хандшанъ, какъ я замѣтилъ, не раздѣлялъ взгляда Ана-хана. Въ послѣдствіи объ этомъ и помина не было, и я продолжалъ пользоваться гостепріимствомъ недовѣрчиваго начальника.

20 апрѣля.

Въ далекомъ Мерголанѣ, въ Кокандскомъ ханствѣ, вслѣдствіе особаго религіознаго рвенія жителей очень часты сборы денегъ для поддержки высшихъ школъ въ Мединѣ, гдѣ находится множество такихъ заведеній. У источника Ислама кишмя кишатъ любознательные ученики, истолкователи корана, которые подъ видомъ благочестивыхъ занятій ничего не дѣлаютъ и живутъ на счетъ всѣхъ магометанскихъ странъ. Сюда присылаютъ стипендіи Фецъ и Морокко; главы алжирскихъ племенъ ежегодно шлютъ свои

дары; Тунисъ, Триполи, Египеть и другія мелкія государства несутъ тоже свою дань; Порта соперничаетъ съ Персіей въ поддержкѣ этихъ заведеній; татары, находящіеся въ русскомъ подданствѣ и индійцы британской Индіи не забываютъ школъ въ Мединѣ. Мало всего этого—даже съ бѣдныхъ жителей туркестанскихъ оазисовъ требуютъ также ихъ лепту.

Во время моего путешествія по Средней Азій, Ходша-Бузургъ, высокоуважаемый святой этихъ странъ, собралъ для Медины, вѣроятно съ большимъ трудомъ, 400 дукатовъ и поручилъ довѣренному своему, муллѣ Есаду, доставить эту сумму въ Медину. Жители Средней Азій обыкновенно таятъ деньги, какъ главный источникъ всякихъ опасностей; названный же мулла ни отъ кого не скрывалъ цѣли своего путешествія въ надеждѣ по дорогѣ увеличить капиталъ новыми пожертвованіями. Ободренный успѣхомъ въ Бухарѣ, Хивѣ и другихъ городахъ, мулла рассчитывалъ, что тоже будетъ и у туркменъ и, положившись на рекомендательныя письма къ нѣсколькимъ здѣшнимъ ученымъ, смѣло вступилъ въ пустыню.

До Гемюштепе все шло благополучно, но по прибытіи сюда тотчасъ распространился слухъ о содержимомъ дорожнаго мѣшка муллы. Туркмены знали, что деньги эти назначены для благочестивой цѣли, но не приняли этого въ уваженіе. Каждый старался поймать муллу, прежде чѣмъ онъ сдѣлается чьимъ-нибудь гостемъ, такъ какъ по туркменскимъ обычаямъ гость поступаетъ подъ защиту своего хозяина, дѣлается, такъ сказать, членомъ его семьи, но не-гость

можетъ быть ограбленъ, убитъ, проданъ, и никто не вступится за него, никто не станетъ мстить.

Нашему кокандскому муллѣ это вѣроятно было извѣстно, но, видно, его обманула личина благочестія туркменъ. Разъ утромъ, едва онъ отдѣлился отъ каравана на нѣсколько шаговъ, два туркмена накинулись на него и отняли всѣ его деньги, все имущество. Ни святость дѣла, на которое назначены были деньги, ни мольбы, ни угрозы — ничто не помогло: разбойники отняли все, оставивъ только старыя книги да бумажки, и несчастный мулла, пораженный и чуть не голый, возвратился къ каравану. Случилось это недѣли за двѣ до моего прибытія; въ это время преступниковъ успѣли открыть и пригласили ихъ явиться на духовный судъ. Какъ константинопольскій мулла, я былъ почтенъ приглашеніемъ быть также судьей, и сцена, въ которой и мнѣ пришлось принять участіе, останется надолго въ моей памяти. Судъ происходилъ въ полѣ, подъ открытымъ небомъ. Мы, т. е., ученые, сидѣли полукругомъ, съ толстыми книгами въ рукахъ, а около насъ тѣснилась громадная толпа любопытныхъ. Подсудимые явились съ своими семьями и съ начальникомъ ихъ племени; держались они такъ свободно, какъ будто дѣло касалось совсѣмъ не безчестнаго поступка. На вопросъ, кто взялъ деньги, они гордо отвѣчали «мы!» Я уже по этому началу видѣлъ, что денегъ возвратитъ невозможно. Судьи поочередно истощали свое ораторское краснорѣчіе и сыпали цитатами изъ корана, но безуспѣшно. Когда дошла очередь до меня, я попробовалъ подѣйствовать на этихъ молодежь, указывая имъ

на постыдность такого поступка. «Какой же тутъ стыдъ?» сказалъ одинъ изъ нихъ. «Въ твоей странѣ, значить, наказываютъ за грабежъ? Это удивительно! А я было думалъ, что султанъ, повелитель всего свѣта, умнѣе. Если у васъ грабежъ не дозволяется, то чѣмъ же люди живутъ?»

Другой мулла попробовалъ угрозить шеріатомъ (духовнымъ закономъ) и яркими красками описалъ какія адскія мученія ожидаютъ человѣка на томъ свѣтѣ за подобное преступленіе. «Что твой шеріать?» возразилъ опять туркмень. «У каждого есть свой шеріать! Твой, мулла, шеріать — языкъ твой, ты двигаешь имъ какъ хочешь, а мой шеріать — сабля, и я размахиваю ей, какъ хочетъ рука!»

Послѣ долгихъ бесполезныхъ увѣщаній преступниковъ и совѣщанія сѣдоволосыхъ старцевъ засѣданіе наше было закрыто. Туркмены удалились и, вмѣсто поддержанія школъ въ Мединѣ, употребили эти деньги на покупку новаго оружія. Мулла же Есадъ, огорченный, возвратился назадъ въ Кокандъ, узнавъ на опытъ, что туркмены хотя и называются правовѣрными, но на самомъ дѣлѣ чернѣйшіе кафиры (невѣрные) на всей землѣ.

6 мая.

Ораз-Дшанъ, молодой туркмень, лѣтъ восемнадцати, удалой, дикій на видъ, съ двѣнадцати лѣтъ принимавшій уже участіе въ разбойничьихъ набѣгахъ, являлся ежедневно къ намъ въ палатку въ Этрекѣ, чтобъ поучиться религіи и нравственности у пира тамошняго разбойничьяго племени. Однажды

туркмень этотъ встрѣтился у насъ съ Омерь-Ахондомъ, сосѣднимъ муллою, который былъ извѣстенъ какъ ученый, а еще болѣе какъ хозяинъ великолѣпнѣйшей лошади. Когда въ разговорѣ стали расхваливать эту лошадь, туркмень разгорячился, и, въ половину серьезно, въ половину шутя, сказалъ муллѣ: «Ахондъ, я дамъ тебѣ трехъ ословъ и персіянина за твою лошадь. Жаль смотрѣть, что она стоитъ въ стойлѣ, когда персіяне свободно разгуливаютъ у себя. Если же ты не захочешь отдать мнѣ ее, то, смотри, черезъ нѣсколько дней она будетъ у тебя украдена!» Мулла и пиръ сдѣлали туркмену строгій выговоръ за эти слова, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Едва прошло четыре дня, какъ вдругъ мулла является къ намъ со слезами на глазахъ «Мою лошадь у меня украли!» сказалъ онъ, вздыхая. «Кулханъ! ты одинъ можешь мнѣ возвратить ее. Ради Тшихарьяра (четыре первые халифа) сдѣлай, что можешь». — «Это дѣло Ораза», отвѣчалъ мрачно Кулханъ. «Я вырву ему черную душу изъ его грязнаго тѣла!»

Во время вечерней молитвы, совершавшейся на терассообразномъ возвышеніи, мечети пустыни, между прочими правовѣрными явился и Оразъ. По благочестивому его виду никто бы не сказалъ, что онъ сегодня обокралъ одного изъ отцевъ церкви. По окончаніи молитвы Оразъ опять пришелъ въ нашъ кружокъ. Кулханъ, увидя его, сказалъ: «Другъ, лошадь муллы украдена; ты знаешь, гдѣ она. Завтра утромъ она должна быть опять въ своемъ стойлѣ — слышалъ ты меня?» Слова эти нисколько не сконфузили вора. Загнувъ одною рукой тяжелую свою

шапку на бокъ, а другою пересыпая песокомъ, онъ спокойно отвѣчалъ: «Лошадь у меня, но я ее не отдамъ. Кто хочетъ взять ее у меня—пусть попробуетъ». Я думалъ, что слова эти приведутъ всѣхъ въ негодование, но никто и не шевельнулся. Кулханъ продолжалъ его уговаривать, но бесполезно. Когда же нѣкоторые изъ сѣдовласыхъ стариковъ стали угрожать Оразу, то онъ вышелъ изъ себя. «А ты, лучше, что ли, сдѣлалъ съ кобылою хаджи?» сказалъ онъ пиру и ушелъ. Доносившіеся издали, среди ночной тишины звуки распѣваемой имъ пѣсни Кѣрогли свидѣтельствовали, что Озаръ торжествовалъ побѣду.

Нѣсколько времени прошло въ совѣщаніяхъ. Силой ничего нельзя было сдѣлать съ Оразомъ, такъ какъ его ханъ, по обычаю, не смотря ни на что, взялъ бы его подъ свою защиту, а ханъ былъ слишкомъ могущественъ, чтобы на него нападать. Оставалось прибѣгнуть къ духовнымъ средствамъ и, къ удивленію, они оказались дѣйствительными. Туркменъ считаетъ величайшимъ наказаніемъ принесеніе на него жалобы тѣни умершаго его отца или тѣнямъ предковъ; а обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ вершину могильнаго холма втыкаютъ копье остриемъ внизъ, а на него вѣшаютъ нѣсколько окровавленныхъ доскутовъ, когда дѣло идетъ объ убійствѣ, и изломанный лукъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Видя этотъ знакъ на могилѣ, всѣ туркмены соединяются противъ племени, къ которому преступникъ принадлежитъ. А какъ средство это дѣйствуетъ, я видѣлъ изъ того, что едва Оразъ увидѣлъ воткнутое копье

на могильномъ холмѣ дѣда, какъ въ ту же ночь отвелъ лошадь къ муллѣ и поставилъ ее на то же самое мѣсто, откуда взялъ. Самъ онъ мнѣ говорилъ, что ему очень трудно было разстаться съ лошадыю и онъ не скоро это позабудетъ, но что лучше лежать въ черной землѣ, чѣмъ нарушить покой предковъ.

IV.

Въ туркменской пустынѣ.

Мои пріатели спутники говаривали: «Чиль мензили Туркестанъ», т. е., 40 переходовъ черезъ пустыню Туркестана труднѣе и тяжелѣе, чѣмъ «чиль мензили Арабистанъ», т. е., 40 переходовъ черезъ пустыню отъ Дамаска до Мекки. Въ послѣдней пустынѣ путникъ ежедневно встрѣчаетъ цистерны, богато снабженныя водою, находятъ мягкій хлѣбъ, вареную пищу, даже прохладную тѣнь—все удобства; въ первой же попечительность и не подумала что нибудь сдѣлать для бѣднаго путника, которому постоянно грозитъ опасность умереть отъ жажды, быть ограбленнымъ, убитымъ или заживо засыпаннымъ пескомъ. Мѣха съ водою, мѣшки муки, лучшія лошади, оружіе — ничто иногда не помогаетъ, и путнику остается только положиться на Аллаха!

На сколько это вѣрно, какъ величественно страшна пустыня между Персіей и среднеазіятскими оазисами, уже извѣстно читателю моего «путешествія». Я при-

бавлю теперь только нѣсколько подробностей изъ жизни каравана.

*

*

*

Въ первые три дня мертвая тишина пустыни производила на меня могущественное, волшебное дѣйствіе. Часто я по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ въ даль, не произнося ни слова. Спутники думали, что я захожусь въ религіозномъ созерцаніи и не мѣшали мнѣ. Я между тѣмъ мелькомъ видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, задремавъ на своихъ верблюдахъ, потѣшно раскачивались взадъ и впередъ къ общему удовольствію публики. Чувствуя, что сонъ одолеваетъ, ѣздокъ крѣпко ухватывается за выдающуюся луку сѣдла, что впрочемъ не мѣшаетъ ему, наклоняясь впередъ, ударяться о нее подбородкомъ, такъ что зубы трещать, или откидываясь назадъ, рисковать кувырккомъ свалиться. Последнее случается довольно часто и сопровождается всегда громкимъ смѣхомъ всего каравана. Упавшій дѣлается героемъ дня и много приходится ему выслушать самыхъ грубыхъ остротъ за свою неловкость.

Истинно неистощимымъ источникомъ веселья для всѣхъ былъ молодой туркменъ, по имени Нязъ-Бирди, замѣчательно живаго ума и очень ловкій юноша. Каждое его движеніе, каждое слово могло разсмѣшить даже самаго почтеннаго муллу. Имѣя въ своемъ владѣніи нѣсколько нагруженныхъ верблюдовъ, онъ, не смотря на это, большею частію былъ все на ногахъ. Едва показывалось стадо дикихъ ословъ, онъ тотчасъ же летѣлъ туда, пугая ихъ крикомъ и быстро-

тою движенія. Разъ ему удалось поймать молодого дикаго осленка, отставшаго отъ стада; привязавъ на веревку, притащилъ онъ пугливое животное къ каравану. Тутъ-то началась потѣха! Ніякъ приглашалъ всѣхъ покататься на осленкѣ, обѣщая дать тому, кто проѣдетъ на немъ, три ложки сала изъ бараньяго курдюка. Три ложки сала въ пустынѣ большая приманка для хаджи, поэтому нашлось много охотниковъ попробовать свое искусство. Но съ нецивилизованною валаамовою ослицей ничего нельзя было сдѣлать: не успѣвали бѣдные хаджи взобраться на спину животнаго, какъ уже лежали растянувшись на пескѣ.

Къ концу каждаго довольно длиннаго перехода обыкновенно уже замѣчалось общее утомленіе каравана. Всѣ начинали посматривать на керванбаши, который, въ свою очередь, также озирался, ища глазами хорошаго мѣста для стоянки, т.-е. такого, гдѣ бы уже прежде останавливался караванъ или гдѣ бы было достаточное количество хорошаго корма для верблюдовъ. Какъ только находилось такое мѣсто, керванбаши поспѣшно направлялся туда, молодежь же разбѣгалась во всѣ стороны, ища сухихъ кореньевъ, кустарниковъ, или другаго какого горючаго матеріяла. Съ надеждою на близкій отдыхъ оживаютъ усталые путники: всѣ бросаются къ животнымъ, быстро развязываютъ веревки, снимаютъ тюки и складываютъ ихъ кучками на землю. Всякій старается помѣститься въ тѣни этихъ кучекъ, и едва развѣвоченныя голодные животныя примутся за кормъ, какъ уже въ караванѣ воцаряется торжественная тишина. Всѣ

какъ бы опьяняются или ошеломляются, упиваясь покоемъ и отдыхомъ.

Расположившійся на отдыхъ караванъ, въ лѣтній мѣсяцъ, особенно въ степяхъ Средней Азіи, представляетъ красивую картину. Невдалекѣ отъ мѣста стоянки пасутся верблюды, жадно срывающіе сочные стебли чертополоха, а путники, даже самые бѣдные, сидятъ съ чашками чая въ рукахъ и жадно глотаютъ дорогую влагу. Чай этотъ — зеленоватая теплая вода, часто мутная, всегда безъ сахара, но человѣческое искусство не изобрѣло еще такого напитка, такого нектора, который былъ бы такъ вкусенъ, дѣйствовалъ бы такъ освѣжительно, какъ чай на стоянкѣ въ пустынѣ. Я до сихъ поръ не могу забыть его чуднаго дѣйствія на меня. Съ первыхъ же капель чувствуешь, что по жиламъ течетъ какая-то пріятная теплота, оживляющая, но не возбуждающая. Затѣмъ дѣйствіе его распространяется на сердце и голову; глаза дѣлаются особенно какъ-то свѣтлы и начинаютъ блестѣть. Трудно рассказать, какое блаженство я чувствовалъ въ подобныя минуты. Товарищи мои подъ его вліяніемъ засыпали, а я удерживался отъ сна и чувствовалъ себя счастливымъ тѣмъ, что могъ грезить съ открытыми глазами.

Послѣ чая караванъ постепенно оживляется и дѣлается шумнѣе. Обыкновенно общество все разбивается на кооши — небольшія группы, представляющіе какъ бы отдѣльные дома путешествующаго города. Въ каждомъ идетъ своя работа, которою занимаются только люди помоложе, а старички продолжаютъ еще отдыхать. Вотъ въ одномъ пекутъ хлѣбъ: обор-

ванный хаджи сидить и мѣсить своими грязными руками черное тѣсто; полчаса уже онъ занятъ своею работою, а руки чище не стали, потому что на нихъ въ нѣсколько дней набирается столько грязи, что одно тѣсто всю ее въ себя не вбираетъ. Въ другомъ кружкѣ варятъ, а что варятъ—это можно сказать и не глядя, потому что ароматъ прогорѣлаго бараньяго сала, или черезъ-чуръ ужъ пикантныхъ верблюжьихъ или лошадиныхъ котлетъ самъ о себѣ говоритъ. На глазъ кушанья мало привлекательны, но въ пустынѣ на это не обращаютъ вниманія, ибо всѣ голодны, а голодъ, какъ извѣстно, лучшій поваръ.

Въ развлеченіяхъ отдыхающій караванъ тоже не ощущаетъ недостатка, если только время стоянки можетъ быть продолжено. Любимѣйшую забаву въ такомъ случаѣ составляетъ стрѣльба въ цѣль, причемъ побѣдитель получаетъ всегда въ награду нѣсколько пороху и свинцу. Въ нашемъ караванѣ забава эта была рѣдко возможна, потому что по нашей малочисленности мы были постоянно подвержены опасности и должны были держать себя такъ, чтобы насъ не было слышно. Товарищи мои все свободное время проводили въ спаньѣ, чтеніи корана, исполненіи другихъ религіозныхъ обрядовъ, или занимались туалетомъ. Хотя я и говорю о туалетѣ, но, надѣюсь, всякій догадается, что тутъ о будуарѣ съ его благоуханіями и тому подобнымъ и рѣчи нѣтъ. Туалетъ туркмена заключается въ выщипываніи маленькими щипчиками волосъ на верхней губѣ; а что касается до туалета хаджи и моего въ томъ

числѣ, то онъ былъ такъ простъ и прозаиченъ, что и говорить о немъ не стоитъ. Необходимѣйшими для него потребностями были: песокъ, огонь и муравьи, а какое дѣлали мы изъ нихъ употребленіе, это пусть останется загадкою для читателя.

Изъ азійскихъ народовъ татаринъ лучше всѣхъ приспособляется къ жизни въ пустынѣ. Какъ чело-вѣкъ суевѣрный и слѣпой фаталистъ, онъ легко смотритъ на грозящія опасности, а съ грязью, бѣдностью и лишеніями всякаго рода знакомъ и дома; поэтому неудивительно, что онъ, съ корою грязи на лицѣ, по мѣсяцамъ не мѣняя одежды, остается очень доволенъ своею судьбой. Довольство это постоянно меня изумляло, а особенно за вечернею молитвой, когда всѣ возносили благодаренія Аллаху за благодѣянія, ниспосланныя имъ.

Для вечерней молитвы караванъ вытягивается обыкновенно въ линію, во главѣ которой, обратясь лицомъ къ заходящему солнцу, стоитъ имамъ и читаетъ молитву. Царствующая окрестъ мертвая тишина еще болѣе увеличиваетъ торжественность этой минуты. А какъ взглянешь на дикія, но дышущія довольствомъ лица молящихся, освѣщенные послѣдними лучами солнца, то такъ и видишь, что люди эти и не желаютъ себѣ болѣе удобствъ въ жизни. Часто мнѣ при этомъ приходило въ голову: какой бы видъ имѣли они, сидя на мягкой подушкѣ купе перваго класса, или въ комнатѣ хорошей гостинницы? Какъ безконечно далеки еще эти страны отъ цивилизаціи и ея благодѣяній!

Все это—жизнь каравана днемъ. Ночью пустыня

болѣе поэтична, но и болѣе опасна, потому что глазъ можетъ разглядѣть только ближайшіе предметы. Поэтому ночью, и на ходу, и на стоянкѣ, всѣ тѣсняются въ кучу, всѣ жмутся одинъ къ другому. Днемъ караванъ тянется длинною цѣпью, ночью же цѣпь эта дѣлится на 6 — 8 частей, которыя, идя рядомъ, образуютъ четырехугольникъ, по бокамъ котораго всегда помѣщаются самые храбрые.

Длинная тѣнь, бросаемая верблюдами въ лунную ночь, имѣетъ своеобразный видъ. Въ беззвѣздную же, темную ночь, всѣмъ овладѣваетъ страхъ и отойти на шагъ отъ каравана—все равно, что изъ родимаго дома очутиться вдругъ въ безпомощномъ одиночествѣ.

*

*

*

На дневной стоянкѣ каждый выбираетъ себѣ мѣсто, какое ему нравится, ночью же подъ наблюдениемъ берванбаши изъ каравана дѣлается родъ укрѣпленнаго лагеря. Въ срединѣ складываются товарные тюки, возлѣ нихъ помѣщаются люди, а кругомъ всего стѣною кладутъ верблюдовъ плотно одинъ къ другому. Я говорю кладутъ, потому что эти удивительныя животныя ложатся по приказанію, остаются всю ночь неподвижно на своихъ мѣстахъ и утромъ поднимаются опять какъ будто по приказанію. Ихъ кладутъ головами кнаружи, потому что они издали чуютъ врага и глухимъ хрипѣніемъ возвѣщаютъ о приближеніи опасности, такъ что и во время отдыха продолжаютъ быть полезными. Положеніе людей, лежащихъ близко отъ верблюдовъ, не совсѣмъ пріятно,

ибо животныя эти издають отъ себя противнѣйшій запахъ въ мѣрѣ. Часто даже на разстояніи выстрѣла спящимъ путникамъ случается видѣть на себѣ осязательныя послѣдствія соленого корма и соленой воды, которыми верблюды наслаждаются въ теченіе дня. Мнѣ самому случалось не рѣдко просыпаться расписаннымъ альфреско, но на это почти не обращается никакого вниманія: кто же станетъ сердиться на животное, правда противное по виду, но такое терпѣливое, воздержное, кроткое и полезное.

Неудивительно, что путешественникъ по пустынѣ цѣнить верблюда выше прочихъ животныхъ и любить его чуть не до обожанія. Питаясь чертополохомъ, котораго никакого другое четвероногое ѣсть не станетъ, верблюдъ идетъ, не утомляясь, цѣлыя недѣли, даже мѣсяцы. Безъ него въ этихъ пустыняхъ человѣкъ существовать бы не могъ, а онъ такъ кротокъ, что ребенокъ однимъ словомъ «чухъ!» можетъ заставить лечь цѣлое стадо такихъ большихъ и сильныхъ животныхъ, и однимъ же словомъ «берръ!» заставить встать.

Въ большихъ, темносиннихъ глазахъ верблюда можно многое прочесть. Если переходъ очень длиненъ, или песокъ глубокъ, глаза принимаютъ грустное выраженіе. Особенно оно бываетъ замѣтно во время нагрузки, когда на спину верблюда взвѣшаютъ слишкомъ тяжелый тюкъ. Животное гнется подъ тяжестью, со слезою на глазахъ оборачиваетъ голову къ хозяину и такъ тяжко, жалобно стонетъ, какъ будто хочетъ сказать: «человѣкъ, сжался же надо мною».

Верблюды имѣютъ постоянно весьма серьезный видъ, исключая только то время года, когда онъ, вслѣдствіе законовъ природы, ходитъ въ какомъ-то полупьянѣломъ состояніи. Въ выраженіи фізіономіи его нельзя не признать халдейско-симетическаго типа, и первоначальную родину верблюда безспорно надо искать между Тигромъ и Евфратомъ или въ Аравійской пустынѣ.

Туркмены портятъ фізіономію верблюда, варварскимъ образомъ прокалывая ему носъ и, пропуская сквозь него веревку.

Приказъ стать лагеремъ дѣйствуетъ пріятно и освѣжительно на путниковъ и на животныхъ; сигналъ же къ выступленію дѣйствуетъ обратно. Первымъ подымается съ мѣста керванбаши. По его приказанію, или по знаку, имъ данному, все начинаетъ готовиться въ походъ; даже верблюды, пасущіеся въ сторонѣ, понимаютъ въ чемъ дѣло и часто сами спѣшатъ къ каравану. При этомъ всего удивительнѣе то, что они узнаютъ свои тюки, своихъ всадниковъ и прямо подходятъ къ нимъ. Черезъ четверть часа все уже заняло свои мѣста — и тамъ, гдѣ стоялъ караванъ, остаются лишь обглоданныя кости, да пепелища импровизованныхъ очаговъ. Эти слѣды минутной жизни въ пустынѣ исчезаютъ также быстро, какъ и являются; иногда, впрочемъ, они, вслѣдствіе какихъ-нибудь климатическихъ случайностей, остаются на болѣе долгое время и радуютъ путника, случайно попавшаго на такое мѣсто, напоминая ему, что здѣсь не задолго до него были люди, была жизнь.

Говоря объ этихъ пепелищахъ, я не могу не вспомнить, кстати, о тѣхъ громадныхъ выжженныхъ пространствахъ, которыя попадались мнѣ въ пустынь между Персией и Хивой и о которыхъ я слышалъ у номадовъ такъ много чудеснаго. Въ жаркое время года, когда вся растительность засыхаетъ, бываетъ иногда достаточно одной неосторожно брошенной искры, чтобы зажечь всю степь. Пламя обхватываетъ мѣстность съ такою быстротой, что даже на лошади трудно спастись отъ него; разлившимся потокомъ течетъ огонь по травѣ. Встрѣчая кустарникъ, съ дикой яростію вздымается онъ вверхъ и только рѣка или озеро могутъ остановить пожаръ. Ночью это зрѣлище должно быть ужасно—цѣлое огненное море освѣщаетъ весь горизонтъ; даже храбрѣйшіе люди теряются. Чтобы спастись, нужно только сохранить присутствіе духа и, пока еще пламя далеко, поджечь траву передъ собою и такимъ образомъ лишить огонь пищи. Только огнемъ можно защититься отъ огня.

Враждующія племена употребляютъ часто такой пожаръ, какъ оружіе, и ужасно бываетъ производимое имъ опустошеніе! Часто также прибѣгаетъ къ этому средству какая-нибудь влюбленная пара, бѣжавшая и желающая спастись отъ преслѣдованія. Средство это имъ удается, если нѣтъ вѣтра и огонь, слѣдовательно, подвигается медленно; но часто и малѣйшаго вѣтерка достаточно, чтобы съ силой погнать пламя — тогда бѣглецы, не разлученные, дѣлаются жертвою своего собственнаго защитника.

Замѣчательно, что и самые туземцы-кочевники не

остаются равнодушными къ величію пустыни и къ чаще другихъ повторяющимся въ ней явленіямъ природы. Когда мы находились на Кафланкирской плоской возвышенности, образующей часть тянущагося на сѣверовостокъ Устѣюрта, то часто видѣли на горизонтѣ красивыя фата-морганы. Отраженія эти въ знойномъ, но все-таки прозрачномъ воздухѣ представляютъ, безспорно, красивѣйшій обманъ зрѣнія. Я нѣсколько разъ любовался видомъ этихъ танцующихъ городовъ, башенъ, замковъ, большихъ каравановъ, сражающихся всадниковъ и отдѣльных великановъ, то исчезающихъ, то снова появляющихся въ другомъ мѣстѣ. Спутники мои, особенно кочевники, смотрѣли на это явленіе природы въ благоговѣйномъ безмолвіи. По ихъ мнѣнію это были тѣни городовъ и людей, нѣкогда здѣсь существовавшихъ и погибшихъ, а нашъ керванбаши утверждалъ даже, что онъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ видѣлъ всегда однѣ и тѣ же фигуры и, что мы, если погибнемъ въ пустынѣ, будемъ также черезъ извѣстное число лѣтъ появляться въ воздухѣ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ погибнемъ.

Это часто встрѣчающееся у кочевниковъ сказаніе о погибшей цивилизаціи въ пустынѣ, недалеко отъ недавно высказаннаго въ Европѣ мнѣнія, что тѣ страны, которыя мы называемъ пустынею, сдѣлались таковыми не столько вслѣдствіе законовъ природы, сколько отъ соціальныхъ обстоятельствъ. Въ примѣръ приводятся Сахара и великая Аравійская пустыня, гдѣ скорѣе не достаетъ прилежныхъ рукъ, чѣмъ земли, годной для обработки. Относительно

последнихъ пустынь, можетъ быть, мнѣніе это и вѣрно, что же касается до степей Малой Азіи, то къ нимъ оно неприложимо. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, какъ Мервъ, Мангишлакъ, Гергенъ и Отраръ, земледѣліе могло существовать нѣсколько вѣковъ тому назадъ, какъ оно существуетъ и въ настоящее время, что же касается вообще всей пустыни Средней Азіи, то она, на сколько память человѣческая хватаетъ, всегда была такою же ужасною и дикою какъ теперь. Отсутствіе воды, годной для питья, на разстояніи нѣсколькихъ дней пути; на нѣсколько миль простирающіяся пространства, покрытыя глубочайшимъ пескомъ; климатическія условія — все это такія препятствія, съ которыми человѣческому искусству и знанію трудно было бы бороться. «Туркестанъ и обитателей его», сказалъ мнѣ однажды одинъ среднеазіятець, «Богъ создалъ во гнѣвъ, ибо, пока не исчезнетъ горько-соленый вкусъ воды источниковъ въ пустынь, до тѣхъ поръ туркестанецъ не изгонитъ злобы и непріязни изъ сердца своего.»

Да, злоба и непріязнь людскія для путешественника по пустынь опаснѣе, чѣмъ бѣшенство разъяренныхъ стихій. Палящій зной, раскаленный песокъ, мученія жажды, голодь, усталость — все бы можно перенести, еслибы душу не волновалъ постоянный страхъ попасть на коня какой-нибудь бродящей разбойничьей шайки, или, что еще хуже, боязнь окончить жизнь въ рабствѣ. Что значить могила среди песковъ пустыни въ сравненіи съ медленною мученическою смертью въ плѣну у туркменъ?

V.

Палатка и ея обитатели.

Одинъ остроумный критикъ моего «Путешествія по Средней Азiи» говоритъ: «Mr. Vámbéry wandered because he has the wild spirit of derwishisme strong within him» *). Прочтя это, я нашелъ приговоръ слишкомъ строгимъ и всегда буду протестовать противъ этого деликатно выраженнаго титула бродяги; но я открыто сознаюсь, что палатка, эта улиточья скорлупа номада, оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Странное какое-то чувство испытывается, когда, среди моря неподвижныхъ жилищъ, каковы наши города, вспомнишь о легкой палаткѣ азiятца! Порокъ дервишества заразителенъ, но не для всякаго; поэтому я не думаю, чтобы читателю было опасно послѣдовать за мною на нѣсколько минутъ въ Среднюю Азію, чтобы бросить взглядъ на тамошнюю жизнь, столь во всемъ не похожую на нашу.

---

*.) Господинъ Вáмбэри путешествовалъ потому, что его сильно обуялъ дикій духъ дервишизма.

Время около полудня. Семья киргизовъ, навьючивъ весь свой домъ и скарбъ на нѣсколько верблюдовъ, медленно двигается въ сопровожденіи своего стада къ мѣсту, которое имъ издали указываетъ всадникъ поднятымъ кверху копьемъ. По туземнымъ понятіямъ караванъ покоится, когда движется, а начинаетъ жить, когда останавливается, т. е. когда, по нашему, начинаетъ отдыхать. Старухи, сидяція на верблюдахъ (молодые идутъ пѣшкомъ), не хотятъ пользоваться покоемъ и прядутъ грубую верблюжью шерсть для мѣшковъ. Изъ молодыхъ только дочневѣста имѣетъ привилегію праздно сидѣть на качающемся животномъ. Отъ нечего дѣлать она занимается чищеніемъ своего длиннаго, висящаго на груди ожерелья, состоящаго изъ русскихъ, старобактрійскихъ, монгольскихъ и хивинскихъ монетъ. Она такъ углубляется въ свое занятіе, что иной европейскій нумизматикъ счелъ бы ее, пожалуй, за собрата; а между тѣмъ отъ ея вниманія не ускользаетъ ни одно движеніе молодого киргиза, который, желая блеснуть своимъ искусствомъ, молодцовато носится на лошади кругомъ ея. Наконецъ караванъ достигаетъ назначеннаго мѣста. Тутъ житель городовъ конечно ожидаетъ большой суматохи — ни чуть не бывало! Ни малѣйшаго замѣшательства: всякій знаетъ свою обязанность, знаетъ, что ему дѣлать.

Пока отецъ семейства разсѣдываетъ свою, уже остывшую лошадь, чтобы пустить ее на пастбище, молодые люди съ страшными криками собираютъ стадо овецъ и верблюдовъ въ кучу, такъ какъ уже время ихъ доить. Палатка между тѣмъ уже снята

съ верблюда. Старуха, сильно отплевываясь то вправо, то влево, устанавливаетъ рѣшетчатый остовъ ея, другая укрѣпляетъ согнутыя въ дугу палки, образующія верхній сводъ палатки, а третья занята прилаживаніемъ кружка, служащаго и обномъ и дымовою трубой. Пока палатку обтягиваютъ снаружи войлоками, дѣти внутри ея развѣшиваютъ мѣшки по стѣнамъ, разводятъ огонь и устанавливаютъ надъ нимъ колоссальный треножникъ. Все это занимаетъ лишь нѣсколько минутъ. Жилище кочевника устроивается какъ бы волшебствомъ и точно также, какъ бы волшебствомъ исчезаетъ. Передъ палаткою между тѣмъ идетъ страшный шумъ: крикъ животныхъ, женщинъ, плачь дѣтей—все это вмѣстѣ составляетъ хоръ, странно-звучащій среди полдневной тишины пустыни. Впрочемъ, доеніе молока — эта жатва кочевника—бываетъ самымъ оживленнымъ часомъ всего дня. Особенно много возни съ прожорливыми ребятами, у которыхъ отъ безпрестаннаго питья молока животы вздуваются, какъ барабаны. Бѣдныя женщины, занимающіяся доеніемъ, много терпятъ отъ нетерпѣливости, или злости животныхъ. Мущины же стоятъ около, но ни одинъ не поможетъ, потому что для мущины считается величайшимъ стыдомъ принять участіе въ какой-нибудь женской работѣ ¹⁾.

---

¹⁾ Однажды въ Этрекѣ мы набрали маленькій мѣшечекъ пшеницы; я, придя домой, хотѣлъ ее смолоть на ручной мельницѣ, какъ вдругъ туркмены разразились громкимъ хохотомъ; я сконфузился и спросилъ о причинѣ смѣха. Тогда одинъ, подойдя ко мнѣ, дружелюбно сказалъ: «Стыдно заниматься женскою работою! Впрочемъ, мулламъ и хаджи не достаетъ свѣтскаго образованія, поэтому вамъ все извинительно».

Когда молоко собрано и разлито въ кожаные мѣхи (глиняная и деревянная посуда здѣсь роскошь), стадо разсыпается по всей равнинѣ. Шумъ постепенно утихаетъ, кочевникъ удаляется въ палатку, приподнимаетъ немного нижній край войлока, и пока западный вѣтерокъ, съ шелестомъ проходя сквозь рѣшетчатый остовъ палатки, навѣваетъ сладкій полуденный сонъ на ея хозяина, женщины въ палатки принимаются за работу—доканчивать на половину уже готовый кусокъ войлока. Весело смотрѣть, какъ шестъ, а иногда болѣе, свободныхъ дочерей пустыни, стоя плотно въ рядъ, сильнымъ движеніемъ ногъ валяютъ завернутый въ тростниковую циновку войлокъ. Передняя изъ работницъ, женщина постарше, бьетъ тактъ и ведетъ эту пляску; она всегда отлично знаетъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ коверъ выйдетъ плохъ и не такъ плотенъ. У кочевниковъ Средней Азии приготовленіе войлока, этой безспорно простѣйшей матеріи, какую когда-либо измыслилъ умъ человѣческой, остается въ томъ же положеніи въ какомъ оно должно было при самомъ его изобрѣтеніи. Любимый цвѣтъ войлока сѣрый, пестрый—роскошь, а бѣлый употребляется только въ торжественныхъ случаяхъ. Ковры, встрѣчающіеся только у богатыхъ номадовъ—у туркменъ и узбековъ, требуютъ уже болѣе искусства или бѣльшихъ столкновеній съ цивилизованнымъ міромъ; рисунки для нихъ заимствуются съ платковъ и ситцевъ европейской фабрикаціи. Я всегда удивлялся, какъ искусно здѣшнія женщины копируютъ эти рисунки, или, что еще замѣчательнѣе, дѣлаютъ ихъ на память, всего только одинъ разъ видѣвъ образецъ.

Пока несчастныя женщины трудятся до изнеможения за тяжелыми работами, хозяинъ дома продолжаетъ поживать. Между тѣмъ стадо подгоняютъ къ палаткѣ, и только-что станеть немножко попрохладнѣе, какъ все въ одно мгновеніе ока разбирается, накладывается на верблюдовъ и двигается дальше. Это уже второй дневной переходъ, а между тѣмъ и люди, и животныя такъ бодры, какъ будто они годы сидѣли на одномъ мѣстѣ и, соскучившись, ищутъ перемѣны.

Много спустя по захожденіи солнца, когда надъ необозримымъ горизонтомъ пустыни раскинется блестящій звѣздный шатеръ, кочевники останавливаются, чтобы провести холодные ночные часы подъ теплымъ войлочнымъ одѣяломъ. Живо устанавливается на огонь колоссальная кухонная батарея и еще живѣе опоражнивается. О гигантскомъ аппетитѣ кочевника европейцу трудно составить даже приблизительное понятіе.

Едва прошелъ часъ съ остановки каравана, какъ всѣ уже поужинали, помолились и улеглись спать: старшіе въ палаткѣ, младшіе подъ открытымъ небомъ, вокругъ стада. Но гдѣ есть взрослая дочь-невѣста, тамъ обыкновенно бываетъ нѣсколько иначе. У кочевниковъ не могло еще пустить корни строгое veto ислама относительно обхожденія съ женщинами. Гаремы здѣсь еще не существуютъ и молодой кочевникъ отлично знаетъ по какой звѣздѣ держать путь, чтобы среди безслѣдной пустыни найти палатку своей возлюбленной. Появленіе его рѣдко бываетъ неожиданно — и дѣвушка чуетъ, съ какой стороны въ ти-

хой ночи зазвучать конскія копыта, и всегда занимаетъ передовой постъ въ томъ направленіи. Сомнѣнья нѣтъ, что нѣжная бесѣда двухъ дѣтей пустыни не вполне соотвѣтствуетъ нашимъ эстетическимъ понятіямъ, но поэзія есть вездѣ, и у кочевниковъ она, можно сказать, даже болѣе дома, чѣмъ у насъ, на западѣ. Часто случается, что собираются нѣсколько влюбленныхъ паръ вмѣстѣ, и общій разговоръ, украшенный дикими татарскими метафорами и непремѣнно риемованный, бываетъ иногда безконеченъ. Сначала бесѣды эти мнѣ нравились, но потомъ надоѣдали, ибо происходили въ одной палаткѣ со мною и, не смотря на всю мою усталость, не давали мнѣ спать.

Я представилъ читателю слабый очеркъ жизни номадовъ въ хорошее время года, а зимой, особенно въ верхней Азіи, гдѣ бываютъ сильные холода, эта бродячая жизнь теряетъ всю свою поэзію. Даже туземцы, жители городовъ, удивляются, какъ могутъ кочевники жить на свободѣ во время такихъ страшныхъ бурь и цѣлыя недѣли продолжающихся снѣговъ.

Жить въ палаткѣ при холодѣ въ 30° Реомюра должно быть не особенно пріятно, но закаленному сыну пустыни это ни почемъ. Онъ закутывается въ двойную одежду, ставитъ палатку гдѣ-нибудь въ оврагѣ или другомъ мѣстѣ, болѣе защищенномъ отъ вѣтра, обтягиваетъ ее двойнымъ войлокомъ, зажигаетъ саксауль (тяжелый, узловатый древесный корень) и, когда начинается отъ огня и отъ скучившейся семьи распространяться теплота, совершенно забывается недостатокъ болѣе прочнаго жилища. Всѣ тѣснымъ

кружкомъ усаживаются вокругъ очага; старшая дочь обноситъ безпрестанно мѣхъ съ кумысомъ, этимъ любимымъ напиткомъ кочевника, веселящимъ сердце и развязывающимъ языкъ, а если къ этому да придетъ еще бакши (трубадуръ) своими пѣснями скоротать вечерокъ, то и дикое завываніе вѣтра покажется музыкою.

Если какія-нибудь чрезвычайныя атмосферныя явленія, какъ песчаные ураганы, снѣжные вихри, не нарушаютъ обычнаго теченія жизни, то кочевникъ чувствуетъ себя такимъ счастливымъ, какимъ, можно сказать, не сдѣлаетъ его никакая цивилизація въ мірѣ.

Вообще у всѣхъ жителей Средней Азіи потребности такъ незначительны, что бѣдность здѣсь встрѣчается очень рѣдко, а такой тяжелой бѣдности, какъ у насъ, и примѣровъ нѣтъ. Если бы не сильная склонность къ войнѣ и грабежу, то жизнь кочевниковъ могла бы протекать тихо и спокойно. Война — вездѣ несчастіе, а здѣсь ея слѣдствія такъ бываютъ ужасны, что трудно вообразить. Часто одно племя, чувствуя себя сильнѣе другаго, вдругъ безъ малѣйшей причины нападаетъ на него. Всѣ носящіе оружіе или побѣждаютъ, или падаютъ мертвыми, а жены, дѣти побѣжденныхъ и стада ихъ идутъ въ добычу побѣдителямъ. Какъ часто случается, что иная семья ложится спать довольная и счастливая, а наутро, лишенная отца, матери, свободы, имущества, живетъ уже врозь, далеко одинъ отъ другаго.

У туркменъ близъ Хивы я видѣлъ въ неволѣ много киргизскихъ семействъ, бывшихъ нѣкогда зажиточными. Несчастные такъ покорились своей судьбѣ,

какъ будто неволя для нихъ была закономъ природы. Они такъ преданы были интересамъ своего хозяина, такъ ласкали и любили его дѣтей, а между тѣмъ человекъ этотъ похитилъ ихъ, убилъ ихъ отцевъ и самихъ ихъ на вѣкъ заклеилъ позорнымъ именемъ куль (рабъ). Буддизмъ, христіанство и исламъ поочередно пытались проникнуть въ степи верхней Азіи. Первый и послѣдній укрѣпились въ ней, но, не смотря на это, среднеазіатскій кочевникъ продолжаетъ оставаться такимъ же, какимъ онъ былъ во время арабскаго завоеванія, или походовъ Александра Великаго, и какимъ нашелъ его Геродотъ. На вѣкъ останутся для меня незабвенными часы, проведенные мною въ историческихъ бесѣдахъ со старыми киргизами и туркменами. Нарисовать себѣ картину первобытнѣйшей простоты нравовъ есть возможность, но все это будетъ не то, когда увидишь передъ собою живой памятникъ цивилизаціи, за нѣсколько тысячелѣтій предшествовавшей намъ.

Среднеазіятецъ говоритъ о Румѣ (нынѣшная Турція), какъ говорилъ о немъ во времена цезарей: слушая какого-нибудь сѣдовласаго старца, какъ онъ описываетъ величину и силу этого государства, можно подумать, что онъ не далѣе, какъ вчера участвовалъ въ бою непобѣдимыхъ легионовъ съ пареянами. Онъ такъ привыкъ со словомъ Румъ связывать понятіе о величій, что никакъ не повѣритъ, чтобъ его Румъ терялся передъ древнимъ Римомъ. По его понятіямъ, только развѣ одинъ Китай можетъ быть сравненъ своимъ могуществомъ съ Румомъ, хотя, впрочемъ, всѣ преданія и сказки о Китаѣ говорятъ болѣе объ

искусствахъ и красотѣ его жителей, чѣмъ о ихъ храбрости.

На русскихъ смотрять, какъ на совокупность хитрости и лукавства, съ помощью которыхъ и сдѣланы всѣ новѣйшія ихъ пріобрѣтенія. Относительно англичанъ извѣстно, что умершій бухарскій эмиръ при первомъ знакомствѣ съ англичанами очень разсердился на то, что «инглизы, которыхъ имя только-что стало еще извѣстнымъ, осмѣлились передъ нимъ назвать себя девлетомъ (правительствомъ).»

Чужеземца въ Средней Азіи въ высшей степени поражаетъ гостепрѣимство ея жителей, какого, пожалуй, еще не встрѣтишь на востокѣ. У турокъ, персіанъ, арабовъ осталось только слабое воспоминаніе объ этомъ древнемъ обычаѣ и наши европейскіе туристы имѣли, я думаю, полнѣйшую возможность убѣдиться, что умовеніе ногъ, закланіе овецъ дѣлаются только въ надеждѣ на хорошій бахшишъ или пишкешъ, какъ говорятъ въ Персіи. Хотя коранъ говорить: «почти гостя, если онъ даже и невѣрный», но почитаніе это не рѣдко бываетъ эхомъ посланническихъ, или консульскихъ приказаній. Въ Средней Азіи совсѣмъ не то. Гостепрѣимство, такъ сказать, прирождено ея жителямъ: они могутъ быть дики, жестоки, вѣроломны, но не быть гостепрѣимными не могутъ. Во время пребыванія моего у тургменъ, одинъ изъ моихъ нищихъ спутниковъ, ходя цѣлый день по окрестностямъ за подаваніями, вечеромъ зашелъ въ отдѣльно стоявшую палатку, чтобы провести въ ней ночь. Принять онъ былъ, по обычаю, дружелюбно, но скоро замѣтилъ, что хозяинъ чѣмъ-

то разстроены и въ смущеніи бѣгаютъ назадъ и впередъ, какъ бы ища чего-то. Нищій сталъ уже было пугаться, какъ вдругъ туркмень подошелъ къ нему и, краснѣя, попросилъ въ займы нѣсколько кранъ, чтобы приготовить ужинъ, говоря, что у него нѣтъ ничего, кромѣ сушеной рыбы—очень плохого блюда для гостя. Отказать, разумѣется, нельзя было. Товарищъ мой досталъ изъ-подъ лохмотьевъ свой кошелекъ и далъ хозяину пять кранъ—тѣмъ дѣло пока и кончилось. Послѣ дружеской бесѣды и ужина, гостю указали на мягчайшій войлокъ для спанья, а утромъ съ честью проводили. «Едва я отошелъ на полчаса отъ палатки», такъ рассказывалъ мой пріятель, «какъ вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ какой-то туркмень и съ угрозами требуетъ мой кошелекъ. Каково было мое удивленіе, когда я въ разбойникѣ узналъ моего вчерашняго хозяина! Я думалъ онъ шутить и заговорилъ съ нимъ по дружески, но онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ. Чтобъ избѣжать дурныхъ послѣдствій, мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ отдать разбойнику мой кошелекъ, нѣсколько крупинокъ чая, гребень, ножикъ, все, что у меня было. Послѣ этого я хотѣлъ продолжать далѣе путь, какъ вдругъ туркмень остановилъ меня, раскрылъ мой, т.-е. уже свой, кошелекъ, вынулъ изъ него пять кранъ и, отдавая ихъ мнѣ, сказалъ: «на, вотъ возьми мой вчерашній долгъ,—теперь мы квиты. Можешь идти далѣе».

VI.

Хивинскій дворъ.

Дворы восточныхъ властителей, отъ берега Босфора до Пекина и Иеддо, блескъ золота и алмазовъ въ ихъ дворцахъ, пышность и великолѣпіе восточной жизни — давно и нѣсколько разъ уже описаны. Не достаетъ только свѣдѣній о придворной жизни туркменскихъ правителей, поэтому, думаю, очеркъ ея не будетъ лишнимъ.

Хотя глазъ здѣсь не встрѣчаетъ ничего поражающаго блескомъ, ошеломляющаго, изумляющаго, но, тѣмъ не менѣе я надѣюсь, никто не раскается, послѣдовавъ за мною по кривымъ улицамъ Хивы черезъ крытый базаръ въ аркъ — ханскій замокъ. Какъ всё жилища среднеазіатскихъ повелителей, аркъ сильно укрѣпленъ и окруженъ двойнымъ рядомъ стѣнъ. Пройдя узкими воротами, мы вступаемъ на первый дворъ, наполненный тѣлохранителями и другими солдатами и служителями. Вблизи отъ входа лежатъ двѣ длинныя пушки, недурно украшенныя симметрическими фигурами, сдѣланныя вѣроятно въ Дели. При-

везъ ихъ сюда могучій Надиръ и здѣсь же при своемъ поспѣшномъ отступленіи бросилъ. Пройдя вторыя ворота, вы очутитесь на другомъ, довольно просторномъ уже дворѣ. На одномъ концѣ его стоитъ неказистое зданіе, похожее на открытый каретный сарай—въ немъ засѣдаетъ высшее чиновничество подъ предсѣдательствомъ матера (министра внутреннихъ дѣлъ); влѣво отъ этого зданія стоитъ нѣчто въ родѣ караульнаго дома днемъ наполненнаго солдатами, полицейскими и палачами, ожидающими ханскихъ приказаній. Между обоими этими постройками простая скромная дверь ведетъ въ самое жилище его хивинскаго величества. Снаружи жилище это, такое же, какъ и остальные дома въ городѣ, — оно похоже на бѣдную мазанку, разумѣется, безъ оконъ. Внутри то же нѣтъ особенной роскоши: только нѣсколько большихъ цѣнныхъ ковровъ, дивановъ, круглыхъ подушекъ, да множество сундуковъ, что и составляетъ всю мебельровку дворца, напоминаютъ о санѣ владѣльца дома. Комнатъ немного и онѣ раздѣляются на двѣ половины: гаремъ и селамдшай (пріемная).

Никакой особенной пышности нигдѣ не замѣтно. Единственнымъ знакомъ ханскаго достоинства служатъ цѣлая толпа челяди и лакеевъ, поэтому мы ими и займемся. Во главѣ управленія домомъ стоитъ дестурхандши (буквально: разстилающей скатерть), котораго должность состоитъ собственно въ смотрѣніи за ханскимъ столомъ, въ присутствованіи въ полной формѣ при обѣдѣ и въ наблюденіи за всѣми другими служителями; за нимъ идетъ мехремъ, по должности нѣчто въ родѣ камердинера, а на самомъ

дѣлѣ тайный совѣтникъ, кромѣ домашнихъ дѣлѣ вмѣшивающійся въ государственныя и имѣющій большое вліяніе на хана. Послѣ этихъ двухъ слѣдуютъ остальные слуги, каждый съ своею опредѣленною должностію: ашшесъ (поварь) приготовляетъ кушанья; ашмехтеръ подаетъ ихъ на столъ; шербетши дѣлаетъ чай, шербеты и кромѣ того долженъ быть опытенъ въ приготовленіи разныхъ элексировъ, чудодѣйственныхъ декоктовъ; пайеке завѣдываетъ чилмомъ — ханскимъ кальяномъ, дѣлаемымъ изъ серебра или золота, и наполняемымъ при каждой набивкѣ свѣжею водою. При другихъ среднеазіатскихъ дворахъ должности этой не существуетъ, ибо употребленіе табака строго запрещено закономъ. Хотя будуара его татарское величество не имѣетъ, но при туалетѣ его прислуживаютъ ему многіе «услужливые духи»: шилаптши, стоя на колѣнахъ, держитъ лоханку; кумгандши льетъ воду изъ серебрянаго или золотого сосуда, а румальдши кончиками пальцевъ держитъ полотенце и ловко набрасываетъ его своему повелителю на руки, когда первые двое исчезаютъ изъ комнаты; кромѣ того есть спеціальныи сертарашъ, который брѣшетъ хану голову и долженъ особенно искусно умѣть руками обжимать ему черепъ, что особенно любятъ восточные жители; тернактши, который обрѣзаетъ хану ногти, и хадимдши, который, когда ханъ сильно утомится отъ дѣлѣ, колѣнами расправляетъ члены его величества, т.-е., становясь ему колѣнами на спину, мнетъ ему все тѣло, такъ что кости трещатъ. Наконецъ тешектши приготовляетъ постель хану, т.-е. разстилаетъ мягкіе войлоки или ма-

трацы. Великолѣпная верховая сбруя и оружіе находятся подъ надзоромъ казнадши, который при торжественныхъ выѣздахъ находится вблизи хана, а во главѣ свиты въ такихъ случаяхъ идетъ дшигадши, несущій султанъ изъ перьевъ.

Одежда и кушанье хана отличаются очень немного отъ одежды и кушанья богатыхъ купцовъ и знатныхъ чиновниковъ. Ханъ носитъ такую же тяжелую баранью шапку, такіе же неуклюжіе сапоги, набитые нѣсколькими аршинами тряпокъ, и такой же ситцевый или шелковый кафтанъ, подбитый толстымъ слоемъ ваты, какіе носятъ и подданные, и, точно также какъ они, потѣетъ онъ въ страшные іюльскіе жары, ходя въ этомъ костюмѣ, годномъ развѣ для Сибири. Вообще положеніе хорозанскаго властителя также незавидно, а пожалуй еще и жалче, чѣмъ доля остальныхъ восточныхъ владыкъ. Въ странѣ, гдѣ грабежь, убійство, анархія, беззаконіе—вещи обыденныя, личность правителя можетъ только внушать паническій ужасъ, а не быть любимой. Всѣ, даже приближенные хана, боятся его безграничной власти, а родственники, жены и дѣти не рѣдко злоумышляютъ на его жизнь. Кромѣ того, онъ долженъ быть образцомъ всѣхъ исламитскихъ добродѣтелей и узбекской нравственности,—иначе каждое незначительнѣйшее нарушеніе ихъ со стороны хана дѣлается предметомъ городскихъ толковъ. Разумѣется, порицать хана никто не смѣетъ даже и за болѣе крупныя проступки, но они оскорбляютъ мулль, имѣющихъ большее вліяніе на народъ—что противно выгодамъ хана.

Какъ всякій правовѣрный, ханъ долженъ вставать

съ постели до солнечнаго восхода и принимать участие вмѣстѣ со всѣми въ утренней молитвѣ, продолжающейся болѣе получаса. Затѣмъ онъ кушаетъ нѣсколько чашекъ чая, приправленнаго жиромъ и солью. Въ чаю приглашаются часто нѣкоторые ученые муллы: они должны оживлять завтракъ его величества своими объясненіями священнаго закона, или рѣшеніемъ другихъ религіозныхъ вопросовъ — изъ всего этого, конечно, его величество весьма рѣдко что-нибудь понимаетъ. Глубокомысленныя разсужденія эти обыкновенно навѣваютъ сонъ на хана; когда онъ начинаетъ храпѣть, ученые мужи удаляются. Это называется утреннимъ отдыхомъ и продолжается 2—3 часа. По пробужденіи начинается селамъ (пріемъ) министровъ и другихъ чиновныхъ лицъ. Ханъ вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей правителя: тутъ обсуждаются предпринимаемые разбойничьи набѣги, занимаются высшею политикой относительно Бухары, іомутъ и чаудоръ-туркменовъ, а теперь вѣроятно и русскихъ, все ближе и ближе къ нимъ подступающихъ, или требуются отчеты отъ губернаторовъ провинцій, или отъ весьма искусныхъ въ своемъ дѣлѣ сборщиковъ податей. Отчеты должны быть весьма аккуратны, ибо за малѣйшую ошибку можно уйдти безъ головы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такихъ государственныхъ занятій подается собственно завтракъ, состоящій большею частію изъ легкихъ кушаній, т. - е. легкихъ для узбекскаго желудка, ибо этого *déjeuner à la fourchette* его хивинскаго величества хватило бы для утоленія аппетита нѣсколькихъ здоровенныхъ нашихъ носиль-

щиковъ. Присутствующіе должны почтительно стоять кругомъ хана, а по окончаніи завтрака нѣкоторые фавориты удостоиваются приглашенія сѣсть и сыграть нѣсколько партій въ шахматы съ его величествомъ. Такъ время проходитъ до полуденной молитвы, продолжающейся около часа. По окончаніи ея, ханъ выходитъ на передній дворъ, садится на возвышеніи въ родѣ террасы, и начинается арсъ (публичная аудіенція), къ которому допускаются люди всѣхъ сословій и состояній, мужчины, женщины, дѣти, во всевозможныхъ костюмахъ, даже чуть не голые. Толпа тѣснится у входа съ страшнымъ шумомъ и гамомъ. Впускаютъ народъ по одиночкѣ; вошедшій подходитъ очень близко къ хану, держится свободно, излагаетъ свою просьбу, возражаетъ, даже вступаетъ иногда въ сильный споръ съ ханомъ не смотря на то, что достаточно одного кивка хана, чтобъ отдать спорщика въ руки палача. Такъ, востокъ былъ и есть страна рѣзкихъ противорѣчій. Неопытный человѣкъ увидитъ въ этомъ, пожалуй, любовь къ правосудію, но я въ этомъ вижу только лишь одинъ капризь властителя, ибо одному дозволяется въ жесткихъ выраженіяхъ опровергать хана, а другой лишается жизни за малѣйшее нарушеніе благочинія. На арсъ рѣшаются не одни крупныя дѣла, кончающіяся, на примѣръ, смертнымъ приговоромъ, тутъ же исполняемымъ, но улаживаются и мелкія семейныя, домашнія ссоры: сосѣдъ тянетъ сосѣда къ суду изъ-за нѣсколькихъ грошей, сосѣдка сосѣдку изъ-за украденной курицы—отказа никому нѣтъ. Конечно ханъ можетъ отослать каждаго къ кади, но долженъ

предварительно самъ выслушать дѣло. Поздняя послѣобѣденная молитва полагаетъ конецъ этому утомительному судилищу. Слѣдующіе за тѣмъ часы употребляются для верховой прогулки за городъ, но къ солнечному закату ханъ долженъ быть уже дома. Четвертую, вечернюю молитву ханъ совершаетъ, какъ и первую, въ обществѣ своихъ придворныхъ, а за тѣмъ удаляется ужинать. Служители и всѣ, не живущіе во дворцѣ, уходятъ, и ханъ остается одинъ съ своими приближенными. Вечерній столъ бываетъ роскошнѣе и тянется дольше. Спиртные напитки рѣдко употребляются владѣтелями Хивы и Бухары, но остальные члены ханскаго дома и вельможи позволяютъ себѣ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ бы слѣдовало. Послѣ ужина являются пѣвцы, музыканты, или какіе-нибудь штукари и потѣшаютъ хана. Первые особенно любимы въ Хивѣ и славятся не только во всемъ Туркестанѣ, но даже на всемъ исламитскомъ востокѣ Азіи. Инструментъ, на которомъ они отличаются, называется гирдшекъ. Онъ похожъ вообще на нашу скрипку, но у него грифъ длиннѣе и, вмѣсто четырехъ, три струны—одна проволочная и двѣ шелковыхъ; смычокъ также похожъ на нашъ. Кромѣ этого инструмента играютъ еще на барабанѣ и дутарѣ, на которой бахши (трубадуры) акомпанируютъ своему пѣнію. Передъ народомъ воспѣваются обыденные герои, при дворѣ же поютъ большею частію что-нибудь изъ «Невайи» и персидскихъ поэтовъ; такъ какъ молодые принцы ханскаго дома обучаются музыкѣ, то ханъ часто заставляеть ихъ спѣть что-нибудь однихъ или вмѣстѣ съ придвор-

ными трубадурами. Но особенной веселости, какъ на пирахъ въ Тегеранѣ или во дворцахъ Босфора, при дворѣ узбекскихъ властителей вы не встрѣтите, — она здѣсь не извѣстна или, по крайней мѣрѣ, не въ обычаѣ. Татаринъ по природѣ важенъ и серьезенъ: скачки, танцы и другія подобныя забавы, по его мнѣнію, достойны только женщины или ребенка. Я даже не видалъ ни одного важнаго узбека, который хоть бы разъ хохоталъ отъ души.

Часа два спустя по заходѣніи солнца ханъ удаляется въ гаремъ или въ свою спальню и тѣмъ заканчивается день хивинскаго владыки. Гаремъ здѣсь далеко не то, что при турецкомъ, или при персидскомъ дворѣ. Число женъ весьма ограничено, волшебнаго колорита гаремной жизни не существуетъ совсѣмъ, а цѣломудріемъ и чистотою нравъ хивинскій дворъ далеко превосходитъ остальные дворы востока. Законныхъ женъ у нынѣшняго хана только двѣ, хотя по корану ему дозволяется имѣть четырехъ. Избираются онѣ всегда изъ ханскаго рода и чрезвычайно рѣдко бываетъ, чтобы ханъ взялъ себѣ въ жены дочь какого нибудь вельможи, не принадлежащаго къ его роду. Хотя ханъ такой же неограниченный властелинъ надъ женою, какъ и надъ всѣми своими подданными, но съ нею онъ обращается очень мягко, если за ней нѣтъ какихъ-нибудь особенныхъ грѣшковъ. Жена хана не имѣетъ ни титула, ни преимуществъ особенныхъ. Обстановка ея отличается отъ другихъ гаремовъ только числомъ служительницъ и невольницъ. Служительницы — жены и дочери чиновниковъ, а невольницы — большею частію персіянки,

и очень мало темнокожихъ аравитянокъ; а такъ какъ эти, особенно дочери Ирана, далеко уступаютъ въ тѣлесной красотѣ узбекскимъ дамамъ, то супругъ хана нечего бояться соперничества. Что касается до соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, то въ этомъ отношеніи хивинскія повелительницы пользуются меньшею свободой, чѣмъ жены другихъ властителей востока. Вышеупомянутая цѣломудренность требуетъ, чтобъ жена хана проводила большую часть дня въ гаремѣ, гдѣ на наряды и туалетъ тратится относительно мало времени, потому что обычай туземный требуетъ, чтобъ одежда, ковры и т. п. вещи, употребляемыя ханомъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большею частію, сдѣланы были руками его супруги. Это напоминаетъ обычай древней, патріархальной жизни, отъ которой у туркестанцевъ, не смотря на ихъ грубость, сохранилось еще много хорошаго.

Выѣзды и прогулки хивинской властительницы ограничиваются только посѣщеніемъ увеселительныхъ замковъ и лѣтнихъ дворцовъ, находящихся вблизи города. Ѣздитъ она туда не верхомъ, какъ въ Персіи, а въ пестро размалеванномъ закрытомъ экипажѣ, обвѣшанномъ красными коврами и платками. Впереди и сзади экипажа ѣдутъ нѣсколько всадниковъ, съ бѣлыми палками въ рукахъ. При проѣздѣ ея всѣ подымаются почтительно съ мѣстъ и привѣтствуютъ ее низкими поклонами. Дозволить себѣ заглянуть въ карету никому и въ голову не приходитъ, да и увидѣть-то ничего нельзя было бы, благодаря ревнивымъ коврамъ и платкамъ. Дерзкій, впрочемъ, поплатился бы жизнью, будь то даже жена про-

стаго любого чиновника. При прогулкѣ жены персидскаго хана, ферраши (слуги), открывающіе шествіе, обыкновенно разгоняютъ толпу любопытныхъ щедрыми ударами направо и налѣво. У узбековъ это совершенно не нужно, потому что у нихъ гаремная жизнь не такъ строго соблюдается, а какъ извѣстно, чѣмъ менѣе строги законы гарема, тѣмъ нарушенія ихъ рѣже.

Лѣто ханское семейство проводить въ увеселительныхъ замкахъ Рафенекъ и Ташхауцъ, выстроенныхъ въ персидскомъ вкусѣ прежними ханами. Замки эти отличаются своими оконными стеклами и небольшими кусками зеркалъ; послѣдніе въ глазахъ хивинцевъ величайшая роскошь. Ташхауцъ построенъ не безъ вкуса. Онъ стоитъ среди большого сада, въ которомъ устроено нѣсколько резервуаровъ съ водою; вообще онъ сильно напоминаетъ собою замокъ Нигаристамъ, находящійся вблизи, отъ городскихъ воротъ (Шимранъ) Тегерана. Зиму ханъ проводитъ въ городѣ, но и здѣсь его узбекское высокочество предпочитаетъ жить въ палаткѣ, что впрочемъ обличаетъ въ немъ недурной вкусъ, ибо легкая, круглая, изъ бѣлоснѣжнаго войлока палатка съ весело пылающимъ среди ея огнемъ, не только также тепла, какъ и другія хивинскія жилища, но какъ-то особенно привлекательна, уютна и не производитъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ темныя туркестанскія мазанки, въ которыхъ и оконъ даже нѣтъ.

VII.

Радости и горе.

Радости и горе служатъ безспорно наилучшимъ зеркаломъ, въ которомъ всего яснѣе отражается характеръ народа. Въ радостяхъ и въ горѣ притворство исчезаетъ, человѣкъ является самимъ собою, и свѣтъ, и тѣни выступаютъ рядомъ, потому что гдѣ замѣшано въ дѣло чувство, тамъ нельзя говорить и дѣлать не то, что оно велитъ.

Въ великой семьѣ всего рода человѣческаго есть три момента, въ которые лучше всего можно наблюдать проявленія радости или горя — это родины, свадьба и погребеніе. Моменты эти въ общихъ чертахъ сходны у всѣхъ людей, но въ колоритѣ и въ проявленіи ихъ разнятся между собою даже образованные народы. Свѣточъ этнографіи. не разъ освѣщала этотъ предметъ въ разныхъ частяхъ свѣта, но Средней Азіи свѣтъ его еще не коснулся и потому даже слабыя искорки могутъ быть не лишними. Если дикій полинезецъ и житель Центральной Африки

не укрылись отъ глаза наблюдателя, то съ дикаго, недобѣрчиваго среднеазіяца также нужно сдернуть покровъ. Предлагаемая попытка — первая, поэтому слабая.

Родины.

Почувствовавъ первыя родовыя боли, жительница Средней Азіи, я разумѣю, осѣдлая, посылаетъ тотчасъ за сосѣдкой, ближайшими родственницами, бабкой и нянькой. Въ палаткѣ или въ комнатѣ разстилается новый войлокъ, или коверъ, на который родильница садится, подогнувъ подъ себя ноги. Когда родовыя боли начнутъ усиливаться, ближайшія родственницы родильницы садятся на землю вокругъ нея, а она обвиваетъ руками шею лучшихъ своихъ пріятельницъ. Бабка въ это время беретъ родильницу и раскачиваетъ ее до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не явится на свѣтъ. Послѣ этого родильницу укладываютъ въ постель. За больной ухаживаютъ родственницы, а новорожденнаго беретъ на свое попеченіе бабка. Больной растираютъ виски и пульсы, чтобы возвратить ей силы; ребенка закутываютъ и укладываютъ тоже, потомъ бабка изъ новой холстины выкраиваетъ пеленки и обвиваетъ ими ребенка, строго соблюдая при этомъ разные суевѣрные обряды. Обрѣзки отъ пеленокъ подаются матери и при этомъ сообщаютъ ей о полѣ и состояніи ребенка. Отцу возвращается радостная вѣсть такимъ же точно образомъ и непременно киндиккесой (кроящей пеленки), которая во всемъ этомъ играетъ очень важную роль и за ра-

достное извѣстіе получаетъ подарокъ. Три дня ребенокъ никому не показывается; его учащенно натираютъ масломъ и промываютъ глаза соленою водою, чтобъ они не покраснѣли, что здѣсь считается отвратительнымъ.

На четвертый день на ребенка надѣваютъ первую рубашку и, положивъ его на верблюжью шерсть, выносятъ на показъ. Начинаются посѣщенія друзей и знакомыхъ. Мужъ дѣлаетъ какой-нибудь подарокъ родильницѣ, а она со страхомъ прислушивается къ предсказаніямъ гостей о будущности ребенка, которую опытныя матроны стараются прочесть по членамъ и движеніямъ новорожденнаго. Дурно, напримѣръ, если ребенокъ появился на свѣтъ впередъ лѣвой рукой или ногой. Слишкомъ маленькое глазное яблоко предвѣщаетъ, что ребенокъ будетъ воръ; широкій лобъ предвѣщаетъ храбрость, а беспокойное сученіе ножками — богатство, и т. д. Всѣ съ многозначительнымъ видомъ подходятъ къ ребенку и всматриваются въ него, и еслибы мать собственно-ручно не навязала ему на лѣвую ручку бѣленькаго волшебнаго камушка, то обмерла бы отъ страха передъ дурнымъ глазомъ.

Празднества начинаются по прошествіи чилле (40 дней); если родится дѣвочка, то они незначительны; если же мальчикъ, то и самый даже бѣдный человекъ старается назвать какъ можно больше гостей и какъ можно лучше и роскошнѣе угостить ихъ. Большой пиръ, скачка, борьба, музыка—необходимыя принадлежности каждаго торжества, но собственное празднество по случаю родинъ называется алтинъ-

кабакъ и состоитъ въ слѣдующемъ: на верхушку высокаго дерева вѣшаютъ серебряный или золотой шаръ и кто его сшибетъ пулей ли, стрѣлой ли, тотъ получаетъ кромѣ этого шара еще нѣсколько овецъ, а часто даже верблюдовъ и лошадей.

По прошествіи перваго года, во время котораго ребенка тщательно охраняютъ отъ кошекъ, злыхъ духовъ и т. п. опасностей, помянутый бѣленькій камушекъ замѣняется кругленькою косточкой, на шапку же навѣшивается аргуштекъ (таинственный рѣзной и размалеванный кусочекъ дерева), нуеха (амулетъ), непременно написанная какимъ-нибудь ученымъ, нѣсколько коралловъ, зубъ гѣны и — если обстоятельства позволяютъ — маленькій мѣшечекъ съ священной землей съ могилы Магомета. Иногда все это составляетъ порядочную связку, довольно тяжелую для маленькой головки несчастнаго существа, но на это никто вниманія не обращаетъ, — напротивъ, мать заботится, не забыла ль она повѣсить еще какогонибудь талисмана.

Время ребячьихъ игръ въ Средней Азіи тянется не долго. Дѣвочку рано начинаютъ учить прясть, ткать, шить, дѣлать сыръ и т. п., а мальчика на пятомъ году сажаютъ уже на лошадь; на десятомъ же, иногда и раньше, онъ участвуетъ уже въ маневрахъ — примѣрныхъ сраженіяхъ, и жокеемъ на скачкахъ. Зажиточные отдають дѣтей въ ученіе муллѣ. Когда ребенокъ выучится читать, тогда начинаютъ корантай (праздникъ корана), который похожъ на хатемъ-дююню у турокъ, съ тою разницей, что у послѣднихъ празднуется, когда юноша въ первый разъ прочтетъ весь

коранъ, а здѣсь—когда онъ только-что приступаетъ къ чтенію его.

Бракъ.

Не смотря на короткое дѣтство, мальчикъ начинаетъ называться ідомъ (зрѣлымъ юношей) только на осьмнадцатомъ году, дѣвочка — киць (дѣвицей) на шестнадцатомъ. На отношенія одного пола къ другому коранъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія. Любовь, со всеѣми ея чарами, восторгами, превратностями, существуетъ у узбековъ не хуже, чѣмъ на западѣ. Сначала меня самого удивляло, какъ можетъ такое нѣжное чувство, какъ любовь, найти мѣсто въ душѣ человѣка, съ ранней юности привыкшаго къ убійствамъ, грабежамъ, слезамъ вдовъ, сиротъ и невольниковъ; но въ послѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что любовь и всевозможныя любовныя похжденія встрѣчаются здѣсь несравненно чаще, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ исламитскихъ странахъ. Узбекъ страстно любитъ музыку и поэзію, — какъ же можетъ онъ остаться чуждымъ любви?

Ознакомившись ближе и согласившись между собою вступить въ бракъ, молодые люди прежде всего возвѣщаютъ о томъ своимъ родителямъ. Если эти изъявляютъ согласіе, то молодой человѣкъ приступаетъ къ дѣлу, а именно: посылаетъ двухъ свахъ (саучи-катунь) въ домъ родителей дѣвушки просить ея руки. Родители, обыкновенно еще впередъ извѣщенные, принимаютъ посольство съ почетомъ, говорятъ, что они вполне довольны предложеніемъ, но без-

условнаго, рѣшительнаго отвѣта не даютъ. Сказать просто «да!» считается неприличнымъ, и юноша долженъ довольствоваться намекомъ. Послѣ этого посольства начинаются переговоры о калымѣ (приданомъ), который женихъ хочетъ или можетъ дать за невѣсту. Обыкновенно спрашиваютъ: «сколько разъ девять?» т. е. сколько разъ девять овецъ, коровъ, верблюдовъ, лошадей, или, какъ бываетъ въ городахъ, сколько разъ девять дукатовъ отецъ получить за уступку своей дочери. Бѣдные даютъ два раза девять, богатые — шесть разъ девять, и только ханъ одинъ покупаетъ свою невѣсту за девять разъ девять. Послѣ калыма второй важный вопросъ — егинбашъ, подарокъ жениха невѣстѣ, состоящій изъ осми юзуковъ (колець), шегендшина (полугіары), шекергуля (цѣлой тіары), билесига (браслета), изирга (серегъ), арабека (носоваго кольца) и оенгюллюка (ожерелья). Изъ этого списка нельзя выбросить уже ничего, и вещи должны быть, смотря по условію, или изъ серебра, или изъ золота. Такимъ образомъ выходитъ, что житель Средней Азіи не дешево платитъ за жену. Переговоры тянутся обыкновенно довольно долго. Когда, наконецъ, все рѣшено и кончено, приглашаются родственники и сосѣди на сговоръ (фатиха-той); празднество это продолжается четыре дня — два дня у невѣсты и два въ домѣ жениха. Мулла, или какой-нибудь старецъ объясняетъ гостямъ всѣ обстоятельства дѣла, т. е. какъ великъ калымъ, когда назначена свадьба и кончаетъ свою недлинную рѣчь фатихой (благословеніемъ), послѣ чего начинается веселье.

Все общество пируетъ въ одной комнатѣ, раздѣлившись на нѣсколько кружковъ. Красный уголь занимается стариками, по правой стѣнѣ размѣщаются дамы, между тѣмъ какъ дѣвушки и молодые люди тѣснятся въ одномъ уголкѣ, большую частію около музыкантовъ и пѣсенниковъ. Празднество состоитъ не изъ одной ѣды, но также изъ музыки, пѣнія, игръ съ пѣснями и скачекъ, играющихъ всегда главную роль во всѣхъ среднеазіятскихъ пиршествахъ. И старые и молодые—всѣ принимаютъ живѣйшее участіе въ этомъ состязаніи, а побѣдители получаютъ довольно значительные призы. Скачки происходятъ на пространствѣ одного ферсаха для двухгодовалыхъ жеребятъ, и трехъ ферсахъ для полнолѣтнихъ, совсѣмъ сложившихся лошадей. Выбираются всегда два селенія на вышеозначенномъ разстояніи одно отъ другаго; въ одномъ собирается вся толпа, участвующая въ празднествѣ, а въ другое отправляется той-емини, наблюдающій, чтобы скачущіе всѣ разомъ тронулись съ мѣста. Побѣдителемъ считается тотъ, кто первый перескачетъ черезъ черту, проведенную на землѣ у въѣзда въ селеніе, гдѣ ожидаетъ публика. Лошадей нѣсколько недѣль готовятъ къ скачкамъ, а скачутъ на нихъ дѣти, которые въ этомъ случаѣ надеваютъ на себя короткій, узкій костюмъ, не совсѣмъ не похожій на костюмъ англійскихъ жокеевъ.

Отъ фатиха-той до свадьбы проходитъ болѣе или менѣе времени, смотря по возрасту невѣсты. За недѣлю до брачнаго торжества у жениха требуется тайлугъ — свадебныя издержки. Онъ посылаетъ въ домъ невѣсты мяса, муки, рису, сала, сахару

и плодовъ; вскорѣ вслѣдъ за этимъ, ввалившись на нѣсколько повозокъ, отправляются туда мать жениха и ближайшія родственницы, а дня за два до свадьбы ѣдетъ и самъ женихъ, окруженный друзьями, въ праздничныхъ нарядахъ, на разукрашенныхъ коняхъ. Только отецъ жениха остается дома, но не для того, чтобъ его караулить, а чтобы приготовиться къ торжественной встрѣчѣ новобрачныхъ.

Въ домѣ невесты между тѣмъ идетъ страшная суматоха. Молодые женщины, превратившись на время въ поварихъ, усердно хлопочуть около гигантскаго котла. Вообще количество съѣстныхъ припасовъ, потребляемыхъ на узбекской свадьбѣ, бываетъ громадно, но не менѣе громаденъ и аппетитъ пирующихъ. Пока дѣвушки пекутъ и варятъ, юноши всячески поддразниваютъ ихъ и всевозможными шутками стараются обратить на себя ихъ вниманіе. Счастливъ тотъ, кто получитъ изъ котла ножку, или другой лакомый кусочекъ — вѣрный знакъ расположенія своей возлюбленной, но еще счастливѣе тотъ, кому на долю выпадетъ нѣсколько ударовъ полно-вѣсною ложкой, цѣнимыхъ гораздо выше всякихъ лакомыхъ кусковъ! Неподалеку отъ мѣста страпни собирается и вся остальная публика, при чемъ мужчины и женщины разбиваются на отдѣльные кружки. Болтовня, шутки, смѣхъ, крикъ, музыка, пѣнье, необузданное веселье дѣтей, блеяніе овецъ, лай собакъ, ржаніе лошадей, крикъ ословъ — все это вмѣстѣ составляетъ невообразимую сумятицу. А среди ея, слясь все и всѣхъ перекричать, раздается зычный голосъ шута, выкрикивающаго тяжеловѣсныя остроты

узбекскаго юмора. Онъ дѣлается душою общества— кривлянья и гримасы, которыми онъ сопровождаетъ свои остроты, вызываютъ неумолкаемый хохоть. То онъ передразниваетъ кого-нибудь, то рассказываетъ забавный анекдотъ, то свищетъ птицею, то мяучитъ кошкою. Съ несчастнаго ручьями льется потъ, а онъ остановиться не можетъ и долженъ непрерывно забавлять публику. Странно чрезвычайно, что женихъ присоединяется къ гостямъ только послѣ совершенія брачнаго обряда; первые же дни праздника онъ сидитъ одинъ въ особенной палаткѣ. Невѣста и подружки ея постоянно съ любопытствомъ заглядываютъ туда; первой пріятели и родственники должны изрѣдка помогать устраивать тайныя свиданія съ ея возлюбленнымъ.

Обрядъ вѣнчанія происходитъ въ концѣ втораго дня, въ присутствіи всего общества. Мулла спрашиваетъ свидѣтелей, которыхъ бываетъ по два съ каждой стороны, согласны ли женихъ и невѣста вступить въ бракъ; но какъ только начинаютъ приступать къ самому обряду, свидѣтели со стороны невѣсты налагаютъ свое veto и объявляютъ (таковъ обычай), что они не выдадутъ ввѣренное имъ сокровище прежде, чѣмъ женихъ не заплатитъ имъ известную сумму денегъ, или не сдѣлаетъ имъ известного подарка. Женихъ находитъ требованія слишкомъ большими и начинаетъ торговаться. По удовлетвореніи свидѣтелей совершается, наконецъ, самый обрядъ. Мулла читаетъ вслухъ позволеніе рейса (духовнаго начальника, наблюдающаго за исполненіемъ церковныхъ постановленій), свидѣтели, обыкно-

венно съ очень торжественной физиономіей, клятвенно удостовѣряють, что вѣнчаемые дѣйствительно обручены одинъ другому; затѣмъ слѣдуетъ коротенькая молитва — и обрядъ конченъ.

Послѣ этого молодая сама подчуеъ всѣхъ жирнымъ пирогомъ и фруктами, а мулламъ, старикамъ и особенно молодымъ людямъ, бывшимъ свидѣтелями, дарить по бѣлому платку, или по одеждѣ, или чтонибудь въ этомъ родѣ. Молодой теперь также появляется на пирѣ, но не входитъ въ комнату, а останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ передъ дверью. Потомъ подають гигантскій ужинъ, которымъ и оканчивается торжество въ домѣ невѣсты.

Старички удаляются съ пира, а невѣсту молодежь усаживаетъ со всѣмъ приданымъ въ повозку и она отправляется вмѣстѣ съ подругами въ домъ новобрачнаго; поѣздъ этотъ называется болушъ. Путь стараются удлинить, чтобъ болѣе продлить веселье и игры; поэтому, если разстояние до дома жениха не велико, дѣлають объѣздъ часа на два пути. Въ передней повозкѣ сидитъ молодая съ своей свекровью, молодежь скачетъ на рѣзвыхъ коняхъ около поѣзда и кто первый, обскакавъ его кругомъ, поравняется съ молодой, тому кидается платокъ. Остальные всадники бросаются отнимать его и гонятся за побѣдителемъ; преслѣдованіе кончается, когда опять онъ поровняется съ первой повозкой. Взятые съ боя платки вѣшаются на голову лошади и сохраняются долго *).

---

*) Венгерскій обычай вѣшать на свадьбахъ пестрые карманные платки на голову лошади, вѣроятно, происходятъ отсюда.

Если на дорогѣ встрѣтится селеніе, то поѣздъ иногда останавливаютъ, требуя съ него платы за проѣздъ. Свекровь молодой одѣляетъ всѣхъ пирогами — и поѣздъ пропускается.

Среди подобныхъ забавъ молодая подѣзжаетъ, наконецъ, къ дому своего супруга; завидѣвъ его еще издали, она должна снова закутаться въ своё покрывало и принять вмѣсто веселаго серьезное выраженіе лица. Отецъ новобрачнаго высаживаетъ ее изъ повозки и вводитъ въ комнату, гдѣ для нея приготовлено въ одномъ изъ угловъ нѣчто въ родѣ палатки изъ занавѣсокъ и ковровъ. Новобрачный входитъ за нею вслѣдъ, во второй разъ снимаетъ съ жены покрывало, показываетъ ее своему отцу, который за это поглядѣнье дѣлаетъ ей подарокъ, сопровождая его нѣсколькими комплиментами. Затѣмъ молодые остаются одни, но долго еще должны они выслушивать шутки и намеки столпившихся вокругъ палатки гостей; всякій старается блеснуть остроуміемъ и совершенная тишина наступаетъ только поздней ночью.

У туркменовъ и у киргизовъ новобрачные, проживъ нѣсколько дней вмѣстѣ, расстаются на цѣлый годъ. Мужъ хотя и можетъ ходить въ домъ къ женѣ, но только ночью и таясь отъ всѣхъ. Кочевники думаютъ этимъ придать больше прелести первому времени послѣ брака, слѣдуя пословицѣ: «потаенная вода слаще»; тутъ же коренится повѣрье, что первожденное дитя должно быть сильнѣе и красивѣе.

Кромѣ свадьбъ и родинъ у узбековъ есть еще народный праздникъ — норуцъ (новый годъ), пе-

решедшій къ нимъ отъ первобытныхъ персовъ. У тѣхъ и другихъ онъ празднуется съ большою торжественностью, но въ Средней Азiи бываетъ два норуца — старый и новый; впрочемъ послѣдній имѣеть мало значенія.

Въ играхъ, къ изумленію, даже самыхъ азартныхъ, тоже недостатка нѣтъ. Карты (сокти), конечно, безъ фигуръ, вывозимыя изъ Россіи, не совсѣмъ еще привились, но игра ашигъ (бараньи бабки), похожая на европейскую игру въ кости, весьма распространена. Играютъ на четырехъ бабкахъ и съ ужаснѣйшимъ азартомъ. Верхняя поверхность маленькой бабки называется тава, нижняя — алчи, а боковыя — янтаряпъ. Положивъ всѣ четыре косточки на ладонь, игрокъ бросаетъ ихъ и получаетъ полставки, если только двѣ изъ нихъ упадутъ кверху тавами или алчи; и цѣлую ставку — если всѣ четыре лягутъ тавами или алчи кверху. Все искусство въ этой игрѣ состоитъ въ самомъ бросаніи, а поддѣлка невозможна, потому что бабки часто мѣняютъ и берутъ свѣжія. Игра эта очень любима и осѣдлыми и кочевниками; часто азартный игрокъ спускаетъ все свое добро и даже жену. Да, люди вездѣ одни и тѣ же: елегантный европеецъ приносить все въ жертву на зеленомъ столѣ, за rouge et noir, а узбекъ на сыпучемъ пескѣ, играя четырьмя бараньими косточками.

Смерть.

Когда кто-нибудь из членовъ семьи близокъ къ смерти, тогда вся семья обыкновенно уходитъ изъ дома или палатки. Мулла и старики сосѣди окружаютъ умирающаго и, между тѣмъ, какъ кругомъ палатки въ воздухѣ стоитъ ужасный крикъ и стонъ, внутри ея, среди молитвъ, ожидается послѣднее издыханіе. Когда у умирающаго отнимается языкъ, ему, съ помощью намоченнаго клочка шерсти, по каплѣ пропускаютъ въ ротъ воду изъ боязни, чтобы лишившійся возможности говорить больной не умеръ отъ жажды. Признаками смерти считаются измѣненіе глазъ и утонченіе кончика носа. Когда убѣдятся, что больной умеръ, ему подвязываютъ нижнюю челюсть, потомъ до нага раздѣваютъ и на тѣло накидываютъ покрывало. Платье умершаго уничтожается, потому что даже бѣднѣйшій узбекъ никакъ не рѣшится надѣть что-нибудь изъ одежды покойника.

Какъ во всѣхъ исламитскихъ странахъ, и здѣсь тоже трупъ остается непогребеннымъ не болѣе 12—15 часовъ. Обмываніе производятъ не на доскѣ, а на цыновкѣ (бурія), которая потомъ сжигается. Когда родня, сосѣди, часто даже все селеніе, вдоволь наплачутся и накричатся, тѣло несутъ въ могилу. У осѣдлыхъ жителей Средней Азіи есть кладбища, а у кочевниковъ каждый умершій хоронится отдѣльно въ пустынѣ, и если онъ былъ человѣкъ уважаемый, то надъ могилой его насыпаютъ большой холмъ (тумули); въ работѣ этой должны принять участіе всѣ

мущины его племени. Чѣмъ болѣе былъ почитаемъ умершій, тѣмъ выше и больше дѣлается холмъ (іоска) на его могилѣ. Родственники покойнаго смотрять на него съ гордостью и выставляютъ на немъ въ извѣстные праздники, и въ день годовщины смерти явства и подарки для бѣдныхъ. Кочевникъ какъ бы далеко не завидѣлъ такой холмъ, никогда не преминетъ пробормотать себѣ въ бороду коротенькую молитву за умершаго.

Убитыхъ въ сраженіи не раздѣваютъ и не обмываютъ, такъ какъ кровь храбраго — его краса и потому должна оставаться на немъ.

Тотчасъ послѣ погребенія начинается простой похоронный обѣдъ, въ началѣ котораго раздаютъ всѣмъ іисъ (хлѣбъ, поджаренный въ салѣ), и всякій непременно долженъ его съѣсть. На третій, седьмой и сороковой день повторяется тоже самое, а потомъ въ день годовщины, что соблюдается даже самыми бѣдными, изъ боязни, что за несоблюденіе этого послѣдняго долга мертвецъ будетъ являться по ночамъ и укорять оставшихся въ живыхъ за то, что они забыли созвать смертныхъ помолиться за спасеніе его души.

У кочевниковъ эти похоронные обѣды играютъ большую роль. Въ теченіи перваго года еженедѣльно, въ день смерти, дается обѣдъ, а въ самый часъ смерти, какъ я уже говорилъ въ моемъ «путешествіи», женщины затагиваютъ свои жалобныя причитанія. Вообще у кочевниковъ мертвые особенно почитаются. Могила человѣка, павшаго въ бою, въ разбойничьемъ набѣгѣ или при подобныхъ обстоя-

тельстввахъ , долго еще продолжаетъ пользоваться почтеніемъ. Въ могильный холмъ втыкаютъ древко копья покойника, увѣшиваютъ его разными пестрыми лоскутками, бараными рогами, конскими хвостами и разными знаками памяти; знакомые и соплеменники, проходя мимо могилы, должны всякій разъ привѣсить еще что-нибудь. Могилы эти (іоски) обыкновенно называютъ именами погребенныхъ въ нихъ. Вокругъ нихъ играютъ дѣти, но взбираться на нихъ не смѣютъ. Говорятъ даже, что лошади посѣщаютъ іоски бывшихъ своихъ хозяевъ и, горюя о нихъ, стоятъ съ поникшей головой, а юные воины, смотря съ уваженіемъ на эти могилы, воодушевляются ихъ видомъ на геройскіе подвиги.

Когда намъ на пути встрѣчались подобные холмы, то всѣ до единого человѣка изъ нашего каравана отрывали 'отъ одежды своей по лоскутку и вѣшали ихъ на древко копья, воткнутое въ могилу, или на растущій на ней кустъ, а иногда всѣ хоромъ пропѣвали гимнъ, восхвалявшій покойнаго, при чемъ нашъ керванбаши всегда говаривалъ: «Кто не почитаетъ мертвыхъ, никогда не будетъ почтенъ живыми!»

VIII.

Домъ и дворъ, пища и одежда.

Обычай строить дома, т. е., постоянныя жилища, до сихъ поръ еще не утвердился въ Средней Азiи, даже въ тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ осѣдлость существуетъ въ теченіе уже цѣлыхъ столѣтій. Часть населенія строить дома дѣйствительно, но они считаются мрачными, наводящими уныніе и предпочитается имъ легкая палатка. Поэтому мы находимъ постройки преимущественно только у узбековъ, которые возводить ихъ научились отъ первобытныхъ тамошнихъ жителей—персовъ; а такъ какъ эти послѣдніе во многомъ очень походили на жителей Ирана, то и строительное искусство Средней Азiи походить, слѣдовательно, на коренное иранское, а во многомъ даже и на ново-персидское.

При постройкѣ дома, прежде всего уравниваютъ и утрамбовываютъ то мѣсто, гдѣ онъ будетъ стоять. Фундаментъ кладется только при постройкѣ большихъ

зданій, а въ обыкновенныхъ случаяхъ вмѣсто него дѣлается широкая, вышиною въ 2 фута насыпь изъ свѣжаго-кала. Когда она высохнетъ и отвердѣтъ, на ней возводятъ стѣны, подложивъ предварительно подъ нихъ дерево, или тростникъ, для предохраненія ихъ отъ сырости. Самыя стѣны бываютъ двоякаго рода: изъ глины или камней, и ахчубъ — изъ тонкихъ деревянныхъ брусковъ, въ видѣ рѣшетки, промежутки которой закладываются необожженнымъ кирпичемъ и глиною. Потолокъ состоитъ изъ плотно примыкающихъ одно къ другому бревенъ; у богатыхъ его сверху покрываютъ еще гипсомъ и известью. Мѣсто оконъ занимаютъ маленькія отверстія, лѣтомъ открытыя, а зимой залѣпляемыя бумагой, пропитанной масломъ. Крыша, какъ и въ Персіи, терассообразна и точно также служитъ спальною въ жаркія лѣтнія ночи.

Профессіи особыхъ строителей здѣсь нѣтъ. Каждый воображаетъ, что онъ достаточно надѣленъ архитектурными познаніями для того, чтобъ выстроить, что ему нужно. А такъ какъ отвѣсъ еще не извѣстенъ, то и не удивительно, что всѣ стѣны кривы, вогнуты, выгнуты и скоро очень разваливаются.

Внутреннее расположеніе дома слѣдующее: широкія ворота, служащія главнымъ входомъ, ведутъ въ крытый проходъ, именуемый даланъ. По правую его сторону, тотчасъ у воротъ, устраивается одна или двѣ большихъ комнаты, служащія для приѣма гостей (*mihtan-shane*); въ нихъ сохраняется оружіе и болѣе употребительныя вещи изъ домашней утвари. Далѣе, по той же сторонѣ идутъ еще двѣ меньшія комнаты — кладовыя для съѣстныхъ запасовъ. На лѣво отъ воротъ

помѣщается сарай и конюшня, а въ глубинѣ далана, прямо противъ входа дѣлается маленькая дверь, ведущая во внутренніе покои или гаремъ. Послѣдніе большею частію съ одной или съ двухъ сторонъ совершенно открыты и почти всегда выходятъ въ садъ. Лѣтомъ, въ городахъ онѣ служатъ любимымъ мѣстопробываніемъ, и дѣйствительно въ нихъ очень пріятно быть, особенно ночью, когда надъ постелью ставится пешехане, особая четырехугольная палатка изъ легкой, прозрачной матеріи; на совсѣмъ открытомъ воздухѣ можно простудиться, а простуды въ Средней Азіи, какъ и въ Персіи, опасны.

Не въ городѣ дома стоятъ болѣе разбросанно. Каждый хавли (дворъ), состоящій изъ нѣсколькихъ частей, обнесенъ всегда высокой зубчатой стѣной, что дѣлаетъ его похожимъ на маленькую крѣпостцу. Внутри дворъ бываетъ всегда очень просторенъ. На одной сторонѣ его стоятъ строенія, а на другой — палатки, такъ какъ и здѣсь первыя служатъ исключительно для помѣщенія животныхъ и запасовъ. Иногда дворы бываютъ такъ обширны, что на нихъ разводятъ небольшіе огороды. Въ стѣнѣ, недалежѣ отъ нихъ, устраивается обыкновенно большой резервуаръ воды, берега котораго, засаженные платанами, лѣтомъ представляютъ самое привлекательное мѣсто для отдыха. Въ этой части Азіи платаны растутъ удивительно хорошо и достигаютъ громаднхъ размѣровъ въ толщину и въ вышину. Между ними попадаются часто 300—400-лѣтнія деревья, дающія въ удушливую лѣтнюю жару чудную прохладную тѣнь. Узбекъ можетъ цѣлыми часами спокойно спать подъ ними, ибо

листва ихъ защищаетъ его отъ солнца, а вѣющій всегда внизу вѣтерокъ разгоняетъ мучителей насѣкомыхъ.

Все убранство дома состоитъ, какъ и въ Персіи, изъ ковровъ, войлочныхъ одѣялъ, большихъ красныхъ сундуковъ для платья, небольшого количества котловъ и другой кухонной посуды и сосудовъ для воды. Роскоши или великолѣпія не видно ни въ чемъ. Единственныя встрѣчающіяся нововведенія—двери и окна заносятся сюда иногда изъ Персіи какимъ-нибудь невольникомъ искусникомъ. Изъ Европы можетъ сюда что-нибудь дойти развѣ только предварительно прошедши черезъ весь строй Турціи и Персіи. Персіане заимствуютъ европейское устройство у турокъ, а среднеазіятскіе народы довольствуются тѣмъ, что лишь доходитъ до нихъ изъ Персіи.

Пища татаръ состоитъ преимущественно изъ мясныхъ кушаній; въ иныхъ мѣстахъ хлѣбъ если не совсѣмъ неизвѣстенъ, то по крайней мѣрѣ составляетъ рѣдкое лакомство. Любимое мясо — баранье; за нимъ идетъ козье, бычачье, лошадиное, а верблюжье цѣнится ниже всѣхъ. Лошадиное мясо и здѣсь святошами иногда считается мекрухъ (сквернымъ) и въ пищу не употребляется, но негорожане менѣе разборчивы: у нихъ торама—мягко разваренное лошадиное мясо съ лукомъ, рѣпой и прибавкою муки — считается даже очень любимымъ кушаньемъ. Удивительно, что крѣпкій бульонъ изъ лошадиного мяса даже для татарскаго желудка слишкомъ тяжелъ, и потому первый наваръ съ него сливаютъ и ѣдятъ лишь второй. Въ иныхъ мѣстностяхъ изъ лошадиныхъ кишекъ дѣлаютъ

колбасы, считающіяся лакомымъ кушаньемъ, но я ни разу не замѣчалъ, чтобъ лошадиныя внутренности были такъ любимы узбегами, какъ это утверждаютъ въ Персіи. Верблюжье мясо, очень жесткое и вязкое, прежде всего мелко рубится, потомъ варится въ хлѣбныхъ лепешкахъ, и затѣмъ уже обжаривается въ салѣ. Кушанье это, называемое сомза, не совсѣмъ безвкусно, но на нашъ желудокъ ложится камнемъ.

Всѣми любимымъ, національнымъ кушаньемъ всегда есть и былъ палау или ашъ; оно сродни персидскому палау и турецкому пиллафу, но вкусомъ далеко превосходитъ и тотъ и другой. Я долго имъ питался и хочу дать европейцамъ маленькое наставленіе, какъ готовить его. Растопивъ въ котелкѣ нѣсколько ложекъ сала (въ Средней Азій употребляютъ для этого сало курдюковъ), бросаютъ въ него мясо, нарѣзанное мелкими кусками. Когда оно на половину поджарится, на него наливаютъ на три пальца воды и варятъ до тѣхъ поръ, пока мясо не сдѣлается мягкимъ. Въ котелокъ подбрасываютъ нѣсколько перцу и рѣпы, нарѣзанной тоненькими кусочками, а потомъ засыпаютъ все рисомъ, изъ котораго предварительно выбираютъ хорошенько весь соръ. На рисъ наливаютъ опять воды и, когда онъ впитаетъ ее въ себя, огонь тушатъ, котелокъ плотно закрываютъ и оставляютъ на угольяхъ, чтобъ все хорошенько размякло отъ пара.

Черезъ полчаса крышку снимаютъ и все выкладываютъ на блюдо, такъ чтобъ отдѣльные слои не перемѣшивались: внизу рисъ, плавающій въ салѣ,

затѣмъ рѣпа, а сверху мясо, съ котораго и начинаютъ ѣсть. Кушанье это превкусно и безъ него обѣдъ немислимъ, какъ во дворцѣ, такъ и въ бѣднѣйшей хижинѣ по всему пространству отсюда до земли афганцевъ, а такъ какъ эти послѣдніе познакомили съ нимъ персіянь, то въ Иранѣ оно носить названіе кабули (кабулистанецъ). Если я не ошибаюсь, родина пилафа въ Средней Азійи, и онъ отсюда уже распространился далѣе на западъ Азійи.

Второе національное кушанье татаръ — бѣрекъ, супъ съ лепешками, начиненными рубленнымъ мясомъ и пряностями. Хотя я называю его супомъ, но оно замѣняетъ цѣлый обѣдъ, ибо его обыкновенно столько ѣдятъ, что легко можно обойтись безъ другихъ блюдъ. У османли кушанье это также извѣстно подъ названіемъ татаръ-бѣрекъ.

Третье блюдо — шеэле, жидкое кушанье изъ риса съ мясомъ и сушеными фруктами.

Четвертое — буламукъ, простая смѣсь муки, воды и сала.

Пятое — местава, рисъ разваренный въ кисломъ молокѣ. Это кушанье — лѣтнее, а предъидущее — зимнее.

Кромѣ этихъ, дѣлаютъ еще: ярма — толченныя хлѣбныя зерна, разваренныя въ молокѣ; гѣдше — кашеобразное кушанье изъ *Holcus sorghum'a*; и машава — тоже каша, которую ѣдятъ съ саломъ, а иногда и съ растительнымъ масломъ.

Вообще преобладаютъ кушанья тяжелыя, питательныя и сильно пряныя. Сладкаго ѣдятъ мало, такъ какъ сахаръ и медъ неизвѣстны, а разнообразныя ширесъ

(сиропы) изъ винограда, дынь и другихъ плодовъ, употребляются чрезвычайно рѣдко. Хлѣбъ печется, какъ и во всей Азіи, только въ количествѣ, необходимомъ для дневнаго продовольствія. Тѣсто не раскатываютъ въ такія тонкія лепешки, какъ въ Персіи, а дѣлаютъ нѣчто подобное тѣмъ круглымъ крутымъ хлѣбамъ, которые пекутся около Ерзерума и называются лавашъ. Кромѣ того, для дороги употребляется еще нѣчто въ родѣ сухарей, обжаренныхъ въ салѣ.

Относительно напитковъ у осѣдлыхъ жителей Средней Азіи главную роль играетъ чай, а у кочевниковъ, особенно киргизовъ, кумысъ. Первые пьютъ лѣтомъ зеленый чай, разжижающій кровь и способствующій пищеваренію, а зимой—кирпичный чай, къ сильно-возбуждающему дѣйствию котораго и горькому вкусу трудно привыкнуть, и который, по всей вѣроятности, очень вреденъ. Кромѣ чая, въ видѣ прохладительныхъ напитковъ, употребляютъ ейранъ, разжиженное водою кислое молоко, и разные настои изъ сухихъ плодовъ. Кофе совершенно неизвѣстенъ; даже въ Персіи онъ получилъ право гражданства только въ южной провинціи Фарсъ и въ Иракѣ, между высшими классами общества.

Изъ спиртныхъ напитковъ хотя и употребляютъ въ большихъ городахъ водка и вино, тайно фабрикуемые жидами, но число потребителей ихъ чрезвычайно ограничено. Строгіе законы ислама подъ страхомъ смерти запрещаютъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, но порока тѣмъ не искореняютъ, ибо кто хочетъ возбудительныхъ средствъ, тотъ прибѣгаетъ

къ опиуму, теріаку, или другимъ наркотическимъ ядамъ, и такимъ образомъ законы, пресѣбая меньшее зло, открываютъ широкій путь большому злу, сто-
ящему жизни большинству тѣхъ, кто ему поддается.

Бѣдность духа жителей Средней Азіи особенно видна по ихъ одеждѣ. Чрезвычайно трудно непри-
вычному глазу привыкнуть къ простой бумажной ма-
теріи или къ яркой шелковой, въ которыя одѣваются рѣшительно всѣ — и мужчины и женщины, и
старые и молодые. Сукно и другія европейскія про-
изведенія употребляются какъ величайшая роскошь
только богатыми и знатными въ особенно торже-
ственныхъ случаяхъ. Въ любое время года только
и видишь одну аладшу, и лѣтнія платья разнятся
отъ зимнихъ только подкладкой — полотняной, или
мѣховой, да большимъ или меньшимъ количествомъ
шерсти, которою они подбиты. Покрой платья почти
у всѣхъ обитателей Азіи самый первобытный. Ни-
кому и въ голову не приходитъ одѣться со вкусомъ
или сообразно съ цѣлью. Всѣ заботятся только о
томъ, чтобы прикрыться или закутаться, и персіане
совершенно правы, когда они, въ насмѣшку надъ
своими дикими сосѣдями, говорятъ, что всѣ они хо-
дятъ, завернувшись въ одѣяла. Въ костюмѣ средне-
азіятца главное — чапанъ (верхнее платье), похожій
на нашъ халатъ. Въ Хивѣ онъ кроится еще довольно
сообразно съ фигурой человѣка, но въ Бухарѣ въ
него могли бы завернуться уже двое, а въ Кокандѣ
онъ еще шире. Видъ человѣка, верхомъ на лошади,
одѣтаго въ этотъ широчайшій, пышнѣйшій костюмъ,
покрытый безчисленнымъ множествомъ складокъ, чрез-

вычайно комиченъ. Пожалуй, еще понятно, зачѣмъ дѣлается безчисленное количество складокъ на груди: туда можно по крайней мѣрѣ спрятать всю кухонную посуду и разныхъ съѣстныхъ припасовъ на дорогу дня на два, но все-таки остается загадкою, для чего рукава дѣлаются вдвое длиннѣе рукъ и какая выгода отъ того, что, когда подбираются они кверху, на рукѣ образуется значительное утолщеніе. Подъ чапаномъ лѣтомъ носится іектей (тонкое исподнее платье), а подъ нимъ рубашка до пятъ, отличающаяся отъ всѣхъ остальныхъ азійскихъ рубашекъ тѣмъ, что разрѣзъ у ней не спереди, а на лѣвомъ плечѣ и что она есть совершеннѣйшее подобіе мѣшка. Замѣчательно, что туркестанцы ночью вынимаютъ руки изъ рукавовъ рубашки и спятъ свернувшись въ ней, какъ въ мѣшкѣ. Зимой ко всему этому костюму прибавляется чекмень, широкая одежда изъ грубой матеріи, а гдѣ климатъ холоднѣе, на примѣръ въ Хивѣ, тамъ надѣваютъ еще безобразные толстые ватные панталоны. Въ Хивѣ на головѣ носятъ телпекъ, широкую конусообразную, очень тяжелую мѣховую шапку, а въ Бухарѣ—чалму, которая очень ловко повязывается, съ бантомъ на лѣвой сторонѣ, и вообще очень эффектна. Въ Кокандѣ еще лѣтъ 20 тому назадъ носили легенькія шапочки въ родѣ нашихъ священническихъ шапочекъ, а теперь ее вытѣснила бухарская чалма. Что касается до обуви, то лучшіе мужскіе сапоги дѣлаются въ Бухарѣ и Кокандѣ. Кожа хороша и форма недурна, но каблукъ пресмѣшной: очень высокій и тонкій, на концѣ не шире шляпки гвоздя. Знатные люди

носить нѣчто въ родѣ сафьянныхъ чулокъ, поверхъ ихъ калоши, лучший сортъ которыхъ работается въ Самаркандѣ. Относительно женскихъ нарядовъ можно вообще сказать, что женщины, кажется, еще болѣе мужчинъ стараются избѣгать роскоши въ костюмѣ и всего, что могло бы обратить на нихъ вниманіе. Обычная ихъ одежда лѣтомъ состоитъ изъ рубашки; спускающейся до пятъ, которая сзади дѣлается изъ грубой холстины, а спереди изъ толстаго русскаго яркаго цвѣтнаго ситца. Панталоны онѣ носятъ также сверху до колѣнъ изъ холстины, а отъ колѣнъ до щиколдки (гдѣ они плотно обхватываютъ ногу) изъ ситца, или изъ другой цвѣтной матеріи. Зимой женщины надѣваютъ на рубашку одну или двѣ толстыхъ ватныхъ куртки, перехваченныхъ у пояса платкомъ. Выходя изъ дому, сверхъ всего онѣ накидываютъ широкую одежду въ родѣ мужской и совершенно закутываются въ нее, придерживая ее на груди руками. Ноги обуваются въ безобразные сапоги. Право, трудно представить себѣ что нибудь печальнѣй женской фигуры въ этомъ нарядѣ. Все вниманіе ея сосредоточено на томъ, чтобъ не выпустить изъ рукъ полы верхняго платья, ибо показать нижнюю одежду считается безстыдствомъ, а между тѣмъ, не смотря на плотное покрывало изъ конскаго волоса, сквозь которое самый дерзкій глазъ ничего не въ состояніи видѣть, онѣ постоянно стараются привлечь на себя взоры мимоидущихъ.

Въ деревняхъ женщины держатся свободнѣе: замужнія рѣдко закрываютъ лице, а дѣвушки никогда. Верхняя одежда дѣлается короче и только набрасы-

вается на плечи; по талиѣ повязывается шаль, развѣвующіеся концы которой нѣсколько скрашиваютъ всю фигуру. Но, къ сожалѣнію, этой деревенской свободой пользуются только въ Хивѣ и въ Кокандѣ, а въ Бухарѣ законы ислама, за весьма рѣдкими исключеніями, тираннически властвуютъ надъ женщиной.

Въ видѣ украшенія, мужчины носятъ на кошбагѣ ножи съ серебряными и другими какими нибудь разукрашенными рукоятками, шитые золотомъ мѣшечки для чая, перца и соли, кольца, четки, иногда печати, браслеты, золотые и серебряные футляры для амулетовъ; часы составляютъ предметы особой роскоши и носятъ только самыми знатными. О драгоценностяхъ, принадлежащихъ къ женскимъ нарядамъ, мы уже упоминали при описаніи свадебныхъ обрядовъ. Напрасно бы сталъ кто нибудь искать роскоши и комфорта въ домѣ, пищѣ, одеждѣ жителя Средней Азіи—все носитъ печать первобытныхъ нравовъ и обычаевъ, всякій старается оставаться вѣрнымъ имъ. Правительство заодно съ муллами поддерживаетъ это положеніе вещей; съ этою цѣлью оно объявляетъ ввозъ иностранныхъ товаровъ дѣломъ противузаконнымъ и старается вытѣснить ихъ съ рынковъ изъ боязни, чтобы туркестанцы не поняли, что бѣдность ихъ происходитъ не столько отъ природныхъ условій, сколько отъ соціальныхъ отношеній. Но всѣ старанія правительства оказываются бесполезными: могучій голосъ паровозовъ и пароходовъ доносится даже и до этихъ дикихъ странъ и налагаетъ свое veto на всякую отсталость. Суда, бороздящія Индійскій заливъ, Каспійское море, Араль-

ское озеро, Волгу, а въ послѣднее время и Яксартъ, значительно уже сблизили Среднюю Азію съ западомъ. Паровозы, изумляющіе восточнаго жителя, доходятъ съ юга до Лагора, съ сѣвера — до Нижняго Новгорода, и значительно вліяютъ на сношенія, хотя имъ и далеко еще до странъ по Оксусу и Яксарту. Узбекскому купцу теперь стоитъ только добраться до Оренбурга или Пешавара и передъ нимъ откроется Петербургъ, или Бомбай, а съ ними и вся Европа.

Да, хотя Средняя Азія такъ недоступна еще для путешествующихъ съ ученою или комерческою цѣлію, но въ послѣдніе 25 лѣтъ въ ней произошла все-таки значительная перемѣна. Стоитъ только просмотрѣть таможенные книги пограничныхъ русскихъ и англійскихъ городовъ, чтобъ увидѣть изумительное увеличеніе цифры европейскаго ввоза. Отъ 1840 до 1850 г. черезъ русскую границу ввезено товаровъ почти на миллионъ фунтовъ стерлинговъ, а въ 1860 г. цифра эта дошла уже до двухъ миллионъ. Изъ этой цифры большая часть приходится на бумажныя и шелковыя матеріи. Произведенія отвратительнаго, ненавистнаго запада требуются все болѣе и болѣе и хорошо оплачиваются. Выбойки, платки, ситцы, какъ извѣстно, лучшіе провозвѣстники цивилизаціи, нѣмые апостолы западнаго образованія: они несутъ съ собой благословеніе, хотя иногда за ними вслѣдъ и идутъ европейское оружіе и война. Пусть иные слабоголовые крикуны считаютъ состояніе полудикости счастіемъ — практическій наблюдатель всегда будетъ убѣжденъ, что наша цивилизація лучшая и что насаждать ее повсюду есть наша священная обязанность.

IX.

Изъ Хивы въ Кунгратъ и обратно.

Молодой кунгратскій мулла, присоединившійся къ нашему каравану для дальнѣйшаго путешествія въ Самаркандъ, захотѣлъ воспользоваться нашимъ пребываніемъ въ Хивѣ и посѣтить свою отчизну и родственниковъ. Онъ сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи и весьма былъ обрадованъ, когда я сказалъ, что я тоже не прочь ему сопутствовать, ибо желаю, во-первыхъ, сколотить что-нибудь подаваніями, а во-вторыхъ — уйти отъ тѣсноты и удушливаго жара Хивы. Мулла сулилъ мнѣ золотыя горы и расписывалъ все удивительными красками, боясь, чтобъ я не раздумалъ, но онъ напрасно беспокоился — я и безъ того не преминулъ бы воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ. Черезъ два дня, мы были уже на дорогѣ въ Енги-Юргендшъ, откуда должны были направиться къ тому мѣсту Оксуса, гдѣ ждало полунагруженное судно, чтобъ взять насъ съ собою за умѣренную плату.

Изъ Хивы въ Кунгратъ лѣтомъ ѣздить большою

частію водой и совершаютъ путешествіе это не болѣе, какъ въ пять дней, благодаря скорости теченія Оксуса. Такъ бываетъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, когда вода въ рѣкѣ достигаетъ наибольшей высоты вслѣдствіе таянія снѣговъ на Гиндукушѣ и на вершинахъ Бедахшанскихъ горъ. Весною же и осенью путешествіе замедляется по причинѣ низкаго уровня воды, а зимою совсѣмъ невозможно, потому что Оксусъ во многихъ мѣстахъ покрывается льдомъ.

На судно можно бы было съѣсть у самыхъ стѣнъ Хивы и каналомъ Хазрети-Пеливанъ достигнуть Оксуса, но мы сдѣлали бы большой крюкъ, потому что каналъ идетъ не на сѣверъ, а на югъ и соединяется съ рѣкою при Хесареспѣ. Можно проѣхать другимъ еще каналомъ—Газавать, но онъ находится довольно далеко отъ города и течетъ тоже скорѣй къ востоку, чѣмъ къ сѣверу. Поэтому охотнѣе ѣздить на Енги-Юргендшъ, одинъ изъ лучшихъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ ханства, а отсюда къ могилѣ Ахунъ-Баба, лежащей на берегу Оксуса. Вокругъ Ахунъ-Баба разбросано нѣсколько хавли (дворовъ), служащихъ складочнымъ мѣстомъ для обоихъ упомянутыхъ городовъ. На всемъ пространствѣ отъ Хивы до сюда—около четырехъ нѣмецкихъ миль—населеніе довольно густо и земля хорошо воздѣлана. Дорога идетъ все время полями, садами и лугами. Здѣсь растутъ во множествѣ самыя лучшія тутовые деревья, поэтому шелководство въ блестящемъ состояніи. Вообще этотъ клочекъ земли можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ во всемъ ханствѣ.

На берегу стояла почти невыносимая палящая жа-

ра. Когда я высказалъ на этотъ счетъ мои опасенія, судовщики успокоили меня, говоря, что этому злу можно будетъ помочь, поставивъ на палубѣ пешехане (полотняную палатку), которая никому мѣшать не будетъ, такъ какъ управляющіе баркой помѣщаются только на концахъ ея. Уставивъ такую пешехане, родъ болдахина, долженствовавшего насъ защищать днемъ отъ солнца, а ночью отъ страшныхъ насѣкомыхъ, мы, по произнесеніи обычнаго при отплытіи фатиха, отчалили отъ берега. Кромѣ насъ двухъ на суднѣ было еще четыре судовщика и два другихъ путешественника.

Сначала плаваніе наше было весьма однообразно и скучно. Рулевые, по одному на каждомъ концѣ, направляли барку постоянно на тѣ мѣста рѣки, гдѣ вода была мутнѣе и желтѣе, объясняя это тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ теченіе сильнѣе. Рули состоятъ изъ длинныхъ шестовъ, расходящихся веслообразно на концахъ. Управляютъ ими обыкновенно сидя, если только плаваніе не требуетъ особеннаго вниманія. Часа черезъ два рулевые смѣнялись; уставшіе, или скорѣй спаленные солнцемъ, смѣнившись, приходили къ намъ подъ крышку, къ нашему великому неудовольствію растягивались во всю длину по полу и тотчасъ же начинали храпѣть, затыгивая такимъ образомъ весьма не гармоничный дуэтъ; они спали до новой смѣны. Что касается нашихъ двухъ спутниковъ, то, къ счастію, одинъ только изъ нихъ былъ очень разговорчивъ, и какъ меня радовало, что онъ моему товарищу давалъ свѣдѣнія то объ одномъ, то о другомъ мѣстѣ на нашемъ пути, постоянно пере-

бываль его, если тотъ ошибался, и тѣмъ удовлетво-
рялъ моему любопытству, хотя и былъ нѣсколько
многогубчивъ.

Особенно интереснаго берега Оксуса собою ничего
не представляютъ, хотя о нихъ можно больше ска-
зать, чѣмъ сказалъ Бутеневъ, проѣзжавшій въ 1838
году этою дорогою только вверхъ по рѣкѣ изъ Кунгра-
та въ Енги-Юргендшъ. На правомъ берегу противъ
того мѣста, гдѣ мы сѣли на нашу барку, лежатъ
обширныя развалины Сахбазъ-Вели (святаго героя),
какъ говорятъ, нѣкогда сильной крѣпости, разрушен-
ной калмыками. О народѣ этомъ преданіе гласитъ,
что всѣ развалины въ Хивинскомъ ханствѣ — дѣло
его рукъ, но это, разумѣется, преувеличено, хотя
дѣйствительно отъ вторженія ихъ при Чингисханѣ
Харезмъ, находившійся въ то время въ цвѣтущемъ
состояніи, сильно пострадалъ. Немного далѣе по те-
ченію рѣки встрѣчаются тоже обширныя развалины
съ остатками каменныхъ строеній, называемыя Га-
уръ-Калнзи (крѣпость гауровъ). Подъ гаурами я
сначала разумѣлъ древнихъ гебровъ или огнепоклон-
никовъ, но здѣсь, къ величайшему моему изумленію,
услыхалъ, что этимъ именемъ во всей Средней Азіи
называютъ армянъ, или лучше несторіанъ, которые,
въ доисламитскія еще времена, до самаго паденія
власти монголовъ, имѣли здѣсь значительныя колоніи,
начиная отъ Аральскаго озера и далеко по направ-
ленію къ Китаю. Отъ первыхъ развалинъ внизъ по
рѣкѣ, по правому ея берегу, тянется часа на три
пути довольно густой лѣсъ (тогаи), называемый
Хитайбеги. Хотя деревья и не особенно высоки, но

все-таки солнце не можетъ осушить находящихся въ этомъ мѣсту болотъ, питаемыхъ Оксусомъ, и только немногія сухія мѣста его обитаемы каракалпаками, занимающимися разведеніемъ рогатаго скота. На лѣвомъ берегу отдѣльно стоящія хавли тянутся почти непрерывной цѣпью, а по временамъ они у самаго берега сгущаются и образуютъ цѣлыя селенія, такъ, напр., Ташкале, большую узбекскую деревню, лежащую на высококомъ берегу, или меньшую Везиръ, вблизи которой каналъ Биличбай впадаетъ въ рѣку, или лучше сказать вытекаетъ изъ нея, потому что другой его конецъ за Илалы теряется въ пескахъ.

Весь нашъ день проходилъ обыкновенно въ вареніи чая, приготовленіи пилава и разсказываніи или слушаніи священныхъ сказокъ. По временамъ вся наша компанія, за исключеніемъ рулевыхъ, ложилась спать. Эти минуты были для меня сладкимъ отдохновеніемъ. Вглядываясь въ желтыя волны древняго Оксуса, я переносился въ воображеніи къ европейскимъ рѣкамъ съ цвѣтущими, кипящими жизнью, берегами, съ зеркальными волнами, несущими сотни пароходовъ... какая неизмѣримая разница! Оксусъ—вѣрный представитель страны, которую онъ пробѣгаетъ: его теченіе дико и неукротимо, какъ дика и неукротима природа среднеазіятца; его мели и пески также трудно обозначить, какъ трудно въ туркестанцѣ указать дурныя и хорошія стороны; наконецъ, онъ безпрестанно мѣняетъ свое русло, какъ кочевникъ мѣняетъ мѣста, гдѣ раскидываетъ свою палатку.

На второй день плаванія, утромъ рано мы прошли мимо города Гёрлена, лежащаго довольно далеко отъ

берега и имѣющаго какъ бы своею пристанью деревню по имени Ишимчиранъ. Напротивъ города, на правомъ берегу рѣки, находится крѣпостца Рехмиберди-бегъ, о которой я упоминаю только потому, что отъ нея начинается цѣпь горъ Овейсъ-Карайне*), тянущаяся съ юго-востока къ сѣверу. Съ перваго взгляда горы эти и высотой и формаціей походятъ на большой Балканъ въ пустынь между Хивой и Астрабадомъ; но вблизи тотчасъ видно, что онѣ больше Балкана и отличаются еще отъ него роскошною растительностью, покрывающею многія изъ ихъ вершинъ, что является весьма пріятнымъ сюрпризомъ. На одной изъ вершинъ находится предполагаемая могила Овейсъ-Карайне—знаменитое мѣсто поклоненія въ Хивинскомъ ханствѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ могилы видно нѣсколько зданій, выстроенныхъ Рехмиберди-бегомъ для удобства богомольцевъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой горы находится Мунадшаты-даги (гора молитвы), на которую указываютъ, какъ на мѣсто погребенія одной святой женщины, по имени Амберене (мать Амбра). Святыихъ женщинъ у суннитовъ вообще мало, но все-таки въ Средней Азіи насчитываютъ ихъ нѣсколько—новое доказательство, что исламъ не такъ безжалостенъ къ прекрасному полу, какъ это пола-

---

*) Овейсъ-Карайне—имя одного вѣрнаго приверженца Магомета, изъ любви къ нему выбившаго себѣ всѣ зубы, потому что пророкъ въ битвѣ при Охудѣ лишился двухъ переднихъ зубовъ. Послѣ смерти Магомета Овейсъ хотѣлъ было основать орденъ, для вступленія въ который требовалось прежде всего выбитіе зубовъ, но это разумѣется не удалось. Исторія его прибытія въ Хиву и смерти въ ней принадлежитъ, кажется, къ разряду вымысловъ.

гаютъ у насъ въ Европѣ. Чтожъ касается до госпожи Амберене, то объ ней преданіе говоритъ, что она была Зулейха красотой, Фатима добродѣтелью, и была ненавидима и изгнана супругомъ, заклятымъ врагомъ ислама за то, что приняла эту вѣру. Изъ царскаго своего жилища въ Енги-Юргендшѣ она бѣжала въ эту дикую страну и навѣрно умерла бы съ голоду, если бы ежедневно ко входу въ ея пещеру не являлась оленья самка, которую отшельница и доила. Кому не придетъ при этомъ на память исторіи Женевьевы брабантской? Парижане тѣхъ временъ были, какъ видно, не лучше нынѣшнихъ узбековъ, и какъ часто вообще встрѣчается такое тождество въ произведеніяхъ фантазіи двухъ различныхъ народовъ, далеко живущихъ одинъ отъ другого!

Проплывъ четыре часа внизъ отъ Гёрлена, мы достигли Енги-япа, незначительнаго мѣстечка, обнесеннаго землянымъ валомъ, лежащаго въ полуторочасовомъ разстояніи отъ рѣки. Часа черезъ два дальше начинается новый округъ Хитай, именно отъ того мѣста, гдѣ стоитъ Юмалакъ—конусообразный холмъ на лѣвомъ берегу рѣки. На правомъ берегу, между тѣмъ, горы Овейсъ-Карайне все болѣе и болѣе приближаются къ Оксусу. Пройдя мимо выдающейся ихъ вершины Ямпукъ, увѣнчанной развалинами замка, мы вступили въ ущелье (по здѣшнему Киснакъ), образуемое съ одной стороны Юмалакомъ, а съ другой цѣпью горъ Шейхъ-Дшели, идущей отъ востока къ западу. Проходъ этотъ много уже «Желѣзныхъ воротъ» на Дунаѣ и часто бываетъ опасенъ для судовъ, потому что рѣка, тѣснимая съ обѣихъ сто-

ронъ скалами, пріобрѣтаетъ здѣсь страшную силу теченія. Вода издаетъ глухой шумъ, словно Оксусъ возмущается на твердыя скалы, которыя его, неукротимаго буяна, хотять какъ будто запереть. Впрочемъ самое узкое мѣсто прохода весьма коротко. Слѣва горы оканчиваются обрывомъ, а на правомъ берегу спускаются ступенями; далѣе же за Тавой, лежащей на лѣвомъ берегу, вся страна переходитъ въ совершенную равнину.

Съ исчезновеніемъ горъ берега Оксуса теряютъ всю свою прелесть и послѣ двухдневнаго плаванія даже надоедаютъ своимъ однообразіемъ, не дающимъ пищи ни глазамъ, ни фантазіи. Если утренніе и вечерніе часы и приносили съ собою нѣкоторую отраду, то днемъ жара, а ночью мухи и гельзы (въ сравненіи съ которыми нижнедунайскія голумбаццы — нѣжнѣйшія бабочки) просто были невыносимы. Только что солнце успѣвало скрыться за горизонтомъ, какъ всѣ поспѣшно прятались подъ нашу пешехане, сдѣланную изъ грубой холстины. Мучительно было сидѣть въ этомъ воздухѣ, зараженномъ моими спутниками, а выйдти наружу не было никакой возможности. Къ вечеру мы достигли, наконецъ, округа Мангита. Городъ того же имени стоитъ въ двухъ часахъ отъ рѣки, но намъ его за маленькимъ лѣскомъ не было видно. Здѣсь мы пробыли довольно долго и, изготовивъ себѣ кушанье на вольномъ воздухѣ, а не на тѣсномъ очагѣ нашей барки, поплыли далѣе. Къ великому сожалѣнію моего пріятели, мы прибыли къ Базуяну, лежащему на разстояніи одного часа отъ берега, ночью. Ему хотѣлось

вмѣстѣ со мною сдѣлать визитъ къ живущему въ этомъ городѣ знаменитому ногайскому ишану, чтобъ испросить у него совѣта и благословенія для задуманнаго имъ путешествія. Ногайцы, убѣгающіе сюда изъ Россіи отъ русскихъ чиновниковъ, или отъ военной службы, почитаются здѣсь какъ мученики за свободу и вѣру, но я между ними часто встрѣчалъ величайшихъ негодяевъ, которые по всѣмъ вѣроятностямъ бѣжали отъ вполне заслуженнаго наказанія.

Утромъ рано мы прошли уже мимо Кипчака. Отъ берега противъ города выступаетъ коса, которая тянется почти до половины рѣки. Когда вода низка, коса мѣстами поднимается изъ нея, и дѣти обыкновенно, по колѣно въ водѣ, бѣгаютъ по ней; судовщики же очень боятся этого мѣста и не рѣшаются проходить имъ иначе, какъ днемъ. Кипчакъ довольно значительное мѣстечко, населенное узбеками кипчакскаго племени, съ нѣсколькими мечетями и училищами. Одно изъ училищъ, находящееся на правомъ берегу рѣки, основано Ходша-Ніазомъ и знаменито богатыми приношеніями, которыя онъ сдѣлалъ въ него. Недалеко отъ этого уединенно стоящаго зданія, на горѣ, у самого берега, виднѣются развалины Чилпикъ, о которыхъ преданіе гласитъ, что это былъ нѣкогда укрѣпленный замокъ, служившій мѣстопробываніемъ нѣкоей принцессы, влюбившейся въ невольника своего отца и бѣжавшей сюда съ своимъ милымъ отъ родительскаго мщенія. Чтобъ доставать себѣ воду, они прокопали гору до рѣки; подземный этотъ ходъ существуетъ и понынѣ.

За Кипчакомъ, на правомъ берегу Оксуса начинаются лѣса, которые, за немногими перерывами, тянутся вдоль берега рѣки далеко за Кунградъ. Какъ глубоко они вдаются къ востоку, съ рѣки не видно, но, какъ увѣряли меня, самая большая ширина ихъ достигаетъ 8—10 часовъ пути. Прилегающая къ рѣкѣ часть лѣса покрыта почти сплошь топями и болотами и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доступна. Въ менѣе густыхъ его частяхъ пасутся сотни стадъ рогатаго скота каракалпаковъ. Въ дичи недостатка нѣтъ, но изъ многочисленныхъ дикихъ звѣрей особенно опасны пантеры, тигры и львы. Самое большое число мелей Оксуса приходится на часть рѣки между Герленомъ и Кипчакомъ, такъ что мы безпрестанно наталкивались на нихъ. Лѣвый берегъ отъ Кипчака образуетъ тянущуюся далеко къ сѣверо-западу плоскую возвышенность, называемую туземцами Исланкиръ (поле змѣй), которая на западѣ, на границѣ съ пустынею, кончается крутымъ обрывомъ, какъ Кафланкиръ, или какъ вся плоская возвышенность Усть-Юрта. Населеніе береговъ Оксуса въ этомъ мѣстѣ состоитъ изъ іомуть-туркменовъ и чаудоръ-туркменовъ. Первые кочуютъ вблизи рѣки около Порсу и Илалы, а послѣдніе на рубежѣ пустыни и по оазисамъ Усть-Юрта. Племена эти находятся въ постоянной враждѣ между собою, что, если не выгодно для нихъ самихъ, то выгодно очень для узбековъ, потому что непосредственное сосѣдство объединеннаго сильнаго племени кочевниковъ всегда опасно для осѣдлаго народа.

Вечеромъ на третій день мы остановились передъ

городомъ Ходша-Или *), лежащимъ въ двухъ часахъ отъ рѣки. Большинство жителей считаютъ себя потомками пророка и не мало гордятся этимъ передъ остальными узбеками. Весь округъ густо населенъ. Лѣвый берегъ рѣки далеко къ Нѣксу **) представляетъ безпрерывную цѣпь лѣсовъ и обработанной земли. Здѣсь одно изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ для судоходства на Оксусѣ: рѣка образуетъ водопадъ, который во время нашего путешествія быстро низвергался съ высоты почти трехъ футовъ съ ужаснымъ шумомъ, слышимымъ еще за часъ пути до сюда. Туземцы его называютъ Казанкиткенъ, т. е., мѣсто, гдѣ погибли котлы, потому что здѣсь потерпѣло крушеніе судно, нагруженное этимъ товаромъ. Обыкновенно суда, четверть часа не доходя до водопада, подводятся вплоть къ берегу и спускаются на канатахъ. Ниже этого мѣста рѣка своими разливами образовала довольно значительныя озера, соединенныя между собою природными каналами. Весной воды въ этихъ озерахъ бываетъ немного, но совершенно высыхаютъ они очень рѣдко. Самыя значительныя изъ нихъ: Куйруклу-Кѣль и Сари-Чѣнгюль—первое на нѣсколько дней пути простирается къ сѣверо-востоку, а второе меньше, но глубже.

Мимо Нѣкса мы прошли на четвертый день. Даже

---

*) Ходша-Или (народа Ходша, или потомковъ пророка), живетъ здѣсь довольно много. Физиономія ихъ—чисто узбекскія, подобно тому, какъ многіе сеиды въ Персіи—иранскаго типа. Первые пользуются большими правами, чѣмъ послѣдніе.

**) На картѣ, приложенной къ моему «путешествію по Ср. Азіи», по ошибкѣ Нѣксъ смѣшанъ съ Ходша-Или, и кромѣ того первый на часъ дальше отъ Кунграта, чѣмъ обозначено тамъ.

на лѣвомъ берегу количество обрабатываемой земли постепенно уменьшается. По обоимъ берегамъ тянутся лѣса; на половинѣ дороги между Нѣгсомъ и Кунградомъ изъ рѣки выходитъ довольно широкой и глубокой каналъ Ёгюскиткенъ, который идетъ по юго-западному направленію и впадаетъ въ озеро Шоркатши. Отъ большаго разлитія водъ Оксуса судоходство въ этомъ мѣстѣ весьма затруднительно, поэтому въ послѣднее время старались плотинами отрѣзать помянутое озеро отъ рѣки, но безуспѣшно. Вблизи мавзолея надъ могилою нѣкоего святаго, по имени Афакшодша, лѣсъ кончается и начинается кунградскій округъ. На сколько глазъ хватаетъ, все покрыто садами, полями и хавлями. На пятый день вечеромъ вдали показался наконецъ и самъ Кунградъ, послѣ того какъ мы прошли близъ водоворота, мимо развалинъ крѣпости, построенной во времена Мехемедъ-Эмина взбунтовавшимся Теребегомъ.

Въ этомъ, самомъ сѣверномъ, городѣ хивинскаго ханства мы пробыли очень недолго, потому что мой юный товарищъ, лишившійся годъ тому назадъ своихъ родителей, скоро распрощался съ живущимъ здѣсь родственникомъ и началъ даже торопить меня въ обратный путь. Наружнымъ видомъ Кунградъ хуже городовъ, южнѣе его лежащихъ и знаменитъ только своими базарами, на которые сосѣдніе кочевники доставляютъ громадное количество скота, масла, войлочныхъ ковровъ, верблюжьяго волоса и овечьей шерсти. Кромѣ того, Кунградъ ведетъ большую торговлю съ остальными частями ханства сушеною рыбою, доставляемою съ береговъ Аральскаго озера.

Какъ о достопримѣчательности, я долженъ упомянуть здѣсь о томъ, что нашелъ въ Кунгратѣ двухъ русскихъ, перешедшихъ въ исламъ и обзаведшихся хорошими домами и большими семьями. Они принадлежали къ арміи Перовскаго и были взяты въ плѣнъ; Мехемедъ-Эминъ-ханъ далъ имъ свободу съ условіемъ, чтобы они перешли въ исламъ, и подарилъ одному изъ нихъ невольницу персіянку. Черноволосая дочь Ирана и бѣлокурый сынъ съвера живутъ очень согласно и, не смотря на то, что послѣднему неоднократно представлялся случай возвратиться на родину, онъ никакъ не могъ разстаться съ новымъ своимъ отечествомъ.

Въ заключеніе приведу тѣ краткія свѣдѣнія, которыя я собралъ здѣсь о дальнѣйшемъ теченіи Оксуса — отъ Кунграта до Аральскаго озера. Въ двухъ часахъ отъ города Оксусъ раздѣляется на два большихъ, почти одинакихъ, рукава. Правый сохраняетъ названіе Аму-Дѣрьи и скорѣе достигаетъ озера, но вслѣдствіе частыхъ развѣтвленій мелокъ и труденъ, слѣдовательно, для судоходства. Правый рукавъ носитъ названіе Тарликъ *) (узкій); онъ не широкъ, но

---

*) А не Талдикъ, какъ называлъ его адмиралъ Бутаковъ въ своемъ сочиненіи, читанномъ имъ 11 марта 1867 года въ Лондонскомъ географическомъ обществѣ. Также не могу съ нимъ согласиться на счетъ приводимыхъ имъ названій двухъ крайнихъ рукавовъ дельты: Янги для восточнаго и Лауданъ для западнаго. Можетъ быть, прежде это такъ и было, ибо Оксусъ часто мѣняетъ русло свое, но теперь — не такъ. Я знаю изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что Лауданомъ называется теперь высохшее русло Оксуса, начинающееся у Кипчака и идущее въ западномъ направленіи черезъ Кѣне-Юргспдшъ. Что касается до Улкуна, какъ называетъ Бутаковъ среднюю вѣтвь дельты, то надо замѣтить, что слово это на узбекскомъ языкѣ

достаточно глубоко на всемъ своемъ протяженіи: суда же все-таки ходятъ по немъ весьма рѣдко, потому что онъ на пути къ озеру дѣлаетъ большой обходъ. Что касается до движенія на самомъ нижнемъ теченіи Оксуса, то надо сказать, что оно и въ сравненіе не можетъ идти съ тѣмъ, которое происходитъ на пространствѣ отъ Тшардшюя до Кунграта—этой большой торговой дорогѣ между Бухарой и Хивой. Осенью рыболовство заставляеть узбеговъ ѣздить къ Аральскому озеру, такъ какъ во всѣхъ трехъ ханствахъ производится значительная торговля сушеною рыбою. Безъ рыбы обитатели пустыни почти не могутъ обходиться, такъ какъ они слишкомъ скупы, чтобъ, не смотря на богатство своихъ стадъ, питаться мясомъ, а предпочитаютъ замѣнять его сушеною рыбою. Весною же озеро привлекаеть охотниковъ за дикими гусями, которыхъ бываетъ на устьяхъ Оксуса несмѣтное количество. Преимущественно въ это же время года отправляются туда богомольцы на поклоненіе могилѣ Токмакъ-Баба, находящейся на островѣ того же имени близъ устья рѣки. Святой этотъ въ тоже время и покровитель рыбаковъ. Прахъ его покоится подъ небольшимъ мавзолеемъ, во внутренней кельѣ котораго сохраняется еще его одежда и кухонная посуда, носяція на себѣ слѣды глубокой древности; между утварью особымъ почтеніемъ пользуется его котель. Рассказываютъ, что даже русскіе, которымъ доступъ къ острову весьма ле-

---

значить «большой» и всегда прилагается къ названію главнаго русла рѣки. Значить его Улкуиъ, или лучше Юлкень, и моя Аму-Дерья—одно и тоже.

гокъ, благодаря ихъ пароходамъ, заходятъ на него очень рѣдко, а если и бываютъ иногда, то, движимые невольнымъ уваженіемъ, не прикасаются къ хранящейся тамъ святынѣ.

Если мы теперь бросимъ общій взглядъ на все теченіе этой удивительной рѣки, отъ истока ея, Сер-и-Куль (начало озера), до Аральскаго озера, то увидимъ:

1) что Оксусъ судоходенъ не на всемъ своемъ протяженіи, какъ утверждаетъ Burnes, но только внизъ отъ Керки, или, вѣрнѣе, отъ Тшихардшуя, а сверху до этого мѣста можно на немъ встрѣтить только одни плоты, доставляющіе строевой и дровяной лѣсъ, которымъ богаты склоны бедахшанскихъ горъ, въ тѣхъ мѣстности, гдѣ лѣса нѣтъ; на такихъ плотахъ иногда попадается, но и то рѣдко, какая нибудь семья, переселяющаяся въ страны, ниже лежащія по Оксусу; на пространствѣ между Хесареспомъ и Елтшигомъ, служащимъ складочнымъ мѣстомъ для Бухары, начинаютъ ходить уже большія суда, везущія въ Хиву, или оттуда, товары и продовольственные припасы; но оживленное движеніе на рѣкѣ происходитъ безспорно на той ея части, которая протекаетъ хивинскимъ ханствомъ; здѣсь по берегамъ ея много городовъ, и она служитъ дешевѣйшимъ средствомъ для перевоза большихъ грузовъ и сообщенія для бѣдныхъ классовъ народонаселенія.

2) что Оксусъ, какъ мнѣ кажется (ибо, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, я утверждать не могу), съ большимъ только трудомъ можетъ сдѣлаться той могучей, жизненной артеріей Средней

Азіи, какъ предполагають политики, разсуждая о будущности Туркестана. Что онъ не можетъ играть такой важной роли, какъ Яксартъ — это ясно видно уже теперь изъ того, что русскіе съ своей аральской флотиліей должны были пробраться въ Туркестанъ не по Оксусу, а по Яксарту, хотя послѣдняя рѣка менѣе удобна для ихъ плановъ; приводимый же обыкновенно аргументъ, что необитаемые берега Яксарта имѣють бѣольшую важность для петербургскаго двора, невѣренъ и происходитъ только отъ недостаточныхъ географическихъ познаній нашихъ о Средней Азіи: съ тремя пароходами на Оксусѣ русскіе могли бы не только держать подъ шахомъ все хивинское ханство, не только завладѣть Кунградомъ, Кипчагомъ и Хесареспомъ, но весьма легко могли бы перекинуть войско черезъ Каракуль въ Бухару, т. е., въ самое сердце Средней Азіи, если бы неимовѣрныя трудности этого воднаго пути не сдѣлали такого предпріятія невозможнымъ, въ чемъ русскіе достаточно убѣдились уже при первой ихъ попыткѣ пробраться въ Среднюю Азію. Оксусъ, не говоря уже о водопадѣ при Ходша-Или, о подводныхъ камняхъ у Кипчака, о киснакѣ (тѣснинѣ) у Ямпука, представляетъ величайшія затрудненія своими многочисленными песчаными отмелями, которыя тянутся часто на нѣсколько часовъ пути и, вслѣдствіе большой массы песка, несомаго теченіемъ, безпрестанно мѣняють свое мѣсто, такъ что ихъ обозначить нѣтъ возможности: самые опытные судовщики узнають фарватеръ только приблизительно по цвѣту воды, а указать съ точностью не могутъ.

3) что невозможно искусственно уравнивать въ Оксусѣ высоту воды, которая въ началѣ весны и поздно осенью на двѣ трети стоитъ ниже, чѣмъ лѣтомъ; не говоря уже о томъ, что страшная быстрота теченія очень затруднила бы это предпріятіе, оно было бы вредно потому еще, что многочисленныя рукава и каналы рѣки не только необходимы для орошенія полей, но доставляютъ воду для питья въ отдаленнѣйшія страны. Если хивинскій ханъ объявляетъ войну какому нибудь бунтующему подвластному ему племени, то онъ прежде всего отрѣзываетъ каналы и водопроводы, и это оказывается самою чувствительною мѣрою; слѣдовательно, если бы правительство заперло свои шлюзы, чтобъ увеличить количество воды въ Оксусѣ, то оно тѣмъ самымъ какъ бы объявило бы войну разомъ всей странѣ.

Кромѣ помянутыхъ свойствъ Оксуса, надо еще замѣтить о необыкновенной быстротѣ его теченія, которая ясно видна изъ частыхъ измѣненій имъ своего русла. Измѣненія эти начинаются въ нижней его части, послѣ изгиба при Хесареспѣ, и ихъ гораздо больше, чѣмъ намъ это извѣстно. Если спросить туземцовъ, то они насчитаютъ ихъ больше восьми, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу. Если сюда и входятъ нѣкоторые старые каналы, то все-таки остается необъяснимой непомѣрная неправильность Оксуса. Съ этой точки зрѣнія можетъ не подлежать сомнѣнію, что въ древнія времена совсѣмъ не существовало Аральскаго озера, какъ утверждаетъ сэръ Генри Роулинсонъ, основываясь на одной въ высшей степени драгоценной персидской рукописи.

Изъ Кунграта въ Хиву ѣздятъ большею частію сухимъ путемъ, ибо, чтобъ подняться вверхъ по рѣкѣ, надо употребить 18 — 20 дней, и поэтому по ней перевозятъ только тяжести. Сухимъ путемъ есть три дороги, именно: 1) черезъ Кёне-Юргендшъ, такъ называемая лѣтняя дорога; она обходитъ всѣ разливающіяся въ это время года озера, протоки и рукава Оксуса. Длина ея 56 ферсахъ и потому она самая длинная. 2) Черезъ Ходша-или; по ней идутъ зимой, когда помянутыя озера и пр. замерзаютъ. Длина ея 40 ферсахъ. 3) По правому берегу Оксуса черезъ Сураханъ—большіе обходы и много песчаныхъ степей.

Хотя намъ и надо было торопиться, но приходилось избрать длиннѣйшую дорогу, черезъ Кёне-Юргендшъ. По счастію намъ удалось присоединиться къ небольшому обществу путешественниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ѣхали только до помянутаго города, а другіе до Хивы. Лошади у всѣхъ были хорошія; даже тѣ, которыхъ дали намъ въ распоряженіе «лиллахъ» (изъ благодаренія), оказались молодыми, сильными животными. Благодаря этому обстоятельству и тому еще, что съ нами ничего не было, кромѣ небольшого запаса пици, мы ѣхали весьма бодро, не смотря на жаръ, который даже и раннимъ утромъ былъ чувствителенъ. Отъ городскихъ воротъ дорога шла въ сѣверо-западномъ направленіи, сначала прекрасно обработаннымъ кунгратскимъ округомъ, потомъ пустыремъ до большого озера стоячей воды, извѣстнаго подъ именемъ Атьолу, считающагося первой станціей и лежащаго отъ Кунграта въ 7 фарсахъ.

На узкомъ мѣстѣ черезъ Атьолу перекинуть мостъ; за нимъ дорога дѣлится на двое: одна идетъ вдоль дикаго горнаго хребта Казакъ-Ёрге по большой плоской возвышенности Усть-Юрта въ Оренбургъ, а другая въ Кѣне-Юргендшъ. Дорога наша пошла лѣсами и песками; по сторонамъ виднѣлись иногда развалины, изъ которыхъ замѣчательны: Карагѣмбець (черный куполь), близъ котораго добывается соль, лучшая во всемъ ханствѣ, и Барзакилмець (кто пойдетъ—не воротится), обитаемый по нынѣ злыми духами — опасное гнѣздо, гдѣ погибло уже много любопытныхъ. Послѣ пятичасовой ѣзды мы достигли второй станціи, Кабильбегъ-хавли. Это одиноко стоящій дворъ, хозяинъ котораго угостилъ насъ весьма хорошо и не забылъ снабдить на дорогу мясомъ и хлѣбомъ, такъ какъ намъ до ближайшей станціи, Кизильчагала, надо было ѣхать еще часовъ восемь. Было еще темно, когда мы выѣхали. Спутники мои стали весьма заботливо осматривать оружіе, и я подумалъ, что намъ придется ѣхать мимо какого нибудь враждебнаго туркменскаго племени, но скоро успокоился, узнавъ, что дорога наша будетъ идти весь день густымъ лѣсомъ, въ которомъ много львовъ, пантеръ и кабановъ, иногда нападающихъ на путешественниковъ. Что львы и пантеры при климатическихъ условіяхъ Средней Азіи не такъ опасны, какъ ихъ собратія въ Индіи и Африкѣ, понятно всякому. Поэтому я не только не раздѣлялъ опасеній моихъ юныхъ татарскихъ спутниковъ, но даже желалъ быть свидѣтелемъ какого-нибудь интереснаго охотничьяго приключенія. Но у узбековъ также сильна фантазія, какъ и у всѣхъ

жителей Азии: объ царственномъ животномъ не было ни слуху, ни духу, а видѣли мы только нѣсколько кабаньихъ хвостовъ, въ то время, какъ животныя эти съ трескомъ прятались отъ насъ въ чащу. Но за то намъ попадалось просто невѣроятное количество цесарокъ и фазановъ—и тѣми и другими мы достаточно запаслись для предстоящей вечерней стоянки. Надо замѣтить, что птицы эти здѣсь гораздо вкуснѣе, чѣмъ въ Мазендранѣ, и что узбеки умѣютъ ихъ лучше готовить, чѣмъ персы. По выѣздѣ изъ лѣса, вскорѣ показался вдали Кизилчагала, укрѣпленное мѣсто, обитаемое узбеками. Мы прибыли туда довольно еще рано, а на утро пустились далѣе въ путь страну, обитаемую юмутами.

Кѣне-Юргендшъ считается четвертою станціей, хотя находится всего въ трехъ часахъ отъ предыдущей. Эта древняя метрополія знаменитаго нѣкогда въ Средней Азии Харесма теперь самый бѣдный изъ всѣхъ городовъ, раздѣлившихъ съ нимъ одну участь, и, какъ не возвеличиваютъ исторія и преданія его прошлое великолѣпіе, при взглядѣ на его развалины видно, что онъ былъ средоточіемъ только татарской цивилизаціи. Нынѣшній городъ малъ, грязенъ и незначителенъ, но вѣроятно былъ много больше, если судить по развалинамъ вокругъ его стѣнъ. Они принадлежатъ къ исламитскому вѣку культурной эпохи Шахи-Харезмианъ. Главную достопримѣчательность составляетъ помянутая уже въ моемъ путешествіи мечеть Теребегъ-ханима (не хана), которая больше и великолѣпнѣе Хазрети-Пеливана, считающейся лучшимъ зданіемъ въ Хивѣ, и не уступаетъ своими

каши, въ которыхъ преобладаетъ желтый цвѣтъ, ни одному подобному зданію Туркестана. Потомъ замѣтимъ еще мавзолей Шейхъ-Шерефъ съ высокимъ лазоревымъ куполомъ, могилу Пиріяра, отца знаменитаго Пеливана и Шейхъ - Недшмъ - ед - дин - Кюбера. Последнее зданіе было близко къ разрушенію и восстановлено только въ недавнее время щедростью Мехемедъ-Эминъ-хана. Въ окрестностяхъ города, говорятъ, находится много отдѣльно стоящихъ каменныхъ башенъ и стѣнъ, какъ на примѣръ: Пульдшайду (погибшія деньги), въ трехъ часахъ отъ города. Здѣсь, когда буря взрываетъ песокъ, показывались иногда изъ земли монеты и золотые или серебряные сосуды; когда песокъ просѣиваютъ, то часто трудъ этотъ съ избыткомъ награждается. Кромѣ этого, извѣстенъ еще Айзанемъ, или двойной кіоскъ Айзанема и Шазанема, знаменитой влюбленной пары, исторія которой часто воспѣвается здѣшними трубадурами. Впрочемъ названіе это, должно быть, прилагается ко всякимъ развалинамъ, стоящимъ одинокими парами, ибо Шазанемы есть и въ другихъ частяхъ Хивы, и въ Бухарѣ и близъ Герата, и вездѣ рассказывается про нихъ почти одна и та же исторія съ небольшими варіаціями.

Отъ Кене-Юргендша дорога дѣлится на двѣ вѣтви почти одинаковой длины. Первая идетъ менѣе обитаемой страной, на Порсу, Илалы; ѣздить по ней большимъ обществомъ, ибо часть ея — по крайней мѣрѣ до Ташхауса — не совсѣмъ безопасна отъ кочующихъ вблизи чаудоръ - туркменовъ и іомутовъ. Вторая вѣтвь идетъ все ближе къ Оксусу мимо по-

чти непрерывной цѣпи одиноко стоящихъ хавли, деревень и базаровъ. Послѣдняя длиннѣе первой и труднѣе, потому что на ней встрѣчается много каналовъ и водопроводовъ, но тѣмъ не менѣе лѣтомъ предпочтительно избираютъ ее, такъ какъ на первой дорогѣ караванъ расходится лишь у Ташхауса, а на послѣдней онъ доходитъ только до Бипчага и здѣсь уже всякій получаетъ возможность идти, куда ему нужно.

Х.

Мой татаринъ.

Можно ли себѣ представить бѣльшій контрастъ—видѣть азiятца, да еще среднеазiятца, только два года тому назадъ закутаннаго въ широчайшiй свой халатъ, питавшагося первобытною простѣйшею пищею кочевниковъ, одѣтымъ въ европейскiй и къ тому же узкiй венгерскiй костюмъ и почти уже совсѣмъ привыкшимъ къ пицѣ и нравамъ запада; татарина, готовившагося быть муллою, сидѣвшаго въ уединенной кельѣ хивинской медресе Мехемедъ-Эмина, и занятаго въ ней по цѣлымъ часамъ молитвою и изученiемъ ислама, видѣть теперь роющимъ въ библютегѣ одной изъ европейскихъ академiй, отыскивающимъ фолiанты по философи, по всеобщей и церковной исторiи, греческихъ, латинскихъ и другихъ авторовъ; азiятца, не иначе, какъ съ обращенiемъ слышавшаго имя Европы, считавшаго свои восточныя дигiя учрежденiя и воззрѣнiя единственно правильными и разумными, видѣть теперь читающимъ передовыя статьи европейскихъ газетъ, разсуждающимъ о европейской политикѣ и дѣла-

ющимъ при этомъ иногда самыя смѣлыя сравненія обоихъ міровъ?

А между тѣмъ эти крайности сошлись въ особѣ моего муллы—того хаджи, который на пути въ Мекку встрѣтился со мною въ Хивѣ, привязался ко мнѣ и, вмѣсто святѣйшаго города, живетъ теперь со мною въ столицѣ Венгріи. Многіе любопытствовали узнать какими средствами я могъ подвинуть моего татарина на такой подвигъ; особенно всѣ добивались узнать, какое впечатлѣніе произвело на него мое внезапное превращеніе изъ благочестиваго дервиша въ европейскаго путешественника. Вопросавшіе думали совершенно ошибочно, что я внезапно, какъ бабочка, сбросилъ съ себя свою личинку. О, нѣтъ! превращеніе было очень постепенное, и фазы его особенно тѣмъ интересны, что онѣ отлично обрисовываютъ характеръ восточнаго и западнаго жителя. Дѣйствительно, вся эта исторія стоитъ того, чтобъ ее рассказать поподробнѣе.

Мы встрѣтились, какъ я уже говорилъ, въ Хивѣ. Татаринъ мой, молодой мулла, одушевленный страстью къ странствованію, искалъ себѣ попутчика въ Мекку. Считая меня за турка, за уроженца святыхъ мѣстъ, онъ лучшаго товарища себѣ не желалъ и съ перваго же раза искренне привязался ко мнѣ. Вначалѣ онъ смотрѣлъ на меня просто, какъ на очень ученаго фанатика муллу, почему и относился ко мнѣ съ великимъ почтеніемъ и старался ловить каждое слово съ напряженнымъ вниманіемъ. Таковы были между нами отношенія во все время нашего путешествія черезъ Бухару, Самаркандъ, Карши, до берега Оксуса.

Здѣсь я сталъ къ нему довѣрчивѣе, приподнялъ немного покровъ святости, подѣ который прятался доселѣ; мы сдѣлались пріятелями и наши скудные средства сложили въ одинъ мѣшокъ. Такъ какъ это была высокочестная, прямодушная натура, то его нелицемѣрная, вѣрная дружба стала для меня дѣйствительнымъ утѣшеніемъ и опорой на моемъ одинокомъ опасномъ пути. Но мой татаринъ конечно только съ трудомъ, и то медленно, привыкалъ къ болѣе короткому обращенію со мной. Ему, повидимому, очень нравилась роль прислужника: во время нашего путешествія онъ поставилъ себѣ задачей исполнять всѣ болѣе трудныя работы—собирать дрова, добывать муку, и т. д., а мнѣ предоставилъ болѣе легкое собираніе денежныхъ подаяній. Вечеромъ онъ заботился о приготовленіи пищи и, поставивъ рисъ на тряпку или доску, служившую намъ столомъ, не позволялъ себѣ приняться за ѣду прежде, чѣмъ я сдѣлаю починъ двумя, тремя пригоршнями. Почтеніе ли или особое довѣріе внушали ему такое уваженіе ко мнѣ, я не знаю, но онъ постоянно противился стать со мною на равную ногу. Я не желалъ портить его расположенія духа и не стѣснялъ его произвола.

По эту сторону Оксуса, по мѣрѣ удаленія отъ Бухары, благочестіе мое убывало все болѣе и болѣе. Молитвы, омовенія, благочестивыя размышленія становились рѣже и рѣже. Татаринъ мой, конечно, замѣтилъ это, но не обезпокоился, а сталъ сообразоваться съ моимъ поведеніемъ: рѣже предлагалъ мнѣ духовные вопросы и сталъ внимательнѣе вслушиваться въ мои рассказы о далекихъ, удивительныхъ френгскихъ

странахъ. Разговоры эти обыкновенно происходили во время ночныхъ переходовъ, когда мы дружески ѣхали съ нимъ рядомъ одни, отдѣлившись на нѣсколько шаговъ отъ каравана. Я былъ чрезвычайно радъ, что могъ вспоминать среди окружавшаго меня варварства о дорогомъ мнѣ западѣ и говорить о немъ; товарищъ же мой былъ внѣ себя отъ удивленія, что есть города лучше Бухары, что есть страны, гдѣ можно путешествовать, не боясь умереть отъ жажды или попасть въ руки разбойниковъ. Но болѣе всего поразили его мои увѣренія, что френги, которыхъ онъ привыкъ считать за какихъ-то людоѣдовъ, далеко не такъ жестоки и безжалостны, какъ объ нихъ думаютъ на востокѣ. Въ другихъ обстоятельствахъ онъ, пожалуй, этому и не повѣрилъ бы, но тутъ не могъ, ибо ему говорилъ это ефенди, учитель его и господинъ.

Жажда познанія и привязанность молодаго муллы приобрѣли ему вполнѣ мое расположеніе. Онъ все болѣе и болѣе сталъ отдаваться отъ своихъ соотечественниковъ и все ближе сходилъ со мною. Видя, что изъ молодаго этого человѣка дѣйствительно можетъ выйдти что-нибудь, я тотчасъ же рѣшился его болѣе не оставлять и, если можно, взять съ собой въ Европу. Рѣшеніе это состоялось, когда еще мы были довольно далеко за Гератомъ. Въ этомъ же городѣ онъ блистательнымъ образомъ доказалъ мнѣ свою привязанность и дружбу. Какъ извѣстно уже читавшимъ мое путешествіе, тамъ мнѣ пришлось пострадать больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Полнѣйшее отсутствіе всякихъ средствъ заставляло меня испытывать

нерѣдко всѣмъ мученіямъ голода, и когда въ то позднее время года ночной холодъ прогонялъ отъ меня сонъ, мой татаринъ дѣлился тогда со мной своими жалкими лохмотьями, чтобъ укрыть меня потеплѣе. Мы много перестрадали во время шестинедѣльнаго нашего пребыванія въ Гератѣ. Увѣренія мои, что мы въ Персіи найдемъ себѣ помощь, укрѣпляли духъ моего спутника. Ему казалось забавнымъ, что мы рассчитывали найти облегченія своимъ страданіямъ въ еретической странѣ шиитовъ; но, питая полное довѣріе ко мнѣ, онъ воздерживался отъ всякихъ замѣчаній и, точно также, какъ и я, сталъ съ надеждою смотрѣть на столицу Хорозана.

Наконецъ мы прибыли въ Мешхедъ. Дружеское обращеніе полковника Долмэджа со мной и съ моимъ спутникомъ было загадкою для юноши. Онъ зналъ, что Долмэджъ френги — чего, слѣдовательно, онъ не передумалъ, видя меня, благочестиваго магометанина, своего духовнаго наставника, по цѣлымъ часамъ бесѣдующимъ на незнакомомъ языкѣ съ этимъ невѣрнымъ, и ѣдящимъ изъ одного съ нимъ блюда! Окружающіе полковника и многіе другіе въ городѣ сообщали моему муллѣ свои подозрѣнія, что я перодѣтый френги, но онъ съ негодованіемъ выслушивалъ ихъ и ни разу не обратился ко мнѣ съ вопросомъ объ этомъ — вѣра его оставалась непоколебимою.

На дальнѣйшемъ пути къ Тегерану мой мулла, преслѣдуемый за свой татарскій костюмъ изувѣрными шиитами, находилъ во мнѣ свою защиту и все болѣе вслѣдствіе этого привязывался ко мнѣ. Конечно, съ

моей стороны было не малой смѣлостью цѣлый мѣсяць ѣхать вдвоемъ съ этимъ человѣкомъ, останавливаться на ночь въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ, приди ему какая нибудь дурная мысль въ голову, онъ легко могъ бы убить меня спящаго, взять мою лошадь, оружіе, деньги и бѣжать на сѣверъ къ туркменамъ. Но я былъ далекъ отъ подобныхъ мыслей. Съ полнымъ довѣріемъ я ему отдавалъ всегда мое ружье, саблю, лошадь, и спокойно спалъ, пока онъ стоялъ на часахъ, потому что съ самаго начала моего знакомства съ нимъ я видѣлъ, что у него доброе сердце, а на этотъ счетъ я еще ни разу не ошибался.

Въ Шахрудѣ онъ во второй разъ увидѣлъ меня въ объятіяхъ невѣрнаго. Мой мулла былъ пораженъ этимъ, но сказалъ мнѣ: «Господинъ, ты дѣйствительно хорошо поступаешь, сходясь такъ съ френгами, потому что персіяне эти, клянусь Богомъ, хотя и вѣруютъ въ коранъ и въ пророка, но хуже во сто разъ всякихъ невѣрныхъ!» Увидя еще другаго англичанина, онъ выразилъ мнѣ свое удивленіе, что френги такъ пріятны по наружности и въ обращеніи, но сходилъ съ ними очень трудно и часами пристально вглядывался въ нихъ; поэтому видно было, что хотя онъ нѣсколько и освободился отъ вкоренившихся въ немъ предубѣжденій, но все-таки нѣкоторая робкая сдержанность еще оставалась.

Въ послѣдніе дни нашего путешествія, приближаясь къ столицѣ Персіи, я отъ радости началъ сначала насвистывать, а потомъ и напѣвать аріи изъ разныхъ оперъ. Свистъ на востокѣ неупотребителенъ

и считается весьма неприличнымъ; не смотря на это мотивы изъ «Трубадура», «Ернани» и «Лучи» очень понравились моему муллѣ и онъ очень наивно спросилъ меня «не съ этимъ ли акомпаниментомъ читаютъ въ Меккѣ коранъ»? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ очень удивился.

На почтѣ въ Ахуанѣ спутникъ мой въ первый разъ услышалъ мое настоящее имя. Оно шелохнуло нѣжнѣйшія струны его сердца. Послѣ нелегкой, вѣроятно, борьбы съ собою онъ рѣшился наконецъ обратиться ко мнѣ съ вопросомъ. Я возражалъ, что отвѣчу ему въ Тегеранѣ. Мулла мой на время успокоился. По прибытіи въ Тегеранъ я отправился опять къ своимъ старымъ друзьямъ въ турецкое посольство. Молодые ефенди, представители султана, какъ настоящіе европейскіе дипломаты, своими костюмами и манерами гораздо болѣе меня походили на европейцевъ. Это немного успокоило подозрительность моего муллы, а мои разъясненія новѣйшей цивилизаціи его суннитскихъ братьевъ постепенно показали ему ту бездну, которая отдѣляетъ Бухару отъ Стамбула. Слыша о постоянномъ стремленіи османли подражать Европѣ въ чемъ только можно, онъ самъ не могъ не послѣдовать этому примѣру; къ тому же въ тѣхъ немногихъ френгахъ, которыхъ онъ имѣлъ случай встрѣчать, онъ видѣлъ одно только хорошее и доброе — вслѣдствіе всего этого ненависть и предубѣжденія его слабѣли и исчезали съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Въ Тегеранѣ онъ познакомился съ моимъ соотечественникомъ Сцантò, часто меня посѣщавшимъ, и, мало по малу коротко сошелся съ

нимъ. Сцáнто съ немалой радостью объявилъ ему, что во всей Персїи есть только два мадьяра: онъ, Сцáнто, да я, и что мадьяры сродни туркамъ (это собственная догадка этого портнаго филолога). Последнее поразило татарина, но особенно не встревожило, ибо долгая наша жизнь вмѣстѣ и дружба уже его примирили со многими, да потомъ, видя во мнѣ больше любви къ нему, чѣмъ въ туркахъ, онъ мало заботился о небольшомъ національномъ различїи между нами. Онъ охотно бродилъ по Тегерану, знакомясь съ языкомъ и нравами персїанъ, и очень обрадовался, когда мы, пробывъ нѣсколько недѣль въ столицѣ Персїи, снова осѣдлали коней, чтобъ ѣхать далѣе, въ Константинополь.

До сихъ поръ у насъ рѣшено было, что мой мулла доѣдетъ со мною до Константинополя, а оттуда отправится черезъ Александрію въ Мекку. Но скоро я замѣтилъ, что планъ этотъ ему разонравился и что въ головѣ у него родился другой. Частыя соприкосновенія съ турецкимъ посольствомъ, устроеннымъ на европейскій манеръ, и другими посольствами въ Тегеранѣ, показали моему татарину нѣкоторыя стороны европейской жизни въ прїятномъ свѣтѣ, и возбудили въ немъ желаніе со мною вмѣстѣ посѣтить эту удивительную Европу. Какимъ образомъ его первоначальное стремленіе потерѣть лбомъ о гробъ святаго пророка все болѣе и болѣе отступало на задній планъ, понять не трудно. Его здравый смыслъ прозрѣлъ весь религиозный сумбуръ и тагъ какъ онъ отъ природы имѣлъ особую склонность къ приключеніямъ, то скоро рѣшился вмѣсто свѣтлой Мек-

ки посѣтить такъ страшившій его прежде и ненавистный ему Френгистанъ:

Я же, какъ будто ничего этого не замѣчая; по прибытіи въ Константинополь, вручилъ моему татарину денегъ на дорогу и сталъ съ нимъ прощаться. Бѣдняжка взглянулъ на меня со слезами на глазахъ и, несмотря на гордые минареты, на толпу правовѣрныхъ вокругъ насъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ: «Ефенди, не оставляй меня здѣсь одного. Ты привезь меня изъ Туркестана въ эту чуждую страну, гдѣ я никого не знаю, кромѣ тебя; я охотно за тобой послѣдую, куда бы ты ни пошелъ»!—«Какъ! ты хочешь ѣхать со мной въ Френгистанъ»? спросилъ я. «Но оттуда далеко до Мекки, и потомъ тамъ нѣтъ мечетей, нѣтъ омовеній и нѣтъ мусульманской кухни, какъ же станешь ты тамъ жить»? Онъ смутился, но, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ: «Ахъ! Френги такъ добры и дружелюбны—я охотно бы посмотрѣлъ ихъ страну, а потомъ опять воротился бы въ Стамбуль»! Для меня этого было довольно. Я снялъ моего татарина—и черезъ три дня онъ плылъ уже къ столицѣ Венгріи по Дунаю на парходѣ, окруженный шумной толпою европейцевъ. На парходѣ я его видалъ часто погруженнымъ въ раздумье; сначала онъ не рѣшался прикасаться къ европейской пищѣ, робко озирался вокругъ, но мало по малу привыкалъ ко всему, а нѣсколько дней спустя уже разгуливалъ въ своемъ бухарскомъ костюмѣ по улицамъ Пешта. Въ первое время его такъ все поражало, что онъ отъ изумленія почти лишился языка. Все его дивило, начиная отъ кубически отесанныхъ камней мостовой до вы-

сокихъ зданій и башенъ. Можно себѣ легко представить, какіе забавные вопросы, какія странныя и часто высококомическія замѣчанія дѣлалъ этотъ сынъ пустыни, попавши въ первый разъ въ европейскій городъ. Скорая ходьба и движеніе людей и экипажей по улицамъ очень его удивляли, но особенно поразили его женщины: онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ френги, такіе умные люди, пускаютъ своихъ женъ бродить по улицамъ, однѣхъ, безъ надзора и въ такихъ неуклюжихъ нарядахъ. Днемъ онъ иногда по цѣлымъ часамъ прислушивался къ телеграфной проволоцѣ, желая уловить звуки передаваемой по ней телеграммы, а по вечерамъ впивался глазами въ газовые рожки, любопытствуя узнать, ужели и желѣзо горить. Въ гостинницѣ все для него было чрезмѣрной роскошью и великолѣпіемъ, а такъ какъ о людяхъ онъ судилъ по платью, то всѣ ему казались великими господами и онъ часто говорилъ: «О, вотъ счастливая-то страна—совсѣмъ не видно бѣдныхъ!» Въ любопытнымъ взглядамъ, всюду его преслѣдовавшимъ, онъ привыкъ тоже очень скоро. Прежній страхъ предъ френгами исчезъ совершенно: мулла дружелюбно посматривалъ на всѣхъ и часто съ первымъ встрѣчнымъ вступалъ въ разговоръ, но, что всего изумительнѣе, онъ забывалъ, что его здѣсь никто не понимаетъ и продолжалъ весело бесѣдовать, не обращая вниманія на изумленную фигуру того, къ кому обращался.

Я бы охотно взялъ его съ собою въ Лондонъ, но мнѣ казалось, что лучше будетъ оставить его на первое время въ Венгрію. Одинъ изъ моихъ друзей

любезно приютилъ его у себя въ деревнѣ, а когда я черезъ годъ возвратился изъ Англии, то, къ великому изумленію, увидѣлъ моего муллу уже въ венгерскомъ костюмѣ и въ модной прическѣ, вмѣсто чалмы; но въ немъ еще проглядывала татарская важность и неподвижность въ осанкѣ, что выходило очень забавно при новомъ его костюмѣ. Венгерскому языку онъ выучился скоро, и моего муллу всѣ полюбили, всѣ радушно принимали его, но я никакъ не могъ не расхохотаться, когда въ первый разъ увидалъ его наряднаго, въ перчаткахъ, любезно бесѣдующимъ съ дамою. Два года тому назадъ — мулла въ хивинской Медрессе, а теперь чуть не дэнди! Чего только не сдѣлаешь изъ жителя востока! Такъ какъ онъ выучился уже читать и писать по венгерски, то друзья мои были такъ благосклонны, что доставили ему мѣсто при библиотекѣ венгерской академіи, гдѣ онъ пребываетъ и донинѣ.

Бесѣдуя съ нимъ теперь о различіи восточной жизни отъ западной, я вижу, что прошлое ему кажется сномъ, который онъ иногда съ удовольствіемъ вспоминаетъ, но на который никоимъ образомъ не желалъ бы промѣнять настоящаго своего положенія. О родинѣ груститъ онъ рѣдко. Вотъ главныя причины, на основаніи которыхъ онъ особенно полюбилъ нашу цивилизацію: во первыхъ, ему нравится полнѣйшая безопасность въ нашемъ обществѣ и отсутствіе тиранніи и произвола правительства. Въ Средней Азіи на дорогахъ даже голый нищій не безопасенъ отъ разбойниковъ, а въ городахъ грозитъ постоянная опасность отъ варварскихъ распоряженій властей.

Частыя страшныя казни, опустошительныя междоусобныя войны поражаютъ его теперь, когда онъ видитъ, что тысячи людей ежедневно соприкасаются безъ брани, драки и пролитія крови. Во вторыхъ, его плѣняетъ европейскій комфортъ и кажется особенно благотворнымъ. Онъ находитъ, что у насъ домъ простаго гражданина лучше обставленъ, чѣмъ ханскій дворець. Чистота въ одеждѣ, въ кушаньѣ, хорошія отношенія между людьми — все это магниты, его притягивающіе и заставляющіе все болѣе и болѣе забывать его дикую родину. Въ третьихъ, ему особенно нравится, что у насъ различія религіозныя или національныя едва чувствительны, между тѣмъ какъ на востокѣ они какъ стѣны раздѣляютъ общество. На его родинѣ одна мысль посѣтить страну френговъ повлекла бы за собою вѣрную смерть, а здѣсь не только онъ не возбудилъ ни въ комъ непріязни, но, напротивъ, всѣ любовно и радушно его принимаютъ.

Что касается религіозныхъ чувствованій, то уже все передуманное имъ самимъ нѣсколько уяснило ему этотъ вопросъ. Мой мулла замѣтилъ, что, по мѣрѣ удаленія отъ востока, фанатизмъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, а гуманность и порядокъ съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе и болѣе увеличиваются. Изъ этого онъ могъ заключить, что исламъ, по крайней мѣрѣ тотъ исламъ, который онъ изучалъ и исповѣдывалъ, есть явный врагъ цивилизаціи и того лучшаго образа жизни, который онъ нашелъ въ Европѣ. Ненависти и порицаній относительно ученія аравійскаго пророка онъ не высказываетъ, но по его разсужденіямъ видно,

что въ немъ происходитъ большой переворотъ. Не приписывая громадной разницы нашей жизни отъ восточной одному только христіанству, онъ однако такъ далеко ушелъ въ своихъ заключеніяхъ, что видитъ всю невозможность соединить нашу жизнь, наше образованіе, съ ученіемъ Магомета. Окончательнаго предпочтенія той или другой сторонѣ онъ мнѣ еще не высказалъ, и не мало времени пройдетъ еще, пока онъ рѣшится облечь въ слова свою мысль. Его намеки и отрывистыя замѣчанія доказываютъ, впрочемъ, что вопросы эти его занимаютъ и что въ немъ происходитъ еще сильная внутренняя борьба.

Такъ бываетъ съ каждымъ мусульманиномъ, когда онъ ознакомится съ западной цивилизаціей — будь онъ татаринъ, арабъ, персіянинъ или турокъ. Полный переходъ рѣдко случается видѣть. Великій вопросъ, что лучше: западная цивилизація или восточная, ученіе Христа или ученіе Магомета — для народовъ Азіи еще останется нерѣшеннымъ надолго, можно сказать, до тѣхъ поръ, пока у насъ солнце будетъ грѣть умеренно, а у нихъ нестерпимо жечь, пока востокъ будетъ совершенно разобщенъ отъ запада. Ученіе Христа надо измѣнить, чтобъ сдѣлать его доступнымъ для жителей востока, чтобъ имъ замѣнить коранъ. Если бы исключить догматъ о воплощеніи, о троиственности, и т. д., то пожалуй, можно бы было еще рассчитывать на небольшой успѣхъ. Я говорю — небольшой, потому что хотя христіанство и было насаждено на востокъ, но время показало, что оно прозябать успѣшно можетъ только на западѣ. Кто не знаетъ, какъ на востокъ высоко цѣ-

нятся коранъ и веды, эти произведенія восточнаго духа, и какъ крѣпко держится за нихъ восочный житель. Вытѣсненіе ихъ потребуеть созданія другихъ, такихъ же произведеній. Да, я готовъ думать, что даже ученіе Христа на восточной почвѣ превратилось бы въ нѣчто, подобное корану, или ведамъ, что оно должно претвориться, чтобъ войти въ плоть и кровь сыновъ востока. Несторіане, армяне и другіе послѣдователи восточной церкви — тоже христіане; какъ сильно они разнятся отъ своихъ единовѣрцевъ въ Европѣ, такъ же мало они расходятся въ образѣ мыслей, воззрѣніяхъ и чувствованіяхъ съ своими иновѣрными соплеменниками на востокѣ.

ХІ.

Столичная жизнь въ Бухарѣ.

«Хаджи, ты видѣлъ много странъ; скажи пожалуйста, есть ли гдѣ на свѣтѣ еще городъ, гдѣ-бъ было такъ пріятно жить, какъ въ Бухарѣ?» Вотъ вопросъ, съ которымъ мнѣ такъ часто наскучили въ татарской столицѣ даже такіе люди, которые не разъ видали Индію, Персію и Турцію. Что я долженъ былъ отвѣчать на это — легко можно себѣ представить. Подобные щекотливые вопросы ставятъ путешественника въ очень затруднительное положеніе точно также въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ, какъ и въ Константинополѣ, Тегеранѣ и Бухарѣ. Тщеславіе существуетъ вездѣ. Всякій городъ, всякій народъ, какъ и всякая отдѣльная личность, если и согласится въ чемъ нибудь уступить другимъ, то всегда найдетъ въ себѣ чѣмъ покичиться надъ другими. При сравненіи, мнимыя преимущества ихъ бывають часто до крайности мелочны и смѣшны, но сравненіе можетъ дѣлать только человекъ, сознающій себя граждани-

номъ всего свѣта; горожанинъ же и въ срединѣ Азiи тотъ же, какъ и у насъ въ Европѣ.

Бухара, это средоточіе татарской цивилизаціи, безспорно имѣетъ въ себѣ многое, напоминающее столицу, особенно для чужеземца, который долженъ цѣлыя недѣли пробираться голыми пустынями, чтобъ наконецъ увидать ее. О роскоши въ жилищахъ, одеждѣ и образѣ жизни въ Бухарѣ, если сравнить ихъ съ западноазіатскими, почти и говорить нечего; но все-таки есть въ ней нѣчто своеобразное и потому не удивительно, что привычка и самолюбіе заставляютъ бухарца такъ гордиться своей столицей.

Дома Бухары, построенные изъ дерева и глины, съ своими не штукатуренными, кривыми стѣнами, смотрятъ еще мрачнѣе, чѣмъ жилища другихъ магометанскихъ городовъ. Войдя черезъ низенькую дверь на любой дворъ, подумаешь, что попалъ въ крепость: кругомъ подымаются высокія стѣны, защищающія не отъ воровъ, а отъ любовныхъ взглядовъ сосѣдей. Въ Бухарѣ, этомъ притонѣ гнуснѣйшихъ пороковъ, одинъ взглядъ издалека уже считается обезчещивающимъ! — Число комнатъ весьма разнообразно, смотря по состоянію домохозяина. Большую часть дома занимаютъ: гаремъ, называемый здѣсь ендерунъ (внутренность), малая гостиная и пріемная зала; зала всегда обширнѣе остальныхъ покоевъ и лучше убрана, но въ ней, какъ и въ другихъ, дѣлаются палаты, служащія гладовыми. Полъ выкладывается кирпичемъ, или камнями, а вдоль стѣнъ разстилаются ковры. Въ углу пріемной помѣщается четырехугольный камень, внутри выдолбленный, служащій для

болѣе удобнаго совершенія священныхъ омовеній — обычай, не встрѣчающійся нигдѣ въ другихъ магометанскихъ земляхъ. На стѣнахъ особыхъ украшеній никакихъ нѣтъ, только обращенныя къ Меккѣ бывають расписаны вазами съ цвѣтами и разными арабесками. Одна состоятъ изъ простыхъ отверстій съ двустворчатыми ставнями; стекло нѣтъ — иные только даютъ себѣ трудъ заклеивать отверстія эти бумагой, пропитанной жиромъ. Мебель, вообще рѣдко употребляемая на всемъ востокѣ, здѣсь едва извѣстна по имени; это нисколько не удивительно, такъ какъ мнѣ не рѣдко приходилось слышать, какъ жители востока, знающіе Европу, говорятъ: «Ну не глупый ли обычай у френговъ наполнять свои прекрасныя, просторныя комнаты такую кучею столовъ, дивановъ, стульевъ и т. д. вещей, что не остается мѣста, гдѣ бы можно было удобно присѣсть (т. е. на землѣ)?»

Костюмы соотвѣтствуютъ остальной обстановкѣ. Сукно встрѣчается весьма рѣдко — имъ даритъ ханъ въ видѣ особенной милости только высшихъ чиновниковъ. Все народонаселеніе, отъ хана до дервиша, зимою и лѣтомъ носить одну аладшу (бумажную матерію). Форма верхней бухарской одежды всегда одна и таже — длинный до пятъ халатъ; но въ покровъ его, въ воротникъ, рукавахъ и отдѣлкѣ по временамъ дѣлаются небольшія измѣненія, что соотвѣтствуетъ нашей модѣ, предписаніямъ которой въ Бухарѣ точно также строго слѣдуютъ, какъ и въ Парижѣ. Бухарскій дэнди, на примѣръ, всегда старается расположить складки чалмы по послѣдней модѣ, ибо это служить признакомъ хорошаго тона. Особенное вниманіе обра-

щается на повязку шали, которою въ видѣ пояса обхватывается нижнее платье, и на висящій у пояса кошбагъ; послѣдній состоитъ изъ куска кожи, разрѣзанной на полоски, къ которымъ привязывается одинъ или два ножа въ ножнахъ, мисванъ (зубная щетка), мѣщечекъ для чая; кожанная сумка для мѣдныхъ денегъ и тому подобное. Это составляетъ несессеръ среднеазіянца; по качеству и цѣнѣ висящихъ на кошбагѣ вещей судятъ о состояніи, характерѣ и воспитаніи человѣка.

Кто хочетъ видѣть высшее общество Бухары, тотъ долженъ въ пятницу отъ 10 часовъ утра до 12 находиться на улицѣ, ведущей отъ Дери-Ригистана къ Месшиди-Келанъ (большой мечети). Въ это время эмиръ, въ сопровожденіи своихъ вельможъ, въ полномъ парадѣ отправляется на пятничную молитву. Всѣ одѣты въ лучшее платье, лошади замѣняющія здѣсь всякаго рода экипажи, блистательно разукрашены; широкія, топорщащіяся, яркія атресь, т. е. шелковые одежды, представляютъ бросающійся въ глаза контрастъ съ высокими сапогами со шпорами. Особенно же смѣшны пѣшеходы, которые, стараясь щеголять своею походкою, идутъ волоча ноги и переваливаясь со стороны на сторону. Эта развалистая походка, столь граціозная по мнѣнію поэтовъ востока и сравниваемая ими съ покачиваніями кипариса, колеблемаго дуновеніемъ зефира, чрезвычайно тщательно изучается, какъ въ Персіи, такъ и здѣсь. На европейскій взглядъ модники эти похожи на жирныхъ гусей, шлепая идущихъ съ поля домой; но смѣяться я не смѣлъ, ибо наша натянутая, скорая походка восточ-

нымъ жителямъ точно также не нравится, и съ моей стороны было бы весьма неучтивымъ упоминать здѣсь о сравненіи, которое они дѣлаютъ относительно насъ. Не менѣе поражаетъ то, что мужчины въ Бухарѣ ходятъ въ широкихъ одеждахъ свѣтлаго цвѣта, а женщины въ узкихъ и темныхъ. Въ Бухарѣ, гдѣ исламитско-восточная цивилизація сохранила всего вѣрнѣе свою печать, хуже всего пришлось женщинамъ, этимъ мученицамъ восточнаго законодательства.

Въ Турціи соприкосновеніе съ христіанскими элементами измѣнило уже многое: яшмакъ (покрывало) сдѣлался просто частью туалета и потерялъ прежнее значеніе оковъ. Въ Персіи женщины еще порядочно закутываются, но носятъ уже яркія шелковые чакшуръ (панталоны и чулки вмѣстѣ), а рубендъ (полотняное покрывало съ сѣткою для глазъ) украшается золотыми пряжками. Въ Бухарѣ не видно еще никакихъ слѣдовъ послабленія закона, и для женщинъ не существуетъ ничего, похожего на наряды или украшенія. Выходя на улицу, онѣ нагиваютъ на голову темносиній, длинный халать, рукава котораго прикрѣпляются на спинѣ такъ, что сзади бухарскія красавицы скорѣе похожи на ходячія вѣшалки для платья. Лице покрывается сѣткою изъ конскихъ волосъ, спускающеюся до половины груди и которую у насъ въ Европѣ нашли бы, вѣроятно, слишкомъ грубою даже для ситъ. Прикосновеніе такой ткани къ щекамъ и носу не должно быть особенно пріятно. Женская обувь состоитъ изъ уродливыхъ, тяжелыхъ сапоговъ, надѣваемыхъ по-

верхъ кучи тряпокъ, которыми бѣдныя дамскія ножки бываютъ обернуты.

Костюмъ такой мало привлекателенъ, но и въ немъ женщины не смѣютъ слишкомъ часто показываться на улицѣ. Дамы, пользующіяся извѣстнымъ состояніемъ и доброй славой, не смѣютъ никогда посѣщать базара и другихъ публичныхъ мѣстъ; всё закупки дѣлаются мужчинами, а если ужъ крайняя необходимость вызоветъ ихъ изъ дому, то приличіе требуетъ, чтобъ онѣ притворялись старухами и бѣдными. Заставлять молодую восемнадцати или двадцатилѣтнюю даму, полную жизни, прогуливаться по улицѣ не иначе, какъ закутавшись и опершись на палку, и единственно для того только, чтобъ своимъ старымъ видомъ убѣгать отъ нескромныхъ взоровъ — не есть ли это верхъ тиранства и лицемѣрія! Такія извращенныя понятія о нравственности существуютъ болѣе или менѣе на всемъ востокѣ, но нигдѣ, кромѣ Бухары, вы не до какихъ встрѣтите такихъ возмутительныхъ образчиковъ того, крайностей во всемъ доходитъ восточный житель. Въ Константинополѣ и другихъ городахъ Турціи женщины имѣютъ еще случай пользоваться до нѣкоторой степени обществомъ мужчинъ на извѣстнаго рода гуляньяхъ (сеиръ-іери), хотя онѣ и присутствуютъ на нихъ издали и порядкомъ прикрытыя. Въ Тегеранѣ, Испаніи и Шуравѣ дамы имѣютъ обыкновеніе, нарядившись, ѣздить верхомъ на красивыхъ лошадяхъ въ окрестности города на богомолье. Могилы святыхъ служатъ мѣстами rendez-vous, на которыхъ часто молитвы замѣняются любовными объясненіями. Но въ Бухарѣ незамѣтно и тѣни чего нибудь подоб-

наго. Мнѣ ни разу не пришлось увидѣть на улицѣ мушину вмѣстѣ съ женщиною; своихъ собственныхъ женъ, и тѣхъ избѣгаютъ (что можетъ быть инымъ и понравилось бы въ Европѣ), потому что чѣмъ меньше обращается вниманія на женщину въ публичномъ мѣстѣ, тѣмъ большее этимъ выказывается къ ней уваженія; извѣстно, что гдѣ проѣзжаютъ жены эмира, оттуда мужчины должны какъ можно скорѣе удалиться.

Какая общественная жизнь вытекаетъ изъ такихъ отношеній, понятно всякому. Общество не можетъ представлять собою веселой картины тамъ, гдѣ существуетъ такая разобщенность половъ, гдѣ все основано на принужденіи и лицемеріи, гдѣ все находится подъ гнетомъ противоестественныхъ законовъ, выдаваемыхъ за божескія повелѣнія и потому строго соблюдаемыхъ.

Чтобъ изучить публичную жизнь Бухары, войдемъ прежде всего въ чайныя лавки, служащія мѣстомъ сбора для всѣхъ состояній. Бухарецъ, или вообще среднеазіятецъ, если онъ ничѣмъ особенно не занятъ, не можетъ пройти мимо двухъ, трехъ чайныхъ лавокъ, чтобы не зайти въ одну изъ нихъ. Какъ было уже мною замѣчено, у всякаго есть свой мѣшечекъ съ чаемъ; войдя въ лавку, онъ отсыпаетъ извѣстную частичку чая хозяину, продающему по этому главнымъ образомъ теплую воду, а не чай. Днемъ, особенно въ публичныхъ мѣстахъ, обыкновенно пьютъ чай жидкій, безъ сахару и сѣдаютъ при этомъ одну или двѣ гульче — маленькія лепешки изъ муки и бараньяго сала, въ приготовленіи которыхъ отличается Бухара. Такъ какъ дуть на

чай, какъ бы ни былъ онъ горячъ, считается въ высшей степени неприличнымъ и даже грѣхомъ, то среднеазіятецъ старается до тѣхъ поръ плескать свой любимый напитокъ въ чашкѣ, пока онъ не остынетъ на столько, чтобъ его можно было пить. Чтобы казаться порядочнымъ человѣкомъ, надо умѣть, подперши лѣвою рукою локоть правой, съ особенной граціей раскачивать чашку и, разумѣется, не пролить ни одной капли. Въ такомъ чайномъ обществѣ бухарецъ можетъ проболтать нѣсколько часовъ, такъ какъ разговоромъ онъ не утомляется, а безконечное чаепитіе ему никогда не опротивитъ и всегда впередъ извѣстно, сколько времени ему нужно, чтобы пропотѣть извѣстный сортъ чая. Всякій разъ, какъ выпивается чайникъ, всему обществу подаются вываренные въ немъ чайные листья, и каждый беретъ сколько можетъ захватить только двумя пальцами, такъ какъ для настоящихъ чаепійцъ это составляетъ высшее лакомство.

Изъ удовольствій на первомъ планѣ стоятъ поѣздки за городъ, частію на могилы святыхъ, частію въ ханки (монастыри) нѣкоторыхъ извѣстныхъ своею святостью ишановъ (шейховъ), или въ Чихарбагъ-Абдулла-Ханъ, находящійся недалеко отъ дервазе-Имама. Первые поѣздки называются зіарель (богомолье), но въ нихъ религія служитъ только вывѣской, а на самомъ дѣлѣ послѣ краткой молитвы совершаются самыя безнравственныя вещи. Въ Персіи, особенно въ нѣкоторыхъ кварталахъ Испагани, я часто встрѣчалъ возмутительныя сцены, какъ люди послѣ усерднѣйшей, повидимому, молитвы переходятъ

дили къ самымъ гнуснымъ оргіямъ, но порочность персіянъ является ничтожною въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ Бухарѣ. Испорченность бухарскихъ нравовъ описать невозможно. Но иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ люди хотятъ довести цѣломудріе и нравственность до такой чрезмѣрной и смѣшной степени совершенства; тамъ они должны всегда впадать въ противоположную крайность. И у насъ въ Европѣ, къ несчастію, еще довольно сильны подобныя извращенныя понятія о нравственности, и мнѣ пришлось придти къ такому грустному убѣжденію въ бытность мою въ странѣ, стоящей во главѣ новой цивилизаціи.

Посѣщеніе ханки всегда оказывается болѣе дорогимъ удовольствіемъ, чѣмъ богомолье на могилахъ святыхъ. Живые подвижники имѣютъ тутъ точно также, какъ и усопшіе, свои пріемные дни. На могилахъ послѣднихъ собираютъ дань ихъ потомки, а первые удостоиваютъ сами, своими собственными святыми руками опорожнять мѣшки поклонниковъ. При народѣ ишанъ держать себя всегда серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно, и отлично умѣетъ по наружности поклонника опредѣлить, какого подарка отъ него можно ожидать, съ чѣмъ и соразмѣряетъ свои благословенія. Подобныя сцены постоянно интересовали меня, а одна, заставившая меня долго и искренне смѣяться, останется мнѣ надолго памятною.

Разъ я зашелъ къ одному шейху въ окрестностяхъ Бухары, чтобъ испросить у него благословеніе и небольшое денежное вспомошествованіе. Первое мнѣ шейхъ далъ тотчасъ, а со вторымъ еще медлилъ,

какъ вдругъ доложили, что пришелъ какой-то туркменъ, желающій получить фатиха; его тотчасъ же поспѣшили впустить. Его святость продѣлалъ свой фокусъ-покусъ съ величайшимъ благоговѣнiемъ, а туркменъ сидѣлъ, какъ агнецъ непорочный. Наконецъ, когда на него было ниспослано послѣднее могучее дыханiе, онъ вынулъ кошелекъ, взялъ, не глядя и не считая, нѣсколько монетъ и сунулъ ихъ въ благословлявшую его руку. Ишанъ потеръ ихъ между пальцами, потомъ кивнулъ мнѣ, чтобъ я подошелъ и, къ величайшему моему изумленiю, не посмотрѣвъ даже на монеты, отдалъ ихъ мнѣ въ присутствiи туркмена.

Вѣдь это благотворительно, подумаетъ читатель. Да, такъ и я думалъ, пока не пошелъ на базаръ, гдѣ продавецъ хлѣба отказался взять у меня одну изъ этихъ монетъ, объявивъ, что она фальшивая. Я показалъ ему остальные, и онъ нашелъ, что онѣ всѣ одинаковы. Суевѣрный, но въ тоже время и хитрый кочевникъ за поддѣльный товаръ заплатилъ таковую же монетой, а его святость на ошупь узналъ обманъ и остался въ дуракахъ одинъ я.

При поѣздкахъ за городъ зажиточные люди обыкновенно берутъ съ собою свою кухонную и чайную посуду, а менѣе состоятельные останавливаются въ нарочно для сего устроенныхъ заведенiяхъ. Войдя въ таковое, всякiй старается забиться какъ можно дальше въ глубь; ибо, по существующему обычаю, надо приглашать всякаго мимоидущаго, какова бы онъ званiя и возраста ни былъ, и раздѣлить съ нимъ трапезу; всякiй справедливо боится, что, пожалуй, вмѣсто обы-

кновеннаго отказа «хошь!» найдется много охотниковъ принять приглашеніе. Не пригласить прохожаго считается вездѣ гнуснымъ грѣхомъ, но только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прохожій обязанъ не отказываться. Мнѣ всегда казались забавными смущенныя фізіономіи приглашающихъ; впрочемъ это притворное гостепріимство дѣйствуетъ одинаково тяжело и непріятно на обѣ стороны. Вообще эти пристанища для гуляющихъ всегда представляютъ картину очень печальнаго веселья. Недостатка нѣтъ въ грубыхъ остротахъ, хохотѣ и крикахъ, но гдѣ не присутствуетъ женщина — этотъ вѣнецъ общества, тамъ никогда нѣтъ и не можетъ быть настоящей жизни.

Чихарбагъ-Абдулла-Ханъ, по видимому, носить еще болѣе другихъ мѣсть характеръ мѣста для общественныхъ увеселеній. Тутъ, среди высокихъ тѣнистыхъ деревъ, на берегу канала собираются, болѣею частію въ пятницу послѣ обѣда, ученики многочисленныхъ медресе Бухары и молодежь болѣе состоятельныхъ классовъ общества. Чайный котель здѣсь также неизбѣженъ какъ и вездѣ, но особенно знаменито это мѣсто боями барановъ. Видѣть, какъ эти сильныя и разъяренныя животныя кидаются другъ на друга, ударяются лбами и, главное, какъ они стараются отбросить другъ друга, доставляетъ высочайшее наслажденіе для бухарца и вообще для всякаго среднеазіяца. Что въ Испаніи бой быковъ, въ Англіи лошадиныя скачки — то въ Туркестанѣ бой барановъ. Животныхъ этихъ обучаютъ для боевъ и въ самомъ дѣлѣ поразительно, что инныя изъ нихъ выдерживаютъ до ста ударовъ. Когда барановъ вы-

пускаютъ на арену, публика бьется объ закладъ, сколько именно ударовъ выдержать то или другое животное. Иногда слабѣйшій противникъ убѣгаетъ, но очень часто случается, что одинъ изъ бойцевъ падаетъ мертвымъ, съ раскрытымъ черепомъ. Зрѣлище ужасное, но для Средней Азіи очень извинительное, если принять во вниманіе, что и образованная Европа допускаетъ у себя подобныя забавы.

Попробуемъ въ легкомъ очеркѣ представить картину уличной жизни Бухары. Утромъ, до солнечнаго восхода, такъ какъ религіозныя обязанности заставляютъ вставать рано, на улицахъ встрѣчаются поодинокѣ бѣгушіе, полузаспанные, полуумытые, полуодѣтые люди, спѣшащіе въ мечеть, ибо опоздать считается стыдомъ, да и можетъ повлечь за собою наказаніе. Бѣготня эта поднимаетъ на ноги всѣхъ собакъ, спящихъ на улицахъ гдѣ нибудь въ уголкахъ, или на навозныхъ кучахъ. Эти исхудалыя, несчастныя на видъ животныя, передъ которыми стамбульскіе ихъ собратья кажутся просто богачами, служатъ живымъ доказательствомъ сваредности лицемѣрныхъ бухарцевъ. Съ собаками вмѣстѣ просыпаются живущіе не лучше ихъ паріи бухарской столицы, т. е., несчастные, пораженные неизлечимою проказой, прозябающіе въ какой нибудь жалкой палаткѣ, гдѣ нибудь на улицѣ въ глухомъ уголочкѣ. Въ Персіи ихъ можно встрѣтить только на большихъ дорогахъ, вдали отъ городовъ и деревень, а здѣсь имъ дозволяютъ жить среди города, ибо санитарныя мѣры пока еще не извѣстны. Ужаснѣе судьбы этихъ несчастныхъ и вообразить нельзя, а они къ тому живутъ еще такъ долго! Мать

прикрываетъ вой-какими лохмотьями своихъ, рожденныхъ въ проклятіи, дѣтей, а отецъ беретъ самыхъ обезображенныхъ изъ нихъ и садится гдѣ нибудь на улицѣ просить милостыни у проходящихъ— просить милостыни, чтобъ еще долѣе влачить такую жизнь!

Когда солнце достаточно освѣтитъ эту ужасную картину, городъ вездѣ начинаетъ понемногу оживляться. Народъ толпами возвращается изъ мечетей; по узкимъ, кривымъ улицамъ начинаютъ встрѣчаться проникающія во всѣ ворота города пестрыя толпы ословъ, навьюченныхъ дровами, хлѣбомъ, травою, большими горшками съ молокомъ и сосудами со сливками. Громкіе крики погонщиковъ, продавцевъ и покупателей смѣшиваются съ страшнымъ ревомъ ословъ (которымъ бухарскіе особенно славятся). Какъ взглянешь на эту суматоху, то такъ и кажется, что все сейчасъ полетитъ на землю и щепы смѣшаются съ молокомъ, трава со сливками, уголья съ хлѣбомъ, шелковичные коконы съ творогомъ, но ничто не падаетъ, ничто не проливается. Погонщики совершенно братски колотятъ другъ друга, но, не смотря на это, товары достигаютъ благополучно мѣста своего назначенія. Часъ спустя послѣ восхода солнца, бухарець обыкновенно уже сидитъ за чашкою ширчая (чай съ молокомъ), напитокъ, состоящаго изъ чернаго, похожаго на табакъ, кирпичнаго чая съ большой примѣсью молока, сливокъ, или соленаго бараньяго сала. Этотъ любимый татарскій напитокъ, съ накрошеннымъ въ него громаднымъ количествомъ хлѣба, скорѣе можно назвать супомъ, чѣмъ чаемъ. Хотя вкусъ его и очень

восхваляется всѣми, но я съ трудомъ могъ къ нему привыкнуть.

Послѣ чая начинаются обыкновенныя дневныя занятія. На улицахъ все оживлено: носильщики, съ большими тюками, спѣшать на базаръ—это товары мелочныхъ торговцевъ, которые ежедневно на ночь уносятъ домой все содержимое своихъ лавокъ; тамъ ведутъ въ караванъ-сарай длинную вереницу двугорбыхъ верблюдовъ, которые, навьюченные произведеніями Средней Азіи, должны будутъ отправиться отсюда по всѣмъ направленіямъ; тутъ тянется караванъ, пришедшій изъ Россіи, сопровождаемый ястребиными взглядами таможенныхъ чиновниковъ съ братією, такъ какъ длинныя тюки содержатъ въ себѣ цѣнныя произведенія невѣрныхъ рукъ и потому должны быть оплачены двойною пошлиною. Купцы разныхъ націй и вѣроисповѣданій спѣшать тоже вслѣдъ за этимъ караваномъ и часто новый какой нибудь товаръ продается прежде, чѣмъ успѣютъ его распаковать, при чемъ афганцы, персіяне, таджики, индусы горячатся больше, чѣмъ герои биржи въ Парижѣ, Вѣнѣ, или Франкфуртѣ на Майнѣ. Одинъ только киргизъ, погонщикъ верблюдовъ, пришедшій изъ пустыни, остается спокоенъ: онъ совсѣмъ пораженъ и не знаетъ, чему болѣе дивиться—роскоши ли мазанокъ, пестротѣ ли костюмовъ, или шумящей толпѣ. Мнѣ всегда казалось очень забавнымъ, какъ бухарець, въ качествѣ жителя большаго города, смѣется надъ такимъ вочевникомъ и старается пристыдить дикаго сына пустыни утонченностью своихъ нравовъ, своею цивилизаціей.

Пока базаръ въ полномъ разгарѣ и оглашается крикомъ, стукомъ, бранью, доводящею до драки, жадная къ познаніямъ молодежь осаждаеть многочисленныя медрессе (коллегіи), гдѣ, приобрѣтая ненужныя знанія, они вмѣстѣ съ тѣмъ изучаютъ высшую глупость и низкое лицемѣріе. Всего интереснѣе первоначальныя школы, помѣщающіяся на самой серединѣ базара, иногда окруженныя 10—15 кузницами мѣдниковъ. Чрезвычайно забавно видѣть, какъ мулла въ этихъ открытыхъ училищахъ, среди этого адскаго шума учить читать ребятъ, сидящихъ въ нѣсколько рядовъ вокругъ него. Понятно, что при акомпанементѣ молотковъ, приводимыхъ въ движеніе здоровенными руками, трудно что-нибудь разслышать. Учитель и ученики сидятъ красные отъ крика, какъ индѣйскіе пѣтухи, и только по раскрытымъ ихъ ртамъ, да по налитымъ на лицѣ жиламъ видно, что они заняты ученіемъ *).

Около полудня (я разумѣю лѣтомъ, такъ какъ о зимнемъ времени я изъ личнаго опыта ничего не знаю) базары и улицы немного стихаютъ; на берегахъ водохранилищъ и каналовъ правовѣрные занимаются священными омовеніями: одинъ моетъ свои потныя, грязныя ноги, другой, рядомъ съ нимъ, тою же водою полощетъ ротъ, а третій ею же утоляетъ свою жажду. По опредѣленію ислама, вода, состоящая больше, чѣмъ изъ 120 половинъ, слѣпа, т. е. грязь и нечистоты пропадаютъ въ ней, и поэтому

---

*) Школы посреди базара встрѣчаются и въ Персіи — это самыя дешевыя; но все-таки непонятно, какъ восточные жители могутъ допускать такую безсмыслицу и не помѣщаютъ училищъ въ какой-нибудь нешумной улицѣ.

правовѣрные имѣютъ привиллегію всякую гадость считать чистою. Послѣ полуденной молитвы въ мечети, городъ опять оживаетъ, всѣ вторично принимаются за дневную работу, но уже не такъ усиленно и не надолго: мусульмане шабашутъ рано, долѣе всѣхъ работаютъ жида и индусы. Первые, занимающіеся большею частію окраскою шелка, двигаются по улицамъ робко, съ видимымъ страхомъ, забитые долгимъ и тяжелымъ рабствомъ; послѣдніе же бѣгаютъ какъ сумасшедшіе — ихъ смѣлый видъ доказываетъ, что родина ихъ не далека и не далеко то время, когда и они были самостоятельнымъ народомъ. А кто знаетъ, гдѣ отечество несчастныхъ дѣтей Израиля, кто помнить то время, когда и они были господствующею націей?

За три часа до заката солнца избранное общество отправляется въ ханку (монастырь) насладиться религіозно-литературной бесѣдой. Въ этотъ часъ дня искусные чтецы въ преддверіяхъ ханки декламируютъ вслухъ что нибудь изъ Месневи. Въ мастерскомъ этомъ произведеніи восточной поэзіи встрѣчается много высокихъ мыслей относительно земнаго бытія; языкъ, стихъ, метафоры дѣйствительно восхитительны, но бухарцы не въ состояніи понять этого произведенія и восторгъ ихъ всегда притворный. Въ этихъ собраніяхъ очень часто сидѣлъ подлѣ меня какой-то господинъ, который всегда приходилъ въ экстазъ отъ чтенія и вздыхалъ и пыхтѣлъ при этомъ какъ быкъ. Я всегда дивился на него, но когда въ послѣдствіи навелъ объ немъ справки, то узналъ, что это былъ отвратительнѣйшій скряга, который владѣлъ нѣсколькими домами

и, не смотря на это, готовъ былъ пройтись колесомъ изъ-за гроша. Слушатели далеки отъ того, чтобъ сообразовать свою жизнь съ тѣмъ, что имъ читается, но приходятъ въ восторгъ отъ красотъ поэзіи повелѣваетъ обычай. Всякій отлично знаетъ, что вздохи и возгласы сосѣда его притворны, но все-таки старается превзойти его въ выраженіи своихъ чувствъ.

Не успѣютъ послѣдніе лучи солнца скрыться на западѣ песчаной пустыни, какъ татарская столица начинаетъ уже отдыхать. Съ наступающей прохладой улегаются и облака удушливой пыли; передъ многими домами, гдѣ водоемы и каналы близко, улицы поливаются и выметаются. Жители садятся въ тѣни, ожидая призыва къ вечерней молитвѣ. Послѣ нея на улицахъ воцаряется совершеннѣйшая тишина, такъ какъ все усаживается за громадными блюдами пилава, а набивъ желудокъ этимъ тяжелымъ, жирнымъ кушаньемъ, естественно, всякій теряетъ охоту двигаться. Два часа по закатѣ солнца городъ кажется точно вымершимъ, по улицамъ раздаются только тяжелые шаги миршебовъ, строго смотрящихъ за ворами, за охотниками до любовныхъ похожденій, и готовыхъ схватить даже самаго честнаго человѣка, если онъ осмѣлится переступить за порогъ своего дома послѣ того, какъ барабанъ по повелѣнію эмира пробилъ зорю и повелѣлъ всѣмъ спать.

Что особенно бухарцамъ нравится въ этой городской жизни, что ихъ преимущественно плѣняетъ въ ней, угадать не трудно: это привычка къ однообразію ея, отсутствіе пока еще роскоши, дѣлающее мало

замѣтною по наружности разницу между различными классами общества. Это довольство равною для всѣхъ бѣдностью или, лучше сказать, отсутствіемъ видимыхъ различій состояній, дѣлаетъ Бухару въ глазахъ многихъ азіятцевъ любимѣйшимъ мѣстечкомъ. Въ Тегеранѣ я встрѣтился съ однимъ персіяниномъ, который, пробывъ пятнадцать лѣтъ невольникомъ въ Бухарѣ и, возвратясь на родину, въ среду родныхъ, продолжалъ вздыхать и изнывать по татарской столицѣ. Сначала ему очень нравились предметы европейской роскоши на тегеранскомъ базарѣ и онъ, какъ дитя, восхищался ими, но впоследствии увидѣлъ, что ихъ покупаютъ только богатые, а на него, благодаря его бѣдному бумажному костюму, всѣ смотрятъ съ презрѣніемъ — неудивительно слѣдовательно, что онъ захотѣлъ снова возвратиться туда, гдѣ хотя онъ и не зналъ большихъ земныхъ благъ, но гдѣ за то ни что не кололо ему глазъ.

ХП.

Бухара, опора Ислама.

«Бохара миревн диванен,
«Ланки зендшери зияданханен».
(Въ Бухару идешъ ты? Но ты съ ума сошегъ,
Достойнъ, чтобы тебя въ цѣпи заковали).
Месневи.

Что Бухара считаетъ себя опорой ислама, источникомъ чистѣйшаго магометанскаго ученія — это было уже замѣчено и нами, и другими путешественниками. За туркестанскою столицей признается это достоинство не одними бухарцами, но и всѣми послѣдователями ислама во всѣхъ земляхъ и странахъ земнаго шара и всѣ еще высоко чтуть ее за это. На среднеазіятца-поклонника вездѣ на его пути — и въ Малой Азіи, и въ Аравіи, и въ Египтѣ, — всѣ принимаютъ съ необыкновеннымъ почтеніемъ и уваженіемъ, какъ человѣка, соединяющаго въ себѣ всѣ исламитскія добродѣтели. Когда западный магометанинъ, особенно османли, глубоко оскорбленный нововведеніями въ его отечествѣ, навѣянными европейскою цивилизаціей, желаетъ покоить взоръ на ученіи своего про-

рока, сохранившемся во всей чистотѣ, то съ благоговѣніемъ смотритъ на своего единоплеменника и единовѣрца, пришедшаго съ дальняго востока; глубоко вздыхаетъ онъ, и безконечно многое высказывается въ его возгласѣ: «ха Бохарай шерифъ!» (Да, благородная Бухара!)

Разница между магометанствомъ восточнымъ и западнымъ представляетъ дѣйствительно замѣчательное явленіе и стоитъ того, чтобъ ее ближе поразсмотрѣть. Когда я спрашивалъ мулль въ Бухарѣ, какъ это сдѣлалось, что они лучшіе магометане, чѣмъ жители Мекки и Медины, гдѣ жилъ и училъ самъ Магометъ, то они отвѣчали мнѣ, что: «если факель бросаетъ свѣтъ свой вдаль, то у собственнаго подножія его всегда бываетъ темно». Какъ аллегорія, отвѣтъ хорошъ, но европеецъ этимъ не можетъ удовлетвориться, и мы попробуемъ, такъ какъ дѣло дѣйствительно стоитъ того, поближе познакомиться, во первыхъ, съ сущностью помянутаго различія, а, во вторыхъ, съ его причинами.

Первая, главная, характеристическая черта состоитъ въ томъ, что мусульманинъ далекаго востока упорно, съ дикимъ фанатизмомъ, придерживается каждой буквы корана, преданій, и, какъ истый восточный житель, съ ужасомъ, съ отвращеніемъ смотритъ на всякое нововведеніе, — короче, всѣми силами души стремится поддерживать религію на всѣхъ тѣхъ началахъ, на какихъ она поконлась въ блаженные времена (Vakti Seadet) пророка и первыхъ халифовъ. Но это еще не достаточно выясняетъ дѣло, такъ какъ въ тѣхъ странахъ исламъ принялъ такую

форму, до которой нѣкоторые черезчуръ ревностные толкователи сунны стремились довести его, но въ которой, сколько намъ извѣстно, онъ въ дѣйствительности никогда не существовалъ.

Фанатизмъ, этотъ главный источникъ лицемѣрнаго благочестія, позорилъ всеъ религіи до тѣхъ поръ, пока общество, находясь въ дѣтскомъ періодѣ цивилизаціи, еще не въ состояніи было прозрѣть чистаго свѣта истинной вѣры. Мы встрѣчаемъ фанатизмъ во всехъ странахъ, у всехъ народовъ, но нигдѣ онъ не выступаетъ такъ ярко, нигдѣ не принимаетъ онъ такой отвратительной личины, какъ на востокѣ, гдѣ религія, чтобъ образовать душу, больше всего отдается тѣлу, гдѣ ради нравственнаго вліянія возятся съ одною внѣшностью, сильно пренебрегая внутреннимъ міромъ. Въ Бухарѣ въ полномъ ходу слѣдующее правило: «человѣкъ долженъ только казаться, а что у него на душѣ — до того никому дѣла нѣтъ». Можно быть самымъ величайшимъ злодѣемъ и избѣжать наказанія, какъ здѣсь, такъ и на томъ свѣтѣ, исполняя лишь одни внѣшнія предписанія религіи.

Прекрасно пояснить это можетъ молитва вора Абдурахмана (*Duâi Duzd Abdurrahman*), весьма любимая на востокѣ и состоящая приблизительно изъ 15—20 пунктовъ. Вотъ ея исторія:

«Когда пророкъ (будь надъ нимъ благословеніе Божіе) жилъ въ Мединѣ, онъ вошелъ какъ-то разъ послѣ полудня на террасу своего дома, чтобъ совершить молитву и, окинувъ своими блаженными очами окрестности, увидѣлъ на одной изъ улицъ города погребальную процессію; за гробомъ шло лишь

нѣсколько челоуѣкъ, но отъ него исходило чудесное сіянье, цѣлое море розовыхъ лучей. Какъ только кончилъ пророкъ свою молитву, онъ послѣшилъ за процессіей и присоединился къ ней; къ великому своему удивленію, онъ увидѣлъ, что сіяніе не переставало окружать гробъ, даже и по опущеніи его въ могилу. Въ себя отъ изумленія, онъ обратился къ женѣ покойнаго и спросилъ, кто такой былъ ея мужъ? «Ахъ!» отвѣчала та, плача, «Боже, милостивъ буди къ нему! Онъ умеръ ко благу людей, ибо былъ разбойникомъ, убійцею и пролилъ вдовьихъ и сиротскихъ слезъ на своемъ вѣку больше, чѣмъ выпилъ воды. Одно несчастіе было плодомъ его дѣлъ. Я часто его увѣщевала, но ничто не помогало. Жилъ онъ грѣшникомъ и умеръ грѣшникомъ!» — «Какъ!» воскликнулъ пророкъ, все болѣе и болѣе удивляясь. «Неужели не было въ немъ ничего хорошаго, неужели онъ никогда не каялся, ничѣмъ не искупилъ грѣховъ?» — «О, нѣтъ!» отвѣчала женщина, рыдая. «Онъ только имѣлъ обыкновеніе послѣ постыдныхъ дѣлъ своихъ въ теченіи дня прочитывать вечеромъ вотъ эти немногія строчки (при этомъ она показала помянутую молитву), а за тѣмъ ложился спать, и на другой день снова принимался грѣшить.» Пророкъ взялъ молитву и, убѣдившись въ чудномъ ея дѣйстви, оставилъ ее въ наслѣдіе правовѣрнымъ.»

Излагать это ученіе нѣтъ надобности; легко можно себя представить, какія ужасныя дѣла при всемъ своемъ благочестіи можетъ совершать среднеазіятецъ, запасшись такимъ рецептомъ.

Но, при выполненіи этого основнаго начала внѣшней обрядности, особенно бросаются въ глаза законы о соблюденіи чистоты, исполняемые въ Средней Азій съ строжайшею точностью, между тѣмъ какъ извѣстно, что нигдѣ не встрѣтишь такой отвратительной грязи, какъ въ той же Средней Азій. По магометанскимъ законамъ тѣло послѣ каждаго испражненія дѣлается нечистымъ и требуетъ омовенія, смотря по обстоятельствамъ, или малаго—абдестъ, или большаго—гусль. Тоже наблюдается и относительно одежды: она требуетъ очищенія, если на нее попадетъ хотя малѣйшая капля *). Только первое соблюдается строго во всѣхъ исламитскихъ странахъ; послѣднее тоже не упускается изъ виду, но нигдѣ, кромѣ Бухары, я не видѣлъ, чтобы люди совершали молитву голые, изъ боязни, что платье ихъ могло какимъ-нибудь образомъ, не замѣтно для глаза, быть запятнано.

Не смѣшно ли, что религія исписываетъ тетради, даже цѣлыя книги о томъ, какъ очищать тѣло послѣ большаго и послѣ малаго испражненія. Законъ предписываетъ, напримѣръ, истиндша (удаленіе), истинка (омовеніе) и истибра (высушиваніе), т. е. нужно сначала взять небольшой комокъ земли, потомъ по крайней мѣрѣ одно ведро воды и наконецъ одинъ локоть холста, чтобы тщательно удалить малѣйшіе слѣды нечистоты. Въ Турціи, Аравіи и Персіи исполняется одно только истинка, а въ Средней Азій— всѣ три,

---

*) Въ глазахъ восточнаго жителя европейцы стоятъ на одномъ ряду съ собаками, по способу моченія. На востокѣ при совершеніи этого акта присѣдаютъ на корточки, боясь, иначе, малѣйшей каплей осквернить платье.

и, чтобъ болѣе выказать свое благочестіе, ревностныя магометане имѣютъ всегда про запасъ въ чалмѣ три или четыре комочка земли, которые они обдѣлываютъ особеннымъ для того ножомъ, носимымъ ими при себѣ. Заповѣди сіи часто проводятся иными въ исполненіе открыто на базарахъ, чтобъ выставить на показъ свое ревностное благочестіе. Никогда не забуду я той скверности, которой былъ разъ свидѣтелемъ, присутствуя при томъ, какъ одинъ учитель давалъ своимъ ученикамъ обоюга пола практическій урокъ въ примѣненіи къ дѣлу комковъ земли, холста и проч. Никто не видитъ въ этомъ ничего постыднаго, никто не замѣчаетъ того, что отъ крайности въ физической чистотѣ всѣ впадаютъ въ крайности нравственной гряди.

Такой чрезмѣрной строгости въ исполненіи гаремнаго закона, какая существуетъ въ Бухарѣ, вы не встрѣтите у западныхъ магометанъ и даже у фанатической секты вахабитовъ. Противуестественный законъ этотъ необходимо вызвалъ и противуестественный порокъ. Мы встрѣчаемъ его и въ Турціи, и въ Аравіи, и въ Персіи, но во всѣхъ этихъ странахъ онъ относительно мало распространенъ и считается отвратительнымъ грѣхомъ, какъ толкователями корана, такъ и общественнымъ мнѣніемъ. Въ Средней же Азіи, особенно въ Бухарѣ и Кокандѣ, онъ дошелъ до ужасающихъ размѣровъ, и такъ какъ тамошняя религія не считаетъ его грѣхомъ, а видитъ въ немъ силу, охраняющую нарушеніе законовъ гарема, то браки à la Тиверій сдѣлались дѣломъ обыкновеннымъ. Сами отцы безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти уступаютъ своихъ сыновей друзьямъ и знакомымъ за

извѣстное годовое содержаніе. Наше европейское перо не поддается описанію этого гнуснѣйшаго порока во всей его полнотѣ; то, что мы могли сказать есть не болѣе, какъ слабый намекъ, впрочемъ совершенно достаточный, чтобы показать, въ какую пропасть преступленій влечетъ чрезмѣрное религіозное рвеніе.

Тоже самое можно сказать и относительно запрещенія спиртныхъ напитковъ. Коранъ повелѣваетъ воздерживаться не только отъ вина, но и отъ всѣхъ опьяняющихъ напитковъ, такъ какъ опьяненіе можетъ повлечь за собой забывчивость въ исполненіи молитвъ и другихъ священныхъ обязанностей. Западныя магометане хотятъ видѣть въ словахъ корана только въ самомъ строгомъ смыслѣ запрещеніе вина (шарабъ); употребленіе же арака (спирта), который образованные классы въ Турціи и Персіи любятъ, какъ въ Россіи водку, считается меньшимъ преступленіемъ. Многіе идутъ дальше и даже не считаютъ вовсе грѣшнымъ пить аракъ въ смѣси съ водой, такъ какъ въ коранѣ объ аракѣ ничего не сказано. Въ Бухарѣ же чрезвычайно трудно найти вина или водки; даже немагометане, какъ, напр., жидаы и индусы, наслаждаются ими только тайкомъ; правовѣрные же считаютъ грѣхомъ даже самое произношеніе словъ: шарабъ и аракъ. По всему этому можно бы, кажется, было думать, что здѣсь повсюду царствуетъ величайшая трезвость. Но какъ ужасенъ суррогатъ, избрѣтенный лицемѣріемъ въ замѣну этихъ напитковъ!

Среднеазіяты дѣлятъ опьяняющія вещества на два отдѣла: на жидкія и твердыя, и на сколько первыя запрещены, на столько послѣднія (подъ которыми

разумѣютъ наркотическія вещества) считаются невинными. Знаменитые константинопольскіе пожиратели опиума, теперь почти всѣ вымершіе, но въ началѣ еще нынѣшняго столѣтія удивлявшіе собою прохожихъ на извѣстной площади Дирекалти, а также встрѣчающіеся тамъ и сямъ потребители хашиша въ Египтѣ, и теріака въ Персіи, всѣ они совершенно теряются въ сравненіи съ среднеазіатскими бенги (бенгъ—ядъ изъ растенія *canabis indica*). Въ вышепоименованныхъ странахъ опиумъ, имѣя возлѣ себя отца Бахуса, никогда не могъ добыть себѣ слишкомъ большаго числа поклонниковъ; въ Туркестанѣ же, гдѣ Бахуса не знаютъ, царство его весьма обширно и ужасны опустошенія, причиняемыя имъ. Число истребителей бенги особенно велико въ Бухарѣ и въ Кокандѣ, и я не преувеличу, если скажу, что три четверти всего ученаго и чиновничьяго міра, весь цвѣтъ туземной интеллигенціи, сдѣлались жертвою этого порока. Правительство смотритъ равнодушно на самоубійство сотенъ, тысячъ людей, и никому въ голову не придетъ принять противъ этого мѣры, между тѣмъ какъ за одинъ глотокъ вина осуждаютъ на смерть.

Эти и многіе другіе неурядища можно приписать только выходящей изъ границъ точности въ исполненіи существующихъ законовъ. Но они далеко еще не такъ поражаютъ насъ, какъ тѣ воззрѣнія, которыя восточное магометанство выработало изъ своего толкованія преданій и которыя въ западномъ магометанствѣ не только не господствуютъ, но осуждаются часто тамошними учеными, какъ заблужденія. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаютъ на себя

вниманіе ордена или благочестивыя братства, которые въ Средней Азіи чрезвычайно распространены и основаны на такихъ строгихъ правилахъ, исполняемыхъ съ такою искренностью, что даже врядъ ли можно было ожидать этого отъ характера восточныхъ жителей, особенно среднеазіятцевъ. Между тѣмъ какъ въ западноисламскихъ странахъ различные ордена, овеизи, кадри, джелали, мевлеви, руфай, бекташи и другіе, съ которыми улемы постоянно враждовали, могли завлечь въ свой заколдованный кругъ только лишь нѣсколько отдѣльныхъ горячихъ головъ, —накишбенди, махдумъ-аазами въ Бухарѣ и Бокандѣ воплотили въ себя цѣлыя массы народонаселенія, посвящаемыя, руководимыя и управляемыя начальниками этихъ орденовъ, образующими какъ бы отдѣльныя правительства. Въ каждомъ обществѣ, какъ бы оно ни было мало, кромѣ обычныхъ муллы и рейса, всегда есть еще одинъ или нѣсколько ишановъ (орденскихъ священниковъ), и я не могъ достаточно надивиться, какое слѣпое повиновеніе, какое почтеніе оказываютъ этимъ ишанамъ всѣ члены братства. Понятно, что часто эти вліятельные ишаны становятся поперегъ дороги правительству, но оно никогда не осмѣливалось сдерживать ихъ, ибо ордена эти считаются неразрывно связанными съ исламомъ; не смотря на то, что Магометъ именно говоритъ: «Ла рухбанитумъ филь исламъ» (въ исламѣ нѣтъ монаховъ), самъ ханъ, министры его и многіе улемы, искренне ненавидящіе ишановъ, какъ могучихъ соперниковъ, въ угоду общественному мнѣнію носятъ вышніе атрибуты того или другаго ордена.

Не менѣе также поразительно, какъ относятся восточные магометане къ судебнымъ дѣламъ: урфъ, т. е. рѣшеніе судьи по совѣсти, когда бываетъ недостаточенъ шеріатъ (законъ корана), а также канунъ (законы позднѣйшихъ законодателей), ими отвергаются, какъ эретическія нововведенія; признаютъ же они только одинъ единственный шеріатъ, то есть законы, вытекающіе изъ корана. Понятно, что законъ, начертанный Магометомъ 1200 лѣтъ тому назадъ для общественныхъ потребъ хитрыхъ арабовъ, не можетъ годиться для всѣхъ временъ и для всѣхъ мѣстъ. Турція и Персія давно уже сознали необходимость улучшить его и, не смотря на противодѣйствіе улемовъ, видѣвшихъ въ этомъ гибель своего могущества, все таки пополнили недостаточность первоначальнаго кодекса. Въ Туркестанѣ же не только муллы, но и правительство и народъ сильно вооружены противъ всякаго измѣненія въ законѣ, такъ какъ въ ихъ глазахъ коранъ «тонокъ какъ волосъ, остеръ какъ мечъ и удовлетворяетъ всѣмъ потребамъ» и по ихъ мнѣнію со всякимъ, думающимъ иначе, должно быть поступлено, какъ съ самымъ чернымъ невѣрнымъ. Въ Средней Азіи ѣдятъ, пьютъ, одѣваются по предписаніямъ корана; въ собираніи податей, въ веденіи войны, въ отношеніяхъ къ другимъ державамъ руководятся все тою же книгою, и подобно тому, какъ всѣ нововведенія въ домашней жизни запрещаются, какъ грѣхъ великій, точно также татарскіе владыки не могутъ *de facto* признать ни Англіи, ни Россіи, ни другихъ новыхъ государствъ, о которыхъ въ коранѣ не упоминается. Они скорѣе считаютъ своимъ дол-

гомъ на основаніи закона джихадъ (религіозной войны) покорить эти страны, что естественно должно привести ихъ самихъ къ конечной гибели, какъ это мы уже и видимъ теперь.

Къ суннитамъ персіянамъ восточные магометане стоятъ въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ западные единовѣрцы. Извѣстно, что расколъ этотъ (конечно, нерѣдко подъ предлогомъ мірскихъ цѣлей) породилъ собою много долгихъ и кровавыхъ войнъ. Турки и арабы съ начала раздоровъ между династіями Аккоюнлу и Каракоюнлу часто мѣрялись съ персіянами въ опустошительныхъ войнахъ; глубокая ненависть и страшная злоба разъединили между собой эти двѣ секты, но все-таки ни турки, ни арабы никогда не заходили во враждѣ до того, чтобъ изгнать своихъ враговъ шиитовъ изъ союза ислама. Они смотрѣли на персіянина, какъ на еретика, но, все-таки, какъ на мусульманина, дозволили ему доступъ къ священнымъ городамъ и другимъ мѣстамъ поклоненія, молились съ нимъ въ одной мечети; въ новѣйшее время вражда османли съ иранцами на столько уже ослабѣла, что они законнымъ образомъ могутъ даже родиться между собою.

Но въ Средней Азіи и намека не видишь на что нибудь подобное. Здѣсь персіянь съ самаго ихъ отдѣленія и донинѣ одинаково ненавидятъ и преслѣдуютъ. Въ 945 году гиджры они объявлены невѣрными и изгнаны фетвою нѣкоего муллы Шемседдинъ-Магомета, самаркандскаго уроженца, жившаго въ Гератѣ во времена султана Гусейнъ-Баикера. Фетва эта причинила много горя несчастнымъ иран-

цамъ: туркмены, конечно, точно также брали бы ихъ въ неволю, но безъ фетвы ихъ нельзя бы было продавать на рынкѣ фанатической Бухары, потому что они не были бы заклеены названіемъ кафира, а только кафировъ можно продавать. Всѣ жестокости, которымъ подвергаются персіяне, дѣлаются подъ видомъ наказанія невѣрныхъ; когда я принимался усовѣщивать туркменскихъ муллъ тѣмъ, что вѣдь персіяне вѣруютъ въ тотъ же коранъ, въ того же пророка, они все-таки фетву объявляли правильною, а противное увѣреніе западно-магометанскихъ ученыхъ осуждали, какъ заблужденіе.

Въ обрядовой части религіи у среднеазіятцевъ есть также существенныя уклоненія. Сильно сомнѣваюсь я, чтобы въ Багдадѣ или въ Дамаскѣ въ самый блистательный періодъ ислама рейсы (офицеры) ежедневно ходили по улицамъ и, отрывая людей отъ дневныхъ занятій, заставляли ихъ читать молитву фарци-айинъ, а незнающихъ тутъ же бы наказывали, какъ все это продѣлывается въ настоящее время въ Бухарѣ. Въ обрядахъ обрѣзанія, вѣнчанія, погребенія есть много обычаевъ, вовсе неизвѣстныхъ у западныхъ магометанъ; всѣ пять дневныхъ молитвъ состоятъ изъ большаго числа рикатъ (волѣнопреклоненій), а въ езнахъ (призовахъ на молитву) пѣвучій тонъ и, вообще, благозвучіе строго запрещаются и замѣняются какимъ-то глухимъ рычаніемъ. Меланхолическіе езаны, раздающіеся со стройныхъ минаретовъ Босфора и такъ волшебнo дѣйствующіе на слушателя среди тишины лунной ночи, считаются въ Бухарѣ грѣхомъ и слушаются съ глубокимъ отвращеніемъ.

Если теперь, въ придачу ко всему этому, представить себѣ множество мечетей, медресе, биткомъ набитыхъ учениками, кариханъ (домовъ, гдѣ въ теченіи дня слѣпцы распѣвають коранъ), большое количество ханокъ, гдѣ фанатики денно и ношно выкрикиваютъ свои сикры, да при этомъ вообразить еще себѣ ломаніе, строгій взглядъ и дикую фанатическую наружность муллъ, ишановъ, дервишей, калентеровъ и аскетовъ, то, пожалуй, можно бы еще было составить себѣ приблизительное понятіе о Бухарѣ, этой опорѣ ислама, этомъ гнѣздѣ доведеннаго до крайности религіознаго рвенія, гдѣ ученіе аравійскаго пророка вылилось въ такую форму, въ какой, можетъ быть, самъ основатель никогда не пожелалъ бы его видѣть. Отсюда ученіе его съ такими же тенденціями распространилось черезъ Афганистанъ въ Индію, въ Кашмиръ, въ китайскую Татарію, а на сѣверъ—до Казани. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ бухарскій духъ пустилъ глубоко свои корни. Бухара—ихъ учитель; Бухара, а не Константинополь и не Мекка,—ихъ уставщикъ. Наша цивилизація встрѣтитъ въ этихъ странахъ гораздо-болѣе твердый камень преткновенія, чѣмъ въ западной Азіи, чтó Россія, вѣроятно, уже и испытала на опытѣ по отношенію къ ногайскимъ татарамъ; а если британское правительство, съ своими сорока милліонами магометанскихъ подданныхъ въ Индіи, по сіе время еще не узнало этого на дѣлѣ, то очень жаль, потому что гибельныя послѣдствія этого неизбѣжны.

Вотъ все, что я хотѣлъ въ настоящее время сказать о различіи восточнаго магометанства отъ западнаго. Перейдемъ теперь къ изслѣдованію при-

чинъ этого различія, что не потребуеть большаго труда.

Во первыхъ, Азія, это средоточіе и колыбель религіознаго фанатизма, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ все болѣе остается вѣрна своему старому типу. Какъ, вообще, жители Индіи, Тибета и Китая фанатичнѣе или, лучше сказать, болѣе азіятцы, чѣмъ послѣдователи ислама, такъ восточные магометане много ревностиѣе въ дѣлѣ религіи, чѣмъ ихъ западные единовѣрцы.

Во вторыхъ, именно то до крайности доведенное религіозное рвеніе, которое среднеазіятцы выказывали, когда еще исповѣдывали ученіе Зороастра, и было причиной, что обращеніе ихъ въ исламъ стоило арабамъ такого неимовѣрнаго труда. Болѣе двухъ столѣтій прошло, пока ученію Магомета удалось окончательно вытѣснить старую религію. Едва завоеватели уходили изъ покореннаго города, какъ новообращенные жители его снова принимали старую свою вѣру и городъ нужно было снова завоевывать, жителей снова обращать въ исламъ. Когда, наконецъ, желѣзное терпѣніе арабовъ сдѣлало среднеазіятцевъ магометанами, они съ тѣмъ же пыломъ отдались новой вѣрѣ, съ какимъ до того времени держались старой. Въ началѣ правленія Саманидовъ мы уже встрѣчаемъ за Оксусомъ людей, знаменитыхъ во всемъ исламѣ, частію своею ученостію, а частію образцовымъ благочестіемъ. Белхъ уже въ то время пріобрѣлъ себѣ названіе Куббетюль-Исламъ (куполь ислама), а Бухара, какъ городъ, такъ и вся страна, уже тогда гишила могилами святыхъ и ученыхъ мужей; такимъ образомъ понятно, что города Туркестана могли успѣшно соперничать въ бла-

гочестіи и учености съ Багдадомъ, тогдашнимъ центромъ магометанскаго міра, гдѣ религіозная добродѣтель стала затемняться возраставшимъ мірскимъ его величіемъ. Съ пресѣченіемъ рода Саманидовъ, особенно же во время монгольскаго завоеванія, дѣло религіи потерпѣло временный ущербъ, но само зданіе ея не было потрясено до основанія, какъ въ Багдадѣ, гдѣ Хелакъ, уничтоживъ халифатство Мотасимбиллаха, развѣялъ главныя силы ислама по всѣмъ направленіямъ. Дѣло религіи въ странахъ за Оксусомъ продолжало въ тиши идти своимъ путемъ, и такъ какъ усиліе Тимура сдѣлать свою родину центромъ магометанской учености впоследствии поддерживалось и правителями изъ династіи Шейбани, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Бухара до сихъ поръ удержала у себя во всей силѣ тотъ религіозный строй, который характеризовалъ исламъ лишь въ средніе вѣка.

Въ третьихъ, вслѣдствіе отпаденія Персіи великое тѣло суннитскаго міра раздѣлилось, если не морально, то фактически, на двѣ части, далекія одна отъ другой. Теперешнія путешествія въ священныя города Аравіи, конечно, далеко не могутъ замѣнить тѣхъ частыхъ сношеній, которыя во времена халифатствъ безпрепятственно соединяли восточныя границы ислама съ западными. Намѣренно поддерживаемая обоюдная вражда двухъ сектъ сдѣлала проѣздъ черезъ Персію опаснымъ для суннитскихъ путешественниковъ; западные сунниты, вслѣдствіе крупныхъ политическихъ переворотовъ и вслѣдствіе постоянныхъ сопрікосновеній съ христіанскимъ западомъ, не могли оборониться отъ вліянія сосѣднихъ

соціальныхъ отношеній; восточнымъ же суннитамъ, предоставленнымъ самимъ себѣ, не представлялось повода ввести въ обществѣ своемъ какія нибудь измѣненія или нововведенія, такъ какъ они презираютъ еретическую Персію также сильно, какъ китайцевъ или индусовъ, а только черезъ Персію они и могутъ поддерживать свои сношенія съ западомъ.

Наше замѣчаніе, что западный исламъ, подъ вліяніемъ христіанскаго запада, во многомъ отдѣлился отъ восточнаго, наведетъ иныхъ, пожалуй, на мысль, что постоянно увеличивающіяся сношенія Европы съ Азіей, все болѣе учащающійся обмѣнъ мыслей между европейцами и азіятцами поведутъ къ окончательному преобразованію порядка вещей, или что — какъ думаютъ иные рьяные путешественники нынѣшняго времени — Азія со временемъ оевропеится. Вопросъ этотъ, конечно, заинтересуетъ всякаго, кто желаетъ улучшенія соціальныхъ отношеній въ Азіи (а кто этого не желаетъ?). Онъ слишкомъ важенъ, чтобъ говорить о немъ такъ вскользь, но, все-таки, чтобы избѣжать увлеченія ложными заключеніями, я не могу не замѣтить, что вышенаведенное мною явленіе не можетъ служить мѣриломъ, потому что было бы въ высшей степени жаль, если бы современное общество въ Турціи и Персіи сочло за чистое золото ту мишуру европейскаго образованія, которой оно хочетъ покрыть свое грязное платье. Вліяніе европейское на востокъ, къ сожалѣнію, весьма мало, даже ничтожно. Перенять кой-какую одежду, кой-какую мебель — еще очень мало, и это можетъ только обмануть неопытный глазъ туриста; внутренній же міръ восточ-

ныхъ жителей остается такимъ же, какимъ онъ былъ въ старыя времена, и какимъ, вѣроятно, останется еще долго; очень долго.

Вѣдь уже давно рѣшено, что мы, европейцы, стоимъ въ такомъ же отношеніи къ нашей матери Азіи, въ какомъ, въ частной жизни, иной взрослый сынъ находится къ своей матери, не могущей отрѣшиться отъ старыхъ предрасудковъ. Мать Азія насъ воспитала, духовно и физически мы ведемъ свое начало отъ ней, но никто не упрекнетъ насъ въ непочтительности и неблагодарности къ ней за то, что мы не принимаемъ нѣкоторыхъ устарѣвшихъ возрѣній «почтенной мамашы» и по временамъ, для ея собственнаго же блага, навязываемъ ей свои идеи.

Да, навязываемъ, говорю я, такъ какъ все, что заимствовано до сихъ поръ Азіей у европейской цивилизаціи, заимствовано не по убѣжденію, не по любви къ нашимъ социальнымъ отношеніямъ, а единственно изъ одного только страха. Любовь же по принужденію бываетъ недолговѣчна, и сильно бы обманулся тотъ, кто по совершающимся нынѣ измѣненіямъ въ западной Азіи захотѣлъ бы рѣшать о будущности всей Азіи.

XIII.

Торговля невольниками и жизнь невольниковъ въ Средней Азiи.

Послѣдній пушечный выстрѣлъ побѣдителей унионистовъ въ братiй своихъ, сепаратистовъ, если не положилъ совсѣмъ конца торговлѣ невольниками на западной части нашего полушарiя, то все-таки пробилъ въ ней значительную брешь. Развѣвающіеся флаги Великобританiи въ водахъ восточной Африки, недавнее покореніе всего Кавказа Россiей также значительно подорвали этотъ отвратительный торгъ на магометанскомъ западѣ Азiи. Пускай лѣнныя, изнѣженные сыны востока со злобою смотрятъ на гуманныя стремленiя Европы — продажа и покупка людей теперь совершается все-таки съ извѣстнымъ стѣсненiемъ: вездѣ скрывается она, стыдятся, а скорѣе, пожалуй, боясь европейскаго глаза. Безъ всякихъ ограниченiй, безпрепятственно, производится теперь эта торговля единственно только въ одной Средней Азiи— въ южномъ средоточiи азiятскаго варварства и дикости, гдѣ и по сіе время ежегодно цѣлыя тысячи несчаст-

ныхъ дѣлаются ея жертвами, тысячи людей не безпомощныхъ и не стоящихъ на низшей ступени челоуѣчества, какъ негры, а тысячи сочленовъ націи, нѣкогда извѣстной своей образованностью, отрываемыхъ отъ очага лучшей цивилизаціи, изъ круга семьи увлекаемыхъ въ тяжкое рабство. Картина среднеазіятской жизни невольниковъ еще печальнѣе и ужаснѣе, чѣмъ та, въ которой талантливая американская писательница изобразила судьбу негровъ въ своемъ отечествѣ. Европа имѣетъ еще недостаточно свѣдѣній о несчастномъ положеніи дѣлъ дальняго востока, и потому, мнѣ кажется, будетъ уместно, если я здѣсь сообщу то, что знаю о немъ изъ моихъ личныхъ наблюдений.

Туркмены для сѣверо-восточной и сѣверо-западной части Ирана, даже, можно сказать, для всей Персіи, то же, что португальскіе невольничьи маклеры и арабскіе торговцы слоновою костью для внутренней Африки. Тамъ, гдѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ цивилизованной страной, въ неизмѣримыхъ пустыняхъ бочуютъ кочевники, разбой и невольничество болѣе или менѣе неизбежны. Бѣдная, скудная природа пустыни одѣлила своихъ дѣтей неукротимую страсть къ приключеніямъ и чрезвычайной физической силою; въ чемъ отказываетъ имъ ихъ изсохшая почва, то должны они искать у своихъ болѣе благословенныхъ сосѣдей. Но сношенія эти весьма рѣдко совершаются мирнымъ путемъ: кочевникъ совершенно безнаказанно можетъ удовлетворять своимъ разбойничьимъ наклонностямъ, ибо ограбленный, мирный земледѣлецъ не можетъ и не смѣетъ преслѣдовать его

въ безслѣдной, песчаной пустынѣ, служащей ему какъ бы крѣпостью. Въ такомъ несчастномъ положеніи находились прежде всѣ города по окраинамъ Сахары и Аравійской пустыни; въ послѣдней и теперь еще караваны подвергаются величайшимъ опасностямъ; Персіи же приходится испытывать это несчастіе во всей его силѣ, такъ какъ съ сѣвера она граничитъ съ самыми обширными и ужасными пустынями, населенными самыми дикими изъ всѣхъ кочевниковъ.

Боямъ время съдой древности между иранцами и туранцами, воспѣтымъ пѣвцомъ «книги царей», по видимому, положили начало насилія туранцевъ. Объ обѣихъ этихъ враждующихъ сторонахъ говорится, что онѣ принадлежали къ одному и тому же племени, но мы видимъ, что во времена походовъ Александра Великаго жители сѣвернаго Ирана обращались къ великому македонянину, прося у него помощи и защиты противъ ихъ сѣверныхъ сосѣдей, которыхъ они изображали существами ужасными, не имѣющими человѣческаго образа (вѣроятно они были монгольскаго типа, такъ несходнаго съ иранскимъ). Александръ повелѣлъ выстроить большую стѣну отъ Каспійскаго моря до Бурдскихъ горъ; но это исполинское сооруженіе, достойное своего основателя, могло принести пользу не на долго, какъ и подобная ему витайская стѣна. Яростный потокъ варваровъ пробилъ и ту и другую, и опустошенія, производимыя ими, только тогда стали уменьшаться, когда энергическіе правители были въ состояніи замѣнить каменную стѣну оплотомъ изъ хорошо вооруженнаго войска. Тоже самое можно ска-

зять и теперь. Туркмены и узбеки, относительно времени и размѣра своихъ набѣговъ на Иранъ, соображаются съ тѣмъ, въ какомъ состояніи находится страна — въ мирномъ или неспокойномъ, а также энергиченъ ли и могущественъ правитель тѣхъ провинцій, на которыя направляется нападеніе. Во время послѣднихъ смуть, при воцареніи каджарской династіи, отдѣльныя толпы іомутовъ въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ, доходили почти до Испагани, не смотря на то, что большая часть ихъ служила подъ знаменами Ага-Мехемедъ-Хана; текке-туркмены между тѣмъ проникали съ сѣверо-востока до Сенстана. Въ послѣднее время больше всего страдаютъ двѣ провинціи — Хорассанъ и Мазендранъ. Туркмены тщательно изучаютъ сначала характеръ новоназначенныхъ въ эти провинціи губернаторовъ и, если увидятъ, что это люди трусливые, беспечные (какъ это часто случается), то тотчасъ же начинаютъ дѣлать набѣги на беззащитныя области и, наоборотъ, носа не смѣютъ показать, если во главѣ правленія стоятъ достойные люди. Во время моего путешествія дороги въ Хорассанъ были такъ безопасны, что даже одинокіе путешественники могли проходить тамъ, гдѣ прежде самыя большіе караваны шли не иначе, какъ подъ прикрытіемъ баттарен и отряда войскъ; а происходило это оттого, что губернаторъ Хорассана, Султанъ-Мурадъ-Мирза, былъ грозою для разбойниковъ: строго слѣдилъ онъ за малѣйшимъ ихъ движеніемъ, нападалъ на нихъ въ ихъ собственныхъ убѣжищахъ, едва они осмѣливались только показаться, и безъ жалости ихъ всѣхъ вырѣзывалъ. Въ Астрабадѣ же, гдѣ,

напротивъ, правителемъ былъ человекъ слабый — и юмуть нападали на персіянь у самыхъ стѣнъ этого города.

Всѣ туркменскія племена, какъ живущія по окраинамъ пустыни, такъ и въ ней самой, считаютъ похищеніе людей до того неразрывно связаннымъ съ ихъ собственнымъ существованіемъ, что безъ него пребываніе въ пустынѣ кажется имъ совершенно невысказаннымъ. Что у другихъ народовъ подразумѣвается подъ «надеждою на хорошую жатву», то у туркменъ замѣняется «надеждою на открытыя дороги въ Иранъ», и то время, которое въ другихъ странахъ употребляется на воздѣлываніе полей, на ихъ орошеніе, здѣсь уходитъ на дрессировку лошадей, правку оружія, на упражненія, подготовительныя для набѣговъ. Обычай сдѣлалъ изъ этого отвратительнаго занятія честное ремесло: на разбойничій набѣгъ смотрять, какъ на джихадъ (священную войну) противъ невѣрныхъ шитовъ; отправляющіеся на грабежъ герои получаютъ на дорогу даже благословенія духовенства; въ случаѣ, если кто изъ нихъ заплатитъ жизнью за гнусное это дѣло, его объявляютъ святымъ мученикомъ, надъ могилой насыпаютъ высокій холмъ съ знаменемъ на вершинѣ (убитыхъ рѣдко оставляютъ въ непріятельскихъ рукахъ) и въ послѣдствіи съ сокрушеннымъ сердцемъ ходятъ на поклоненіе ко гробу святаго разбойника.

Какъ велико опустошеніе тѣхъ провинцій, которыя особенно часто посѣщаются туркменами, можно себѣ представить, зная, какъ послѣдніе смотрять на это дѣло. Никакая война, никакое другое бѣдствіе,

свойственное первобытнымъ народамъ, не можетъ сравниться съ этимъ бичемъ. Не говоря уже о большихъ дорогахъ, гдѣ останавливается всякое движеніе, даже бѣдный пахарь, прежде чѣмъ воздѣлывать свое поле, долженъ сперва выстроить на немъ башню, въ которую могъ бы укрыться отъ вражескаго нападенія врасплохъ. Самая маленькая деревнька, и та бываетъ обнесена кругомъ высокими стѣнами, но и за ними жители ея небезопасны: на такія укрѣпленныя мѣста разбойники нападаютъ большими шайками и часто уводятъ въ неволю всѣхъ до одного людей со всѣмъ ихъ добромъ. Въ восточномъ Хорассанѣ мнѣ приходилось видѣть деревни, жители которыхъ, не смотря на близкіе отъ нихъ лѣса, мерзли зимою, такъ какъ никто не рѣшался выходить изъ-за стѣнъ; другіе страдали отъ голода, потому что водяныя мельницы находились внѣ деревни и пройти къ нимъ рѣшались только въ крайнемъ случаѣ, съ вооруженнымъ прикрытіемъ.

Какъ основателенъ страхъ попасть въ плѣнъ къ туркменамъ, это уже извѣстно читавшимъ мое путешествіе. Конечно, тяжка судьба негровъ, кучами въ тѣсномъ подпольѣ корабля перевозимыхъ въ Америку, но не легче и судьба персіянина: хищникъ цѣлые часы, даже дни, мучитъ его, привязаннаго за ноги къ лошади позади своего сѣдла, томимаго голодомъ и жаждою, далеко отъ его милой родины, отъ дорогихъ его сердцу. Какъ велики должны быть лишенія и страданія иранца, привыкшаго къ вареной пищѣ, къ удобствамъ постоянного жилища, къ благамъ своей цивилизаціи и вдругъ перенесеннаго въ

палатку бѣднаго и дикаго туркмена, въ суровый климатъ глухой пустыни, гдѣ его, закованнаго въ тяжелыя цѣпи, тиранъ хозяинъ денно и ночью осыпаетъ бранью, насмѣшками, проклятіями и ударами! Истинно, тяжелою пыткой представляется жизнь его среди кочевниковъ, но это только еще начало великихъ его бѣдствій и, какъ всякое начало, чрезмѣрно тягостно должно оно быть для несчастнаго.

Похищеніемъ людей въ настоящее время занимаются только узбеки и туркмены; изъ первыхъ можно назвать преимущественно только жителей хивинскаго ханства, которые лишь въ случаѣ враждебныхъ отношеній ихъ съ туркменами нападаютъ къ границамъ Ирана. Бухарцы же съ начала нынѣшняго столѣтія не подходили къ Ирану; а съ Кокандомъ они почти никогда, такъ сказать, не приходили въ непосредственное соприкосновеніе. Изъ туркменскихъ племенъ разбойничьими набѣгами въ настоящее время занимаются преимущественно текки и юмуты — первые въ Хорассанѣ, Гератѣ, Систанѣ и даже вдоль западныхъ границъ Афганистана, а послѣдніе — на Каспійскомъ морѣ и на южномъ его побережьи. За ними слѣдуютъ салоры и сарики, уже слабѣе числомъ и силою, нападающіе рѣдко, но за то отличающіеся свирѣпствомъ. Племенамъ аліели и кара только изрѣдка удается захватить какой-нибудь караванъ индусовъ или тадшиковъ, а иногда и афганцевъ, и то только на пути ихъ въ Бухару; чаудорамъ, между нижнимъ теченіемъ Оксуса и Каспійскимъ моремъ, почти не осталось поля дѣйствія съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ стало трудно продавать и не такъ-то легко уже брать въ плѣнъ.

Среднеазиатскіе невольники, по своей національности большею частію персіяне шииты изъ вышеупомянутыхъ провинцій; есть между ними и жители всѣхъ остальныхъ частей Ирана, попадающіеся въ плѣнъ на войнѣ или на дорогѣ въ Мешхедъ, куда они ходятъ на поклоненіе святынямъ. За шиитами слѣдуютъ персіяне-сунниты изъ Хафа и Герата — ихъ хватаютъ большею частію на поляхъ или во время сбора фисташекъ. Джемшиды и хезары попадаютъ рѣдко, и то вслѣдствіе взаимныхъ раздоровъ. Еще менѣе невольниковъ афганцевъ и индусовъ. Арабы и турки, не смотря на высокое уваженіе къ нимъ, продаются тоже; теперь ихъ, на сколько я знаю, есть человѣкъ отъ четырехъ до шести. Свободными отъ цѣпей рабства остаются одни только жидаы, которыхъ кочевники боятся, какъ волшебниковъ, а туркестанцы не покупаютъ вслѣдствіе сильнаго отвращенія къ нимъ.

Трудно сказать, сколько добывается ежегодно невольниковъ, ибо это зависитъ отъ положенія дѣлъ въ Иранѣ; точно также трудно опредѣлить, хотя приблизительно, цифру всѣхъ невольниковъ, живущихъ въ настоящее время въ Туркестанѣ. Такъ какъ не всякій, попавшійся въ руки туркменовъ, продается въ рабство въ ханства, то, судя по состоянію богатствъ въ Иранѣ, можно положить, что треть невольниковъ, изъ Мазендрана и съ морскихъ береговъ, выкупаются на свободу. Это особенно пріятно кочевникамъ, ибо, во первыхъ, они въ такомъ случаѣ меньше тратятся на содержаніе невольниковъ, а во вторыхъ не подвергаются риску на рынкѣ, такъ какъ, въ случаѣ, если до-

быча его имѣеть какой-нибудь порокъ, ее никто не покупаетъ. Но такое отношеніе выкупаемыхъ изъ плѣна къ общему числу невольниковъ не вездѣ одинаково. Большею частію попадаются люди бѣдные—пастухи и пахари, менѣе другихъ защищенные отъ набѣга и рѣдко могущіе выкупиться. Поэтому, изъ жителей сравнительно бѣднѣйшихъ провинцій, напримѣръ Хорассана, Сигистана, какъ я слышалъ это отъ маклеровъ, посѣдѣвшихъ въ торговлѣ невольниками, выкупается одна десятая доля, а остальные девять десятыхъ отправляются туркменами, какъ товаръ, на рынки. Для себя туркмень оставляетъ невольника, если онъ, во первыхъ, старъ или увѣченъ, впрочемъ не на столько, чтобы не могъ зарабатывать своего содержанія — иначе его безмилосердно убиваютъ; во вторыхъ, если онъ грудной ребенокъ—тогда его воспитываютъ какъ туркмена и онъ обыкновенно дѣлается самымъ ярымъ разбойникомъ; въ третьихъ, если на столько приглянется черноволосая дочь Ирана, что не захочется съ ней разстаться—последнее бываетъ, впрочемъ, очень рѣдко: обыкновенно съ цвѣтковъ, доставляемыхъ изъ Ирана ко дворамъ Хивы и Бухары, роса бываетъ уже отрясена рукою туркмена, не отличающагося качествами, которыми славятся черкесскіе торговцы гуріями. Такимъ образомъ въ степяхъ остаются только тѣ персіяне, которыхъ участь и дома была бы не лучше, или злодѣи, избѣжавшіе казни; послѣдніе обращаются къ старому ремеслу—грабятъ и убиваютъ заодно съ кочевниками.

Обыкновенно туркмены держатъ у себя невольни-

ровъ дня два, три, и затѣмъ отдають ихъ маклерамъ, отъ которыхъ еще заранѣе получаютъ въ видѣ задатковъ деньги или съѣстные припасы. Безсовѣстные ростовщики эти выжимають уже все, что только могутъ изъ этого гнуснаго торга, такъ какъ сами грабители, вопреки общему характеру кочевниковъ, большею частію безпутные люди, все проматывающіе и проигрывающіе. Маклеры бывають двухъ родовъ: во первыхъ, туркмены, служащіе, такъ сказать, посредниками между жителями степей и жителями ханствъ; они ждутъ, пока наберется 30—50 невольниковъ и тогда отправляються караваномъ въ Бухару или Хиву, а до отправленія, чтобъ уменьшить расходъ на содержаніе невольниковъ, отдають ихъ въ поденную работу, но за поручительствомъ на случай порчи своего товара. Во вторыхъ, маклерствуютъ еще сунниты, живущіе на границахъ Персіи, играющіе весьма двусмысленную роль: съ одной стороны они служатъ персіянамъ посредниками — розыскивають похищенныхъ въ пустынь или въ Туркестанѣ, а съ другой стороны они отличные шпионы для разбойниковъ, извѣщаютъ ихъ о состояніи деревень, о выступленіи и составѣ каравановъ. Многіе, особенно изъ живущихъ на восточныхъ границахъ Ирана, имѣють цѣлыя депо невольниковъ въ Гератѣ, Маймене, Бухарѣ. Разъ въ годъ они отправляються съ грузомъ несчастныхъ на продажу, а на возвратномъ пути берутъ съ собою толпы освободившихся невольниковъ или выкупленныхъ при ихъ посредствѣ. Съ семейства выкупленнаго они берутъ втрое больше дѣйствительной выкупной платы, толкують ему о томъ, какъ трудно

было отыскать плѣнника и сколько стоило хлопотъ, чтобъ выкупить его, между тѣмъ какъ отлично знаютъ мѣсто, гдѣ находился несчастный, котораго они, быть можетъ, даже сами туда спровадили и съ помощью своихъ многочисленныхъ агентовъ давно уже уговорились въ цѣнѣ выкупа. Поистинѣ интересно видѣть, какъ эти мошенники искусно умѣютъ притворяться: отправляясь въ Бухару, въ качествѣ торговцевъ невольниками, они изображаютъ изъ себя самыхъ отчаянныхъ бухарцевъ, ругаютъ еретиковъ шиитовъ и радуются постигающей персіянъ достойной ихъ участи; на возвратномъ же пути въ Иранъ, они разыгрывая роль освободителей, порицаютъ жестокость и тиранство бухарцевъ, проливаютъ горькія слезы о несчастной участи персіянъ—однимъ словомъ, превращаются въ мягкосердечнѣйшихъ людей. Въ караванѣ, съ которымъ я шелъ изъ Бухары въ Гератъ, было два такихъ маклера, носившихъ титулъ ходша (потомковъ пророка), которымъ они не мало гордились. Безпримѣрна была ихъ нѣжность и заботливость въ обращеніи съ невольниками, возвращавшимися подъ ихъ надзоромъ на родину, а между тѣмъ эти же самые люди нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ рассказывалъ мнѣ начальникъ нашего каравана, отвели въ рабство цѣлую толпу несчастныхъ.

Въ хивинскомъ и бухарскомъ ханствахъ торговцы невольниками, называемые доґмафурумъ, составляютъ правильный цехъ; къ нимъ принадлежитъ больше сартовъ таджиковъ, освободившихся изъ неволи персіянъ, чѣмъ узбековъ или людей изъ остальныхъ турецко-татарскихъ племенъ. Самая торговля про-

изводится или въ особыхъ магазинахъ, или, вдали отъ городовъ, на открытыхъ базарахъ, куда невольниковъ отправляютъ, разумѣется, за нѣсколько дней до торга. Значительнѣйшія депо находятся въ хивинскомъ ханствѣ, преимущественно въ самой Хивѣ, потомъ въ Хезареспѣ, Газаватѣ, Гёрленѣ и Кёне. Кромѣ этого, каждое значительное мѣсто имѣетъ своего розничнаго торговца, который частію находится въ сношеніяхъ съ оптовымъ торговцемъ или беретъ товаръ на коммиссію. Въ Бухарѣ первое мѣсто по этой торговлѣ занимаетъ Каракель, потомъ сама столица, за нею Карши и Дшихардшуй. Замѣчательно, что къ востоку отъ Самарканда отвратительная торговля эта все болѣе и болѣе слабѣетъ, такъ что въ кокандскомъ ханствѣ нѣтъ ни одного крупнаго торговца и большая часть тамошнихъ невольниковъ покупается въ бухарскихъ владѣніяхъ. Въ степяхъ, лежащихъ на сѣверъ отъ ханствъ, благодаря русскому владычеству встрѣчается мало невольниковъ, и то только въ видѣ предметовъ роскоши у богатыхъ беевъ.

Цѣна невольниковъ на средне-азіатскихъ рынкахъ зависитъ, конечно, какъ и цѣна всякаго другаго товара, отъ количества ихъ на рынкѣ: въ мирное время ихъ бываетъ меньше, а во время войны больше, но есть все-таки и постоянная цѣна, которая въ настоящее время можетъ быть обозначена такъ:

а) Невольники.

	Въ Хивѣ:	Въ Бухарѣ:
Отъ 10—15 лѣтъ . . .	40 тиллъ.	35 тиллъ.
» 15—25 » . . .	60 »	45—50 »
» 25—40 » . . .	70—80 »	80 »

б) Невольницы.

	Въ Хивѣ:	Въ Бухарѣ:
Отъ 10—15 лѣтъ, особенно красивыя.	70—80 тилъ	70—80 тилъ
» 15—25 лѣтъ	50—60 »	50—60 »
» 25—40 »	40 »	40 »

Цѣна невольниковъ мужчинъ одинаковаго возраста зависитъ отъ физическихъ ихъ свойствъ и отъ національностей. Турки сѣвернаго Ирана предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ, во первыхъ, они легче обучаются родственному для нихъ среднеазіатско-турскому діалекту, а, во вторыхъ, они болѣе крѣпкаго тѣлосложенія и привычнѣе къ работѣ, чѣмъ жители остальныхъ частей Ирана. Дешевле всѣхъ цѣнятся афганцы, потому что они плохіе работники и кромѣ того опасны по своей мстительности и горячности характера, что для жестокаго хозяина имѣетъ часто печальныя послѣдствія. Что касается до невольницъ, то надо сказать, что онѣ не долго пользуются тѣмъ положеніемъ, которое занимаютъ черешенки и грузинки въ Турціи и Персіи: скорѣе же участь ихъ можно сравнить развѣ съ участью негри-тяногъ въ послѣднихъ странахъ. Причина этого легко понятна: во первыхъ, дочери Туркестана соответствую-тъ болѣе обитательницъ Ирана понятіямъ узбековъ и таджиговъ объ изящномъ, — послѣднимъ за ихъ оливковый цвѣтъ лица и большой носъ они никогда не присудятъ яблока Париса въ ущербъ своихъ бѣлыхъ, полнолицыхъ дѣвъ. Во вторыхъ, многоженство у среднеазіатцевъ, по причинѣ ихъ бѣдности, встрѣчается рѣже, чѣмъ у западныхъ магоме-

тань. Кромѣ того, узбекъ слишкомъ аристократъ, чтобъ раздѣлить столъ и ложе съ невольницею, купленную за деньги, а если это иногда и случается въ средѣ высшихъ сановниковъ Бухары, то они берутъ только такихъ невольницъ, которыя приобрѣтены были въ дѣтствѣ и получили туркестанское воспитаніе; въ среднемъ же классѣ подобныя явленія весьма рѣдки. Да и жениться-то здѣсь легче, чѣмъ на остальномъ магометанскомъ востокѣ. Вообще невольницы держатся тутъ, какъ предметы роскоши въ гаремѣ у богатыхъ, или приобрѣтаются для услугъ.

Относительно невольниковъ нельзя того же сказать. Втеченіе нѣсколькихъ столѣтій установившееся снабженіе рабочими людьми изъ туркестанскихъ степей стало такъ необходимо земледѣльцамъ узбекамъ, что безъ него они едвали могли бы добывать себѣ насущный хлѣбъ. Это ясно видно изъ того, что цѣны на хлѣбъ зависятъ отчасти отъ уровня воды въ Оксусѣ, а главнымъ образомъ — отъ бѣльшаго или меньшаго числа невольниковъ, купленныхъ въ теченіи года. Кромѣ земледѣлія, невольники употребляются еще при скотоводствѣ, и чѣмъ обширнѣе владѣнія какаго нибудь узбекскаго господина, тѣмъ болѣе ему нужно невольниковъ. Въ такой странѣ, какъ Туркестанъ, гдѣ преобладаетъ воинственный элементъ, гдѣ всякій свободнорожденный, вслѣдствіе ли прирожденнаго влеченія или политической необходимости, берется за мечъ, а не за плугъ, тамъ руки, занятыя войной, должны быть замѣняемы другими, рабочими руками. Это вполне подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ странахъ, жители которыхъ въ боль-

шинствѣ отдаются войнѣ и разбоямъ, бываетъ и число невольниковъ самое большое. Изъ трехъ ханствъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ Хива, за нею идетъ Бухара, а тамъ уже Кокандъ. Въ хивинскомъ ханствѣ большинство населенія—узбеки; по милости окружающихъ его со всѣхъ сторонъ кочевниковъ, въ немъ ведется постоянная война, а потому и анархія тамъ обычнѣе, чѣмъ въ остальныхъ двухъ родственныхъ ему ханствахъ. Въ бухарскомъ ханствѣ населеніе узбекское съ сильною примѣсью мирныхъ таджиковъ, положеніе дѣлъ въ немъ болѣе упрочилось вслѣдствіе издревле лучше устроеннаго правительства; и наконецъ въ Кокандѣ, гдѣ тоже много таджиковъ, вслѣдствіе извѣстной трусости его жителей внутреннія войны рѣдки и гораздо менѣе опустошительны. Кромѣ земледѣлія и скотоводства, небольшая часть невольниковъ употребляется для услуженія въ домахъ чиновниковъ (сипаевъ) и правителя, но для этого берутся только тѣ, которые въ раннемъ дѣтствѣ попали въ неволю; они получаютъ совершенно узбекское воспитаніе и, кромѣ позорнаго названія кулъ (рабъ), ни въ чемъ почти не разделяютъ тяжелой участи своихъ несчастныхъ собратій. Благодаря природнымъ способностямъ, иранцы эти легко оттираютъ соперниковъ узбековъ и часто, подобно черкесскимъ невольникамъ въ Турціи, занимаютъ видныя мѣста не только на частной службѣ у вельможъ, но и въ самомъ правительствѣ: въ обоихъ ханствахъ мы видимъ много вельможъ, бывшихъ нѣкогда невольниками, а теперь управляющихъ цѣлыми областями. Въ Бухарѣ, гдѣ преобладаетъ персидскій

элементъ, а узбекская аристократія не пользуется большимъ значеніемъ, правители часто берутъ невольницъ въ жены; такъ, мать нынѣшняго эмира и одна изъ женъ его, обѣ иранскаго происхожденія.

При покупкѣ невольника обращаютъ, поэтому, прежде всего вниманіе на здоровое, крѣпкое тѣлосложеніе, и цѣна увеличивается, если при этомъ оказываются еще хорошія способности. Продавецъ обыкновенно ручается на три дня за могущіе въ это время оказаться скрытые физическіе недостатки невольника. Покупающіе принимаютъ эту предосторожность противъ частыхъ мошенничествъ маклеровъ, хотя при покупкѣ раба пробуютъ его, какъ какое нибудь вычуженное животное: испытываютъ силу его рукъ, груди, спины и голоса. У персидскихъ невольниковъ особенно трудно бываетъ узнать возрастъ: такъ какъ въ Иранѣ есть обычай красить бороды, то и туркмены красятъ ихъ своимъ невольникамъ, чтобы скрыть сѣдые волосы, если они есть, такъ что часто разницу въ двадцать, а иногда и въ тридцать лѣтъ бываетъ невозможно открыть; легко можетъ случиться, что молодой на видъ, съ черною, какъ смоль бородою невольникъ, побывъ нѣсколько дней у своего новаго хозяина, можетъ превратиться вдругъ въ старика. Обмануть при продажѣ очень легко, потому что несчастный рабъ, запуганный жестокимъ обращеніемъ своего туркменскаго хозяина, не смѣетъ сказать ни слова противъ него. Особенно это важно при продажѣ суннитовъ, которые, какъ единовѣрцы среднеазіатцевъ, не могутъ по постановленіямъ религіи подлежать продажѣ, если не отрекутся сами отъ своей

вѣры. Среднеазіятець, покаяная афганца или иранца, очень хорошо знаетъ, что они сунниты, и знаетъ также, что ихъ принудили отречься отъ вѣры; но, не смотря на это, онъ, по гнуснѣйшему лицемѣрью своему, покупку ихъ не считаетъ грѣхомъ. Я самъ видѣлъ въ Хивѣ и Бухарѣ суннитскихъ невольниковъ у муллъ, извѣстныхъ своею ученостью и благочестіемъ, и, когда я укорялъ ихъ въ этомъ великомъ грѣхѣ, то получалъ въ отвѣтъ: «когда я его покупалъ, онъ былъ шиитомъ, а если теперь онъ сдѣлался суннитомъ, то надо приписать это единственно одной только святости туркестанской земли». Такимъ образомъ религія обманывается религіею же.

Если мы теперь, послѣ всего сказаннаго о торговлѣ невольниками, обратимся къ положенію невольниковъ въ рабствѣ, то окажется, что самымъ тяжелымъ временемъ во всей ихъ бѣдственной жизни бываетъ время ихъ нахождения въ рукахъ туркменовъ и маклеровъ, которые забиваютъ ихъ всеми средствами. Иранцу, по праву гордящемуся своею цивилизаціей, особенно тягостно переносить обращеніе съ нимъ, какъ съ дикимъ животнымъ, отъ диваго, варвара туранца, имя котораго онъ на своей родинѣ произносить не иначе, какъ съ презрѣніемъ. Первобытныя грубые туркестанскіе нравы всегда будутъ заставлять нравственно страдать персіянина, съ дѣтства привыкшаго къ утонченному, вѣжливному обращенію, къ изысканному, цвѣтистому разговору и вообще къ лучшимъ социальнымъ отношеніямъ, выработывавшимся въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Физическія бѣдствія далеко не такъ тяжелы. Большинство не-

вольниковъ, занятые воздѣлываніемъ земли, своимъ хорошимъ поведеніемъ приобрѣтаютъ любовь и довѣріе своихъ хозяевъ. Если втеченіе года невольникъ ни въ чемъ не провинится, то на него вскорѣ начинаютъ смотрѣть, какъ на члена семейства; многіе, по истеченіи опредѣленнаго времени, получаютъ даже ежемѣсячное жалованье или извѣстную долю продуктовъ ввѣреннаго имъ поля или стада. А такъ какъ иранцы вообще трудолюбивѣе и бережливѣе своихъ туранскихъ сосѣдей, то они успѣваютъ въ удивительно короткое время собрать себѣ небольшой капиталецъ; онъ большею частію приберегается для выкупа, на который, по истеченіи семи лѣтъ, каждый невольникъ получаетъ право. Впрочемъ иногда срокъ этотъ сокращается за усердную службу или по особенному благоволенію хозяина, и рабу дарится азадъ (вольная), точно также, какъ мы иногда награждаемъ чѣмъ нибудь вѣрнаго нашего слугу. Вольная эта свидѣтельствуется кадіемъ и свѣтскими властями, и получившій ее дѣлается тотчасъ же полнымъ господиномъ въ своемъ существованіи и въ своихъ дѣйствіяхъ. Освобожденіе раба всегда сопровождается извѣстнымъ празднествомъ: убиваютъ нѣсколько штукъ овецъ, созываютъ гостей, новоотпущенный обнимается со всѣми муштинами семьи своего бывшего господина, который, приглашая его сѣсть съ собою на одномъ войлокѣ, тѣмъ возвѣщаетъ объ его независимости. У киргизовъ хозяинъ при этомъ привязываетъ бѣлую бость къ поясу раба въ знакъ того, что онъ изъ касты чернокостныхъ (подвластныхъ) вступилъ въ разрядъ бѣлокостныхъ (дворянства или господъ).

Такъ бываетъ, если невольникъ добронравенъ и покоренъ; въ противномъ же случаѣ узбекская грубость и варварство проявляются во всей своей силѣ. Волось станетъ дыбомъ, если просмотрѣть списокъ наказаній, употребляемыхъ для обузданія непокорнаго. Хозяинъ по закону вполне властенъ надъ жизнью и смертью купленнаго имъ раба; но рѣдко убиваетъ онъ его, чтобъ не понести убытка, однако муки, претерпѣваемые несчастною жертвою, ужаснѣе самой смерти. Иныхъ держать цѣлые года въ голой пустынѣ, давая имъ весьма скудные запасы хлѣба и воды; другихъ, за нѣсколько дней до истеченія семилѣтняго срока, продаютъ снова, но уже не въ ханствахъ, гдѣ дурная объ нихъ слава мѣшаетъ продажѣ. Обыкновенно такимъ товаромъ надѣляютъ неопытныхъ киргизовъ. Попавъ изъ города въ степь, персіянинъ уже рѣдко возвращается на родину, хотя бы и удалось ему добиться свободы.

Меня поражало, что изъ огромнаго числа персидскихъ невольниковъ по полученіи свободы едва половина возвращается на родину, и то домой большею частью идутъ лишь тѣ, кого или влечетъ къ себѣ покинутая семья или особая тоска по родинѣ; кто же проживетъ больше двѣнадцати лѣтъ въ Туркестанѣ, тотъ рѣдко мѣняетъ его на Иранъ. Попадаютъ въ плѣнъ большею частью, какъ уже было выше замѣчено, люди бѣдные; найдя себѣ въ Туркестанѣ вѣрный промыселъ, или сколотивъ маленькое состоянъце, они въ большинствѣ случаевъ теряютъ всякую охоту возвращаться въ Иранъ, гдѣ жизнь гораздо тяжелѣе вслѣдствіе чрезмѣрной работы, гдѣ жизненные средства

гораздо дороже, а роскошь и великолѣпіе состоятельныхъ классовъ зарождають въ груди бѣдняка такъ много желаній и требованій. Это обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что невольники, сдѣлавшись свободными, хотя бы даже они обладали величайшими богатствами или занимали высшія должности, постоянно должны испытывать на себѣ позоръ названія кулъ (невольникъ). Кулъ, несмотря на самое блестящее положеніе, никогда не можетъ получить руки дочери свободного узбека, который, какъ бы бѣденъ ни былъ, никогда не захочетъ вступить съ нимъ въ родство; я могъ бы привести здѣсь нѣсколько примѣровъ, что узбеки, даже по приказанію хана, не соглашались отдавать своихъ дочерей за куловъ и готовы были лучше навлечь на себя гнѣвъ повелителя, чѣмъ назвать своимъ зятемъ бывшаго раба. Даже ханезады (дѣти раба), которыхъ уже нельзя продавать *), могутъ жениться только на дочеряхъ другихъ сдѣлавшихся свободными рабовъ, и лишь въ четвертомъ колѣнѣ позоръ слова кулъ немного ослабѣваетъ, но все еще не совсѣмъ забывается. Въ Средней Азій, гдѣ храбрость считается высшею добродѣтелью, на личность раба смотрять, какъ на поплюс шга трусости, какъ на челоуѣка, который изъ особенной привязанности къ жизни допустилъ заключить себя въ оковы — и это — то ему не прощается никогда. Къ такому взгляду присоединяется еще безграничное аристократическое чувство татаръ, какъ

---

*) Продажа ханезада считается дѣломъ позорнымъ, и всякій, кто продастъ его, обзывается разбойникомъ или воромъ.

кочевниковъ, такъ и осѣдлыхъ, которые въ этомъ отношеніи превосходятъ самыхъ ярыхъ торіевъ и кичливыхъ маркизовъ Сен-Жерменскаго предмѣстья. Это чувство руководитъ отношеніями не только къ чужеземному францу, но и къ туземному таджику, бывшему нѣкогда обладателемъ этихъ странъ.

Для освободившагося раба одно лишь нравственное униженіе остается слѣдомъ его прежняго бѣдственнаго положенія. Гражданскія же его права никѣмъ не нарушаются, и такъ какъ житель востока легче всякаго другаго дѣлается рабомъ привычки, то легко объяснить, почему многіе изъ получившихъ свободу персовъ поселяются въ Туркестанѣ, прежде такъ ими презираемомъ и такъ страшившемъ ихъ; они чувствуютъ себя совершенно счастливыми въ этой чуждой странѣ и по временамъ только посѣщаютъ своихъ родственниковъ и шиитскихъ святыхъ Ирана.

Къ сожалѣнію, именно это-то матеріальное благосостояніе невольниковъ и выставляютъ намъ на видъ среднеазіяты и другіе восточные народы, когда мы высказываемъ имъ наше отвращеніе къ позорной торговлѣ людьми. Въ Туркестанѣ, а часто и въ Турціи, говорятъ: «сынъ или дочь дикаго черкеса были въ отечествѣ бѣдными людьми, едва могли питаться хлѣбомъ въ своихъ свободныхъ горахъ; у насъ же сыновья становятся богатыми чиновниками и пашами, а дочери часто даже принцессами, въ силу своего могущественнаго вліянія управляющими всею странюю». Намъ указываютъ на мягкое обращеніе съ невольниками въ домахъ знатныхъ особъ, гдѣ не дѣлается никакого различія между ними и другими чле-

нами семейства; но при этомъ забываютъ, что это только исключенія и что такая счастливая доля зависитъ обыкновенно отъ бѣльшей или меньшей физической красоты купленнаго. А что достается тѣмъ, которые, одаренные менѣе счастливою наружностью, не въ состояннн приобрѣсти расположенія своего господина! Что́ бываетъ съ большинствомъ тѣхъ несчастныхъ, которые, исполняя самыя тяжкія работы, подвергаются постоянному гнету и гнѣву своевольныхъ своихъ властителей?

Это, разумѣется, не принимается во вниманіе, равно какъ и самый актъ продажи, который такъ ужасенъ. Но обитатели береговъ Босфора или Оксуса рѣдко могутъ представить себѣ весь ужасъ того момента, когда несчастнаго невольника вырываютъ изъ круга его близкихъ, изъ его обычной среды. Сколько сиротъ, сколько вдовъ, сколько безпомощныхъ дряхлыхъ стариковъ остаются покинутыми и рыдаютъ объ уведенныхъ въ тяжкую неволю? Неизмѣримо число и еще неизмѣримѣе бѣдственное положеніе всѣхъ тѣхъ стадъ, деревень и странъ, которыя подпадаютъ бичу невольничества. Путешествующій по этимъ странамъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ печальные слѣды опустошенія, и если бы онъ даже былъ убѣжденъ въ блестящей будущности нѣкоторыхъ изъ невольниковъ, то все-таки неизбѣжно придетъ къ заключенію, что невольничество самое гнусное дѣло, какое когда либо позорило руки человѣка, и что прекращеніе его есть первая и священнѣйшая обязанность человѣчныхъ стремленій нашей европейской цивилизаціи. Прекратить торговлю невольниками въ Средней Азін, впро-

чемъ, гораздо легче, чѣмъ кажется. Зло это коренится не столько среди туркменовъ, сколько въ городскихъ потребителяхъ невольниковъ. Кочевники всѣхъ пустынь всегда похищали и похищаютъ людей только лишь тогда, когда у нихъ есть въ виду осѣдлые жители, у которыхъ можно сбыть свой товаръ. Какъ бедны никогда особенно не занимались похищеніемъ людей, потому что въ пограничныхъ городахъ никто не покупалъ ихъ добычу вслѣдствіе религіознаго запрещенія, такъ и туркмены скоро оставляютъ это занятіе, если только продажа персовъ, афганцевъ и проч. въ ханствахъ объявлена будетъ запрещенною. Это всего лучше доказывается на дшемшидахъ, фируцкухи и хезарахъ, которымъ туркмены затрудняютъ переправу невольниковъ въ Бухару; такъ какъ, съ другой стороны, они не могутъ продавать невольниковъ въ афганскомъ Гератѣ, то по неволѣ должны отказываться отъ своихъ хищническихъ наклонностей, въ которыхъ они не уступятъ туркменамъ, или присоединяться къ послѣднимъ, что, кромѣ большой невыгоды, имъ ничего не приноситъ.

Султанъ Мурадъ-Мирза, этотъ пресвѣщенный правитель Хорассана, выразилъ мнѣ однажды свое удивленіе, что Англія, тратящая столько тысячъ для воспрепятствованія торговлѣ невольниками въ африканскихъ водахъ, совершенно равнодушно смотритъ на то, какъ торговля эта разоряетъ и опустошаетъ Персію, древняя цивилизація которой принесла пользу даже западу. Такъ точно и я не могу не удивляться тому равнодушію, которое до сихъ поръ высказывала къ этому плачевному положенію дѣль въ Азіи

Европа, а въ особенности то государство, котораго флагъ всюду на востокѣ возвѣщаетъ начало новой счастливой эры. Пусть сентиментальные журналисты своей политической болтовней защищаютъ стремленіе къ независимости, замѣчаемое ими у многихъ грубыхъ азійскихъ народовъ, которые, однакожь, подъ благороднымъ знаменемъ свободы разумѣютъ только анархію, хищничество и убійство. Время мнѣній и взглядовъ, установленныхъ Руссо прошло, и мы можемъ съ полною увѣренностью сказать, что Европа на востокѣ—является ли она въ мирномъ одѣяніи апостола или же во всемъ своемъ грозномъ всеоружіи—вноситъ повсюду только одно благословеніе и засѣваетъ сѣмяна лучшей жизни, ибо чѣмъ болѣе распространяется свѣта отъ запада къ востоку, тѣмъ скорѣе сгинутъ злоупотребленія древняго міра и тѣмъ счастливѣе будутъ тамъ наши собратья.

XIV.

Производительность трех ханствъ.

Всякій разъ, какъ только зайдетъ у насъ рѣчь о завоеваніяхъ Россіи въ Средней Азіи, говорятъ обыкновенно, что петербургскій кабинетъ, преслѣдуя честолюбивые свои замыслы на счетъ Гиндугуша, стоившіе ему столькихъ издержекъ и трудовъ, навѣрное не удовольствуется завоеваніемъ однѣхъ только береговыхъ мѣстностей по Оксусу и Яксарту. Безспорно, Россія дѣйствительно не остановится на покореніи трехъ ханствъ, но потому-то намъ и слѣдуетъ серьезно взглянуть на результатъ этихъ завоеваній и познакомиться съ богатствами туркестанскихъ степныхъ странъ, съ тѣмъ именно, что и сколько чего они производятъ или сколько они, съ другой стороны, могли бы производить при удовлетворительной и разумной разработкѣ богатствъ ихъ природы.

Одно уже названіе «степныя страны» способствуетъ много тому, что населенная часть Туркестана считается вообще бѣдною производительными силами; къ этому, вдобавокъ, присоединяется еще бѣдность

и въ высшей степени первобытный и простой образъ жизни ихъ обитателей; поэтому нечему и удивляться, что отдаленность отъ насъ этихъ странъ, а, слѣдовательно, и совершенное незнаніе мѣстныхъ условій породили и распространили у насъ на ихъ счетъ такъ много ложныхъ понятій. Туземные, а также восточные путешественники и географы, какъ, на примѣръ, Идризъ, Ибни-Гаукаль, Ебульфеда и ученый князь Баберъ вдалились въ противоположную крайность: всѣ они представляютъ намъ Туркестанъ одною изъ самыхъ богатыхъ странъ земнаго шара и отдаютъ въ этомъ отношеніи преимущество одной только Индіи. Такой взглядъ былъ нѣкогда *) господствующимъ въ западной Азіи и я имѣлъ случай встрѣтить его тамъ даже и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Меня особенно поражало, то что иногда приходилось даже слышать какого нибудь эгоиста иранца, который съ восторгомъ отзывался о богатствахъ ненавистнаго ему Туркестана. Я, съ своей стороны, постараюсь быть безпристрастнымъ въ этомъ отношеніи, но, на первыхъ же порахъ, долженъ замѣтить, что богатствомъ и разнообразіемъ мѣстныхъ произведеній Туркестанъ на много превосходитъ извѣстныя намъ страны европейской и азіатской Турціи, Афганистанъ и Персію; да и, вообще, въ цѣлой Европѣ, столь благословенной и цвѣтущей въ другихъ отношеніяхъ, трудно

---

*) Согдіанскую равнину или черевшанскую долину, лежащую между Бухарою и Самаркандомъ, называютъ земнымъ раемъ; а Гафиць, говоря о красотѣ своей возлюбленной, замѣчаетъ, что съ нею могутъ сравниться въ этомъ отношеніи только города: Бухара и Самаркандъ.

найти страну, которая могла бы сравняться съ степною мѣстностью Туркестана.

Разнообразіе его производительности главнымъ образомъ объясняется тѣми климатическими условіями, которыми вообще наслаждаются жители береговъ Оксуса и Яксарта. Климатъ тамъ не суровъ, но его нельзя назвать и умѣреннымъ, и хотя вообще онъ походить на климатъ средней Европы, но слѣдуетъ, однакожь, замѣтить, что зима у береговъ Аральскаго озера и въ гористыхъ мѣстностяхъ Коканда гораздо суровѣе; лѣто же въ южныхъ его странахъ, особенно въ смежныхъ съ огромными степными пространствами, бываетъ часто почти тропическое и вообще много теплѣе, чѣмъ въ средней Европѣ. Рѣка Оксусъ отъ Керки и Тшардшу до устья замерзаетъ почти каждую зиму; въ Бунградѣ, Ходша-Или и на правомъ берегу Оксуса, гдѣ живутъ каракалпаки, зима обыкновенно стоитъ очень суровая, снѣгъ лежитъ часто по нѣсколькѣ недѣль и бурные сѣверные вѣтры (аямубшизъ) составляютъ не рѣдкость. Понятно, что при такихъ условіяхъ объ умѣренности климата не можетъ быть и рѣчи; но за то въ Хивѣ, когда я тамъ былъ, уже въ началѣ іюня стояли нестерпимые лѣтніе жары, а въ окрестностяхъ Керки и Белха зной въ августѣ мѣсяцѣ, даже въ тѣни, былъ такъ душливъ, какъ едва-ли онъ когда нибудь бываетъ въ дѣйствительно тропическихъ странахъ. Такия климатическія противоположности видимо отражаются на растительности, даже на небольшихъ пространствахъ. Такъ, наприм., хлопокъ, растущій въ Енги-Юргендшѣ, доброкачественнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ

мѣстностяхъ, а шелкъ, добываемый въ Гесареспѣ, считается лучшимъ во всемъ хивинскомъ ханствѣ. Лучшій рисъ растеть въ Гёрленѣ; въ Хивѣ же, лежащей нѣсколько южнѣе, произрастають отличнѣйшіе фрукты. — Въ такихъ же условіяхъ находятся Бухара и Бобандъ и, только взвѣсивъ эти особенности, мы поймемъ, почему каждое изъ трехъ ханствъ, занимая сравнительно такое незначительное пространство, заключаетъ въ себѣ такую массу самыхъ разнородныхъ произведеній—такихъ, какія можно встрѣтить только на большихъ территоріяхъ обнимающихъ собою нѣсколько климатовъ *).

Что касается до плодородія почвы, то, по мнѣнію туземцевъ, его слѣдуетъ приписать, съ одной стороны, плодотворному вліянію рѣкъ, орошающихъ оазисы, а, съ другой, также и самому качеству почвы.

Изъ рѣкъ особенно важное значеніе имѣетъ Оксусъ, который, по оплодотворяющему своему свойству, можетъ быть уподобленъ Нилу, имѣя то преимущество передъ послѣднимъ, что вода его много вкуснѣе. За нимъ идетъ Церевшанъ, котораго одно названіе «разсѣватель золота» достаточно указываетъ на блага, разливаемая имъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ. Не менѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи и маленькія рѣчки, напримѣръ: Шери-Зебсъ и рукава Яксарта.

---

*) Лучшимъ подтвержденіемъ всего сказаннаго можетъ служить время жатвы, которое бываетъ весьма различно въ разныхъ мѣстностяхъ Туркестана. Такъ, напримѣръ, въ Белхѣ и въ окрестностяхъ Андшюя жатва начинается въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ Гесареспѣ, Хивѣ и Каракелѣ только въ концѣ іюля; въ степныхъ странахъ въ іюлѣ; въ Кунградѣ же и на сѣверѣ Коканда только въ августѣ мѣсяцѣ.

Если ко всему этому прибавить еще и то, что орошение полей производится довольно зботливо и что оно здѣсь гораздо удобнѣе, чѣмъ въ прочихъ странахъ западной Азіи, то это богатство почвы, какъ оно ни велико, никому не покажется удивительнымъ.

Въ моемъ «путешествіи по Средней Азіи» я уже имѣлъ случай замѣтить, что это орошение полей совершается или путемъ естественныхъ каналовъ, называемыхъ арнами и образуемыхъ весьма часто неправильнымъ теченіемъ Оксуса, или посредствомъ тагъ называемыхъ япсовъ, вырытыхъ небольшихъ каналовъ, которые обтекаютъ здѣсь каждую деревню и каждое поселеніе или пересекаютъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Въ каждомъ значительномъ селеніи есть непременно особый чиновникъ, мирабъ, наблюдающій за водопроводами и каждую весною заставляющій очищать ихъ отъ несчанныхъ заносовъ. Для предотвращения губельныхъ послѣдствій отъ наводненій, столь обыкновенныхъ при вскрытіи рѣкъ, главные арны, имѣющіе шлюзы, на зиму обыкновенно закрываются. Самая чистка каналовъ происходитъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, при чемъ главное вниманіе обращается на ихъ углубленіе и на суживаніе береговъ. Вынутый песокъ обыкновенно сваливается по обоимъ берегамъ канала, который такимъ образомъ представляетъ длинную гряду шанцевъ, свою тѣнью защищающихъ драгоценную влагу отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца. Впрочемъ эти обнесенные окопами каналы, какъ они ни полезны для земледѣлія вообще, представляютъ, однакожъ, весьма значительныя затрудненія для передвиженій по странѣ. Въ этомъ отно-

шеніи болѣе дорогіе персидскіе барицы, (подземные водопроводы) много цѣлесообразнѣе, такъ какъ и вода въ нихъ гораздо чище и прохладнѣе. Въ Средней Азіи япсы и арны представляютъ страшныя препятствія для путешествующихъ: мосты тамъ или весьма плохи, или ихъ и вовсе нѣтъ, поэтому можно себѣ представить, сколько трудовъ и потери времени несетъ бараванъ съ его страшно навьюченными верблюдами, когда ему приходится въ одинъ день переправиться черезъ 10 или 15 такихъ грязныхъ каналовъ. Водопроводы эти весьма много вредятъ, съ другой стороны, и самымъ рѣкамъ, отводя отъ нихъ воду, что всего лучше доказываетъ намъ Оксусъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣка эта впадала нѣкогда въ Каспійское море, а теперь она вливается въ Аральское озеро *) и такую перемѣну въ ея теченіи, если не совершенно, то, по крайней мѣрѣ, болышею частью можно приписать именно этимъ каналамъ.

Которое изъ трехъ ханствъ плодороднѣе, на самомъ дѣлѣ рѣшить трудно, и особенно въ настоящее время, потому что, кромѣ несчастнаго Коканди, никто не въ состояніи представить намъ общаго образа всѣхъ тамошнихъ почвенныхъ условій. Судя однако по тому, что мнѣ самому привелось видѣть во время моего путешествія въ Самаркандъ и что я слышалъ въ Кокандѣ отъ моихъ спутниковъ,

---

*) Бёрвсъ («Travels in Buchara», II, 188) сомнѣвается вообще, чтобы въ древности Оксусъ протекалъ по другому направленію, и основывается въ этомъ случаѣ на словахъ туземцевъ. Никому не покажется удивительнымъ, что мнѣ привелось отъ нихъ слышать совершенно противное; у туркменовъ даже существуетъ много басень, имѣющихъ связь съ прежнимъ теченіемъ Оксуса.

которые сами были родомъ оттуда, я готовъ отдать въ этомъ случаѣ преимущество хивинскому ханству, особенно въ отношеніи богатой его растительности. Въ немъ, правда, меньше обработанной земли, чѣмъ въ прочихъ ханствахъ, но за то оно на много превосходитъ ихъ и обиліемъ и качествомъ своихъ произведеній: это ханство въ одномъ только уступаетъ бухарскому — въ разнообразіи и превосходствѣ разводимыхъ тамъ овощей. Въ отношеніи минеральнаго богатства Бухарѣ безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ первое мѣсто; скотоводство же, доведенное до большаго совершенства, составляетъ исключительную принадлежность кочевниковъ.

Земля, измѣряемая здѣсь танабами (дословно—веревка=60 квадратнымъ локтямъ) подраздѣляется на: 1) мюккъ, личную собственность, съ которой платится налогъ; 2) ханлигъ, земли, которыя или разработаны самимъ правительствомъ или достались ему путемъ конфискаціи или завоеванія; съ такихъ земель оно обыкновенно получаетъ третью часть изъ чистаго дохода; 3) яримджи, земли, принадлежащія школамъ, мечетямъ или другимъ подобнымъ имъ учрежденіямъ; съ ихъ обыкновенно платится четвертая часть чистаго дохода. Ханлиги въ каждомъ округѣ находятся въ завѣдываніи особыхъ чиновниковъ, называемыхъ мишюрюбами *), которые въ то же время собираютъ и поземельный налогъ; церковныя же земли, какъ вообще и у другихъ исламитскихъ народовъ, управляются мутевалисами.

Что касается до качества почвы вообще, то я

---

*) Самое названіе показываетъ, что чиновники эти занимались изъ половины дохода съ земли.

долженъ замѣтить здѣсь, что лучшія изъ обратываемыхъ земель, даютъ на одинъ танабъ 100 батмановъ (въ батманѣ можно считать 40 фунтовъ), худшія-же земли ни въ какомъ случаѣ не меньше 60 батмановъ. Надо при этомъ принять во вниманіе то, что обработка земли въ этой мѣстности не только чрезвычайно нетщательна, какъ вообще и вездѣ въ Азій, но что она вообще находится въ высшей степени первобытномъ состояніи; поэтому всякій понимающій дѣло легко можетъ составить себѣ понятіе о необыкновенной плодородности тамошней почвы.

Опредѣлить положительо, сколько обработанной или вообще плодородной земли во всѣхъ трехъ ханствахъ, въ настоящее время дѣло еще совершенно невозможное. Частыя войны и всякія неурядицы достаточно объясняютъ намъ причину, почему тамъ такъ много встрѣчается развалинъ нѣкогда процвѣтавшихъ поселеній; что же касается собственно до хивинскаго ханства, то такихъ опустошенныхъ и разоренныхъ мѣстностей тамъ несравненно больше, чѣмъ земли обработанной. За исключеніемъ весьма немногихъ произведеній, которыми ханства ведутъ торговлю, какъ между собою, такъ и съ Россією, всѣхъ прочихъ за тѣмъ продуктовъ производится вообще не болѣе того, сколько нужно для домашняго обихода; а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ произведенія могли бы быть и лучшаго качества, и гораздо разнообразнѣе, и добываться въ болѣшихъ размѣрахъ.

Простой обзоръ производительности этихъ трехъ ханствъ объяснить и подтвердить все выше нами сказанное.

Растительное царство.

Между хлѣбными растеніями, разводимыми въ туркестанскихъ степныхъ мѣстностяхъ, главную роль играютъ пшеница и ячмень. Первой тамъ четыре сорта:

1) Бухара-будаи (бухарская пшеница) считается лучшею и имѣетъ длинныя и тоненькія красноватыя зерна съ зеленоватымъ кончикомъ. Изъ этой пшеницы готовятъ самый лучший хлѣбъ, которымъ особенно славится городъ Бухара. Пшеница эта вездѣ извѣстна подъ именемъ ширмаи.

2) Тогмакъ-башъ (клинообразная голова) съ круглыми толстыми зернами, весьма питательна и изъ всѣхъ четырехъ сортовъ пшеницы всего болѣе походитъ на нашу. Наилучшей доброты она встрѣчается преимущественно въ Хивѣ.

3) Кара-сюлю (черноволосая) съ тоненькими, темнокоричневыми зернами; такъ какъ она не особенно отличается своимъ качествомъ, то ее поэтому и употребляютъ обыкновенно въ кормъ для лошадей.

4) Яцликъ (лѣтній плодъ) поспѣваетъ въ весьма короткое время, необыкновенно легковѣсна и употребляется въ примѣси съ другими сортами.

Ячмень въ Средней Азіи вообще не такъ хорошъ, какъ въ Персіи или Турціи. Кромѣ обыкновеннаго, здѣсь разводится также ячмень низшей доброты, называемый въ Хивѣ каракалпакъ и идущій, какъ вообще на востокъ, въ кормъ для лошадей. Что касается до цѣны, то сравнительно съ прочими мѣстностями

западной Азии, хлѣбныя произведенія въ обыкновенное время здѣсь необычайно дешевы. За хивинскій батманъ лучшей пшеницы платятъ отъ 2 до 30 тенговъ (тенга=75 сант.); ячмень же часто бываетъ дешевле и рѣдко дороже 1 тенга.

Рисъ растетъ здѣсь въ изобиліи, но онъ много хуже гератскаго или превосходнаго ширазскаго, извѣстнаго подъ именемъ чампа или амбербуй (запахъ амбры). Всего болѣе онъ походить на египетскій, называемый въ Турціи дамѣтскимъ рисомъ; но онъ могъ бы быть лучше этого послѣдняго, если бы при обработкѣ пользовался лучшимъ уходомъ.

Джюгери (*holcus sorghum*) разводится въ большомъ количествѣ во всѣхъ трехъ ханствахъ и употребляется тамъ въ бѣльшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ какой-либо другой азіатской мѣстности. Въ свѣжемъ, сыромъ своемъ видѣ онъ употребляется въ пищу, въ сухомъ же идетъ въ кормъ животнымъ и преимущественно жеребятамъ, потому что онъ не такъ горячитъ, какъ ячмень, и кромѣ того, вслѣдствіе богатаго содержанія сахарнаго начала, несравненно питательнѣе послѣдняго. Сорго, какъ одно, такъ и съ примѣсью пшеницы, служитъ для приготовленія хлѣба.

Мекке-джюгери (турецкая пшеница) никогда не бываетъ высока и встрѣчается двухъ сортовъ: одинъ сортъ ея имѣетъ желтоватыя, другой совершенно красныя маленькія зерна. Ее никогда не сушатъ и обыкновенно или ѣдятъ въ молочномъ состояніи или употребляютъ въ кормъ для скота.

Тари (крупа) бываетъ также разныхъ сортовъ и составляетъ весьма употребительную пищу въ Средней

Азіи, почему и разводится тамъ въ большихъ размѣрахъ.

Изъ стручковыхъ плодовъ, кромѣ извѣстныхъ и у насъ, какъ напр., гороха (буртшабъ), бобовъ (дуби), чечевицы (ясмукъ) и т. п., тутъ растетъ еще много другихъ подобныхъ имъ растеній, вовсе намъ неизвѣстныхъ, какъ, наприм., конакъ, у котораго зерна меньше, но толще, а стебли ниже, чѣмъ у нашей чечевицы; машъ, нѣсколько побольше просо, коричневатого цвѣта; кромѣ того есть много другихъ видовъ, имѣющихъ интересъ лишь для спеціалистовъ.

Изъ маслянистыхъ растеній я долженъ прежде всего упомянуть о кюнджи-сезаме, которое растетъ здѣсь превосходно и даетъ въ изобиліи масло, годное, какъ въ пищу, такъ и для освѣщенія. Кромѣ того, я долженъ сказать еще о зигирѣ, растеніи въ родѣ просо, у котораго на стеблѣ сидитъ нѣсколько яблокообразныхъ плодовъ съ желтыми зернышками внутри, величиною съ маковыя сѣмяна. Добываемое изъ него масло идетъ для кушаній и на разнаго рода печенія. Далѣе, джигитъ, сѣмена хлопчатника, котораго масло не употребляется, впрочемъ, въ пищу. Кендеръ (пенька), изъ котораго выдѣлываютъ плохое полотно, а также получается наркотическое вещество бенгъ. Наконецъ идау, низкій кустарникъ, изъ маленькихъ зеленоватыхъ зеренъ котораго добывается горькое, пахучее масло, составляющее превосходное врачебное средство въ для раненыхъ животныхъ, особенно же верблюдовъ.

Между красильными растеніями замѣчательно руйанъ или боякъ (крапъ), который растетъ во всѣхъ трехъ

ханствахъ и въ значительныхъ размѣрахъ вывозится въ Россію. Въ 1835 году растеніе это еще очень мало требовалось въ Россіи, а въ 1860 году его вывезли уже туда до 24,523 пудовъ *). Исбарагъ или баракъ, желтые цвѣточки котораго, будучи высушены и растерты въ порошокъ, даютъ превосходную желтую краску. Гертшукъ, родъ клевера, съ маленькими красными цвѣточками; изъ листьевъ его добывается отличная черная краска. Буцгундшъ, въ родѣ чернильныхъ орѣшковъ, растетъ только въ южномъ Маймене и въ Бадгицкихъ горахъ (на сѣверъ отъ Герата); изъ него получаютъ лучшую красную краску, которая даже на мѣстѣ цѣнится весьма дорого. Я долженъ также упомянуть здѣсь, хотя, правда, и не совсѣмъ у мѣста, о терендшебинѣ, смолянистомъ и сладкомъ веществѣ, растущемъ на терновникѣ, извѣстномъ подъ именемъ хари-шутуръ (верблюжій терновникъ). Терендшебинъ появляется въ концѣ лѣта, совершенно внезапно и неожиданно ночью; его необходимо собирать рано утромъ, когда еще свѣжо въ воздухѣ. Это клейкое, сѣроватое вещество, отличается сладкимъ своимъ вкусомъ и можетъ даже въ сыромъ видѣ быть употребляемо въ пищу. Въ Средней Азійи изъ него приготавливаютъ сиропъ, въ Персіи же оно находитъ себѣ употребленіе на сахарныхъ заводахъ Мешхеда и Іезида.

Что касается до овощей, то всѣ виды ихъ, за исключеніемъ однихъ южныхъ растеній, растутъ въ ханствахъ въ большомъ изобиліи и отличаются пре-

---

*) Митчель: «The Russians in Central-Asia», стр. 462.

восходнымъ качествомъ. Они составляютъ весьма значительную статью вывоза въ Россію и даже въ богатую Индію. Житель Средней Азіи не мало гордится этимъ богатствомъ овощей, потому что въ Азіи прелесть и цѣнность земли опредѣляются вообще качествомъ воды, воздуха и произрастающихъ на ней плодовъ. Въ этомъ отношеніи каждое изъ поименованныхъ трехъ ханствъ имѣетъ свою спеціальность: такъ Хива, напримѣръ, славится своими превосходными дынями и яблоками, а Бухара виноградомъ и персиками. Многія страны Персіи и Турціи, быть можетъ, и берутъ верхъ надъ послѣдней по отношенію къ своимъ фруктамъ, но за то такихъ дынь, какъ въ Хивѣ, вы не найдете не только въ Азіи, но даже и въ цѣломъ свѣтѣ. О вкусности тамошнихъ дынь европеецъ не можетъ себѣ составить и понятія. Необыкновенно сладкія и ароматичныя, онѣ просто таютъ во рту и особенно какъ-то дѣйствуютъ освѣжительно; если ѣсть ихъ съ хлѣбомъ, то онѣ представляютъ лучшую пищу, какую только даетъ намъ природа. Одна только знаменитая дыня Насрабади, близъ Испагани, напоминаетъ, хотя весьма слабо, этотъ единственный въ своемъ родѣ плодъ Средней Азіи.

Сортовъ дынь весьма много; изъ нихъ слѣдующіе извѣстны подъ именемъ лѣтнихъ: 1) цамтше, поспѣваетъ раньше другихъ, имѣетъ круглую форму, желтый цвѣтъ и тонкую кожу; 2) гѣрбель, зеленого цвѣта и съ бѣлымъ мясомъ; 3) бабашейхи, маленькая, круглая и съ бѣлымъ мясомъ; 4) кѣтше; 5) шѣринъ-петшекъ, необыкновенно мягкая и сладкая, круг-

лой формы: 6) шеверпаре; 7) читайи; 8) кённабать, 9) агнабать и 10) бегуаде *).

Зимнія дыни поспѣваютъ только около первыхъ чиселъ октября, но выдерживаютъ и всю зиму и бываютъ всего вкуснѣе въ февралѣ мѣсяцѣ. Онѣ слѣдующихъ сортовъ: 1) карагулаби, 2) гицильгулаби, 3) бешекъ, 4) пайандеки, 5) саксауль-кавуну. Всѣ онѣ преимущественно вывозятся въ Россію.

Превосходствомъ своимъ здѣшнія дыни обязаны всего болѣе влиянію Оксуса, потому что лучшіе сорта ихъ рождаются именно только на берегахъ этой рѣки. Бухарскія дыни посредственнѣе и качествомъ уступаютъ даже кокандскимъ.

Что касается до винограда, то г. Ханыковъ въ своемъ интересномъ сочиненіи «Бухара, ея эмиръ и народъ» насчитываетъ 10 сортовъ, найденныхъ имъ въ Бухарѣ. Я, съ своей стороны, видѣлъ въ Хивѣ только слѣдующіе сорта: 1) гусейни, съ продолговатыми зернышками и тоненькой кожицей, очень сладкій и выдерживаетъ всю зиму; 2) меске, съ большими круглыми зернышками; 3) султани; 4) халиде, выпѣваетъ ранѣе всѣхъ другихъ сортовъ; 5) чиборгани; 6) таифи, 7) ширмани и 8) зайеке.

Всѣ эти сорта растутъ на равнинахъ и такъ какъ вина вообще весьма мало производится въ Бухарѣ, то этотъ прекрасный плодъ и идетъ здѣсь частію на

---

*) Съ радостью замѣчу здѣсь, что изъ сѣмянъ, вывезенныхъ мною изъ Средней Азіи, нѣкоторые сорта удались въ Венгрію превосходно. По всей вѣроятности, это будутъ лучшія дыни, какія только извѣстны у насъ въ Европѣ.

приготовление шире (сироповъ), частію же употребляется въ пищу въ сушеномъ видѣ.

Яблоки извѣстны здѣсь четырехъ сортовъ и лучшіе изъ нихъ, гезареспскія, достойно могутъ соперничать съ лучшими произведеніями европейскаго садоводства. Здѣшняя шелковичная ягода и больше и вкуснѣе нашей и этому именно превосходству ея можно, пожалуй, приписать то, что среднеазіятскій шелкъ лучше итальянскаго и французскаго и что уже нѣсколько лѣтъ существующая у насъ болѣзнь шелковичныхъ червей до сихъ поръ неизвѣстна въ Средней Азійи.

Что касается вообще до шелководства, то оно перешло сюда изъ китайской Татаріи и главнымъ образомъ изъ Хотена, куда оно, по справедливому замѣчанію г. Рено *), еще въ I вѣкѣ нашего лѣтосчисленія было занесено изъ внутренняго Китая. По свидѣтельству одной рукописи **), касающейся древней исторіи Бухары, шелководство было извѣстно тамъ еще до принятія этою странюю ислама; но я замѣчу при этомъ, что разведеніе шелковицы, размотка и краска шелка во всѣхъ трехъ ханствахъ находятся въ болѣе первобытномъ состояніи, чѣмъ въ самомъ Китаѣ, гдѣ съ развитіемъ промышленности вообще введены уже кое-какія перемѣны и улучшенія въ способахъ производства, тогда какъ здѣсь все до сихъ поръ остается по старому. Шелку-сыр-

---

*) Relations politiques et commerciales de l'empire romain avec l'Asie orientale, стр. 197.

**) Tarichi Narschachi.

цу всего болѣе производится въ Бухарѣ и притомъ не въ одной только ея столицѣ Самаркандѣ, но и у лебабъ-туркменовъ. Много добывается шелку и въ Кокандѣ и именно въ окрестностяхъ Мерголана и Намангана. Хива производитъ его весьма мало, и самое качество его много ниже, чѣмъ въ прочихъ ханствахъ; но, съ другой стороны, какъ мнѣ сказывали специалисты въ шелковомъ дѣлѣ, онъ несравненно лучше гиланскаго и мазендеранскаго (персидскаго). За то самый способъ его обработки въ высшей степени плохъ, и меня особенно поражала размотка коконовъ, которые для того кладутся въ кипятокъ и потомъ мѣшаются вѣшникомъ до тѣхъ поръ, пока отъ нихъ не отдѣлится нѣсколько нитокъ, которыя потомъ и наматываются на тотъ же вѣшникъ. Крашеніемъ шелка занимаются по преимуществу евреи, ткачествомъ таджики и мерви, выдѣлывающіе, сообразно требованіямъ моды и вкуса жителей, одни только яркія ткани.

Въ старину, во время аравійскаго господства, шелковыя ткани Средней Азіи были извѣстны на всемъ востокѣ, но съ переселеніемъ искусныхъ шелковыхъ мастеровъ въ Дамаскъ и Багдадъ, древнее искусство стало мало по малу приходить въ упадокъ, такъ что впоследствии, несмотря на всѣ старанія Тимура перевести эту промышленность снова въ свое отечество, оно наконецъ совсѣмъ исчезло. Чтобы познакомить читателей съ количествомъ вырабатываемой здѣсь шелковой матеріи, я укажу только на то, что большая часть всѣми носимыхъ здѣсь бумажныхъ тканей, называемыхъ аладша, дѣлается съ значительною примѣсью шелка; кромѣ того, здѣсь не

только одни багачи, но и всѣ люди изъ средняго сословія имѣютъ непременно одно или нѣсколько шелковыхъ платьевъ, скатертей и платковъ и, наконецъ, здѣшнія шелковыя матеріи вывозятся въ значительномъ количествѣ въ Персію, Индію, Афганистанъ и Россію.

Торговый артикулъ, имѣющій большую будущность, это среднеазіатскій хлопокъ. Онъ разводится въ обширныхъ размѣрахъ во всѣхъ трехъ ханствахъ и составляетъ матеріалъ для всякаго рода одежды и бѣлья людямъ всѣхъ состояній. Туркестанскій хлопокъ лучше индійскаго, персидскаго и египетскаго, а многіе считаютъ его даже неуступающимъ извѣстному американскому хлопку. Впрочемъ до сихъ поръ его потребляетъ одна только Россія на своихъ фабрикахъ въ Москвѣ, Владимірѣ, Твери и другихъ городахъ и притомъ въ размѣрахъ годъ отъ году все увеличивающихся *). Естественно, фабриканты жалуются на дурной способъ обработки здѣшняго хлопка и именно на недостаточно тщательную его очистку отъ сѣмянъ, на обманъ торговцевъ, которые часто для того, чтобы хлопокъ больше вѣсилъ, смачиваютъ его водою или кладутъ въ него камни. При всемъ томъ хлопокъ, привозимый изъ Хивы и Бухары, составляетъ для русской промышленности почти предметъ крайней необходимости.

Разведеніе хлопка въ Средней Азіи особенно удобно въ томъ отношеніи, что поля, гдѣ онъ разводит-

---

*) Сравни «Report by Her Majesty's Secretaries of Embassy and Legations on manufactures, commerce, N. 5 стр. 313.

ся, вовсе не требуютъ орошенія; дождь вообще, даже и весною положительно считается вреднымъ для этого растенія. Для него выбираютъ преимущественно жесткую каменистую почву, такъ называемую согу, которую вспахиваютъ одинъ только разъ; обработка, же и уходъ вообще считаются самыми легкими изъ всѣхъ полевыхъ работъ. По статистическимъ даннымъ оренбургской таможи, большая часть хлопка производится въ бухарскомъ ханствѣ, но такое положеніе не совсѣмъ вѣрно, потому что хивинскіе караваны, перейдя черезъ Яксартъ, весьма часто соединяются съ бухарскими или по крайней мѣрѣ выдаютъ себя за бухарцевъ, въ котормъ русскіе вообще болѣе благоволятъ. Сколько мнѣ извѣстно изъ моихъ собственныхъ наблюденій и разспросовъ, разведеніе хлопка въ Хивѣ не только находятся въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, чѣмъ въ прочихъ ханствахъ, но и самый хлопокъ по качеству стоитъ несравненно выше. Собственно плодъ, гаводше, меньше бухарскаго, но за то нѣжнѣе, бѣлѣе такъ называемаго гуцен-сефида, самаго высшаго сорта бухарскаго хлопка. Кромѣ того, и сами жители Средней Азіи отдають преимущество хивинскому хлопку. Бухара въ свою очередь славится крашеніемъ и качествомъ; впрочемъ надо замѣтить, что и въ Бухарѣ за хивинскія ткани платять лучше, чѣмъ за туземныя. Ихъ вывозять въ Афганистанъ, Индію и сѣверную Персію и они пользуются особеннымъ предпочтеніемъ даже между кочующими народами.

По этому нѣтъ сомнѣнія, что это произведеніе среднеазіатскихъ степныхъ странъ пріобрѣтетъ совре-

менемъ значительную цѣнность. Правда, для этого требуется не мало условій и главнымъ образомъ необходимо улучшеніе способовъ воздѣлыванія хлопка, введеніе усовершенствованныхъ европейскихъ машинъ для его очистки и упаковки, и, наконецъ, лучшіе и безопасные пути сообщенія. Тогда не только улучшится самое качество продукта, но увеличится также и его производительность и притомъ безъ особенныхъ усилій и затратъ капитала. Очень можетъ стать-ся, что со временемъ Средняя Азія сдѣлается для Россіи тѣмъ же, чѣмъ сдѣлалась въ настоящее время Новая Каролина для Англій.

Лучшимъ указаніемъ необыкновеннаго увеличенія вывоза среднеазіятскаго хлопка въ Россію можетъ служить таблица, составленная бывшимъ первымъ секретаремъ англійскаго посольства въ Петербургѣ, г. Севиллемъ Лѣмле, и впоследствии занесенная въ Синія книги 1862 и 1863 годовъ. На основаніи этихъ официальныхъ данныхъ, вывозъ хлопка изъ ханствъ простирается:

Годы.	Бухара. Рубл.	Хива. Рубл.	Бокандъ. Рубл.
1840—50	2,065,697	470,781	16,851.
1853	280,514	133,729	Данныхъ не имѣется
1854	509,600	248,347	
1855	513,023	185,683	
1856	501,225	36,050	
1857	578,483	66,776	
1858	634,643	59,729	
1859	495,065	2,274	
1860	721,899	22,429	4,907
Всего....	4,237,772	755,087	4,907

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть что вывозъ хлопка 1840—50 годовъ въ слѣдующее за тѣмъ десятилѣтїе больше чѣмъ удвоился; при благопрїятныхъ политическихъ обстоятельствахъ онъ безъ всякаго сомнѣнїя долженъ постоянно увеличиваться. Но я снова замѣчу, что хотя въ приведенныхъ данныхъ на долю Бухары приходится бѣльшее количество хлопка, но онъ не есть исключительно ея собственный продуктъ. Большая часть его вывозится изъ Хивы юргендшскими купцами бухарскимъ путемъ въ Оренбургъ и тамъ ставится въ списокъ подъ рубрикою Бухара. Кроме того, между этимъ хлопкомъ много также кокандской шерсти, потому что кокандцы, находясь съ русскими весьма часто во враждебныхъ отношенїяхъ, выдаютъ себя на границѣ за бухарцевъ.

Животное царство.

Здѣсь особеннаго вниманїя заслуживаютъ домашнїя животныя, и между ними первое мѣсто занимаетъ овца. Послѣдняя бываетъ здѣсь двухъ родовъ: 1) казакъ-кой (киргизская овца) и 2) узбекъ-кой (узбекская овца). Первая изъ нихъ, какъ по качеству шерсти, такъ и по вкусному своему мясу, имѣетъ преимущество. Въ Средней Азїи большая часть этихъ животныхъ принадлежитъ къ породѣ курдюковъ, имѣющихъ до того длинный и толстый хвостъ, что онъ у нихъ на ходу волочится по землѣ, такъ что часто для облегченїя движенїй животнаго, приходится къ хвосту привязывать катки или вообще какой нибудь снарядъ на колесахъ. Съ перваго раза это можетъ показаться

невѣроятнымъ, но въ сущности въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго и особенно такіе катки привязываютъ къ хвосту такъ называемыхъ бакканскихъ овецъ, которыя, въ откормленномъ видѣ, даютъ нерѣдко отъ 3 до 4-хъ батмановъ чистаго сала. Мясо здѣшней овцы я нахожу лучше и вкуснѣе, чѣмъ въ другихъ извѣстныхъ мнѣ частяхъ Азіи. Съ нимъ не можетъ сравняться въ этомъ отношеніи ни столь извѣстный въ Турціи кивидригъ и караманъ, ни даже южно-персидская овца, которую такъ особенно гордятся персы.

Шерсть, правда, не имѣетъ такихъ же достоинствъ и идетъ не столько на выдѣлку тканей, вѣроятно по неумѣнію готовить ихъ, сколько на ковры, дорожныя сумки и попоны; впрочемъ она и мало имѣетъ значенія въ здѣшней отпускной торговлѣ. Напротивъ, весьма важную роль въ торговомъ отношеніи играютъ черныя бурчавыя ягнячьи шкурки, которыя исключительно получаютъ изъ одной только Бухары и именно изъ Карагёля; отсюда онѣ развозятся потомъ по всѣмъ странамъ Азіи и даже въ Европу, гдѣ онѣ извѣстны подъ именемъ астраханскихъ. Шкурка, снимаемая обыкновенно съ животнаго на второй или третій день по рожденіи, кладется на нѣсколько дней въ растворъ изъ ячной муки и соли и затѣмъ, вымокнувъ въ немъ, промывается въ рѣкѣ Церефанѣ, отъ воды которою она, по мнѣнію туземцевъ, и получаетъ свой отличный глянецъ. На берегахъ этой рѣки, между Бухарою и Баррединою, въ іюлѣ мѣсяцѣ можно видѣть сотни тысячъ этихъ шкурокъ, разложенныхъ по землѣ для просушки. Шкурки эти вездѣ

въ почетѣ, особенно же въ Персіи, гдѣ изъ нихъ дѣлаютъ модныя шапки. Если принять въ расчетъ, что тамошній кюлахъ (шапка, на которую обыкновенно идетъ три или четыре шкурки) стоитъ отъ 10 до 15 червонцевъ, то не трудно убѣдиться въ томъ, что наши астраханскія шкурки, стоящія много дешевле, вовсе не бухарскаго происхожденія. Овцеводство составляетъ главное средство пропитанія для кочевниковъ Средней Азіи, поэтому не трудно понять какъ многочисленны должны быть стада, пасущіяся и кочующія по степямъ здѣшней мѣстности. Киргизы отправляютъ множество овецъ въ ханства, особенно же въ Россію, куда вывозъ ихъ постоянно все увеличивается. Такъ въ 1835 году въ Россію продано было овецъ на 850,000 руб., а въ 1860 году уже на 3,644,000 р. *). Въ томъ же году перевезено кромѣ того за русскую границу сырыхъ овечьихъ кожъ на 750,000 руб. и шерсти на 86,000 руб. сер.

Второе мѣсто послѣ овцы въ ряду прочихъ домашнихъ животныхъ занимаетъ коза. Правда мясо ея не такъ вкусно, какъ овечье, но оно все-таки здѣсь нѣсколько лучше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ Азіи. Козья шерсть, по замѣчанію Бёрнса, хотя и ниже кашемирской, но и изъ нея выдѣлываются довольно изрядныя и непромокаемыя ткани.

У туркменовъ разводится превосходная порода лошадей, изъ которыхъ лучшія вывозятся въ Афганистанъ, Индію и Персію. Туркменская лошадь ахалской и юмутской породы мало уступаетъ арабской,

---

*) Сравни «The Russians in Central-Asia, стр. 462.

какъ быстротою бѣга и сносливостью въ ѣздѣ, такъ и красивыми своими формами. Порода узбекскихъ лошадей, разводима въ Бухарѣ, Хивѣ и Маймене, славится не столько быстротою бѣга, сколько своею силою.

Верблюды Средней Азіи, изъ которыхъ наилучшими считаются бухарскіе и двугорбые киргизскіе, въ силѣ и быстротѣ уступаютъ развѣ только арабскимъ и именно геджацкой породѣ. О томъ, будто верблюды сохраняютъ въ двойномъ своемъ желудкѣ воду чистою и прохладною, которою потомъ въ крайнемъ случаѣ пользуются, будто, томимые жаждою путешественники, здѣсь никто ничего не знаетъ, и всякій разъ, какъ мнѣ приходилось спрашивать объ этомъ у кочевниковъ, они постоянно отвѣчали на мои вопросы однимъ смѣхомъ. — Въ Средней Азіи животныя эти отличаются рѣдкою неприхотливостью: они довольствуются самою скверною водою и самымъ скуднымъ кормомъ, часто состоящимъ изъ колючки и кустарниковъ, и при этомъ по нѣскольку дней сряду могутъ нести на себѣ самые тяжелые грузы. Кромѣ того въ нихъ нѣтъ ни хитрости, ни злости аравійскихъ верблюдовъ. Туземцы ведутъ ими торговлю съ Афганистаномъ, Персіею, въ небольшомъ количествѣ и съ Россіею. Кромѣ того два раза въ годъ ихъ стригутъ и изъ получаемой шерсти дѣлаютъ веревки и многія другія, какъ грубыя, такъ и довольно тонкія матеріи.

Рогатаго скота здѣсь вообще не очень много и самое скотоводство находится въ жалкомъ состояніи. Лучшій скотъ разводится, говорятъ, въ Кокандѣ; на Оксусѣ скотоводствомъ исключительно занимаются каракалпаки. Говядина здѣсь еще жестче и хуже, чѣмъ

въ Персіи или Турціи и потому употребляется исключительно только самымъ бѣднымъ классомъ. Масло и сыръ, сравнительно, приготовляются также въ небольшомъ количествѣ. Изъ уваженія къ лошади, этому по преимуществу благородному животному, въ Средней Азіи вовсе не разводятъ муловъ, но за то особенное обращается вниманіе на разведеніе ословъ, и, надо отдать справедливость, такихъ красивыхъ и славныхъ ословъ, какъ здѣшніе, мнѣ не приходилось встрѣчать нигдѣ въ Азіи. Бухарскій осель отличается не только силою и рослостью, но и необыкновеннымъ проворствомъ. Во время длинныхъ караванныхъ переходовъ онъ обазывается также полезенъ, какъ и лошадь.

Изъ птицъ здѣсь водятся: куры длинноногой китайской породы, гуси, которые меньше европейскихъ, и разныя породы утокъ. Кромѣ того здѣсь есть лебеди, рябички, цесарки и фазаны, изъ которыхъ лучшія встрѣчаются въ Кобандѣ.

Минеральное царство.

Никому не покажется удивительнымъ, что мы имѣемъ въ настоящее время весьма мало понятія о тѣхъ богатствахъ, которыя лежатъ въ нѣдрахъ всѣхъ трехъ ханствъ. Леманнъ и другіе русскіе путешественники, которые при достаточномъ запасѣ геологическихъ свѣдѣній могли бы сдѣлать довольно обстоятельныя наблюденія по этому предмету, встрѣчали себѣ на каждомъ шагу противодѣйствія, благодаря подозрительности татарскихъ начальствъ. При всемъ томъ я, съ своей стороны, не могу раздѣлять мнѣнія Бёрнса, который по-

лагаеть, что въ Средней Азіи или вовсе нѣтъ благородныхъ металловъ, или ихъ весьма мало и что золотой песокъ въ Церефшанѣ вовсе не мѣстный продуктъ, а наносится въ него изъ другихъ маленькихъ рѣкъ, берущихъ начало въ Гиндукушѣ. По словамъ среднеазіятцевъ, вся гористая мѣстность около Самарканда и Бедахшау, также горы Овейсъ-Карайне на лѣвомъ берегу Оксуса въ предѣлахъ хивинскаго ханства и Большой Балканъ въ степи у Каспійскаго моря изобилуютъ благородными металлами; а что золотые рудники дѣйствительно существуютъ въ мѣстностяхъ по верхнему теченію Оксуса, это доказывается тѣмъ, что, несмотря на порвобытный и небрежный способъ промывки золота, тамъ все-таки добывается весьма изрядное количество этого металла. Промывка, или правильнѣе сказать ловля золота, производится съ помощью верблюжьихъ хвостовъ, развѣшиваемыхъ одинъ возлѣ другаго между двухъ шестовъ. Хвостами нѣкоторое время взбалтываютъ воду или ихъ просто погружаютъ въ рѣку и за тѣмъ вывѣшиваютъ на воздухъ. Для этой ловли выбираютъ обыкновенно болѣе мутныя мѣста и самое лучшее для того время въ году — іюнь и іюль мѣсяцы. Что золотой песокъ привозится сюда изъ какой-либо другой мѣстности, этого нельзя сказать, и я слышалъ, напротивъ, отъ персидскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, проживающихъ въ Бухарѣ, что они выдѣлываютъ разныя мелкія золотыя вещи изъ туземнаго металла. Серебро находятъ въ Хивѣ, въ ея горахъ, и во времена хана Аллахъ-Були въ три года разработки подъ руководствомъ одного опытнаго въ этомъ дѣлѣ индійца

дѣйствительно добыто было значительное количество этого металла. Со смертію хана индеецъ этотъ, какъ говорятъ, бѣжалъ или былъ убитъ, и съ той поры рудники стоятъ заброшенными. Полагаютъ, что серебрянная руда находится также около Шери-Забса, но объ этомъ дошли до меня только самые смутные слухи.

Изъ драгоценныхъ камней заслуживаютъ особеннаго вниманія бедахшанскіе рубины, извѣстные нѣкогда въ Азіи подъ именемъ бедахшанскихъ лаоли; въ настоящее время ихъ попадаетса весьма мало. Сердоликъ находится въ большомъ количествѣ въ бедахшанскихъ нагорныхъ рѣкахъ. Онъ очень дешевъ и вывозится въ Аравію, Персію и Турцію. Лаписъ-лазули, употребляемый для краски, не имѣетъ въ Средней Азіи большой цѣнности и вывозится въ Россію и Персію. Бедахшанская и бокандская бирюза по цвѣту много уступаетъ нишапурской (персидской) и покупается только кочевниками и ногайскими серебрянными дѣль мастерами; она зеленаго, а не голубаго цвѣта и не пользуется такимъ почетомъ, какъ послѣдняя *).

Изъ этого краткаго очерка производительности среднеазіятскихъ степныхъ странъ читатель, особенно если онъ знакомъ съ азіятскими мѣстностями и ихъ условіями, могъ, я думаю, убѣдиться въ томъ, что Туркестанъ далеко не изъ числа неплодородныхъ странъ. Туземцы называютъ его алмазомъ въ песчаной оправѣ, и дѣйствительно Средняя Азія будетъ со временемъ играть весьма важную роль и займетъ самое видное мѣсто между государствами отдаленнаго

---

*) Сравни Риттера «Землевѣдѣніе» VIII, 326,

востока, но это будетъ тогда только, когда благотворные лучи европейской цивилизаціи высушатъ грязь тамошнихъ жалкихъ общественныхъ условій и когда великія пріобрѣтенія нашего вѣка въ области промышленности и сельскаго хозяйства пробьютъ себѣ дорогу и туда. Не бѣдность окружающей природы, а разбой, войны и убійства превращаютъ въ пустыни берега Оксуса и Яксарта. Въ Бухарѣ, особенно же въ Хивѣ, земледѣліемъ почти исключительно занимаются одни только невольники, которыхъ въ одномъ хивинскомъ ханствѣ насчитываютъ болѣе 80000 человѣкъ. Грубые нравы сдѣлали мечъ необходимымъ спутникомъ туземца, плугъ же считается недостойнымъ для нихъ орудіемъ и они передали его своимъ рабамъ. Но скоро ли наконецъ убѣдятся ханства въ томъ, что именно отъ этого ложнаго взгляда происходитъ большая часть ихъ несчастій и разстройство ихъ жизненныхъ условій? Съ этой точки зрѣнія русское правительство, поставившее себѣ задачею смягченіе и облегченіе этихъ условій (время кореннаго ихъ измѣненія еще слишкомъ далеко), заслуживаетъ полной съ нашей стороны признательности и желаній, чтобы стремленія эти увѣнчались успѣхомъ. Богатство почвы должно конечно пасть на долю Россіи. Но если оставить въ сторонѣ нравственное вліяніе ея и будущіе ея политическіе замыслы, то матеріальныя ея выгоды окажутся вообще не великими и, можно даже сказать, ничтожными въ сравненіи съ тѣми трудностями и издержками, которыя сопряжены съ занятіемъ и управленіемъ такою провинціей, гдѣ сообщенія еще долго будутъ представлять несказанныя препятствія и затрудненія.

XV.

Древнѣйшая исторія Бухары.

То, что я передамъ въ настоящей главѣ объ исторіи Бухары, заимствовано мною главнымъ образомъ изъ одной персидской рукописи, извѣстной подъ именемъ «Tarichi Narschachi» (исторія Наршахи). Авторъ этой въ высшей степени интересной рукописи, нѣкто Магомедъ-бенъ-Джафер-ель-Наршахи, написалъ ее на арабскомъ языкѣ въ 332 году *) гиджры, въ царствованіе эмира Гамида Саманида. Впослѣдствіи, именно въ 322 году гиджры, сочиненіе это было переведено на персидскій языкъ и дополнено цитатами изъ другаго, не менѣе любопытнаго сочиненія «Chazain ül Ulum» (сокровища науки), написаннаго Эбуль-Гасаномъ изъ Нишабура.

Исторію Наршахи, въ виду ея историческаго значенія, полезно было бы издать въ буквальномъ переводѣ на одинъ изъ европейскихъ языковъ. За этотъ

---

*) Второй экземпляръ ея, находящійся у г. Ханькова, помѣченъ 322 годомъ гиджры (Journal Asiatique), серія VI, ч. VII, стр. 284.

трудъ намѣренъ взяться одинъ изъ моихъ знакомыхъ, извѣстный ориенталистъ Ханыковъ, и тогда это драгоценное твореніе сдѣлается доступнымъ для большинства читающей публики. Мы, съ своей стороны, заимствовали изъ него только то, что пришлось въ рамки нашихъ «очерковъ Средней Азии»; самый текстъ оригинала передали мы въ вольномъ переводѣ потому собственно, что въ этомъ видѣ онъ не такъ утомителенъ и легче прочтется большинствомъ публики.

Бухара и ея окрестности.

Тамъ, гдѣ теперь стоитъ священная Бухара, въ древности, какъ говорятъ, были болота, образовавшіяся вслѣдствіе ежегодныхъ наводненій, причиняемыхъ вытекающей изъ Самарканда рѣкой, которая сильно разливалась лѣтомъ отъ таившихъ на сосѣднихъ горахъ снѣговъ. Впослѣдствіи болота эти были высушены и скоро на плодородную почву со всѣхъ сторонъ стали стекаться переселенцы, которые, осѣвши здѣсь, избрали себѣ изъ своей среды властителя, по имени Аберзи. Бухары собственно тогда еще не было, а существовало нѣсколько деревень, изъ которыхъ самая большая была Бейкендъ или Пейкендъ (деревня властителя). Но тиранія скоро разрушила эту новую колонію. Часть поселенцевъ возвратилась тогда въ сѣверный Туркестанъ, основала тамъ городъ Отраръ, который скоро достигъ цвѣтущаго положенія. Впослѣдствіи, по призыву на помощь оставшимся въ Бейкендѣ собратамъ, они снова вернулись на прежнее

мѣсто. Владыка ихъ, Ширъ-Кишверъ (левъ страны), покорилъ злаго Аберзи, посадилъ его въ мѣшокъ съ красными иглами и каталъ его въ немъ, пока тотъ не умеръ. Бухара снова разцвѣла. Ширъ-Кишверъ, управлявшій страной 20 лѣтъ, много съ своей стороны способствовалъ процвѣтанію колоніи; наследники его слѣдовали его примѣру и скоро вся страна заселилась и покрылась деревьями.

Къ какой именно эпохѣ нашего лѣтосчисления относится это время опредѣлить очень трудно, и мы напрасно стали-бы пытаться уяснить себѣ баснословныя сказанія о древнѣйшей исторіи Бухары; это былъ бы трудъ совершенно бесполезный. Поэтому мы сообщимъ лучше въ высшей степени интересныя счисленія рукописи и начнемъ прямо съ Бухары, которая со времени самой глубокой древности сдѣлалась важнымъ мѣстомъ.

Бухара, главный городъ .

Не особенно интересно будетъ для читателей узнать то, что говорится въ нашемъ историческомъ памятникѣ о религіозномъ значеніи этого города, о разныхъ преимуществахъ его жителей, также о томъ блаженствѣ, которое ихъ ожидаетъ въ день воскресенія и пр. Основателемъ крѣпости считается Зіаушъ, тотъ самый, который впоследствии тамъ же у воротъ гуріанскихъ былъ убитъ своимъ тестемъ. Мѣсто это всегда уважалось огнепоклонниками и каждый изъ нихъ на новый годъ передъ восходомъ солнца приносилъ тамъ въ жертву пѣтуха. Это торжество было повсюду извѣстно и трубадуры долго воспѣвали его въ

своихъ пѣсняхъ, хотя дѣло было 3000 лѣтъ назадъ. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что строителемъ крѣпости былъ Эфразіабъ. Однимъ словомъ, крѣпость эта долгое время оставалась въ заустѣнн и въ ней никто не жилъ, пока, наконецъ, Бендонъ, мужъ царицы Хатунъ, снова не отстроилъ ее вмѣстѣ съ цитаделью, на воротахъ которой приказалъ вырѣзать на желѣзной доскѣ свое имя. Въ 600 году гиджры ворота эти съ желѣзною доскою были еще видны, впоследствии они пришли въ развалины и всѣ попытки возстановить замокъ оставались тщетными. Наконецъ, по совѣту тогдашнихъ мудрецовъ, замокъ былъ снова выстроенъ по образу пелеядъ на семи столбахъ и съ той поры всѣ жившіе въ немъ властители были непобѣдимы и, что особенно замѣчательно, ни одинъ изъ нихъ не умеръ, пока жилъ въ томъ замкѣ. Онъ имѣлъ двое воротъ, восточныя, или гусіанскія, и западныя, или ригистанскія, соединявшихся между собою дорогою, и заключалъ въ себѣ какъ помѣщенія высшихъ властей, такъ и тюрьмы, казначейство и диванъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заустѣнія, онъ снова былъ отстроенъ Арсланъ-Ханомъ и получилъ при немъ прежній свой видъ. Въ 534 году гиджры, по завоеваніи Бухары шахомъ Харезмомъ, назначенный Зандшаромъ правитель города былъ казненъ и самый замокъ разоренъ, но въ 536 году послѣдній былъ снова возстановленъ. Подобная судьба нерѣдко и послѣ того постигала замокъ, пока наконецъ не пришли монголы и подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана не превратили Бухару съ ея крѣпостью въ кучу развалинъ.

Изъ дворцевъ, украшавшихъ Бухару, первое мѣсто занималъ ригистанскій серай, въ которомъ обыкновенно проживали властители края, какъ до принятія странюю ислама, такъ и послѣ. По обширности и великолѣпю замѣчательнъ былъ дворецъ, построенный эмиромъ Саидомъ—Саманидомъ, въ которомъ властитель жилъ со всѣми своими верховными сановниками *); за тѣмъ слѣдуетъ серай Молианъ, построенный на берегу канала того-же имени и, судя по описаню, бывшій очаровательнымъ мѣстомъ, окруженнымъ прекрасными садами, роскошными лугами, цвѣточными клумбами, ручейками и фонтанами. Кромѣ того, все пространство отъ ригистанскихъ воротъ до Дештека (маленькое поле) было усѣяно изящно раскрашенными домиками, восхитительными прудами и высокими тѣнистыми деревьями, которыя вовсе не пропускали солнечныхъ лучей, и садами, гдѣ росли самые разнообразныя плоды, какъ-то: миндаль, кедровыя орѣхи, вишни **) и пр. Замѣчательнъ также

---

*) Весьма интересенъ списокъ высшихъ государственныхъ саво-никовъ, составлявшихъ въ то время бухарское правительство или министерство. Къ нему принадлежали: 1) визирь, 2) мустофи (министръ финансовъ), 3) амидъ-уль-мулкъ (государственный канцлеръ), быть можетъ это былъ просто титуль, 4) сахиби-шартъ (государственный страпчій), 5) сахиби-муейидъ (опора государства, также просто титуль?), 6) мушрифъ (церемоніймейстеръ), 7) мемлекейхазъ (тайный совѣтникъ), 8) мутезибъ (главный начальникъ полиціи), 9) авкафъ (министръ благотворительныхъ учреждений), 10) каца (министръ юстиціи). Теперь въ Средней Азіи не осталось и тѣни всего этого порядка и только въ Персіи и Афганистанѣ можно найти еще нѣкоторыя изъ этихъ должностей.

**) Въ настоящее время въ Бухарѣ нѣтъ ни вишневыхъ, ни миндальныхъ деревь.

дворецъ Шемшабадъ у ибрагимскихъ воротъ, построенный Шемседъ-диномъ, и особенно славившійся своимъ звѣриномъ, называвшимся въ то время курукомъ *). Онъ имѣлъ четыре мили въ обружности и обнесенъ былъ высокими стѣнами, тамъ были и голубятни, и дикія животныя, какъ-то: обезьяны, газели, лисицы, волки, бабаны (!) въ полуприрученномъ состояніи. По смерти Шемседъ-дина престоль достался сначала его брату Хидръ-хану, а потомъ его сыну Ахмеду, которые еще болѣе украсили дворецъ, не впоследствии, когда Ахмедъ былъ покоренъ шахомъ Меликомъ и отведенъ въ Самаркандъ, дворецъ его снова пришелъ въ развалны. Кромѣ того, въ окрестностяхъ было много загородныхъ домиковъ, принадлежавшихъ большею частью кешкушанамъ. Такъ назывались пришельцы съ запада (но не арабы), поселившіеся въ Бухарѣ и пользовавшіеся доброю славою. Когда, по завоеваніи Бухары, Кутенбе потребовалъ для арабовъ уступки половины этихъ домовъ, кешкушаны оставили свои жилища и поселились за городомъ. Изъ этихъ загородныхъ домиковъ осталось впоследствии только два или три, подъ названіемъ кешки-могановъ (кіосковъ жрецовъ огнепоклонниковъ). Какъ извѣстно, въ Бухарѣ было нѣсколько храмовъ, принадлежавшихъ этой религіозной сектѣ, и моганы всячески старались поддерживать эти священныя мѣста. Первая городская стѣна вокругъ Бухары была построена по повелѣнію губернатора Эбуль-Аббаса, въ 215 году гид-

---

*) Курукъ — слово турецкое, означающее сады, изгородь; такъ до сихъ поръ называются въ Средней Азій зоологическіе сады.

жры, вслѣдствіе безпрестанныхъ жалобъ жителей на нападенія турокъ. Въ 235 году она была подновлена и укрѣплена, но впослѣдствіи была разрушена монгольскими ордами, опустошившими Бухару и ея окрестности. Кромѣ всего сказаннаго, здѣсь были замѣчательныя мечети и разныя другія зданія. Но все это частности, которыми мы вовсе не намѣрены занимать нашихъ читателей. Указаніемъ на нѣкогда цвѣтущее положеніе Бухары и ея окрестностей могутъ служить 12 каналовъ или большихъ водопроводовъ, пересѣкавшихъ страну въ разныхъ направленіяхъ. Плодородіе и благодатное свойство тамошней почвы вошли на востокъ въ поговорку. Это всего лучше доказываютъ налоги, которые нѣкогда платила Бухара съ ея окрестностями. Послѣ четвертаго, то есть окончательнаго завоеванія Бухары Кутебомъ, багдадскій калифъ получалъ ежегодно 200,000, херасонскій губернаторъ 10,000 диремовъ. Во времена господства Саманидовъ Бухара и Кермине платили налоговъ болѣе 1 милліона диремовъ, что, при тогдашней цѣнности денегъ, составляло весьма значительную сумму *).

---

*) До введенія ислама Бухара занималась только мѣвною торговлею. Кевенхоръ былъ первымъ ея повелителемъ, чеканившимъ серебряную монету. Деньги эти имѣли на одной сторонѣ его изображеніе и были изъ чистаго серебра. Такъ продолжалось до Абубекера. За тѣмъ старая монета становилась все рѣже и рѣже и замѣнилась наконецъ дурною харезмскою монетою. Во времена Гарунъ-аль-Рашида тогдашній правитель Бухары Атрифъ отчеканилъ новую монету изъ шести металловъ, называвшуюся по имени его Атрифи или Априфи. Я полагаю, что персидское слово Ешрефи, (червонецъ) взято не съ арабскаго языка, а произошло именно отъ слова Априфи.

Между прочими народами тогдашней Азии Бухара отличалась также и своею промышленностью. Ткани, которыя выработывались на берегу Церефшана, были въ большомъ ходу въ Аравіи, Персіи, Египтѣ, Турціи и даже въ Индіи. Правда, что тогда были извѣстны три только цвѣта: бѣлый, красный и зеленый, но за то самыя ткани были плотны и прочны и составляли любимую одежду владѣтельныхъ особъ многихъ странъ. Кромѣ того, въ Бухарѣ выдѣлывались ковры и занавѣсы. Первые стоили въ то время такъ дорого, что, напримѣръ, городъ Бухара могъ однимъ такимъ ковромъ уплачивать свою ежегодную подать багдадскому правительству. Впослѣдствіи, по раззореніи Бухары, разсѣялись и некусные ея мастера, а съ ними пропало и самое искусство.

Окрестности Бухары.

Кромѣ столицы и ея достопримѣчательностей, въ названной нами рукописи упоминается также и о многихъ окрестностяхъ Бухары. Нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ и теперь, другія же исчезли безъ всякихъ слѣдовъ.

Кермине, въ составъ котораго входитъ нѣсколько другихъ селеній, было родиною многихъ поэтовъ. Оно находится отъ Бухары на разстояніи 14 ферсаховъ и называлось прежде Дихи-Хурдекомъ (маленькой деревней).

Нуръ, большое селеніе съ нѣсколькими мечетями, каравансераями и святынею, чтимою всею окрестностью. Въ Бухарѣ мѣсто это пользуется особымъ

почтениемъ, такъ что посѣщеніе его считается за половину путешествія въ Мекку. Въ чужихъ странахъ его часто смѣшиваютъ съ городомъ Бухарою.

Тавансъ (такъ называютъ это мѣсто арабы, собственно-же Кудъ) былъ извѣстенъ своими рынками. Они продолжались обыкновенно десять дней и сюда ежегодно съѣзжалось до 10,000 человекъ изъ Фенгханы (Юканды) и прочихъ странъ. Это самое было главною причиною благосостоянія мѣстныхъ жителей, которые вообще славились своимъ богатствомъ. Тавансъ лежитъ на главной дорогѣ въ Самаркандъ и отстоитъ отъ Бухары всего на 7 ферсаховъ.—Искукетъ, большая и богатая деревня, которая производитъ значительную торговлю кирбасомъ (родъ полотна), имѣетъ множество мечетей и каравансераевъ и считается одною изъ самыхъ красивыхъ деревень въ окрестностяхъ Бухары.—Цендине производитъ лучшее полотно въ Бухарѣ, которое вывозится въ Арабъ, Фарсъ, Кирманъ и другія отдаленныя страны и всюду употребляется на одежду князей и людей богатыхъ; по этому самому оно и пользуется особеннымъ почетомъ и цѣнится наравнѣ съ самыми дорогими матеріями.—Реване, сильно укрѣпленное мѣсто, было прежде резиденціею властителей страны и, какъ говорятъ, построено Шапуромъ. Оно лежитъ на границѣ съ Туркестаномъ, имѣетъ еженедѣльную ярмарку, на которой много сбывается цендинскихъ полотень. —Ефшана, хорошо укрѣпленное мѣсто, съ мечетью, построенною Кутейбомъ и съ ярмаркою, которая бываетъ каждую недѣлю.—Беркендъ, древняя большая деревня, которая нѣкогда была куплена эмиромъ Измаи-

ломъ-Самани и доходы съ которой шли въ пользу дerviшей и сеидовъ. — Раметинъ, древнѣе Бухары, былъ нѣкогда мѣстопробываніемъ повелителей страны. Онъ построенъ, какъ полагаютъ, Ефразиабомъ, который сильно укрѣпилъ его впоследствии, когда ему удалось отразить нападеніе Рейхозрева, желавшаго отомстить ему за смерть отца и зятя. Тутъ были знаменитѣйшіе во всей Трансоксаніи храмы огнепоклонниковъ. Спустя два года Ефразиабъ былъ взятъ Рейхозревомъ въ плѣнъ и убитъ; могила его, какъ говорятъ, находится у самаго входа храма, на вершинѣ горы, смежной съ горою Ходжа-Иманомъ; это, какъ гласитъ рукопись, было лѣтъ 3,000 тому назадъ. — Ферахша, бухарскій городъ, извѣстный своимъ замкомъ, построеннымъ Гедельцомъ лѣтъ 1,000 тому назадъ и затѣмъ цѣлые годы стоявшимъ въ запустѣніи. Гебекъ впоследствии реставрировалъ одну часть этого замка и полагаютъ, что здѣсь умеръ Биніадъ, сынъ Тугшада. Во времена ислама эмиръ Измаилъ (Саманидъ) имѣлъ намѣреніе превратить его въ мечеть и предлагалъ жителямъ 20,000 диремовъ на покрытіе этихъ расходовъ, но получилъ отъ нихъ отказъ. При эмирѣ Гайдерѣ (Саманидѣ) были еще цѣлы нѣкоторыя деревянныя постройки, перевезенныя имъ въ послѣдствіи въ Бухару и тамъ употребленныя на сооруженіе дворца. Въ Ферахшѣ въ годъ бываетъ до 15 ярмарокъ, изъ которыхъ послѣдняя, обыкновенно въ концѣ года, продолжается 20 дней и называется новогодней. Спустя пять дней послѣ нея празднуется такъ называемый норуци-моганъ, т. е. новый годъ жрецовъ огнепоклонниковъ. — Бей-

кендъ принадлежитъ къ числу городовъ, котораго жители приходили въ негодованіе всякій разъ, когда кто называлъ ихъ городъ деревнею; когда бейкендца въ Багдадѣ спрашивали, гдѣ его родина, то онъ обыкновенно называлъ Бухару. И въ самомъ дѣлѣ Бейкендъ былъ значительнымъ мѣстомъ, въ немъ было много красивыхъ зданій и мечетей, а въ 240 году гиджры тамъ находилось не мало такъ называемыхъ рабатовъ (каменныхъ домовъ, въ видѣ каравансераевъ). Такихъ зданій считалось тамъ до тысячи и каждое изъ нихъ принадлежало жителямъ особой деревнѣ, лѣто проводившимъ у себя дома, а на зиму перебиравшимся въ городъ проживать въ немъ плоды своихъ трудовъ. Кромѣ того, бейкендцы были отличными купцами и вели торговлю съ Хивою и съ моремъ (?). Укрѣпленія этого города, которыя вообще старше бухарскихъ, доставили не мало хлопотъ Кутенбу при покореніи страны; въ старину повелители страны имѣли здѣсь свои замки. Между Бейкендомъ и Фарабомъ считается 12 ферсаховъ по песчаной степи. Арсланъ-ханъ построилъ здѣсь великолѣпное зданіе и провелъ къ нему каналъ Джарамгамъ, стоившій ему не малыхъ издержекъ. Въ окрестностяхъ Бейкенда растетъ много тростника и находятся большія озера, называющіяся Баркенти-Феррахъ или Каракель. По достовѣрнымъ сказаніямъ, озера эти имѣютъ до 20 фарсаховъ въ длину и при этомъ во всемъ Хорасанѣ извѣстны изобиліемъ рыбы и всякой водяной птицы. По недостатку воды въ каналѣ Джарамгамъ, Арсланъ-Ханъ намѣревался провести рѣку изъ этихъ озеръ въ Бейкендъ, расположенныхъ на небольшомъ

возвышеніи. Начали копать и при этомъ наткнулись на твердую скалу, которая не поддавалась никакимъ орудіямъ. Массы сала и уксуса (?) были потрачены для размягченія камня, но и это не помогло, такъ что принуждены были бросить работы. Въ Фарабѣ большая мечеть, которой стѣны и куполь выложены изъ кирпича, такъ что вовсе не было видно дерева. Онъ управлялся своимъ собственнымъ княземъ, бывшимъ въ нѣкоторомъ отношеніи независимымъ отъ Бухары.

Королева Хатунъ *) и первые четыре аравійскихъ полководца.

Во время аравійскаго завоеванія или, правильнѣе, въ то время, когда первые форпосты аравійскихъ авантюристовъ вторгнулись въ предѣлы отдаленнаго востока, на бухарскомъ престолѣ возсѣдала женщина. По несовершеннолѣтію своего сына, Тугшада, она управляла страню 15 лѣтъ съ могуществомъ и справедливостью. Объ этой замѣчательной женщинѣ говорятъ, что она ежедневно выѣзжала верхомъ на ригистанъ **), садилась на престолъ и, окружаемая всѣми сословіями народа, занималась дѣлами управленія.

Почти въ исходѣ 53 года гиджры арабы, подъ предводительствомъ Абдулахъ-бинъ-Ціяда, перешли

---

*) Хатунъ на турецкомъ языкѣ значитъ женщина, и мы будемъ употреблять это слово вмѣсто собственнаго имени, какъ это сдѣлалъ и авторъ находящейся у насъ подъ руками рукописи.

**) Ригистанъ на древне-персидскомъ нарѣчій значитъ площадь, т. е. мѣсто, усыпанное пескомъ (ригъ) и ничѣмъ незапаятое.

чрезъ Оксусъ и взяли сильный въ то время городъ Бейкендъ. Побѣда эта доставила имъ большія сокровища и до 4000 плѣнныхъ. Въ 54 году гиджры съ сильнымъ войскомъ и осадными машинами они окружили Бухару. Хатунъ испугалась въ виду угрожавшей ей опасности. Она отправила немедленно одного посла къ арабскому военачальнику съ подарками, затѣмъ, чтобы склонить его хотя на четырнадцатидневное перемиріе, а другаго, между тѣмъ, тайными путями послала за помощью къ турецкимъ племенамъ, жившимъ въ то время на сѣверо-востокъ отъ нея владѣній. Хитрость эта ей удалась. Арабы, ничего не подозрѣвавшіе, согласились на перемиріе, а между тѣмъ подоспѣли и турецкія вспомогательныя войска. Хатунъ пріободрилась, напала на осаждавшихъ и обратила ихъ въ бѣгство.

Пораженіе это не отрицается даже арабскими историками; только они присовокупляютъ, что мусульманское войско взяло богатую добычу золотомъ, серебромъ, разною одеждою, оружіемъ и въ томъ числѣ золотые, украшенные драгоценными камнями башмаки королевы Хатунъ, которые оцѣнивали въ 200,000 драхмъ. Абдулла-бинъ—Ціядъ велѣлъ вырубить въ окрестности всѣ деревья и опустошить селенія. Хатунъ, радѣя объ участи своей страны, заключила съ арабами миръ, купленный ею, по свидѣтельству послѣднихъ, за 1 милліонъ драхмъ.

Въ 56 году гиджры правителемъ Хорасана былъ провозглашенъ Саидъ-бинъ—Османъ. Онъ перешелъ Оксусъ и напалъ на Бухару. Хатунъ хотѣла купить миръ за такую же сумму, какую она дала Абдулла-

бинъ-Ціяду, но Саидъ, стоявшій съ 120,000-нымъ войскомъ въ Кешъ (Шери-Зебсъ) и Нахшебъ (Карши), отвергъ предложеніе, началъ войну и заключилъ миръ только послѣ того, какъ разбилъ армію Хатунъ. Царица принуждена была покориться и явилась вассалкою въ станъ арабовъ *). Покоренный городъ далъ 80 заложниковъ и Саидъ-бинъ-Османъ отправился къ Самарганду, который также взялъ, и возвратился оттуда съ богатыми сокровищами въ Медину. Преданіе гласитъ, что заложниками были тѣ предводители, которые сомнѣвались въ законности принца Тучшада и составили заговоръ противъ царицы. По уговору, эти заложники должны были сопровождать арабское войско только въ предѣлахъ Бухары; но Саидъ хотѣлъ взять ихъ съ собою въ видѣ трофеевъ при своемъ вѣздѣ въ Медину. Это возмутило обманутыхъ бухарцевъ и такъ какъ они были убѣждены въ неизбѣжности своей гибели, то рѣшились умереть, по крайней мѣрѣ, отомстивъ за себя. Они умертвили Саида и затѣмъ сами лишили себя жизни.

Преемникомъ Саида по управленію Хорасаномъ былъ Муслимъ-бинъ-Ціядъ. Онъ послѣдшилъ къ своему посту, собралъ значительное войско и пошелъ на вѣроломную Бухару. Хатунъ скоро замѣтила, что ей одной съ нимъ не справиться, предложила свою руку терхуну (обладателю) Самарганда, чтобы купить этимъ защитника для своей страны. Призванъ былъ

---

*) Рассказываютъ, что Саидъ-бинъ-Османъ влюбился въ Хатунъ, которая была знаменитой красавицей, и что даже въ позднѣйшія времена въ Бухарѣ сложились народныя пѣсни, воспѣвавшія это обстоятельство.

на помощь также могущественный повелитель турокъ Бендунъ. Такъ какъ всѣ обѣщали свою помощь, то арабы успѣли заключить миръ, на который согласилась и Хатунъ; миръ былъ уже совсѣмъ заключенъ, какъ вдругъ явился Бендунъ съ 120,000-нымъ войскомъ и склонилъ раскаявшуюся царицу къ нарушенію договора. Арабскій полководецъ былъ до крайности этимъ раздраженъ и послалъ одного изъ своихъ офицеровъ, по имени Мехлеба, къ Хатунъ напомнить ей объ обѣщанномъ повинненіи. Мехлебъ взялъ съ собою отъ каждаго знамени по человѣку и выступилъ тайно изъ лагеря съ намѣреніемъ сдѣлать ночью нападеніе на неприятельскую армію. Онъ уже достигъ берега рѣки (Церефшана); тутъ еще нѣскольکو арабовъ, полагая, что дѣло идетъ о хищническомъ набѣгѣ, побуждаемые жадностію къ добычѣ, присоединились къ его отряду, такъ что всего войска у него составилось не болѣе 900 человѣкъ. Неприятельскіе всадники скоро замѣтили ихъ и при первомъ же нападеніи перерѣзали 400 изъ нихъ. Оставшіеся скоро обратились въ бѣгство, но были нагнаны на разсвѣтъ, недалеко отъ Хотена (?). Завязалась отчаянная борьба. Мехлебъ, окруженный со всѣхъ сторонъ неприятелемъ, сильнымъ крикомъ далъ знать находившемуся недалеко арабскому лагерю объ угрожавшей ему опасности. Призывный кликъ былъ услышанъ. Муслимъ узналъ голосъ Мехлеба, однако мало обратилъ на него вниманія и только Абдулла, возгорѣвшій негодованіемъ на равнодушіе предводителя, бросился немедленно съ немногими людьми на коней, чтобы подать помощь стѣсненнымъ братьямъ. Прибытіе ихъ

оживило мужество Мехлеба и его отряда; разгорѣлась съ новою силою рѣзня, Бендунъ палъ и турки обращены были въ бѣгство съ большимъ урономъ. Побѣдителямъ досталась громадная добыча и при раздѣлѣ каждому всаднику пришлось, говорятъ, по 1000 диремъ. Послѣ этого пораженія Хатунъ склонилась на миръ и снова присягнула въ вѣрности арабамъ. Появившись въ лагерѣ, она пожелала увидать лично Абдулла, геройскія подвиги котораго приводили въ изумленіе весь міръ. Муслимъ велѣлъ его позвать. Онъ былъ одѣтъ въ голубую одежду, перепоясанъ краснымъ поясомъ и своею стройною наружностію произвелъ сильное впечатлѣніе на царицу, которая щедро одарила его.

Четвертый арабскій полководецъ, посланный въ Бухару и окончательно уже покорившій ее, былъ Кутейбе-бинъ-Муслимъ. Онъ пошелъ на Хорасанъ при калифѣ Гюшадша, покорилъ на своемъ пути провинцію Тохаристанъ и перешелъ Оксусъ въ 88 году гиджры. Бейкендъ, при извѣстіи о его приближеніи, обращенъ былъ въ сильную крѣпость и занятіе его вызвало самую ожесточенную борьбу. Арабы есаждали его пятьдесятъ дней и при этомъ потеряли большой уронъ. Такъ какъ силой ничего нельзя было сдѣлать, то прибѣгли къ хитрости. Кутейбе велѣлъ вырыть подземные ходы, крѣпость была застигнута врасплохъ и взята. Онъ даровалъ прощеніе жителямъ, заключилъ съ ними миръ и, оставивъ тамъ губернаторомъ нѣкоего Варка-бинъ-Наера, пошелъ на Бухару. Онъ былъ еще на пути, когда ему принесли извѣстіе, что бейкендцы умертвили остав-

ленного у нихъ намѣстника. Послѣдній, какъ оказалось, вызвалъ мятежъ своими позорными поступками. Кутейбе послѣшилъ тѣмъ не менѣе назадъ, напалъ на городъ, разграбилъ и опустошилъ его, и умертвилъ всѣхъ способныхъ носить оружіе.

Богатый и могущественный Бейкендъ, производившій обширную торговлю чаемъ и другими китайскими товарами, былъ совершенно разрушенъ; нѣкоторыя части его были, правда, впоследствии возобновлены, но блестящее положеніе онъ потерялъ навсегда. Разсказываютъ, что арабы при занятіи и разграбленіи этого города въ числѣ прочихъ сокровищъ нашли въ одномъ храмѣ серебрянаго идола, вѣсившаго вмѣстѣ съ одеждами 150 мискаль. Всего замѣчательнѣе были двѣ жемчужины, величиною съ голубиное яйцо, принесенныя по разсказамъ бейкендцевъ, въ храмъ какою-то птицею. Кутейбе послалъ ихъ въ подарокъ калифу Гюдшадшу, который выразилъ въ благодарственномъ письмѣ свое удивленіе какъ присланному предмету, такъ и великодушію приславшаго. Отсюда Кутейбе направился къ Вардану (теперешній Варданци), и покорилъ его со всеми принадлежавшими къ нему селеніями. Это побѣдоносное шествіе арабскаго войска напугало незначительныхъ владѣтелей этой мѣстности. Они соединились между собою и соединенными силами напали на враждебныхъ пришлецовъ. Кутейбе, какъ утверждаетъ арабскій историкъ, находился въ весьма стѣсненномъ положеніи, къ тому же у него былъ недостатокъ въ оружіи: говорятъ, что бопье покупали тогда за 50, шлемъ за 50, а панцырь за 900 диремъ. Бъ

счастію арабы успѣли обманомъ и хитростію склонить повелителя Самарканда на свою сторону, а слухи, распушенные ими, что въ Кешъ и Нахшебъ пришло новое вспомогательное войско, заставили турецкихъ предводителей отступить къ сѣверу; такимъ образомъ завоеванная провинція Транс-Оксанія осталась во власти Кутеибе.

Тугшаде и Моканна (скрытый подъ побрываломъ пророкъ Хорасана).

Тугшаде, по смерти матери сдѣлавшейся владѣтелемъ Бухары, обязанъ былъ своимъ престоломъ единственно только Кутеибу, который защитилъ его противъ могущественнаго сосѣда и врага, властителя Вардана, который неоднократно проникалъ въ Бухару, но всегда былъ отбиваемъ Кутеибомъ. Чувство признательности, говорятъ, было главною причиною того, что Тугшаде перешелъ въ исламъ и былъ большимъ ревнителемъ новаго ученія. Онъ царствовалъ 32 года, но былъ не столько самостоятельнымъ властителемъ, сколько вассаломъ Кутеиба, находившаго въ немъ сильную опору въ насильственномъ распространеніи ученія Магомета, къ которому обитатели Бухары были въ началѣ сильно не расположены.

Такъ какъ арабскіе фанатики дѣлали обращеніе въ исламъ главнымъ условіемъ подчиненія, то бухарцы всякій разъ при занятіи ихъ столицы выказывали себя наружно приверженцами ислама, но по удаленіи завоевателей сейчасъ же опять возвращались къ любимой національной религіи парсовъ. Кутеибе рѣшился

положить этому конецъ. Онъ приказалъ уступить половину домовъ во всемъ городѣ арабамъ. Новообращенные очутились вслѣдствіе этого въ непосредственномъ соприкосновеніи съ своими учителями, бывшими всегда на сторожѣ и понуждавшими ихъ къ соблюденію новаго закона. Въ 94 году гиджры Кутеибе велѣлъ построить большую мечеть, куда всѣ должны были собираться на пятничную молитву и гдѣ коранъ читался на персидскомъ языкѣ. Эта мечеть существовала еще во времена автора нашей рукописи. Онъ говоритъ, что на дверяхъ мечети вырѣзаны были фигуры (а всякія изображенія гдѣ бы то ни было, тѣмъ болѣе въ мечети, считаются, какъ извѣстно, по корану, большимъ грѣхомъ). Говорятъ, что эти двери принадлежали прежде храму огнепоклонниковъ.

Тугшаде царствовалъ 32 года. Послѣ смерти его на престолъ вступилъ сынъ его Кутеибе (названный имъ такъ по привязанности къ арабскому полководцу). Сначала онъ выказывалъ себя мусульманиномъ, но когда вскорѣ потомъ открылось, что онъ держался тайно старой религіи, то его казнили по приказанію Эбу-Мусбина, намѣстника Хорасана; на его мѣсто властителемъ Бухары сдѣланъ былъ Бинъятъ, другой сынъ Тугшада. Въ царствованіе обоихъ этихъ государей сефидшамганы или облеченные въ бѣлыя одѣянія (какъ называли послѣдователей Моканны, скрывавшагося подъ покрываломъ хорасанскаго пророка) вмѣстѣ съ новымъ ученіемъ подняли знамя бунта противъ арабскихъ завоевателей. Подобно Кутеибу (сыну Тугшада) Бинъятъ присоединился къ мятежникамъ, но былъ умерщвленъ въ 166 году гиджры по

приказанію халифа. Фамилія Тугшада удерживала за собою престоль Бухары до 301 года гиджры, когда Абу-Ишагъ, сынъ Ибрагима, сынъ Халида, сынъ Бинъята, отказался отъ своихъ правъ въ пользу эмира Измаила-Саманида.

Что касается до возмущенія сефидшамгановъ и Моканна, то оно могло бы имѣть весьма опасныя послѣдствія для ислама въ Средней Азіи, если бы тогдашніе начальники въ Бухарѣ, въ особенности же халифъ Мехди, не предприняли самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ подавленію этой новой секты. Какъ разсказывается въ рукописи, находящейся у насъ подъ руками, Моканна (покровенный пророкъ Хорасана), настоящее имя котораго было Гашимъ-бинъ-Гекимъ, родился въ деревнѣ Гере, близъ Мерва, и уже въ молодости занимался разными науками, въ особенности же волшебствомъ и тайными искусствами. Моканна, или покровенный, онъ названъ былъ потому, что покрывалъ всегда свою голову покровомъ, такъ какъ онъ, какъ извѣстно, былъ весьма безобразенъ лицомъ, объ одномъ глазѣ и къ тому же еще плѣшивъ. Уже при Эбу-Муслимѣ Гекимъ занималъ высокое положеніе въ войскѣ и такъ какъ онъ уже въ то время выступилъ въ своей роли новаго пророка, то былъ схваченъ, отправленъ въ Багдадъ и тамъ заключенъ въ темницу. Онъ бѣжалъ оттуда, возвратился въ Мервъ и, явившись въ первый разъ передъ народомъ, спросилъ: «знаете ли вы, кто я?» Ему сказали, что онъ Гашимъ-бинъ-Гекимъ, на что онъ отвѣчалъ: «вы находитесь въ заблужденіи! Я вашъ богъ и богъ всѣхъ міровъ. Я называю себя, какъ хочу. Прежде

я являлся въ этомъ мірѣ въ образѣ Адама, Ибрагима, Мусы (Моисея), Исуса, Магомета, Эбу-Муслима, а теперь являюсь въ томъ образѣ, въ которомъ вы меня видите». «Отчего это», спрашивали его, «тѣ выдавали себя только за пророковъ, а ты хочешь быть Богомъ?» «Тѣ были только чувственны», отвѣчалъ онъ, «я же весь духовенъ и всегда обладалъ силою показывать себя во всякомъ образѣ».

Онъ жилъ въ то время еще въ Мервѣ, но посланные имъ люди ходили повсюду и вербовали ему послѣдователей. Окружныя посланія Моканны начинались слѣдующимъ образомъ: «Во имя милосердаго и всеблагаго Бога, Я, Гашимъ, сынъ Гегима, владыка всѣхъ владыкъ. Да будетъ благословенъ Богъ единый, Онъ, открывавшій себя прежде въ Адамѣ, Ноѣ, Ибрагимѣ, Мусѣ, Христѣ, Магометѣ, Эбу-Муслими. Именно я, Моканна, Господь силы, и славы, и мудрости. Собирайтесь вокругъ меня и знайте, что мнѣ принадлежитъ владычество надъ міромъ, мнѣ принадлежитъ слава и всемогущество. Кромѣ меня нѣтъ Бога. Идущій со мною пойдетъ въ рай, бѣгущій отъ меня низринется во адъ».

Изъ сподвижниковъ его больше всѣхъ отличался одинъ арабъ, по имени Абдулла, совратившій весьма многихъ въ окрестностяхъ Кеша. Впослѣдствіи на его сторону перешла также значительнѣйшая часть селеній Самарканда и Бухары. Послѣдователи новой секты становились со дня на день могущественнѣе и вмѣстѣ съ числомъ ихъ возрастали какъ возмущенія и безпорядки, такъ и опасности для мусульманъ, а вмѣстѣ съ ними и обуявшій ихъ ужасъ.

Намѣстникъ Хорасана, извѣщенный объ этихъ про-
дѣлкахъ новаго учителя, хотѣлъ схватить Моканну,
но онъ укрывался довольно продолжительное время
и, какъ ни стерегли всѣ переправы черезъ Оксусъ,
ему удалось однако бѣжать въ Транс-Оксанію и здѣсь
укрыться въ сильномъ укрѣпленіи, на горѣ Самъ,
недалеко отъ города Беша (теперешняго Шери-Зебса).
Самъ халифъ, Мэхди, также испугался, узнавши обо
всемъ этомъ. Онъ послалъ сначала войско, а за тѣмъ
явился самъ лично въ Нишабуръ; дѣло было не шу-
точное: послѣдователи Моканны начинали побѣждать
и исламу грозила самая серьезная опасность. Такъ
какъ новая секта дозволяла грабежъ и убійства, то
къ возставшимъ присоединились вскорѣ многочислен-
ныя орды изъ Туркестана. Мусульмане тѣснимы были
со всѣхъ сторонъ, села ихъ подвергались разграб-
ленію, а женъ и дѣтей уводили въ плѣнъ. Въ
159 году гиджры комендантъ Бухары выступилъ
противъ нихъ съ значительными силами и нача-
лась та борьба между послѣдователями Моканны и
магометанами, которая тянулась въ этихъ мѣстно-
стяхъ цѣлые годы. Покровенный пророкъ не остав-
лялъ своего укрѣпленнаго мѣстопробыванія, а духов-
наго вліянія его было достаточно для возбужденія его
послѣдователей къ самому упорному сопротивленію.

Арабскій гарнизонъ Бухары, съ тѣми немногими,
которые остались вѣрными исламу, скоро почувство-
валъ себя слишкомъ слабымъ, чтобъ выдержать натискъ
непріятеля, далеко превосходившаго его числомъ и фа-
натизмомъ. Изъ Багдада было послано вспомогательное
войско подъ предводительствомъ Джебранль-бинъ-Яхья

и сдѣлано было прежде всего нападеніе на Наршахъ, въ окрестностяхъ Бухары, бывшій главнымъ убѣжищемъ сефидшамгановъ. Послѣ продолжительной и тщетной осады стѣна была разрушена только тѣмъ, что вдоль нея вырыли ровъ, длиною въ 50 локтей, наполнили его дровами и нефтью и зажгли, вслѣдствіе чего сгорѣли поперечныя бревна въ стѣнѣ и вся масса, лишенная всякаго скрѣпленія, скоро рухнула. Магометане ворвались въ крѣпость: многіе изъ осажденныхъ были изрублены, многіе покорились подъ условіемъ свободнаго отступленія съ оружіемъ въ рукахъ, — крѣпость была очищена; но когда сефидшамганы услышали, что предводители ихъ были умерщвлены измѣнническимъ образомъ, они схватились за оружіе, хотя были въ непріятельскомъ лагерѣ. Началась ожесточенная борьба. Арабы остались побѣдителями и частію истребили, частію обратили въ бѣгство послѣдователей Моканны. Послѣ Наршаха взятъ былъ Самаркандъ, большая часть жителей котораго были приверженцами новой секты. Осада и битвы подъ этимъ городомъ тянулись болѣе двухъ лѣтъ, потому что къ самаркандцамъ присоединилось большое число турокъ и успѣхъ долго не склонялся ни на ту, ни на другую сторону.

Самъ Моканна, мистическій пророкъ, находился постоянно, въ продолженіе этого времени, въ своемъ укрѣпленіи, окруженный сотнею красивѣйшихъ женщинъ Транс-Оксаніи. Внутренность крѣпости занята была только женами пророка, имъ самимъ и единственнымъ его нажемъ мужескаго пола — никакому другому глазу человѣческому не дозволено было про-

никать въ это святилище. Рассказываютъ, что какъ-то 50,000 его послѣдователей расположились передъ крѣпостными воротами и молили его усерднѣйшимъ образомъ явить имъ хоть одинъ только разъ свою божественную славу. Онъ отказалъ имъ и послалъ своего пажа съ такими словами: «скажи слугамъ моимъ, что и Муса (Моисей) желалъ видѣть мое божество, но не могъ вынести лучей моего сіянія, ибо сына земли мгновенно убиваетъ мой взглядъ». Восторженная толпа принялась увѣрять, что всѣ охотно готовы пожертвовать своею жизнію, лишь бы только удостоиться высокаго наслажденія его видѣть. Такъ какъ нельзя уже было болѣе отказываться, то Моканна внялъ ихъ мольбамъ и велѣлъ имъ собраться въ назначенное время передъ воротами крѣпости, обѣщая тамъ показать себя. Въ назначенный день, вечеромъ, Моканна приказалъ своимъ женамъ стать въ крѣпости всѣмъ въ одинъ рядъ, съ зеркалами въ рукахъ, такъ чтобы лучи заходящаго солнца отражались въ нихъ. Когда отворились ворота, блескъ ослѣпилъ вѣрующіихъ, съ благоговѣніемъ взиравшихъ на пророка, въ смущеніи они пали на землю, восклицая: «Боже! для насъ довольно и того, что мы видѣли, потому что если мы увидимъ болѣе, то всѣ погибнемъ». Долго они лежали ницъ, молясь ему, пока онъ наконецъ не послалъ къ нимъ своего пажа съ вѣстію: «пусть они встанутъ, Богъ доволенъ ими и даруетъ имъ блага всѣхъ міровъ».

Говорятъ, что Моканна оставался въ этой крѣпости четырнадцать лѣтъ, проводя почти все время въ пирахъ и веселіи съ своими женами.

Послѣ продолжительной осады арабскій полководецъ Саидъ-Гирси овладѣлъ, наконецъ, наружную часть крѣпости; оставалась невзятою только цитадель, лежавшая на крутой, неприступной скалѣ. Потухла звѣзда счастія Моканны, покинули его всѣ послѣдователи. Видя приближеніе неизбежной гибели и не желая отдаться живымъ въ руки враговъ, онъ рѣшился самъ погубить себя вмѣстѣ съ своими женами и сокровищами. Онъ задалъ послѣдній пиръ, всыпалъ сильную дозу яду въ вино и потребовалъ отъ женъ осушить съ нимъ чашу. Всѣ выпили кромѣ одной, которая украдкой вылила вино себѣ за платье и вполсѣдствіи, въ качествѣ очевидицы, сообщила о томъ, какъ было дѣло. По ея разсказу, Моканна, когда всѣ жены мертвыя свалились на землю, отрубилъ голову своему вѣрному пажу и совершенно нагой сжегъ себя съ своими сокровищами въ печи, которая топлена была три дня сряду. Онъ говорилъ уже прежде, что хочетъ идти на небо, чтобы призвать ангеловъ на помощь противъ вѣроломныхъ своихъ послѣдователей. «Я долго стерегла печку», разсказывала оставшаяся въ живыхъ жена его, «но онъ уже больше не выходилъ изъ нея.»

Послѣ смерти Моканны тамъ и сямъ показывалось еще нѣсколько курьезныхъ сектъ и религій, однако всѣ онѣ были подавлены все болѣе и болѣе разроставшимся могуществомъ ислама. Между Саманидами все болѣе и болѣе распространялось ученіе Магомета, а Транс-Оксанія своей ревностью къ новому ученію вскорѣ сдѣлалась знаменитою во всемъ магометанскомъ мірѣ.

XVI.

Этнографическіе очерки туранскихъ и иранскихъ племенъ Средней Азіи.

1) Восточные турки.

А) типы и нравы.

На всемъ земномъ шарѣ немного, кажется, такихъ мѣстъ, которыя представляли бы для нашихъ историческихъ изслѣдованій такое важное значеніе, какъ оазисы Средней Азіи. Въ древнія времена здѣсь обитали тѣ воинственныя орды, которыя часто наводняли и завоевывали прекраснѣйшія страны Азіи и, стремясь оттуда дикимъ потокомъ на западъ, приводили въ трепетъ даже Европу. Ни одинъ народъ не представляетъ собою для насъ въ области этнографіи такого интереса, какъ турко-татарскій народъ, являющійся на сценѣ всемірной исторіи подъ столь различными названіями и образами, и оказавшій такое могущественное вліяніе на нашу собственную исторію. И не странно ли, что именно съ этимъ народомъ мы знакомы всего менѣе! Гунны, авары,

утигуры, кутригуры, хазары и многіе другіе проходятъ передъ нашими глазами въ полумракѣ басни. Громъ оружія ихъ, раздававшійся на всемъ протяженіи отъ Яксарта до сердца Галліи и Рима, уже давно смолкъ и мы напрасно стали бы доискиваться слѣдовъ ихъ происхожденія, если бы не нашли нѣкоторыхъ точекъ опоры въ скудныхъ указаніяхъ тогдашнихъ хроникъ западныхъ странъ. Эти данныя доказываютъ намъ, что между тогдашними татарскими ордами и настоящими обитателями Средней Азіи нельзя не признать извѣстной степени аналогіи; мало того — въ описаніи ихъ образа жизни мы находимъ такъ много сходства съ нравами и физическими свойствами настоящихъ туркестанцевъ. Ту же самую жизнь, какую изображаетъ намъ Прискъ, описывая дворъ царя гунновъ, можно встрѣтить еще и теперь въ шатрѣ начальника кочевниковъ. Атиллы оригинальнѣе Чингисъ-Хана и Тимура, но, какъ историческія личности, они все-таки похожи другъ на друга. Энергія и счастливыя случайности могли бы еще и теперь легко воспроизвести на берегахъ Оксуса и Яксарта одного изъ тѣхъ героевъ, армія котораго, увлекаемая все за собою, подобно снѣжной лавинѣ, могла бы разростись до сотенъ тысячъ, и который, вѣроятно, явился бы новымъ бичемъ Божіимъ, еслибъ ему не заграждалъ дороги могущественный оплотъ нашей цивилизаціи и ея вліяніе, простирающееся далеко на востокъ.

Да, народы Средней Азіи, въ особенности кочевники, по внутреннему характеру своего быта, тѣ же самые, какими они были 2000 лѣтъ тому назадъ. Въ фізіономическихкихъ ихъ признакахъ уже произошли, конечно,

измѣненія, а смѣшеніе съ иранскою и семитическою кровію до, въ особенности же послѣ. арабскаго завоеванія приблизило тамъ и сямъ черты монгольско-калмыцкаго типа къ чертамъ кавказскаго племени. Татаринъ въ Средней Азійи уже не тотъ, какимъ изображаютъ его намъ греко-готскіе писатели, потому что даже во времена Чингисъ-Хана онъ уже вырожденъ. Интересно, поэтому, прослѣдить, какъ это измѣненіе, по мѣрѣ приближенія отъ востока къ западу, становится болѣе и болѣе замѣтнымъ на все болѣе и болѣе теряющихъ свои отличительные признаки типахъ, какъ можно объяснить такую утрату турецкаго типа отдѣльными племенами Средней Азійи и въ какой мѣрѣ эти отдѣльныя отклоненія приходили, вслѣдствіе соціальныхъ отношеній, въ соприкосновеніе съ чуждыми элементами. Это всего нагляднѣе представится намъ при обзорѣ турецкихъ народовъ Средней Азійи отъ внутренняго Китая до Каспійскаго моря: турки, обитающіе отсюда до Адриатическаго моря, или живущіе по берегамъ Дуная. суть западные турки и могутъ быть причислены къ одному семейству съ среднеазіятцами не столько по физіономическимъ признакамъ, сколько по аналогіи языка, характера и нравовъ. У первыхъ, массы которыхъ удержались болѣе сплотившимися другъ съ другомъ, можно еще ясно подмѣтить единство племени по чертамъ лица и по другимъ общимъ физическимъ признакамъ, не смотря на всѣ отрасли и семейства, на которыя среднеазіятцы сами себя строго подраздѣляютъ, и не обращающія вниманія на всѣ наши этнографическія дѣленія. Каково бы ни было наше мнѣніе о происхожденіи

турокъ, во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ то, что они находятся въ ближайшемъ родствѣ съ монголами и притомъ въ болѣе тѣсномъ, нежели какое существуетъ, напр. между индѣйцами и персами въ иранскомъ племени.

Много, безконечно много остается сдѣлать, прежде чѣмъ мы дойдемъ до уясненія себѣ взаимныхъ отношеній всего турко-татарскаго племени, простирающагося отъ Гиндукуша до береговъ Ледовитаго океана. отъ внутренности Китая до береговъ Дуная. Настоящій нашъ очеркъ не болѣе, какъ слабый опытъ; онъ заключаетъ въ себѣ воззрѣнія, приобрѣтенныя нами изъ личныхъ нашихъ наблюденій и представляетъ, быть можетъ, кое-что новаго. Мы раздѣляемъ турокъ, на известной намъ полосѣ отъ востока къ западу, на слѣдующія отрасли: на а) бурятъ—черныхъ или настоящихъ киргизовъ; б) киргизовъ—собственно кайсаковъ, в) каракалпаковъ, д) туркменовъ; е) узбековъ.

а) Буряты.

Буряты, называемые настоящими или черными киргизами, обитаютъ на восточныхъ границахъ Туркестана, а именно въ долинахъ Тяньшанскихъ горъ и въ нѣсколькихъ пунктахъ по берегу Исик-кюля вплоть до пограничныхъ городовъ Коканда. Всѣ они, какъ мнѣ рассказывали (потому что самъ я видѣлъ только немногихъ), приземисты, но сложены плотно и отличаются сильно развитыми костями и замѣчательнымъ проворствомъ,—последнему качеству приписывается и прославленная воинственность ихъ.

По своей физиономіи они только тѣмъ отличаются отъ монголовъ и калмыковъ, что лицо ихъ менѣе плоско, щеки не такъ мясисты, лобъ нѣсколько выше, прорѣзъ глазъ не столь узокъ, какъ у первыхъ. Цвѣтомъ они мало отличаются отъ сосѣднихъ племенъ кочевниковъ; но рыжіе или бѣлогурые волосы и бѣлый цвѣтъ лица (на основаніи этихъ признаковъ наши европейскіе ученые признаютъ это племя родственнымъ съ финнами и другими сѣвероалтайскими народами) встрѣчаются, говорятъ рѣдко; по крайней мѣрѣ мои кокандскіе друзья увѣрили меня, что на цѣлыя сотни приходится по одному или по два такихъ субъектовъ *).

По всѣмъ признакамъ, кипчаки, о которыхъ я упоминаю въ моемъ «Путешествіи по Средней Азій» (стр. 318), ни что иное, какъ отрасль бурятъ, поселившихся въ Кокандѣ и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ и заимствовавшихъ, какъ отъ ислама, такъ и отъ социальныхъ отношеній Туркестана болѣе, нежели прочіе буряты. Эти послѣдніе только отчасти, вслѣдствіе соприкосновенія съ калмыками и

---

*) Клапротъ въ своихъ «Tableaux historiques», и Авель Ремюза въ своихъ «Recherches sur les langues tartares» причисляютъ это племя къ индо-готеской расѣ, что въ настоящее время уже всѣми признается заблужденіемъ. Финскій ученый, Кастренъ, безъ сомнѣнія правъ, находя въ своихъ «изслѣдованіяхъ въ южной Сибири» своихъ родичей въ бѣлокуромъ турецкомъ племени; но это вовсе не буряты, и я думаю, что даже ученый В. Шоттъ, придерживающійся китайскихъ источниковъ, ошибается, давая мѣсто этому мнѣнію въ своемъ разсужденіи: «О настоящихъ киргизахъ» (Берлинъ, 1865). Мнѣ кажется, что буряты смѣшиваются съ бѣлокурими узунами, живущими сѣвернѣе и составляющими, по всей вѣроятности, остатокъ финскаго племени (сравни Митчелла «The Russians in Central Asia», стр. 64).

монголами, исповѣдуютъ исламъ, равнымъ образомъ и въ языкѣ ихъ больше монгольскихъ словъ, нежели въ нарѣчїи кипчаковъ. Отъ этого наиболѣе оригинальнаго турецкаго народа переходимъ ко второй отрасли — киргизамъ.

в) Киргизы.

У киргиза или кайсака (какъ онъ самъ называетъ себя) не встрѣчается уже монгольско-калмыцкаго типа въ такой поразительной полнотѣ его, какъ у бурята, хотя въ языкѣ и въ образѣ жизни онъ мало отличается отъ послѣдняго. По цвѣту онъ весьма схожъ со всѣми остальными обитателями среднеазїатской степи. Женщины и молодежь имѣютъ бѣлый, часто совершенно европейскій цвѣтъ кожи, который однако скоро теряется отъ постоянной жизни на открытомъ воздухѣ, на жарѣ и холодѣ. Киргизы приземисты и отличаются плотнымъ сложениемъ, сильно развитыми костями и, большею частію, короткимъ затылкомъ, составляющимъ существенное отличіе туранцевъ отъ иранцевъ, имѣющихъ вообще длинную шею; голова у нихъ не особенно велика, темя кругло, болѣе заострено, чѣмъ плоско. У нихъ менѣе суженные, но расходящїеся вкось, сверкающіе глаза, выдающїяся скулы *), ту-

*) Я уже упоминалъ о томъ, что вѣкоторые кочевники смотрѣли на отсутствіе у меня выдавшихся скулъ, какъ на порокъ, безобразившїй лицо. Это не должно насъ вовсе удивлять, и мнѣ странно кажется, что Ливингстонъ въ своемъ сочиненїи: *The Zambesi and its Tributaries* могъ утверждать, что онъ видалъ африканокъ изъ племени Маколо, которыя, стоя передъ зеркаломъ, старались стяги-

пой круглый носъ широкій плоскій лобъ и подбородокъ болѣе широкій, нежели у бурятъ. Борода у нихъ состоитъ изъ пучка на подбородкѣ и изъ немногихъ волосъ на обоихъ концахъ верхней губы; странно, что они сожалѣютъ объ этомъ недостаткѣ и отнюдь не находятъ красы въ этой физиономической особенноти, между тѣмъ какъ выдающіяся скулы, маленькія глаза и т. д. считаются у нихъ лучшими украшеніями лица. Тагъ какъ (что замѣчено было нами уже выше), отличительные признаки первобытнаго племени уже не встрѣчаются у киргизовъ тагъ опредѣленно и всецѣло, какъ у бурятъ и калмыковъ, то они видятъ идеаль красоты только въ своихъ сосѣдяхъ, съ которыми потому охотно роднятся. Левшинъ сдѣлалъ совершенно справедливое замѣчаніе, что они калмычкамъ даютъ предпочтеніе передъ своими собственными женщинами *).

Что при значительномъ разселеніи киргизовъ въ сѣверной степной странѣ Средней Азии должны встрѣчаться замѣтные между ними оттѣнки во внѣшнихъ признакахъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но легко понять, что наше раздѣленіе киргизовъ на большую, малую и среднюю орду имъ неизвѣстно. Не смотря на ихъ различныя подраздѣленія **) на отрасли, семейства и линіи, на которыя они, подобно туркменамъ, смотрятъ, какъ на рѣзкія раз-

вать свой ротъ (который въ тѣхъ мѣстахъ вообще очень великъ будто бы для того, чтобы прилатъ себѣ болѣе красоты.

*) Алексѣй Левшинъ: «Description des Kirghiz-Kasaks» (Парижъ, 1840), стр. 317.

**) Ср. соч. Левшина, гл. II, стр. 300.

граниченія, все-таки ихъ образъ жизни, нравы и обычаи соединяють ихъ въ одно однородное цѣлое. Живуть ли они на берегахъ Эмбы или Аральскаго моря, или же въ окрестностяхъ Балхаша и Алатая— въ нарѣчійхъ, на которыхъ они говорятъ, мало различія. Однѣ и тѣ же сказки и пѣсни, а также извѣстные роды національной пищи, равно какъ и національныя игры можно встрѣтить повсюду и, что особенно странно, охота къ путешествіямъ и военныя тревоги часто спланивали между собою самыя отдаленныя племена.

Въ одеждѣ киргизы отличаются отъ прочихъ кочевниковъ и осѣдлыхъ обитателей Средней Азіи преимущественно головнымъ покровомъ. Мужчины носятъ лѣтомъ войлочную шляпу, калпакъ *), а зимою подбитую мѣхомъ и обтянутую сукномъ шапку, тумакъ, которая сзади спускается на затылокъ и уши. Кроме того, они носятъ еще небольшой мѣховой колпакъ, корейшъ, который, впрочемъ, они надѣваютъ только дома. Незамужнія женщины носятъ шеёкель, отличающійся отъ подобнаго же туркменскаго головнаго убора тѣмъ, что онъ имѣетъ болѣе коническую форму и вуаль у него не спереди, а сзади и спускается до бедръ. Прическа также иная: молодыя туркменки заплетаютъ волосы въ двѣ большія косы, а киргизскія женщины въ восемь тонкихъ косъ, спускающихся по четыре по обѣ стороны груди. Замужнія женщины носятъ на головѣ летшекъ, платокъ, покрывающій го-

---

*) «Калпакомъ» называется въ Турціи и въ Венгріи высокая мѣховая шапка; съ этимъ словомъ имѣетъ родство венгерское слово kalap.

лову и затылокъ. Дома дѣвушки обвиваютъ вокругъ головы красные носовые платки, а женщины бѣлые или темные.

Верхняя одежда имѣетъ такую же нелѣпую форму, со множествомъ складокъ, какъ и вездѣ въ Средней Азiи, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь предпочитаются болѣе свѣтлые и яркіе цвѣта; въ сѣверномъ Кокандѣ молодые киргизы дѣлаютъ себѣ платье изъ невыдѣланныхъ блестящихъ кожъ рыжихъ лошадей, хвосты которыхъ спускаются внизъ съ затылка въ видѣ украшенія. Относительно обуви различіе состоитъ только въ томъ, что западные киргизы приняли болѣе русскую форму сапогъ, а восточные, напротивъ того, китайскую—именно, съ острымъ загнутымъ носкомъ и тонкимъ высокимъ каблукомъ.

Религія у нихъ почти у всѣхъ магометанская, хотя, какъ можно заключить изъ соціальныхъ отношеній, она тамъ въ весьма незавидномъ состояніи. Впрочемъ, таково положеніе ислама почти у всѣхъ кочевниковъ. До и спустя долго послѣ завоеваній арабовъ въ Средней Азiи *) киргизы исповѣдывали шаманство и не удивительно, если при тѣхъ слабыхъ корняхъ, какіе ученіе аравійскаго пророка успѣло пустить здѣсь, могло еще до сихъ поръ удержаться столь многое изъ прежней вѣры. Въ цѣломъ племени, состоящемъ изъ нѣсколькихъ сотъ кибитокъ, часто бываетъ только одинъ или два человѣка — мулла

---

*) Исламъ, по мнѣнію Фишера (*Histoire de Sibirie* стр. 86 и др.), введенъ въ половинѣ XVI в. нѣкимъ Кучумомъ. Это время можно принять для живущихъ на сѣверѣ т.-е., въ южной Сибири, но около Туркестава обращеніе въ исламъ произошло еще ранѣе.

и секретарь предводителя — могущіе прочесть кое-что изъ корана и быть провозглашателями молитвъ и наставниками въ вѣрѣ. Это большею частію плохіе ученики школъ трехъ ханствъ, которые изъ-за выгодъ принимаютъ на себя службу въ степи, такъ какъ ревность къ распространенію ученія пророка уже давно вымерла и лучшіе изъ нихъ ищутъ мѣсть въ городахъ *). Держать муллу или ахонда — своего рода мода, указывающая на извѣстную степень зажиточности. Кочевникъ, для котораго матеріальное существованіе всего дороже, считаетъ религію дѣломъ второстепеннымъ. Онъ называетъ себя магометаниномъ, но на молитву, постъ и другія религіозныя предписанія обращаетъ очень мало вниманія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что суевѣріе, свойственное дѣтскому возрасту всѣхъ народовъ, доселѣ здѣсь играетъ значительную роль. Мы не станемъ упоминать о хиромантіи, звѣздохетствѣ, заклинаніи дьявола, леченіи болѣзней дуновеніемъ и т. под. нелѣпостяхъ, которыя еще въ полномъ ходу даже въ образованныхъ магометанскихъ странахъ, напримѣръ, въ Персіи и Турціи и встрѣчаются мѣстами даже въ просвѣщенной Европѣ. Изъ киргизскихъ суевѣрій для насъ всего интереснѣе тѣ, которыя состоятъ въ связи съ прежнею религіею этихъ кочевниковъ и потому даютъ нѣкоторыя понятія о прежнихъ условіяхъ ихъ общественной жизни.

Что у киргизовъ прежде были приносимы жертвы, это доказывается существующими доселѣ гаданіями на

---

*) Левшинъ говоритъ въ своемъ сочиненіи о киргизахъ, стр. 358. то же самое.

лопаточной кости и внутренностяхъ животнаго. Первый способъ, называемый кѣце-сюеги, состоитъ въ томъ, что очищенную лопатку только что убитой овцы кладутъ въ огонь и держатъ ее тамъ до тѣхъ поръ пока она совершенно не перегоритъ и не превратится въ уголь. Затѣмъ ее вынимаютъ изъ огня и осторожно кладутъ на землю; тогда одинъ изъ сѣдобородыхъ мудрецовъ, какими обыкновенно считаютъ здѣсь бакшей или шарлатановъ (Камъ), серьезно и съ важною миною начинаетъ разсматривать трещины обуглившейся кости *). Если три главные трещины идутъ параллельно къ широкому концу кости, то это означаетъ счастье, а въ противоположномъ случаѣ несчастье. Последнее, конечно, случается рѣдко, но это нисколько и не удивительно, ибо если въ Дельфахъ водили за носъ цивилизованныхъ грековъ, то почему не быть тому же въ киргизской степи? Дѣлать предсказанія по положенію и сплетенію кишокъ — наука еще болѣе мудреная и въ ней особенно отличаются калмыки. Странно при этомъ то, что къ этому способу предсказаній прибѣгаютъ только тогда, когда хотятъ узнать полъ имѣющаго родиться ребенка.

Огонь также, должно-быть, пользовался уваженіемъ, ибо и теперь въ него во первыхъ нельзя плевать, а во вторыхъ празднества и пляски вокругъ огня составляютъ обычай, существующій еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ Азии, Африки и Европы, а въ

---

*) Д-ръ А. Бастианъ встрѣтилъ гаданье по лопаточной кости и у бурятъ, которые исповѣдуютъ шаманство; это гаданье и у киргизовъ должно считать остаткомъ той же религіи.

степяхъ Хивы и Кобанда даже сильно распространенный. Задувать огонь считается весьма неприличнымъ, какъ у киргизовъ, такъ и у остальныхъ среднеазіатцевъ. Наконецъ по цвѣту пламени горящаго маела, сала и т. под. дѣлается также весьма много предсказаній.

Суевѣріе, особенно развитое между женщинами, по истинѣ стѣитъ самага серьезнаго изученія. Оно охватываетъ собою, какъ четырехлѣтнюю дѣвочку, такъ и старую женщину, прожившую цѣлую жизнь въ степи и развившую всѣ свои духовныя способности единственно въ этомъ направленіи. Каждая отдѣльная часть палатки, каждая домашняя утварь связаны съ суевѣріемъ; суевѣрные обряды строго соблюдаются, и при раскидываньи палатки, и при доеньѣ скота и варкѣ пици, при пряденіи и тканьѣ, и даже гораздо строже, чѣмъ законы ислама, не очень то-приходящіеся по сердцу среднеазіатцу. Самый любимый способъ гаданія — это гаданіе на только-что выпряденной пряжѣ. Кладутся четыре камня—два бѣлыхъ и два черныхъ; между ними за одинъ конецъ укрѣпляется нитка, которую за другой конецъ вытягиваютъ вверху и потомъ разомъ бросаютъ. Если нитка упадетъ на черные камни, то это означаетъ несчастье, а если на бѣлые—счастье. Вліяніе руки, натягивающей нитку во вниманіе не принимается, ибо оракулъ долженъ быть непогрѣшимымъ. Это гаданье называется *иигъ-иипъ* (веретенная пряжа) и въ большомъ ходу во всей Средней Азійи.

Изъ собственно киргизскихъ кушаній мы назовемъ: 1) сюрю, состоящее изъ копченаго мяса (копины или баранины), разрѣзаннаго на мелкіе куски

и обжареннаго въ салѣ, и 2) бѣдже — обыкновенная пшеница, сваренная въ водѣ и употребляемая въ пищу съ кислымъ молокомъ. Достоинство перваго кушанья заключается въ томъ, что его можно носить при себѣ по цѣлымъ недѣлямъ и оно не подвергается порчѣ.

Національною игрою киргизовъ можно считать тат-джакъ-гизими (тиски), которая состоитъ въ прыганьѣ черезъ веревку. Удачный прыжокъ встрѣчается рукоплесканіями, а неловкаго сажаютъ между двумя скамьями и, издѣваясь надъ нимъ, порядочно сжимаютъ. Сюда же относится игра эжекджаири (раненая ослиная спина), которая состоитъ въ прыганіи съ разбѣга черезъ трехъ или четырехъ человѣкъ.

с) Каракалпаки

составляютъ третью отрасль монгольско-турской расы и существенно разнятся отъ киргизовъ, хотя и сходны съ ними по языку и нравамъ. Своимъ высокимъ ростомъ и здоровою фигурою каракалпаки отличаются отъ всѣхъ прочихъ племенъ Средней Азии. Ихъ непропорціонально большія головы съ плоскимъ, полнымъ лицомъ, большими глазами, тупымъ носомъ, нѣсколько выдающимися скулами, плоскимъ мало заостреннымъ подбородкомъ, ихъ безобразно длинныя, широкія руки — все это вмѣстѣ вполне гармонируетъ со всею ихъ вообще неуклюжею фигурою; и насмѣшка сосѣднихъ народовъ

«Karakalpak,
İizi jalpak,
Üzi jalpak.»

(у каракалпака плоское лицо и весь онъ плоскій)

придумана не безъ основанія. По цвѣту лица они подходятъ болѣе къ узбекамъ; въ особенности ихъ женщины долго сохраняютъ свой бѣлый цвѣтъ лица и производятъ довольно пріятное впечатлѣніе своими большими глазами, полнымъ лицомъ и черными волосами. Въ Средней Азійи онѣ славятся своею красотою. Мущины имѣютъ довольно густую, но короткую бороду. Каракалпаки, иногда неосновательно причисляемые къ киргизамъ, теперь встрѣчаются только въ Хивѣ, куда они переселились въ началѣ текущаго столѣтія. Мулла изъ этого племени рассказывалъ мнѣ, что они прежде жили по берегу Яксарта и около его устья, тогда какъ другая часть ихъ обитала по сосѣдству съ калмыками (вѣроятно въ Семипалатинской области). Первая часть этого сказанія по видимому довольно правдоподобна, потому что Левшинъ (вышеупомянутое сочиненіе, стр. 114), говоря о развалинахъ Джемкенда, замѣчаетъ, что тамъ еще въ прошломъ столѣтіи жили каракалпаки. Судя по всему, они уже давно отдѣлились отъ киргизовъ, къ которымъ они всего ближе, и теперь составляютъ переходную ступень отъ киргизовъ къ узбекамъ.

По своей одеждѣ они опять скорѣе подходятъ къ узбекамъ, чѣмъ къ киргизамъ. Мущины носятъ большія телпеки (мѣховыя шапки), которыя сидятъ глубоко на затылкѣ и покрываютъ уши и лобъ; женщины носятъ воротники, похожіе на плащи, и особенно любятъ красные и зеленые сапоги. Палатка у каракалпаковъ гораздо больше и построена бываетъ прочнѣе, чѣмъ у прочихъ кочевниковъ; охраняет-

ся она собаками очень крупной породы, встрѣчаемой единственно только у этого племени. Жилища ихъ вообще отличаются отъ жилищъ прочихъ кочевниковъ неопрятностію, пища и одежда ихъ также обнаруживаютъ небрежность, навлекающую на нихъ насмѣшки и отвращеніе сосѣдей.

Къ національнымъ кушаньямъ, между прочими, принадлежатъ: торама, состоящее изъ мелко изрубленнаго мяса, свареннаго вмѣстѣ съ большимъ количествомъ лука (растенія весьма ими любимаго) и муки; казанджаппай, хлѣбъ, который пекутъ на сковородѣ въ салѣ и считающійся лакомствомъ; баурзакъ—мучное кушанье, состоящее изъ четырехъ угольныхъ кусочковъ тѣста, начиненныхъ мясомъ.

Любимыя ихъ игры: кумалакъ, похожая на европейскую игру въ мельницу, въ которую играютъ съ высушеннымъ овечьимъ каломъ. Многіе любятъ также азартную игру ашикъ.

д) Туркмены,

которыхъ я считаю четвертою отраслью монгольско-турской расы въ ея распространеніи на западъ, соединяють въ себѣ многія характеристическія особенности, какъ киргизовъ, такъ и каракалпаковъ. Чисто туркменскій типъ, который можно найти у тегке, чаудоровъ и у живущихъ въ глубинѣ степи іомутовъ, отличается среднимъ ростомъ, сравнительно небольшою головою, продолговатымъ черепомъ (это надобно приписать тому, что ихъ въ дѣтствѣ кладутъ не въ колыбель, а въ качалку, сдѣланную изъ холстины), мало выдающимися скулами, нѣ-

сколько тунымъ носомъ, продолговатымъ подбородкомъ, вогнутыми внутрь ногами (вѣроятно вслѣдствіе частой верховой ѣзды) и въ особенности блестящими живыми глазами. Бѣлогурый цвѣтъ волосъ можно назвать преобладающимъ и есть даже цѣлыя племена, какъ, на примѣръ, племя кельте гѣргень-іомутовъ, которыя имѣютъ совершенно свѣтлорусые волосы. На окраинѣ пустыни, особенно же на персидской границѣ, эти главные черты, вслѣдствіе частаго смѣшенія съ иранскою кровью, оказываются уже совсѣмъ изгладившимися. Такъ, встрѣчается много мужчинъ съ густою черною бородою и часто безъ малѣйшаго слѣда монгольско-турецкаго типа. Гѣклены, на примѣръ, уже совсѣмъ похожи на персовъ, за исключеніемъ только формы глазъ. Замѣтные слѣды хищническаго образа жизни сохранились только главнымъ образомъ у пограничныхъ жителей, а живущіе внутри пустыни и занимающіеся скотоводствомъ сохранили болѣе признаки чисто туркменскаго типа. Кочевники всегда вообще живѣе и проворнѣе въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ ихъ осѣдлые соплеменники, что разумѣется должно приписать вѣчному ихъ кочеванію и жизни, исполненной всевозможныхъ приключеній; туркмены же превосходятъ этими свойствами всѣ прочія племена Средней Азіи, и ихъ худощавое тѣло, закаленное лишеніями, можетъ вынести даже болше, чѣмъ организмъ арабовъ.

Вообще туркмены, не смотря на отпечатокъ семейнаго единства, представляютъ странную смѣсь нравовъ и обычаевъ, встрѣчающихся или только мѣстами у сосѣднихъ кочевниковъ и узбековъ, или же

только у нихъ однихъ. Между тѣмъ какъ ихъ языкъ во многомъ походить на азербиджанское нарѣчіе, ихъ обычай носятъ чисто турецко-татарскій характеръ и какъ въ своемъ общественномъ быту, такъ и въ своей боевой жизни, въ своихъ домашнихъ и религиозныхъ обычаяхъ, они имѣютъ болѣе общаго съ кипчаками (отраслью бурятъ), чѣмъ съ киргизами, каракалпаками и узбеками, съ которыми они уже нѣсколько столѣтій находятся въ постоянномъ соприкосновеніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они весьма рано отдѣлились отъ массы турецко-татарскихъ народовъ. По ихъ собственному увѣренію, они двигались отъ востока къ сѣверо-западу, именно къ южной границѣ прежней золотой орды, а оттуда къ югу. Это увѣреніе представляетъ большую степень вѣроятности: доказательствомъ тому могутъ служить отдѣльныя бучки туркменъ, оставшіяся на этомъ пути и находящіяся тамъ и до сихъ поръ. Таковыми должно считать и туркменовъ на сѣверѣ Керминега и Самарканда, которые среди родственныхъ элементовъ остались все-таки вѣрными своей національности.

О выселеніи изъ Мангишлака, этого безспорно древнѣйшаго мѣстопробыванія туркменовъ, сами жители центральной Азіи говорятъ, что оно совершалось въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ. Древнѣйшими обитателями теперешней ихъ отчины называютъ саларовъ и сариковъ; за ними поселились тамъ іомуты, которые, впрочемъ, еще до періода Сефевидовъ потянулись съ сѣвера къ югу вдоль берега Каспійскаго моря. Текке, какъ гласитъ преданіе, только во время Тимура переселились въ небольшомъ числѣ въ Ахаль

и парализовали тамъ силу салоровъ. Эрсары переселились изъ Мангишлака на берега Оксуса въ концѣ прошлаго столѣтія и наконецъ чаудоры только въ недавнее время прогнаны Мехмедъ-Эминъ-ханомъ (хивинскимъ) съ побережьевъ Аральскаго и Каспійскаго морей, черезъ Оксусъ, но многіе изъ ихъ единоплеменниковъ и доселѣ находятся на прежнихъ мѣстахъ.

Такъ какъ все вниманіе туркменовъ обращено на ихъ главное занятіе—хищническіе набѣги, то совершенно естественно, что многіе ихъ обычаи соотвѣтствуютъ этому занятію. Ихъ одежда, хотя первоначально заимствованная изъ Хивы, дѣлается короче и уже, чтобы удобнѣе можно было сидѣть на лошади; тяжелая мѣховая шапка замѣняется маленькою. Штаны у нихъ весьма широки и напоминаютъ національный костюмъ венгерскихъ крестьянъ. Особенность ихъ составляютъ локоны, спускающіеся у молодыхъ людей изъ-за ушей гораздо ниже плечъ. Ихъ начинаютъ отпускать еще съ дѣтскаго возраста; въ первый годъ послѣ брака ихъ носятъ спрятанными подъ шапкою и только по истеченіи перваго года обрѣзываютъ. Эта куафюра придаетъ молодому всаднику красивый видъ и онъ не мало гордится этимъ.

Костюмъ женщинъ имѣетъ также нѣкоторыя особенности, какъ, примѣръ, верхнее платье съ длинными рукавами, свѣшивающееся подобно венгерской бурткѣ, головной уборъ и массивныя серебряныя украшенія, какъ-то: браслеты, ожерелья, амулеты и т. под. Между женщинами нерѣдко можно встрѣтить

совершенныхъ красавицъ, не уступающихъ въ стройности и правильности чертъ грузинкамъ. Хотя дѣвушки вообще у всѣхъ кочевниковъ довольно искусно ѣздятъ верхомъ, но молодыя туркменки превосходятъ всѣхъ другихъ въ этомъ искусствѣ.

Относительно своей магометанской религіозной ревности и наклонности къ старымъ суевѣріямъ туркмены походятъ на киргизовъ, а такъ какъ читавшіе мое «Путешествіе по Средней Азіи» уже знакомы съ ними, то мы и перейдемъ теперь къ узбекамъ.

е) Узбеки,

которыхъ можно считать осѣдлыми и цивилизованными обитателями Средней Азіи, представляютъ, только слабые слѣды монгольско-турецкой расы вслѣдствіе сильнаго своего смѣшенія съ древне-персидскими элементами тѣхъ мѣстностей и вслѣдствіе значительнаго привоза туда невольниковъ изъ теперешняго Ирана. Въ ихъ широкомъ лицѣ о татарскомъ происхожденіи напоминаетъ только строеніе лба, острый уголь, образуемый висками и въ особенности глаза. Тадзики всегда называютъ узбековъ въ насмѣшку іогумъ-келле, т.-е. толстоголовыми — и дѣйствительно эта часть тѣла у нихъ шире, толще и неуклюжѣе, чѣмъ у другихъ туранскихъ соплеменниковъ ихъ. При всей разницѣ, которая замѣчается между узбеками, жителями трехъ ханствъ и китайской татаріи, всетаки видно, что обитатели деревень вообще представляютъ болѣе признаковъ національнаго типа, чѣмъ жители городовъ, такъ, напримѣръ, хивинскихъ узбековъ всегда можно отличить по широкому,

полному лицу, низкому, плоскому лбу и большому рту; бухарскихъ—по болѣе выгнутому лбу, болѣе овальному лицу и заостренному, продолговатому подбородку и по преобладанію черныхъ волосъ и глазъ; наконецъ коканскихъ узбековъ—по ихъ бросающемуся въ глаза сходству съ киргизами.

Въ цвѣтѣ кожи есть также своего рода оттѣнки. Въ окрестностяхъ Кашгара и Аксу преобладающій цвѣтъ—желто-смуглый, доходящій до черноватаго, въ Кобандѣ—смуглый, въ Хивѣ—бѣлый. Узбеки представляютъ въ той же мѣрѣ помѣсь туранской расы, въ какой таджики и сарты (первоначальные обитатели древней Транс-Оксаніи, Согдіаны и Ферганы) считаются помѣсью иранской породы *). О происхожденіи, переселеніи и разселеніи узбековъ мы имѣемъ немного свѣдѣній и притомъ въ высшей степени запутанныхъ. Между тѣмъ, какъ одни утверждаютъ, что узбекъ было имя одного изъ знаменитѣйшихъ ихъ князей, управлявшаго всею степью во время Чингисъ-Хана; другіе, обращаясь къ этимологическому значенію слова узбекъ (собственный принцъ, вождь) **), видятъ въ немъ самостоятельность, которою отличалось это племя, отложившееся отъ какого-нибудь влстителя (?) и само по себѣ предпринявшее завое-

---

*) Гиббонъ («Roman Empire, ed. by Dr. W. Smith» Лондонъ 1862, стр. 296) справедливо замѣчаетъ: «The uzbegs are the most altered from their primitive manners: 1) by the proffession of the Mohametan religion and 2) by the processions of cities and harvests of the Great Bucharia»

***) Мнѣніе Абулгари, что первые узбеки были люди изъ народа джуджи, назвавшіеся такъ по припятіи ислама, кажется совершенно ошибочнымъ.

вательное шествіе къ западу. На сценѣ среднезіятскихъ событій это имя выступаетъ на передній планъ вмѣстѣ съ домомъ Шейбани *), именно съ его основателемъ, Эбуль-Хеиръ-ханомъ, ибо хотя Тимуръ и принадлежалъ къ этому же племени, но при немъ болѣе возвысились турки, чѣмъ узбеки.

Если я не ошибаюсь, племя теперешнихъ узбековъ во время своего поселенія было весьма малочисленно и возросло только тогда, когда воплотило въ себя племена другихъ кочевниковъ, тянувшихся съ сѣвера къ югу. Это мнѣніе хотя и смѣло, но его нѣсколько оправдываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) уже упомянутая выше разница между туркестанскими узбеками, отъ Комула до Аральскаго моря, и нѣкоторое сходство ихъ съ живущими по сосѣдству кочевниками, которые въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ поселились въ городахъ и слились съ узбеками; 2) многія имена родовъ и фамилій узбековъ общи и другимъ племенамъ Средней Азіи. Такъ, напримеръ, названія племенъ: кунгратъ, кипчакъ, найманъ, таць, ганджигали, канли, джелайръ, въ которыхъ принадлежатъ всѣ 32 главные подраздѣленія узбековъ, встрѣчаются также у киргизовъ, а инныя даже у туркменовъ и баракалпаковъ, чего при той важности, какую придаютъ кочевники своимъ родовымъ назва-

---

*) Шейхъ-Худададъ, ученый и аскетъ, жившій во время возникновенія дома Шейбани, говоритъ одному приверженцу послѣднихъ: «Sana oezbegin mi kirek?» (долженъ ли ты имѣть узбека, собственнаго вождя?) вмѣсто Тимурида Бабера, который слѣдовательно не былъ узбекомъ: (Tarichi-seid-Rakim рукопись, привезенная мною изъ Бухары).

ніямъ, конечно не было бы, если бы ранѣе не существовало между ними какой-нибудь связи.

О времени поселенія узбековъ намъ извѣстно столь же мало, сколько и о происхожденіи ихъ. Хотя и справедливо мнѣніе персидскихъ историковъ, что могущество узбековъ возникло только на развалинахъ могущества тимуридовъ, но дѣла это нисколько не уясняетъ, ибо изъ этого видно только, когда имя ихъ выступило впервые на передній планъ, а кто можетъ намъ сказать, къ какому племени относило себя то турецкое населеніе, которое осѣлось въ трехъ ханствахъ за-долго до Тимура и Чингисъ-Хана, въ періодъ Харезмійцевъ (князей, то есть Шахихарезміанъ), — стало быть уже въ 13 вѣкѣ? Въ Хивѣ я часто слыхалъ, что блестящій періодъ древняго Юргенджа, а именно до вторженія монголовъ, считаютъ періодомъ узбекскимъ. Было ли это просто національнымъ тщеславіемъ, или же дѣйствительно тогдашніе турки въ Хивѣ назывались узбеками? Турки уже во время арабскаго завоеванія, какъ видно изъ древнѣйшей исторіи Бухары, жили (во времена Саманидовъ) хотя и не въ срединѣ Персіи, но вѣрно по близости древнеперсидскихъ городовъ, и было бы весьма интересно узнать, къ какому принадлежали они племени.

Въ обычаи узбековъ вошло также много чуждаго, особенно вслѣдствіе вліянія ислама и кочеваго образа жизни, но далеко однакоже не такъ много, какъ у западныхъ турокъ, которые, подъ вліяніемъ чуждыхъ, усвоенныхъ ими элементовъ, совершенно утратили свою національность. Узбеки благочестивые

и даже, можно сказать, ревностные мусульмане. Наблонность къ аскетической жизни, исключая Кашмира, нигдѣ не развилась въ такой степени, какъ у нихъ; третья часть городскихъ жителей—или ишаны, или халфы, или софи, или кандидаты на эти священные титулы, и однагожь ученіе Магомета, сравнительно, очень мало имѣло вліянія на тамошніе нравы. Въ Хивѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ китайской Татаріи жители остались болѣе другихъ вѣрны своимъ старымъ кочевническимъ обычаямъ. У нихъ есть постройки, но только для конюшенъ и амбаровъ; для жилья же всѣ предпочитаютъ раскинутую на дворѣ палатку. Истый узбекъ смѣется надъ постройкою прочныхъ жилищъ, какъ надъ обычаемъ, существующимъ только у сартовъ (первобытныхъ жителей Персіи). На счетъ послѣднихъ тамъ даже сложилась пословица: «Sart bajsar tam salar» (когда сартъ богатѣетъ, онъ тотчасъ строить себѣ домъ), узбекъ же предпочитаетъ въ этомъ случаѣ пріобрѣсти себѣ лошадей или оружіе. Точно также въ пищѣ и въ одеждѣ, исключая главныхъ городовъ, весьма мало замѣтно улучшеній. Тогда какъ въ городахъ гаремная жизнь во всей силѣ, — внѣ городовъ всѣ женщины ходятъ съ непокрытымъ лицомъ и, къ величайшей досадѣ муллъ, долго не поддаются противуестественнымъ стѣсненіямъ. Церемоніи при похоронахъ, свадьбахъ, роинахъ заключаютъ въ себѣ много такого, что не только чуждо исламу, но и положительно запрещено имъ, и эти уклоненія составляютъ рѣзкій контрастъ съ чрезмѣрно развитыми религіозными наклонностями болѣе части остальныхъ среднеазиатцевъ. Не менѣе

заслуживаетъ нашего вниманія и то, что узбеки до сихъ поръ твердо сохраняютъ воинственный свой характеръ, чѣмъ отличаются отъ прочихъ осѣдлыхъ народностей средней и западной Азии. Земледѣліе и прочныя жилища обыкновенно располагаютъ къ мирной жизни, но только не узбековъ, которые своею храбростью превосходятъ даже всѣхъ прочихъ кочевниковъ.

Б) ХАРАКТЕРИСТИКА.

Какъ ни велико пространство, на которомъ раскинулись различныя отрасли турецкаго племени, какъ ни разнообразно дѣйствовало всегда на ихъ соціальныя условія вліяніе чуждыхъ элементовъ, однако, не смотря на все это, у нихъ нельзя не видѣть общихъ чертъ характера, въ которыхъ замѣчается болѣе слѣдовъ сходства, чѣмъ въ чертахъ лица и другихъ физическихъ признакахъ.

Турокъ вообще тяжелъ и неповоротливъ, какъ умственно, такъ и физически, а потому твердъ и настойчивъ въ своихъ рѣшеніяхъ, но не по принципу жизненной философіи, а по апатіи и открытому отвращенію ко всему, что выводитъ его изъ разъ принятаго имъ положенія. Это—то собственно и придаетъ ему тотъ серьезный и торжественный видъ, который такъ часто восхваляется европейскими путешественниками. Подобно тому, какъ на берегу Босфора османли по цѣлымъ часамъ можетъ наслаждаться кейфованіемъ, вперивъ взоры въ лазурное небо и дѣлая при этомъ одно только движеніе, т.-е. пуская изъ своей трубки синіе клубы дыма къ еще болѣе синему небу, — такъ

точно можно видѣть узбека или киргиза неподвижно сидящимъ по цѣлымъ часамъ въ узкой палаткѣ или въ необозримо широкой пустынѣ: въ первомъ случаѣ его взоръ блуждаетъ по видѣннымъ уже тысячу разъ краскамъ войлочныхъ покрывалъ или ковровъ; въ послѣднемъ его восхищаетъ волнообразная поверхность летучаго песка. Османли сожалѣеть о всякомъ, кто ходитъ живо и бодро, быстро говорить или, пожалуй, еще размахиваетъ руками, какъ о полусумасшедшемъ или несчастномъ — узбекъ, въ свою очередь, считаетъ въ высшей степени неприличнымъ всякое быстрое движеніе рукъ и ногъ. Когда я разъ убѣждалъ одного моего спутника татарина отскочить въ сторону, чтобы спастись отъ падавшихъ тюковъ съ товарами, онъ, обиженный, закричалъ мнѣ: «Развѣ я женщина, чтобы позорить себя прыжками или пляскою?»

Вмѣстѣ съ этою глубокою серьезностію и холоднымъ, какъ мраморъ, выраженіемъ лица, мы всюду находимъ у турокъ сильную склонность къ тщеславію и похвальбѣ, но они никогда не доходятъ до хвастовства или фанфаронства персовъ. Въ Константинополѣ часто слышишь пословицу: «разсудительность свойственна Европѣ, богатство—Индіи, а роскошь—оттоманамъ.» Торжественные поѣзды (алай) султана и вельможъ извѣстны на востокѣ и западѣ, но ту величественность, которую всѣ обыкновенно стараются напускать на себя въ такихъ случаяхъ, вы нигдѣ не встрѣтите въ такой полнотѣ, какъ только у племенъ, обитающихъ въ Средней Азіи. Узбекъ или туремень, сидитъ ли онъ на лошади, или въ палаткѣ во главѣ своего семейства, принимаетъ ту же гордую

осанку, въ немъ проглядываетъ то же сознаніе своего величія и могущества. Онъ твердо убѣжденъ, что онъ рожденъ для господства, а сосѣдніе народы—для повиновенія, точно также, какъ османли думаетъ о болгарахъ, армянахъ, курдахъ и арабахъ. Его любовь къ независимости безгранична и составляетъ главную причину того, что онъ не можетъ долго оставаться подъ властью даже очень любимаго вождя и скорѣе будетъ самостоятельно начальствовать надъ 10-ю или 20-ю бѣдными хищниками или искателями приключеній, чѣмъ станетъ во главѣ хорошо снаряженнаго отряда, который, кромѣ него, имѣетъ еще другаго высшаго начальника. Дикая, необузданная гордость, высокое аристократическое чувство турко-татаръ во всѣ времена, во всѣхъ отношеніяхъ должно было глубоко оскорблять всѣхъ, кто почему либо приходилъ съ ними въ сопряженіе. Поведеніе османли въ отношеніяхъ съ его подчиненными, прежними обладателями Турціи, находить себѣ вѣрное изображеніе въ образѣ дѣйствій узбековъ по отношенію къ таджикамъ, прежнимъ владыкамъ Туркестана. Тадшикъ сдѣлалось выраженіемъ насмѣшки или состраданія, и узбекскій дворъ Бухары, хотя и пользующійся религіознымъ почтеніемъ, подвергается насмѣшкамъ, какъ таджикъ вслѣдствіе преобладанія въ немъ иранскаго духа.

Съ этою чертой характера совершенно гармонируетъ также любовь турокъ къ покою и праздности, ибо хотя прилежанія и дѣятельности, по нашимъ европейскимъ понятіямъ, нельзя нигдѣ встрѣтить въ Азіи, но ни у иранскихъ, ни у семитическихъ народовъ трудъ не находится въ такомъ пренебреженіи, какъ

у турокъ, которые считаютъ достойнымъ мужчины только охоту и войну: земледѣліемъ они занимаются лишь по принужденію, а все остальное считаютъ для себя постыднымъ. Поэтому Турція никогда и не отличалась особеннымъ благосостояніемъ. Тамошній крестьянинъ былъ всегда лѣнивъ и безпечень, число ремесленниковъ всегда ограничено, а классъ чиновниковъ богатѣлъ только тогда, когда орды янычаръ возвращались домой изъ своихъ разбойничьихъ набѣговъ, нагруженные сокровищами. Поэтому въ Средней Азій земледѣліе находится исключительно въ рукахъ персидскихъ рабовъ, торговлю и ремеслами занимаются таджики, индусы и евреи: даже узбеки, которые сдѣлались осѣдлыми уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, — и тѣ постоянно только думаютъ о хищничествѣ и войнѣ и если не находятъ какого нибудь чужеземнаго врага, то заводятъ кровопролитныя войны между собою.

Въ отношеніи умственныхъ способностей я замѣтилъ, что турки вездѣ далеко уступаютъ другимъ азійтскимъ народностямъ, въ особенности иранскимъ и семитическимъ, и что они вслѣдствіе умственной своей ограниченности теряютъ тѣ выгоды, которыя могли бы имъ доставить другія ихъ достоинства. Это слабоуміе обозначается словомъ тюрклюкъ (туречество), синонимами котораго служатъ слова кабаликъ (грубость) и іогунлюкъ (толстота). Подъ словомъ тюрклюкъ разумѣютъ также неловкость и грубость манеръ. Всѣ эти названія, иногда замѣняемая изъ учтивости словомъ саделикъ (простота), прилагаются въ имени турокъ, какъ ругательные эпитеты. Какъ

турка (османли) перехитряютъ армяне, греки и арабы, такъ узбека перехитряетъ ловкій, увертливый тадшикъ и столь же хитрый, какъ и корыстолюбивый индусъ. Трудно рѣшить, слѣдуетъ ли приписать это національному недостатку или крайней безпечности, но въ высшей степени замѣчательно, что турокъ, какъ на далекомъ востокъ, такъ и въ сосѣдствѣ съ цивилизованнымъ западомъ, не любитъ мыслить и что его сужденія нигдѣ не считаются проявленіями особенно блестящаго ума.

Но въ то же время недостатокъ этотъ, съ другой стороны, ведетъ къ тому, что у турокъ вы встрѣтите болѣе честности, откровенности и правдивости, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ Азіи. Тюркюкъ, подъ которымъ чужестранцы разумѣютъ вышеупомянутые недостатки, служитъ у самихъ турокъ чисто для обозначенія простоты и прямодушія. Темныя и свѣтлыя стороны слова «тюркюкъ» замѣчены уже съ древнихъ временъ и объ нихъ не мало было говорено при проведеніи параллели между характеромъ турокъ и другихъ націй, преимущественно персовъ. Послѣднихъ часто хвалятъ за ихъ остроуміе и изящныя манеры, но тотъ, кто ищетъ вѣрнаго служителя, преданную армію, или надежнаго человѣка всегда отдастъ предпочтеніе туркамъ. Поэтому мы видимъ, что уже въ древнѣйшія времена иностранные властители часто пользовались турецкимъ войскомъ, призывали его въ свои государства и давали вождямъ его высшія должности, а такъ какъ храбрость, настойчивость и властолюбіе все-таки свойственны болѣе имъ, нежели другимъ

народамъ Азіи, то легко объяснить, почему они изъ наемниковъ скоро дѣлались повелителями и подчинили своей власти многіе другіе народы иранскаго и семитическаго происхожденія, начиная отъ своей первоначальной родины до Адриатики, и владычествуютъ надъ многими изъ нихъ до сихъ поръ. По моему мнѣнію, турецкія династіи удержались на чужеземныхъ престолахъ не столько вслѣдствіе физическаго своего превосходства, сколько благодаря преимуществамъ ихъ народнаго характера. Они грубы и дики, но рѣдко бываютъ свирѣпы и злы; они, правда, обогащаются на счетъ своихъ подданныхъ, но снова великодушно дѣлятъ между ними собранныя сокровища: они строги къ своимъ подчиненнымъ, но рѣдко забываютъ и обязанности, лежащія на нихъ, какъ на патриархальныхъ главахъ, въ отношеніи къ ихъ подданнымъ. Однимъ словомъ, во всемъ образѣ дѣйствій турокъ замѣчается какое-то добродушіе, которое, можетъ быть, должно приписать скорѣе ихъ безопасности и *laissez-aller*, чѣмъ ясно сознанному намѣренію дѣлать добро, но которое, изъ какого бы источника оно ни происходило, все-таки дѣйствуетъ, какъ добродѣтель.

Въ заключеніе упомянемъ еще о гостепримствѣ, которое у турокъ развито болѣе, чѣмъ у иранскихъ и семитическихъ народовъ и притомъ по весьма простой причинѣ. Гостепримство, какъ извѣстно, уменьшается по мѣрѣ того, какъ народъ переходитъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой, и какъ въ этой добродѣтели Азія вообще превосходитъ Европу, такъ точно и турки, какъ коренные кочевники, гостеприм-

нѣе прочихъ азiятцевъ, которые, ранѣе ихъ сдѣлавшись осѣдлыми, уже давно пользуются плодами древней цивилизаціи.

Замѣтка моя ничто иное, какъ слабая попытка представить общую характеристику турокъ. Что касается оттѣнковъ между различными племенами, то мы находимъ, что буряты болѣе дики и грубы, чѣмъ остальные кочевники, ихъ соплеменники *). Они болѣе суевѣрны, но за то менѣе коварны, чѣмъ, напримѣръ, киргизы и туркмены, потому что, не отрѣшившись вполне отъ шаманства, они еще мало знакомы съ исламомъ, а всѣмъ извѣстно, что чѣмъ слабѣе понятія кочеваго народа о религіи, тѣмъ менѣе въ немъ нравственныхъ недостатковъ и тѣмъ гостепріимнѣе онъ по отношенію къ чужестранцамъ. Киргизы, напротивъ, въ сущности гораздо менѣе воинственны, хотя легко рѣшаются на баранту (хищническій набѣгъ). Они составляютъ главное ядро турецкихъ кочевниковъ, всѣхъ болѣе склонны къ кочевой жизни и въ то время, какъ туркмены во многихъ мѣстахъ находятся уже въ полусѣдломъ состояніи, какъ, напр., по лѣвому берегу Оксуса отъ Белха до Чардшуя и въ Хивѣ, — у киргизовъ доселѣ можно указать еще весьма немного примѣровъ подобнаго образа жизни. Покорить ихъ легче, чѣмъ другихъ кочевниковъ, потому что они, какъ уже сказано выше, миролюбивы и не такъ храбры, но ихъ колонизированіе, кажется, почти невозможно; по крайней мѣрѣ Россіи оно будетъ

---

*) Это подтверждаетъ и Радловъ въ своемъ отчетѣ Императорской С.-Петербургской академіи наукъ (ср. «Bulletin» этого общества, XII, 418).

стоит громаднаго труда, въ случаѣ, если она примется за это дѣло. Каракалпаковъ, по ихъ бросающейся въ глаза простотѣ, считаютъ вообще глупыми и неуклюжими. Они представляютъ собою подотовъ между народами Средней Азии и объ нихъ рассказываютъ очень много анекдотовъ. Въ храбрости они уступаютъ даже киргизамъ; они рѣдко являлись завоевателями, рѣдко употребляются даже въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ другими народами. Такъ какъ они главнымъ образомъ занимаются скотоводствомъ и всего болѣе любятъ держаться въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, то узбеки называли ихъ въ насмѣшку айиками (медвѣдями), но тѣмъ не менѣе за ними всюду признаютъ дѣятельность, добросердечіе и вѣрность. Туркмены слывутъ самыми безпокойными искателями приключеній изъ всѣхъ народовъ Средней Азии, — и это совершенно вѣрно, ибо не только тамъ, но и на всемъ земномъ шарѣ едва ли можно найти другой народъ, обладающій такою хищническою натурою, такимъ безпокойнымъ духомъ и такою необузданною любовью къ свободѣ, какъ эти дѣти пустыни. Грабить, дѣлать набѣги, брать въ рабство — по ихъ понятіямъ ремесло очень честное и они занимаются имъ уже нѣсколько вѣковъ. Всѣхъ думающихъ иначе туркмены считаютъ глупцами и сумасшедшими, и до того преданы своей страсти, что начинаютъ грабить въ своемъ собственномъ племени и часто даже въ собственномъ семействѣ, если нельзя дѣлать набѣговъ на чужія страны. Весьма слабымъ извиненіемъ этой страсти можетъ служить развѣ то только, что они живутъ въ самыхъ дикихъ и пустынныхъ мѣст-

ностяхъ, гдѣ даже скотоводство приноситъ весьма скудный доходъ; между тѣмъ плоды ихъ гнуснаго занятія почти никогда не уменьшаютъ ихъ тяжелой бѣдности, потому что они такъ же скупы, какъ и корыстолюбивы и часто при богатствѣ выносятъ страшную нужду наравнѣ съ самыми бѣдными. Узбеки играютъ роль фешенеблей между своими соплеменниками въ Туркестанѣ. Они не мало гордятся своимъ образованіемъ, полученнымъ благодаря исламитской цивилизаціи, и, основываясь на этомъ превосходствѣ, хотятъ властвовать надъ кочевыми своими собратіями. Въ высшей степени похвально въ нихъ то, что они упорно держатся многихъ прекрасныхъ качествъ своего національнаго характера, который въ другихъ мѣстахъ такъ легко измѣняется исламомъ. У узбековъ, не смотря на лицемерство и кажущуюся набожность, все еще встрѣчается весьма много честности, прямодушія и турецкой откровенности. Этимъ они рѣзко отличаются отъ испорченныхъ и порочныхъ таджиковъ и потому дѣйствительно достойны властвовать надъ ними. Узбекъ, на сколько показали мнѣ личныя мои наблюденія, единственный турокъ отъ Китая до Дуная, представляющій собою всѣ свѣтлыя стороны своего національнаго характера.

2) Иранцы.

Какъ туранскій народъ, а въ особенности турецко-татарскія племена, прославился въ древности своею воинственностію и дикою, необузданною грубостію нравовъ, такъ иранцы, въ противоположность

къ нимъ, были извѣстны искони своими болѣе утонченными нравами и блестящимъ состояніемъ своей культуры. Первые всегда являлись передъ своими сосѣдями въ качествѣ опустошителей и грабителей, послѣдніе, напротивъ, въ качествѣ цивилизаторовъ, распространителей искусствъ и лучшихъ социальныхъ условій. Иранскую культуру принялъ не только весь магометанскій востокъ, но даже и мы, европейцы, многое заимствовали у этого замѣчательнаго народа. и это многое дошло до насъ частію путемъ древнегреческой и византійской образованности, частію путемъ позднѣйшихъ сношеній запада съ востокомъ. какъ, напр., во время крестовыхъ походовъ. Иранъ искони былъ средоточіемъ образованности и во всей исторіи человѣческой культуры мы напрасно станемъ искать народа, который, не смотря на разнообразныя политическіе перевороты, не смотря на частыя чужеземныя вліянія, такъ долго и вѣрно сохранилъ бы древній духъ своей цивилизаціи и характеръ своей національной жизни, какъ иранцы. Велика разница между ученіемъ Зороастра и ученіемъ арабскаго пророка, и однакожь въ теперешней Персіи можно найти почти всѣ черты того характера, который придавали греческіе историки древнимъ персамъ. При бѣгломъ, поверхностномъ взглядѣ это не такъ скоро бросается въ глаза, потому что по наружному виду трудно отыскать истаго иранца между гучею народностей теперешняго Ирана; но болѣе серьезный, глубокій взглядъ скоро убѣдитъ насъ въ истинѣ сказаннаго и мы увидимъ, что иранцы не только не заимствовали ничего изъ нравовъ и об-

раза мыслей семитическихъ и туранскихъ элементовъ, въ теченіи слишкомъ тысячи лѣтъ грозившихъ иранскимъ національностямъ, но скорѣе даже сами оказали сильное вліяніе на эти элементы.

Колыбелью иранскаго народа, какъ утверждаютъ новѣйшіе этнографы, особенно же русскій путешественникъ Ханыковъ въ своемъ «*Mémoire sur l'ethnographie de la Perse*», должно считать восточную часть теперешней Персіи и преимущественно южный Сигистанъ, или Систанъ, и простирающійся на сѣверо-востокъ Хорассанъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласна не одна только этнографія, но и исторія, ибо, какъ Сигистанъ, родина Рустема и другихъ иранскихъ героевъ классической древности, даже и теперешними связочниками избирается поприщемъ дѣятельности, какъ скоро они хотятъ описать какіе нибудь древніе геройскіе подвиги, такъ въ Хорассанѣ древній Белхъ считается первымъ источникомъ религіи и образованности; Мервъ же называется мѣстомъ, гдѣ Адамъ получилъ отъ ангеловъ первыя наставленія въ земледѣліи. Однимъ словомъ, все, что относится къ самой глубокой древности, должно искать только на востокѣ, а никакъ не на западѣ.

Туранская раса, при своемъ расселеніи, какъ замѣчено въ предъидущемъ отдѣлѣ, приняла направление съ востока на западъ, иранская же распространилась съ юга на сѣверъ и притомъ въ двухъ направленіяхъ — къ сѣверо-востоку и къ сѣверо-западу. Переселеніе совершилось въ той глубокой древности, о которой мы едва имѣемъ понятіе, но и здѣсь есть черты общаго типа, кото-

рыя, подобно путеводнымъ звѣздамъ, руководятъ нами, черезъ мракъ невѣдѣнія. Хотя иранская раса въ новѣйшее время очень много потерпѣла отъ увеличившихся въ численности турецко-татарскихъ народностей, но, тѣмъ не менѣе, въ разбросанныхъ ея группахъ можно различить отдѣльныя звѣнья прежней цѣпи и въ восточныхъ ея остаткахъ распознать первобытнаго, истаго иранца, а въ западныхъ — мидійца, постоянно соприкасавашагося съ туранско-семитическими элементами.

Этотъ взглядъ, основанный на личномъ моемъ убѣжденіи, съ которымъ впрочемъ согласится всякій, серьезно наблюдавшій персовъ теперешняго Ирана и Средней Азии, находитъ себѣ подтвержденіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ ученыхъ, разбиравшихъ клинообразныя письма, въ особенности же въ иранскомъ перечисленіи народовъ на клинообразныхъ надписяхъ Персеполя: тамъ пересчитываются всѣ народы Ирана, исходя именно отъ центра государства (Персеполя) и переходя потомъ къ западу и востоку *). Разумѣется, тамъ нельзя найдти никакихъ положительныхъ данныхъ о большей или меньшей древности, о физіономическихъ различіяхъ тѣхъ или другихъ отраслей этого семейства, но едва ли остается мѣсто сомнію въ томъ, что существенная разница между ними была даже еще въ самой глубокой древности. «Въ западномъ Иранѣ», говоритъ Ф. Шингель **), «семитическое вліяніе начинается уже весьма рано, во время ассирій-

---

*) Риттеръ, Западная Азія, II, 86.

**) «Die ethnographische Stellung des iranischen Volkes.» (Ср. «Das Ausland», годъ 1866, № 36, стр. 853).

ско-вавилонскаго царства, и продолжается во весь період ахеменидовъ. Послѣ паденія царства ахеменидовъ на ряду съ семитами выступаетъ еще смѣшеніе съ греками и т. дал.», и это замѣчаніе совершенно вѣрно, потому что въ южныхъ провинціяхъ Фарсистана, Ларистана и Луристина, гдѣ иранскіе и семитическіе элементы съ древнѣйшихъ временъ соприкасались между собою, мы находимъ въ лицѣ современнаго перса всѣ тѣ физическіе признаки, которые были замѣчены у этого народа Геродотомъ и позднѣйшими греческими историками. Худощавая фигура, болѣе свойственная западнымъ, чѣмъ восточнымъ иранцамъ, сильно напоминаетъ главную черту араба, котораго несемитическіе народы всегда представляютъ тощимъ, стройнымъ (нагифъ), тогда какъ турка считаютъ неуклюжимъ, толстымъ (кезифъ), а истаго перса благороднымъ, изящнымъ (царифъ). Семитическіе элементы оставили весьма замѣтные слѣды на южной и восточной окраинѣ Персіи, начиная отъ Бендеръ-Бушира до Кирманшаха, въ особенности у городскихъ жителей, что еще болѣе бросится въ глаза, если мы сравнимъ физіономію и ростъ сигистанца съ физіономіею и ростомъ испаганца. Всего яснѣе можно видѣть это на гебрахъ (огнепоклонникахъ), живущихъ между западными иранцами и весьма отъ нихъ отличающихся. Между ними не замѣчается преобладанія вообще стройныхъ, худощавыхъ формъ и очень рѣдко встрѣчаются острый подбородокъ и тонкій носъ. Гебры въ обществѣ хафизовъ не такъ поражаютъ своею фигурою, какъ среди грубыхъ испаганцевъ, а такъ какъ они, въ

небольшомъ числѣ разсѣянные на западѣ Ирана, могутъ считаться остатками иранскаго первобытнаго народа, болѣе всѣхъ уцѣлѣвшими отъ примѣси чуждыхъ элементовъ, то съ достовѣрностію можно утверждать, что фізіономическая разница между восточными иранцами существовала и должна была существовать уже издревле. Греческіе историки, описавшіе намъ походы Александра и имѣвшіе случай познакомиться, какъ съ восточными, такъ и съ западными народами тогдашняго, еще большаго, иранскаго царства, оставили совершенно безъ вниманія этнографическую сторону вопроса, которая весьма важна для нашихъ изслѣдованій. Изъ скульптурныхъ изображеній, принадлежащихъ періоду сасанидовъ, мы можемъ извлечь тоже весьма мало поучительнаго. Фигуры на барельефахъ Накши-Рустема, Накши-Редшеба и изъ окрестностей Хацеруна хотя и могутъ служить вѣрными образчиками тогдашнихъ персовъ, но объ національности ихъ они не сообщаютъ никакихъ точныхъ указаній. Между тѣмъ, насколько можно судить по росту и чертамъ лица этихъ фигуръ, онѣ, кажется, скорѣе принадлежатъ западнымъ, чѣмъ восточнымъ иранцамъ. потому что поразительное сходство ихъ съ теперешними жителями западнаго Ирана невольно бросается каждому въ глаза. Такъ, мы находимъ, что Гарсія-Сильва-Фиджероа, посѣтившій въ 1624 году Персію съ дипломатическою миссіею, обращаетъ наше вниманіе на различіе между восточными и западными иранцами *), не раз-

---

*) Ср. Ханькова «Mémoire sur l'ethnographie de la Perse» (Парижъ. 1866), стр. 43.

бирая однакоже ихъ отдѣльныхъ физическихъ признаковъ. Шарденъ, объѣхавшій эту страну въ 1664—1677 годахъ, уже высказывается гораздо яснѣе, говоря, что гебры, въ которыхъ онъ видитъ остатокъ древнихъ персовъ, имѣютъ отвратительную наружность, неуклюжую фигуру, грубую кожу и темный цвѣтъ лица и составляютъ положительный контрастъ съ теперешними жителями западнаго Ирана, смѣшавшимися съ черкесскою и грузинскою кровью. Это мнѣніе еще положительнѣе высказываетъ Петръ Лабросъ (Angelus), современникъ Шардена, въ своемъ (напечатанномъ въ 1684 году) сочиненіи «Gazophylacium linguae Persarum», въ статьѣ «Грузія».

Итакъ, если не можетъ быть сомнѣнія въ разницѣ между западными и восточными иранцами, представимъ теперь въ общихъ чертахъ всѣ тѣ стороны, въ которыхъ именно существуетъ эта разница, и потомъ укажемъ на отдѣльныя отрасли или члены двухъ главныхъ семействъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣли случай видѣть ихъ во время нашего путешествія, не упуская при этомъ, однако, изъ вида и замѣчаній нашихъ предшественниковъ.

	а) Западные иранцы.	б) Восточные иранцы.
Фигура.	Въ большинствѣ случаевъ хотя и не стройная, но худощавая, подвижная и также рѣдко со- всѣмъ тощая или очень жирная, какъ высокая или очень низкая.	Нѣсколько плотнѣе, съ болѣе крѣпкими и широкими костями, неуклюжая и тяжелая въ движеніяхъ, хотя далеко и не въ такой степени, какъ у туранцевъ.

	а) Западные иранцы.	б) Восточные иранцы.
Голова.	Овальный, узкий и невысокий лобъ, на вискахъ сплющенный и продолговатый черепъ, подбородокъ узкій.	Гораздо менѣе овальный, и даже почти круглый, широкий лобъ, болѣе широкія скулы и болѣе мясистыя щеки. Подбородокъ продолговато-круглый и менѣе заостренный. чѣмъ у туранцевъ.
Глаза.	Большіе, черные съ длинною верхнею вѣкою и дугообразными бровями.	Черные, съ продолговатымъ разрѣзомъ и густыми широкими бровями.
Носъ.	Длинный, тонкій, часто крючковатый.	Не такъ длинный, иногда съ толстымъ основаніемъ, но ни въ какомъ случаѣ не такой тупой и широкой, какъ у туранцевъ.
Ротъ.	Пропорціональный, съ замѣтно тонкими губами.	Часто широкія и толстыя губы.
Волосы.	Черные, густые и длинныя, особенно длинная, рѣдкая борода.	Черные и густые. Борода гуще, но не такъ длинна, какъ у западныхъ иранцевъ.

Вслѣдствіе такого различія физическихъ внѣшнихъ признаковъ нельзя не признать разницы и въ нравственныхъ свойствахъ двухъ этихъ семействъ. Такъ, восточный иранецъ хотя и стоитъ выше турка по подвижности ума и тѣла, но далеко уступаетъ персу теперешняго Ирана. Въ симметріи конечностей и нѣжныхъ чертахъ западнаго иранца какъ бы отпечатлѣлось и духовное его превосходство.

Восточные иранцы

по географическому своему положенію и расселенію къ сѣверо-востоку, кажется, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія отрасли: а) сейистанцевъ или хафизевъ, в) чихарь-аймаковъ, е) тадшиковъ и сартовъ. Каждая изъ отраслей распадается еще на нѣсколько подраздѣленій или членовъ. Какъ у туранской расы по мѣрѣ приближенія ея къ западу все болѣе и болѣе теряется монгольской характеръ физіономіи и замѣчается все рѣзче и рѣзче смѣшеніе расъ, такъ точно и восточные иранцы по мѣрѣ удаленія отъ древняго своего отечества все менѣе и менѣе дѣлаются иранцами и становятся туранцами. Какое отношеніе существуетъ между бурятомъ и анатолійцемъ, такое точно замѣчается между сейстанцемъ и кашгарскимъ тадшикомъ. Послѣдній хотя и можетъ быть названъ древнимъ обитателемъ той страны, но никто не станетъ отрицать, что на него сильно повліяли окружающіе его туранскіе элементы.

а) Сейстанцы или хафизы.

Такъ называется то шитское населеніе восточнаго Ирана, которое живетъ въ восточной части страны, отъ южныхъ границъ тепершняго Хорасана до Бирдшана. Ихъ чаще называютъ хафизами, чѣмъ сейстанцами, такъ какъ главная ихъ масса находится въ Хафъ и его окрестностяхъ: въ Руи, Теббесъ и Бирдшанъ: по древне-классическому же Сеистану теперь

бродячь болѣе орды афганцевъ и белудшей, а для мирныхъ персовъ онъ представляетъ весьма ненадежное и небезопасное мѣстопробываніе. Судя по извѣстному въ исторіи Мерву, который, подъ именемъ Мурнъ, занимаетъ третье мѣсто между перечисляемыми въ Вендидадѣ 13-ю мѣстностями, легко можно было бы заключить, что обитатели теперешняго Хорассана, въ особенности сѣверной его части, также причислялись къ восточнымъ иранцамъ. Разумѣется, до арабскаго завоеванія это болѣе или менѣе такъ и было, но теперь хорассанцы до того перемѣшались съ турецко-татарскими элементами, что чистый восточно-иранскій типъ начинается только по ту сторону южной горной цѣпи, позади Шери-Но. Путешественникъ, даже не имѣющій особой этнографической подготовки, тотчасъ замѣтитъ, что хафизъ (удерживаемъ названіе, употребляемое въ самой странѣ) хотя и имѣетъ коричневый цвѣтъ кожи, но отличается, на примѣръ, отъ испаганца тѣмъ, что его цвѣтъ болѣе оливково-коричневый, тогда какъ послѣдній отъ солнечнаго зноя представляется болѣе темно-коричневымъ. Во вторыхъ, ему бросится въ глаза вышеупомянутая разница въ ростѣ и чертахъ лица, и особенно меньшая степень блеска въ глазахъ; а въ третьихъ, онъ не замѣтитъ въ его обращеніи той живости и подвижности, которую онъ всюду встрѣчаетъ у западнаго иранца, живущаго подъ одинаковыми климатическими условіями. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта разница между такими народностями, которыя имѣютъ общее происхожденіе, одинаковый языкъ и религію и живутъ

нѣсколько вѣковъ—и даже не одно тысячелѣтіе—въ одномъ и томъ же политическомъ союзѣ, удивить весьма многихъ. Это обстоятельство трудно объяснить даже и какимъ-либо аналогическимъ случаемъ въ другихъ странахъ, но мы тотчасъ же узнаемъ его причины, если обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) упомянутая часть восточнаго Ирана съиздревле избавилась отъ переселеній семитическихъ и туранскихъ народовъ, такъ какъ первые дошли только до западной окраины пустыни, а послѣдніе рѣдко уклонялись въ своемъ движеніи на западъ отъ главнаго пути черезъ Мервъ, Нишабуръ и Рей и перешли черезъ южные склоны джагатайскихъ горъ; 2) восточный Иранъ даже въ новѣйшее время, когда шиитская секта плотнѣе объединила персидское населеніе Ирана, остался отдѣленнымъ отъ послѣдняго великою пустынею и, не смотря на самую дикую ненависть къ суннитамъ, теперешнія его сношенія съ суннитскими афганцами и гератцами гораздо тѣснѣе, чѣмъ съ западными его собратьями. Не смотря на всѣ трудности пути черезъ пустыню, несмотря на весь страхъ къ белудшамъ, ежегодно отправляется по нѣсколькѣ каравановъ изъ Шираза и Испагани черезъ Іецдъ и Теббесъ въ священный Мешхедъ, но при этомъ лежащіе къ юго-востоку Хафъ и Бирдшанъ остаются въ сторонѣ; такъ дѣлается это теперь, такъ это было и въ прежнія времена.

При взаимныхъ сношеніяхъ народовъ вліянію чуждыхъ элементовъ безспорно подвергается всего легче языкъ и онъ же всего долѣе удерживаетъ это вліяніе. Персидское нарѣчіе теперешняго Ирана

переполнено арабско-турецкими словами. Въ южномъ Фарсѣ и сѣверномъ Мазендеранѣ въ этомъ отношеніи замѣчается небольшая разница; напротивъ же, на востокѣ Ирана иностранныхъ словъ встрѣчается меньше, и мы находимъ тамъ тотъ персидскій языкъ, на которомъ Фирдуси, умышленно избѣгая арабскій, написалъ свою эпопею. Что касается употребленія древнихъ формъ и словъ, то въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ персидскому нарѣчію Бухары и особенно тадшиговъ, но послѣдніе заимствовали слишкомъ много словъ и грамматическихъ формъ изъ турецкаго языка, а это обстоятельство и укореняетъ въ насъ убѣжденіе, что на востокѣ Ирана говорятъ самымъ чистымъ и древнѣйшимъ персидскимъ языкомъ.

Поэтому, что касается языка, то я готовъ признать хафизовъ и сеистанцевъ первобытными обитателями Ирана; въ отношеніи же этнографическаго положенія послѣднихъ въ средѣ всего иранскаго племени, я никакъ не рѣшусь приписать имъ той роли, какую занимаютъ буряты по отношенію ко всему турецко-татарскому племени. Какая вѣтвь восточно-иранскаго семейства самая первобытная — это такой вопросъ, важность котораго никто не станетъ оспаривать, но отвѣчать на него гораздо труднѣе, чѣмъ на подобный же вопросъ относительно турко-татаръ. Появленіе послѣднихъ на поприщѣ всемірной исторіи сравнительно недавно, тогда какъ первые выступили на это поприще въ томъ періодѣ, о которомъ мы почти не имѣемъ понятія.

Поэтому повторимъ еще разъ, что сеистанцевъ

или хафизовъ можно поставить на первое мѣсто между восточными иранцами, но только по ихъ географическому положенію, а не вслѣдствіе какихъ-либо наведеній о бѣльшей первобытности характера ихъ племени.

в) Чихарь-Аймаки *).

Чихарь-Аймакъ — имя собирательное, которымъ монголы во время покоренія Герата назвали четыре народности или племени, а именно: тимуровъ, тейменовъ, фируцкуховъ и джемшидовъ. Всѣ эти племена иранскаго происхожденія и говорятъ персидскимъ языкомъ, и ихъ должно различать отъ хезареховъ **), которые хотя и говорятъ по персидски, но имѣютъ чисто монгольской типъ и туранское происхожденіе. Объ имени чихарь-аймакъ даже туземцы имѣютъ сбив-

---

*) Аймакъ слово монгольское и значитъ племя.

**) Хавыковъ сильно ошибается, считая хазареховъ за прежнихъ узбековъ, и именно принадлежащихъ къ племени бирласъ. Ср. *Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale* (Paris 1862) стр. 112, 138. Я приведу противъ этого слѣдующія доказательства: 1) ихъ собственное увѣреніе, что они остатки арміи Чингисъ-Хана и даже, по словамъ Абель Фазля, принадлежали къ отряду Мангу-Хана; 2) та часть ихъ, которая носитъ имя хезаръ-губи и живетъ въ городахъ, въ окрестностяхъ Герата, осталась чуждою персидскаго вліянія и говоритъ монгольскимъ нарѣчіемъ, какъ доказываетъ Габеленцъ «въ Журналѣ нѣмецкаго восточнаго общества», XX, 326. Баберъ утверждаетъ также, что въ его время многіе хезарехи говорили по монгольски; 3) у узбековъ нельзя нигдѣ найти такого чистаго монгольскаго типа, какъ у хезареховъ, что тѣмъ болѣе удивительно, что первые, болѣе сплошными массами, остались болѣе близкими къ своей древней отчизнѣ, тогда какъ послѣдніе всегда жили подъ чуждымъ небомъ и среди чуждыхъ элементовъ.

чивое понятіе: многіе присвоиваютъ его себѣ, а другіе отвергаютъ за ними это право; точно также и наши путешественники сообщали самыя противорѣчивыя свѣдѣнія объ этихъ племенахъ. Всего же чаще встрѣчается то ошибочное мнѣніе, что къ чихаръ-аймагамъ должно причислять и хезареховъ, которые, однако, явились въ южной части Средней Азіи только тогда, когда чихаръ-аймаками назывались уже четыре племени. Я, во время шестинедѣльнаго пребыванія въ городѣ и окрестностяхъ Герата, обратилъ особенное вниманіе на этотъ вопросъ. Мои свѣдѣнія основываются не столько на показаніяхъ самихъ племенъ, сколько на ихъ фізіономическихъ признакахъ, которые безспорно составляютъ лучшее доказательство.

Тимуры, или суннитскіе персы восточнаго Ирана, живутъ въ настоящее время частію въ западныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ Герата, какъ, напр., въ Гуріанѣ, Бухсунѣ и т. дал., частію же въ лежащихъ къ востоку пограничныхъ деревняхъ и городахъ Ирана, начиная отъ Турбети-Шейхъ-Джама и до Хафа. Въ первой изъ названныхъ мѣстностей они составляютъ исключительное населеніе, а въ послѣдней встрѣчаются только спорадически, ибо хотя 200 лѣтъ тому назадъ сунниты и тимуры составляли большинство, но религіозная ненависть шиитовъ частію насильственно обратила ихъ къ своему ученію, частію же вытѣснила въ сосѣдній суннитскій Гератъ. При частыхъ пограничныхъ сумятицахъ, при сорока слишкомъ осадахъ, которыя пришлось выдержать Герату въ древнія и болѣе новыя времена, очень понятно, какое смѣшеніе должно было

вызвать это постоянное движеніе въ различныхъ отрасляхъ столь близко родственныхъ между собою восточныхъ иранцевъ; въ самомъ дѣлѣ, можно назвать чудомъ, что тимуровъ еще можно отличить отъ шиитскихъ восточныхъ иранцовъ. Отличительнымъ признакомъ здѣсь служить, во первыхъ, то, что между ними можно встрѣтить болѣе людей съ короткою и широкою фигурою, чѣмъ между сеистанцами. Точно также, что касается цвѣта кожи, — послѣдніе имѣютъ болѣею частію оливково-коричневый цвѣтъ лица и черные волосы, тогда какъ у первыхъ не рѣдко попадается и бѣловатый цвѣтъ лица и каштановые волосы. Теперь, какъ сказано выше, все число тимуровъ на границѣ восточнаго Ирана простирается, по большей мѣрѣ, до 1,000 семействъ, ибо большая масса ихъ живетъ въ Гератѣ.

Теймены, почти ни чѣмъ не отличающіеся отъ тимуровъ, живутъ въ сѣверной и южной части такъ называемаго Джѣлгей-Герата, начиная отъ Керрука до Себцевара. Только небольшая часть ихъ расселилась далѣе до Ферраха и афганцы называютъ этихъ послѣднихъ парсиванами (*fars zaban*, т. е. говорящій по-персидски). Съ тѣхъ поръ, какъ афганское владычество укоренилось въ западныхъ долинахъ паропамисскихъ горъ сдѣлано было нѣсколько попытокъ основать здѣсь, среди персидскаго населенія, афганскія колоніи, но всѣ онѣ до сихъ поръ не удались, потому что несогласія и раздоры, нѣсколько вѣковъ опустошавшіе эту страну, все еще продолжаются, такъ какъ каждый чихаръ-аймакъ считаетъ афганцевъ величайшими своими врагами. Вслѣдствіе такого

положенія дѣль тейменцы, хотя они собственно народъ земледѣльческій, отличаются дикимъ, воинственнымъ характеромъ и совершенно утратили даже послѣдніе слѣды того научнаго духа, который одушевлялъ ихъ во времена Тимуридовъ, въ особенности же при султанѣ Гуссейнъ-Мирзѣ. Суннитскіе персы тогдашняго времени соперничали въ поэзіи, наукѣ и музыкѣ съ своими шіитскими соплеменниками на западѣ; теперь же они грубые варвары въ сравненіи съ послѣдними.

Фируцкухами называется тотъ небольшой народецъ, который живетъ на крутыхъ горахъ къ сѣверо-востоку отъ Кале-Но и изъ этихъ почти недоступныхъ жилищъ грабитъ и опустошаетъ окрестности. Путешественнику показываютъ изъ Кале-Но эти горныя вершины и рассказываютъ ужаснѣйшія объ нихъ исторіи; укрѣпленныя мѣстности Дерзи-Кучъ и Чексеранъ считаются такими же разбойничьими гнѣздами, какъ и притоны бахтіарисовъ около Лурри, въ окрестностяхъ Испагани. Какъ всѣ горныя жители отличаются отъ своихъ ближайшихъ соплеменниковъ, живущихъ въ равнинахъ, такъ и фируцкухи отличаются отъ прочихъ аймаговъ: ихъ можно назвать гилеками и мазендеранцами восточнаго Ирана. Съ перваго взгляда они представляютъ большое сходство съ хезарехами; въ Гератѣ утверждаютъ даже, что они суть отдѣлившіяся отъ нихъ отрасли, но ни строеніе лба и подбородка, ни цвѣтъ и форма тѣла не имѣютъ чисто туранскаго характера и хотя фируцкухи сильно смѣшались съ другими племенами, тѣмъ не менѣе иранскій элементъ въ нихъ является преобладаю-

щимъ, ибо, кромѣ того, что они говорятъ по персидски, даже всѣ ихъ мѣста поселенія и ханы называются чисто персидскими именами. Они живутъ въ этихъ горахъ съ незапамятныхъ временъ и хотя Тимуръ насильственно переселилъ ихъ въ Мазендеранъ, но они снова возвратились скоро въ свое старое гористое отечество и съ тѣхъ поръ живутъ въ постоянной враждѣ съ своими сосѣдями, занимаются частію скотоводствомъ и земледѣліемъ, а частію грабежемъ и разбоями, нападая на караваны на пути ихъ въ Меймене, или же на отдѣльныя группы палатокъ джемшидовъ. Все число ихъ теперь едва доходитъ до 8,000 семействъ.

Джемшиды въ настоящее время единственное между восточными иранцами кочующее племя въ полномъ смыслѣ этого слова; они живутъ съ древнѣйшихъ временъ по берегу Мургаба, куда, по ихъ собственнымъ словамъ, пришли изъ Сеистана, во время Джемшида, отъ племени котораго они себя и производятъ. Этого національнаго мифа не надо принимать буквально, но нельзя отрицать, что между всѣми иранцами, живущими теперь въ Средней Азіи, джемшиды представляютъ самое поразительное сходство съ сеистанцами: это тѣмъ болѣе удивительно, что послѣдніе такъ же давно ведутъ осѣдлую жизнь, какъ тѣ кочевую, а едва ли нужно говорить о томъ, какое вообще сильное вліяніе оказываетъ различіе этихъ двухъ образовъ жизни на физическое развитіе организма. Г. Ханьковъ находитъ *), что они стоятъ ближе къ тад-

---

*) Ср. Ханькова, стр. 104.

шигамъ, но я не согласенъ съ этимъ взглядомъ, во первыхъ потому, что джемшиды имѣютъ болѣе стройную фигуру, во вторыхъ—болѣе продолговатое лицо и гораздо болѣе острый подбородокъ, чѣмъ таджики, а въ третьихъ, потому что языкъ ихъ, какъ по формамъ, такъ и по богатству словъ, гораздо болѣе подходитъ къ персидскому нарѣчію восточнаго Ирана, чѣмъ къ нарѣчію Средней Азии,

Что касается до образа жизни, то джемшиды единственные изъ обитателей Ирана, заимствовавшіе очень многое у туранцевъ, въ особенности у сосѣднихъ салоръ- и сарикъ-туркменовъ. Между тѣмъ, какъ другіе полукочевые аймаки употребляютъ продолговатыя афганскія палатки, носящія названіе шатровъ Авраама, у джемшидовъ онѣ имѣютъ, какъ у татаръ, круглую, коническую форму и обиты войлокомъ и тростниковыми циновками; одежда и пища джемшидовъ также туркменскія; даже въ своихъ занятіяхъ они подражаютъ туркменамъ: какъ только средства позволяютъ имъ завести достаточное число лошадей и оружія, они тотчасъ дѣлаются такими же опасными разбойниками, какъ и жители пустыни. Они считаются лучшими изъ всѣхъ аймаковъ всадниками и воинами и состоятъ частію на службѣ у Герата или у Меймене, частію же вступаютъ въ союзъ съ тѣмъ или другимъ туркменскимъ племенемъ, замышляющимъ сдѣлать болѣе значительный набѣгъ (рацція). Послѣ одного изъ подобныхъ набѣговъ джемшиды были насильственно переселены на берега Оксуса хивинскимъ ханомъ Аллакули, который побѣдилъ находившихся въ союзѣ съ ними сариковъ. На Оксусѣ они оставались болѣе

двѣнадцати лѣтъ. Плодородіе ихъ новаго отечества сдѣлало ихъ зажиточными, но вскорѣ въ нихъ пробудилось желаніе снова увидѣть родныя горы и потому, пользуясь смутами, вызванными войною хивинцевъ съ туркменами, они забрали все свое имущество и бѣжали, не заботясь о преслѣдованіи, черезъ Хезареспъ, Чардшуй и Меймене, къ берегамъ Мургаба. Къ нимъ присоединилось 1000 слишкомъ персидскихъ невольниковъ, надѣявшихся бѣгствомъ приобрести себѣ свободу; но невольники эти снова были предательски захвачены въ Мургабѣ и проданы въ Бухару.

Хотя джемшиды изъ всѣхъ иранскихъ племенъ востока и запада вѣрнѣе прочихъ сохранили воинственный духъ древней Персіи, тѣмъ не менѣе нравы ихъ и обращеніе съ чужестранцами, съ которыми они уже давно находятся въ сношеніяхъ, далеко не такъ грубы, какъ у сосѣднихъ съ ними туркменовъ. Даже самый убогій джемшидъ, не смотря на всю свою дикую наружность, вѣжливъ, однако, въ словахъ и манерахъ; въ немъ рѣзко выдаются всѣ свѣтлыя и всѣ темныя стороны иранскаго характера и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ обычаяхъ этихъ кочевниковъ мы встрѣчаемъ весьма много такого, что очень живо напоминаетъ намъ времена доисламитаіи. Исламъ, еще менѣе у нихъ укоренившійся, чѣмъ у другихъ туранскихъ народовъ, служить имъ не болѣе, какъ покровомъ, прикрывающимъ столь многія воззрѣнія Зороастровой религіи. Такъ, напримѣръ, огонь у джемшидовъ уважается болѣе, чѣмъ у таджиковъ; дверь шатра у нихъ всегда

обращена къ востоку и понятіе о добромъ и зломъ духѣ столь обще, что низшій классъ, особенно же женщины, закалывая овцу или козу, всегда бросаютъ извѣстныя части животнаго, считающіяся у другихъ кочевниковъ лакомыми кусками, злomu духу, и эти части, считаемыя нечистыми, сѣдаются только собаками. Замѣчательно, что между ними въ ходу такія же басни о мнимыхъ развалинахъ въ Мартшахъ, какъ у іомутовъ—о древнихъ остаткахъ построекъ въ Мешди-Мисріянѣ. По ихъ сказаніямъ, Мартшахъ былъ будто бы въ древнія времена каабою всей страны, пока не явились туда злые туркмены и не разрушили всего.

Вотъ все, что могъ я сказать о чихарь-аймакахъ. Какое имя они носили прежде — я не могъ узнать, не смотря на всѣ развѣдыванія. По всей вѣроятности они причислялись къ таджикамъ, но теперь они отличаются отъ послѣднихъ и образуютъ вторую ступень иранскаго племени въ его распространеніи къ сѣверо-востоку.

с) Таджики,

которыхъ называютъ остатками первоначальнаго персидскаго населенія Средней Азіи, теперь встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ въ бухарскомъ ханствѣ и Бедахшанѣ. Кромѣ того, ихъ много еще въ городахъ Коканда, Хивы, Китайской Татаріи и Афганистана. Хотя вслѣдствіе различія климатическихъ и социальныхъ условій, среди которыхъ живутъ таджики, мѣстами и встрѣчаются незначительныя уклоненія въ ихъ наружныхъ физіономическихъ особен-

ностяхъ, и хотя, напр., таджики, живущіе въ Бухарѣ и афганскихъ городахъ, имѣютъ болѣе сходства между собою, чѣмъ съ бедахшанцами или своими соплеменниками въ Китайской Татаріи, но все же у нихъ ясно замѣтны главныя черты общаго типа. Они обыкновенно средняго роста, съ широкими, крѣпкими костями и особенно широкими плечами. Лице ихъ, котораго иранскій типъ съ перваго взгляда бросается въ глаза, продолговатѣе, чѣмъ у турокъ, но по широкому лбу, толстымъ скуламъ, толстому носу и большому рту можно заключить, что эта самая восточная отрасль иранскаго семейства имѣетъ какъ въ физіономіи, такъ и въ строеніи тѣла, много чуждаго, т. е., туранскаго, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться первоначальнымъ типомъ иранской расы, какъ думаетъ г. Ханыковъ.

Основываясь на сказаніяхъ Вендидадъ и греческихъ историковъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что отечествомъ нынѣшнихъ таджиковъ была знаменитая въ древности Бактрія и Согдіана—это древнѣйшее средоточіе иранской образованности, колыбель религіи Зороастра, источникъ героическихъ сказаній Ирана. Мы согласны, что они уже въ самой глубокой древности были осѣдлыми обитателями этой страны, ибо древній Хорассанъ, простиравшійся до Китайской Татаріи, былъ, какъ доказываетъ топографическаяomenclatura, основанъ и заселенъ иранскими колоніями; но можно ли при этомъ упустить изъ вида постоянный приливъ скифско-турецкихъ элементовъ, направлявшійся въ Среднюю Азію съ долинъ Алтайскаго горнаго хребта, изъ этой, такъ называемой «officina

gentium» древнихъ время, отъ 700 г. до Р. Х. по 400 г. послѣ Р. Х.? Ни одна страна, лежавшая на главномъ пути этихъ переселеній отъ Яксарта до Евфрата, не осталась свободною отъ примѣси чуждой крови и какъ сѣверная половина Ирана (теперешніе округи Меймене, Андшой и западные склоны порапамизскаго хребта) не сохранила своего первоначальнаго племеннаго единства, такъ точно не могли сохранить этого единства и иранцы, жившіе за Оксусомъ. Только одни горные жители Бедахшана, именно фаханцы, въ имени которыхъ ученый авторъ статьи «Central Asia» въ «Quarterly Review» (іюль, сентябрь 1866 г.) думаетъ найти происхожденіе греческаго Οξοσι, въ менѣе доступной своей отчизнѣ наиболѣе сохранили свое племенное единство, ибо всѣ видѣнные мною фейцабады **) имѣютъ болѣе рѣзкіе признаки иранскаго типа, чѣмъ таджики и даже языкъ ихъ болѣе свободенъ отъ туранскихъ словъ и оборотовъ. И если можно предположить, что народъ, живущій совершенно изолированно, въ состояніи сохранить въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ свой первоначальный типъ, то самыми чистыми остатками древнихъ восточныхъ иранцевъ мы можемъ считать единственно фаханцевъ, а не таджиковъ.

Что касается названія таджиковъ, то я всегда за-

---

*) Отъ Фа, какъ называется Оксусъ въ Бевдешѣ, вѣроятно произошли и новѣйшія названія Фаханъ, Факс-джирлъ, Фахабы.

**) Во время моего пребыванія въ Керки я жилъ съ десятью фейцабадами (Фейцабады—главный пунктъ Бедахшана—нѣсколько дней въ одномъ и томъ же домѣ. Это была депутация, возвращавшаяся изъ Бухары, куда она ѣздила просить эмира занять мѣсто ихъ недавно изгнаннаго князя.

мѣчалъ, что сами таджики никогда не употребляютъ его, ибо, хотя оно и не считается у нихъ прямо поноснымъ словомъ, они привыкли разумѣть подъ нимъ выраженіе того презрѣнія, съ которымъ завоеватели узбеки смотрятъ на подчиненныхъ туземцевъ. Подъ словомъ таджикъ татарское населеніе Туркестана разумѣетъ челоуѣка унижающагося, скупаго, корыстолюбиваго *), хитраго, хвастуна, однимъ словомъ все, что представляетъ противоположность съ узбекской откровенностію, прямодушіемъ и честностію. Впрочемъ, отношенія эти встрѣчаются всюду между туранскими завоевателями и иранскими подчиненными народами, ибо какъ послѣдніе въ Персіи стоятъ много выше турокъ по духовнымъ своимъ преимуществамъ, такъ точно то же самое видимъ мы и въ Средней Азійи, и Бухара только потому сдѣлалась средоточіемъ среднеазійской цивилизаціи, что тамъ съ древнѣйшихъ временъ таджики составляли преобладающее большинство населенія, которое, продолжая слѣдовать культурнымъ стремленіямъ доисламитакаго періода, хотя и было лишено владычества, не перестало однако играть роли цивилизаторовъ по отношенію къ своимъ повелителямъ. Какъ въ первые вѣка, по принятіи ислама, на поприщѣ религіозныхъ знаній и философіи отличались болѣе всего таджики, такъ и теперь еще въ Бухарѣ, Кокандѣ и Кашгарѣ извѣстнѣйшіе муллы и знатнѣйшіе ишаны

---

*) Невольники готовы лучше провести десять лѣтъ въ домѣ узбека, чѣмъ пять лѣтъ у таджика, такъ какъ послѣдній старается всевозможнымъ образомъ эксплуатировать ихъ.

принадлежать именно къ этой національности. При бухарскомъ дворѣ, не смотря на узбекское происхожденіе хана, первые министры и высшіе сановники бывають исключительно таджики, и даже въ дикомъ узбекскомъ хивинскомъ ханствѣ мехтеръ (государственный секретарь), т. е. тотъ сановникъ, котораго должность всего болѣе требуетъ умственного развитія, избирается исключительно изъ тамошняго персидскаго населенія.

Удивительно, что таджики, не смотря на то, что они уже нѣсколько столѣтій живутъ вмѣстѣ съ узбеками, отличаются отъ нихъ не только своими индивидуальными качествами, но даже и домашними обычаями. Пословица говоритъ: «смотри на узбека на конѣ, а на таджика въ его домѣ.» Всю ту заботливость, съ которою первый относится къ своему коню, оружію и сбруѣ, послѣдній посвящаетъ дому и одеждѣ. Таджикъ, не смотря на всю свою бѣдность, всегда хочетъ казаться не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, и потому, дома въ свой семьѣ онъ скупъ и умѣренъ, въ обществѣ же почти всегда старается играть роль богача и щедраго человѣка. Не менѣе изысканъ и самый его разговоръ: выраженія вѣжливости и комплименты, имъ употребляемые, хотя и отзываются чѣмъ-то татарскимъ для уха, привыкшаго къ персидской тонкости, но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ узбекомъ, его можно считать истымъ джельтменомъ. Предназначенные природою къ мирнымъ занятіямъ, таджики выказываютъ всюду склонность къ земледѣлію, торговлѣ, промышленности и ненавидятъ войну, а когда по-

неволя берутся за оружіе, то рѣдко бываютъ храбры, а жестоки — часто. Они также не обладаютъ тѣмъ чувствомъ національности, которое такъ часто проявляется у узбековъ *). Они, хотя и живутъ всегда вмѣстѣ, но это болѣе происходитъ вслѣдствіе необходимости во взаимной поддержкѣ у притѣсняемой расы, чѣмъ вслѣдствіе особаго стремленія къ поддержкѣ своей національности, и если они когда и выказываютъ желаніе чѣмъ нибудь похвалиться, что, впрочемъ, видно только въ городѣ Бухарѣ, то обыкновенно указываютъ съ гордостію только на свое арабское происхожденіе.

Неосновательность этого послѣдняго увѣренія достаточно уже доказана г. Ханыковымъ (стр. 88 и 89). Онъ производитъ слово *тадшигъ* отъ слова *тадша*—головнаго убора огнепоклонниковъ, который доселѣ носятъ гебры. Поэтому, какъ увѣряетъ онъ, *тадшигъ* есть имя, которымъ магометане тогдашняго времени называли послѣдователей Зороастрова ученія, или же которое эти послѣдователи дали сами себѣ, ибо слово *тацикъ* на гуцварешскомъ языкѣ и слово *таци* на персидскомъ, значащее арабъ, не имѣетъ съ первымъ ничего общаго. Удивительно только, что слово *тадшигъ* встрѣчается и въ За-

---

*) Это лучше всего подтверждается послѣдними событіями въ Ташкентѣ. Изъ письма Генерала Крыжановскаго, написаннаго изъ названнаго города (ср. «Ausland» 4 Дек. 1866 г. стр. 1159), мы видимъ, что изъ всего пестраго населенія этой мѣстности *тадшики* первые сблизились съ завоевателями, даже значительно содѣйствовали имъ въ дѣлѣ умиротворенія,—вѣроятно къ огорченію всѣхъ узбековъ, которые конечно не участвовали въ петиціи о русскомъ подданствѣ.

падной Азіи, а именно армяне называютъ тадшиками турокъ и арабовъ, т. е. вообще магометанъ, но только между собою, по секрету, и мнѣ кажется, что это не болѣе, какъ насмѣшливое прозваніе, даваемое притѣсненными своимъ тиранамъ. Такъ какъ названіе это я встрѣчалъ рѣшительно у всѣхъ армянъ Малой Азіи, то мнѣ кажется, что этимъ именемъ называютъ не только магометанъ, но вообще всѣхъ послѣдователей иныхъ религій и что это слово, по всей вѣроятности, древнее и въ послѣдствіи уже съ древнихъ обитателей Персіи, съ которыми при Сассанидахъ армяне находились въ сношеніяхъ, перенесено на арабовъ. Что названіе тадшикъ, котораго г. Ханыковъ не находитъ у арабскихъ историковъ первыхъ вѣковъ исламизма, существовало въ Средней Азіи уже въ весьма раннюю эпоху — это всего лучше доказываетъ уйгурскій манускриптъ, «кудатку билигъ» (счастливое знаніе). Этотъ манускриптъ помѣченъ 465 годомъ гиджры и мы часто находимъ въ немъ слово тадшикъ, въ противоположность слову турокъ. Названное сочиненіе, о которомъ Жюберъ говорилъ въ 1825 году «въ Journal Asiatique», есть уйгурскій переводъ, или, лучше сказать, передѣлка съ витайскаго, ибо сами турки всегда первоначальныхъ жителей Транс-Оксаніи называли сартами *). Происхожденіе этого послѣдняго слова мнѣ совершенно неиз-

---

*) Г. Ханыковъ ошибается, полагая, что это относится только къ Хивѣ, ибо, ему конечно не безъизвѣстно, что въ Ташкентѣ, покоренномъ недавно русскими, персидское населеніе называется сартами, и что также точно его называютъ во всемъ Кокандѣ. Генералъ Крыжановскій также говоритъ о тадшикахъ и сартахъ, какъ о двухъ различныхъ племенахъ.

вѣстно; его употреблялъ уже знаменитый Миръ-али-Ширъ во времена султана Музейнъ-Мирзы-Байкера, называя въ своемъ трактатѣ «о персидскомъ и турецкомъ языкахъ», первый языкъ всегда сартъ-тили, а не тадшигъ-тили. Поэтому слово сартъ можно основательно принять за турецкое названіе тадшика. Правда, узбеки иногда полагаютъ разницу между сартомъ и тадшикомъ, разумѣя подъ тадшиками людей, только въ недавнее время поселившихся между узбеками и вполне сохранившихъ свое иранское нарѣчіе, преимущественно бухарцевъ, а подъ сартами—уже давно осѣвшихъ жителей, по большей части перемѣнившихъ свой родной языкъ на турецкій, напр., какъ мы видимъ это во всей Хивѣ и въ сѣверной части Коканда. Хотя я не раздѣляю мнѣнія о различіи между тадшиками и сартами, но не могу не признать, что сарты вообще отличаются отъ тадшиковъ даже нѣкоторыми физіономическими особенностями. Они сложены нѣсколько стройнѣе, имѣютъ болѣе продолговатое лице и болѣе узкій и высокій лобъ; но это должно приписать тому обстоятельству, что они часто вступаютъ въ браки съ осѣвшими въ Средней Азіи освобожденными персидскими невольниками, чего тадшики никогда не дѣлаютъ.

XVII.

Литература въ Средней Азiи.

«Татарская муза! Узбекская Мельпомена!» Эти слова, вѣроятно, для многихъ звучать очень странно. Многимъ покажется удивительнымъ, что въ древнѣйшемъ средоточii грубости и варварства можно встрѣтить поэзію, что тамъ, гдѣ господствуютъ во всей силѣ разбой, убійства, грабежи — занимаются литературою. Но такое удивленіе было бы неосновательно, такъ какъ востокъ искони былъ странною поэтическими грѣзъ, и чѣмъ болѣе общественная жизнь сохранила на себѣ отпечатка первобытности, т. е., чѣмъ юнѣ цивилизація, тѣмъ общѣе склонность къ поэзи и баснѣ, тѣмъ сильнѣе страсть къ сверхъестественнымъ гиперболамъ и вымысламъ.

Поэтому никто не долженъ удивляться тому, что у обитателей киргизской палатки болѣе склонности къ поэзи, чѣмъ у членовъ образованнаго общества въ Парижѣ или Лондонѣ. У насъ поэзія болѣе или менѣе свойственна только извѣстному возрасту

и изъ кастальскихъ источниковъ черпають только немногіе люди. Въ Средней же Азійи и влюбленная молодая чета, и люди, согбенные старостью, точно также, какъ воины, и пастухи, духовныя и свѣтскія лица—всѣ одинаково увлекаются поэтическимъ творчествомъ. Каждый пытается слагать стихи и выдумывать сказки и если это удастся не каждому, за то любовь къ слушанію твореній другихъ людей можно положительно назвать здѣсь всеобщою.

Такъ какъ литература на востокѣ стоитъ въ тѣсной связи съ религіею, то мы должны раздѣлить произведенія ума обитателей Средней Азійи на два разряда: на а) литературу исламитскихъ или осѣдлыхъ народовъ, и на б) литературу кочевниковъ. Это различіе начинается съ того времени, когда, со введеніемъ ислама, мало-по-малу распространились и тѣ литературныя понятія, которыя теперь, утративъ особенности національнаго характера, въ ходу у различныхъ магометанскихъ народовъ. Поэзія — эта существенная часть литературы — теперь почти одинакова у турокъ, арабовъ, персовъ и жителей Средней Азійи. Напрасно стали бы мы искать въ ней національнаго отпечатка: вездѣ вы встрѣтите одно и то же живое воображеніе поэтовъ, однѣ и тѣ же метафоры и параболы, вездѣ стереотипные образы розы и соловья, рѣсницы подобныя шипамъ, густой паръ вздымающихся вздоховъ и т. п.,—всюду одна и та же муза, о которой г. Ханыковъ справедливо говорить: «Она поднимается дико и свободно, подобно тѣмъ страннымъ растеніямъ, которыя встрѣчаются

на соленой почвѣ Южной Азіи. Покрытыя колючками и шипами, облѣпленные солью, они черезъ свою морщинистую кору, распространяютъ ароматическій, благотворный запахъ и носятъ на своихъ полусухихъ стебляхъ изящные и яркіе вѣнчики цвѣтовъ» (Ср. «Journal Asiatique» отдѣлъ 6, V, 297). По этому мы не станемъ говорить объ этой литературѣ, достаточно извѣстной по многимъ переводамъ и научнымъ статьямъ, мы пройдемъ также молчаніемъ религіозную литературу нѣкоторыхъ чрезчуръ ревностныхъ послѣдователей ислама, которые, возносясь будто бы духомъ къ Богу и пророку, написали цѣлые томы, исполненные напыщенныхъ мыслей о предметѣ своей любви и преданности. Эти послѣднія произведенія въ трехъ ханствахъ должно считать исключительно принадлежащими мулламъ и ишанамъ. Хотя народъ и терпѣливо слушаетъ чтеніе этихъ произведеній, но они никого не воодушевляютъ, потому что мистическій образъ мыслей и напыщенный языкъ недоступны пониманію народа.

Поэтому, все, что мы хотимъ сказать о литературѣ Средней Азіи, ограничивается, собственно говоря, одною народною поэзіею. Здѣсь мы еще находимъ нѣчто оригинальное, нѣсколько типовъ, заслуживающихъ названія собственно туркестанскихъ, и съ ними-то мы хотимъ познакомить нашихъ читателей. Всего болѣе поэтическаго настроенія замѣчаемъ мы въ хивинскомъ ханствѣ. Эта часть Средней Азіи уже въ началѣ 12-го вѣка прославилась особенною способностію къ музыкѣ, хорошими голосами, замѣчательными поэтами и поэтессами. (Не болѣе, какъ 50 лѣтъ

тому назадъ при дворѣ Каджаровъ въ Тегеранѣ весьма славились хивинскіе игроки на лютнѣ). Въ Бухарѣ только до времени преобладанія турецкихъ элементовъ было нѣсколько поэтическихъ знаменитостей, каковы, напр., Рудеки и Фигани, которыхъ, однако же, скорѣе должно отнести къ персидской литературѣ. Относительно же Хивы я долженъ замѣтить, что меня всегда сильно поражало, когда случалось слышать какого-нибудь неуклюже одѣтаго узбека, съ дикими, загорѣлыми чертами лица, поющаго нѣжную мелодію; точно такъ же страсть къ нѣню поражаетъ путешественника у туркменовъ и у киргизовъ. Для этихъ людей музыка и поэзія—величайшее удовольствіе послѣ счастливаго набѣга; какъ бы ни были утомлены и голодны эти хищники, они все-таки съ большимъ удовольствіемъ останоятся послушать повстрѣчавшагося на дорогѣ бакши (трубадура). Возвратившись съ разбойничьяго набѣга или съ другихъ геройскихъ подвиговъ, молодые воины обыкновенно цѣлую ночь проводятъ за поэзіею и музыкою. Въ пустынѣ не знаютъ почти никакихъ пріятностей жизни, но бакши всегда найдется; кромѣ того, хотя бакшей въ пустынѣ и много, и сами кочевники занимаются поэзіей. Умѣнье подобрать рѣмому считается признакомъ образованія и молодая дочь пустыни всегда предпочтетъ того изъ своихъ обожателей, который отвѣтитъ удачными рѣмами на ея рѣмованные вопросы.

Поэзія узбековъ состоитъ прежде всего изъ разсказовъ, относящихся или къ религіозной жизни или къ славнымъ подвигамъ героевъ. Первые принаровдуются муллами или болѣе образованными бакши къ

мѣстному вкусу и заимствуются изъ арабско-персидскихъ источниковъ, а послѣдніе суть чисто татарскія произведенія, отличающіеся иногда жгучимъ языкомъ и удачными метафорами.

Разказы о подвигахъ героевъ, по формѣ похожіе на наши романсы, бывають довольно большихъ размѣровъ; они часто декламируются или поются по нѣсколькѣ вечеровъ сряду и хотя исламъ играетъ иногда въ нихъ важную роль, но преимущество отдается тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ туземные герои дѣйствуютъ на извѣстномъ всѣмъ историческомъ поприщѣ. Образцомъ послѣдняго рода произведеній можетъ служить одно, пользующееся теперь большою популярностію въ Средней Азіи. Оно называется:

Ахмедъ и Юсуфъ

и представляетъ исторію двухъ сыновей героя, которые, поге patria, уже въ ранней юности предпринимають хищническіе набѣги противъ еретическаго Ирана, при чемъ побудительною причиною представляется не столько страсть къ приобрѣтенію сокровищъ, сколько наказаніе невѣрныхъ шитовъ. Исторія начинается съ того, что Юсуфъ увѣщаетъ своихъ героевъ, собравшихся въ походъ, слѣдующимъ образомъ: «Негодяя никогда къ себѣ не приобщайте, потому что онъ выдастъ самыя сокровенныя ваши тайны. Не говори о тайнѣ твоей въ дурныхъ мѣстахъ, потому что тогда она перестанетъ быть тайною. Лучше голый листъ, чѣмъ лишенная прелестей роза. Лучше сухая земля, чѣмъ ни къ чему негодный злакъ. Лучше палка, чѣмъ неразумный слѣтчикъ. Ибо онъ открываетъ

твоимъ врагамъ направленіе твоего пути. Никогда не наставляй на путь глупца (мужика), ибо онъ, самъ не сознавая того, все-таки попадетъ въ яму несчастія. Когдаходишь гостемъ къ негодяю, то онъ, подобно маленькой собакѣ, нападетъ на тебя и обнаружитъ свой порокъ. О, я желалъ бы быть жертвою предъ образцомъ истиннаго героя! Онъ извлекаетъ свой мечъ только на погибель невѣрныхъ. Съ трусомъ не ходите на враговъ, потому что онъ обнаружитъ вмѣстѣ съ своими и твои слѣды.» Юссуфъ-бегъ говоритъ: «Теперь наступило такое время. Это отечество для насъ, друзья, болѣе недоступно. Глупцы не знаютъ своего собственнаго положенія, они говорятъ съ гнѣвомъ и выказываютъ свой злой языкъ».

Герои отправляются, молва объ ихъ подвигахъ распространяется далеко и, разумѣется, достигаетъ ихъ отчизны. Тамъ господствовали въ то время мелкіе князья, изъ коихъ одинъ хочетъ принять къ себѣ на службу этихъ знаменитыхъ воиновъ. Такова обыкновенчая карьера военнаго ремесла и Юссуфъ принимаетъ предложеніе, но только съ согласія своихъ товарищей по оружію. Они снова отправляются въ походъ противъ Гюзель-Шаха, правителя Испагани. Персидская хитрость преодолеваетъ узбекскую силу. Оба князя попадаютъ въ плѣнъ и отводятся въ оковахъ въ Иранъ. Несчастіе вызываетъ тяжкую скорбь въ сердцѣ героя, и такъ какъ обращаться къ окружающимъ врагамъ было бы бесполезно, то онъ изливаетъ свое горе передъ окрестными высокими горами и говоритъ:

«Вы, покрытыя снѣгомъ, цвѣтистыя горы, видѣли

ли вы, что со мною случилось? Я сдѣлался рабомъ этихъ невѣрныхъ; видѣли ли вы мое паденіе? Моими слезами не трогается никто, однѣ только горы содрагаются отъ нихъ. Видѣли ли вы, какъ я долженъ былъ вступать сюда, покрывая свою голову ударами кнута? Невнимательны были мои сотворищи, — увы! я плачу кровавыми слезами. Какъ я взялъ съ собою Ахмедъ-Бека и пришелъ сюда, видѣли ли вы? Кровь я пью, въ этомъ мірѣ слишкомъ велика скорбь моя. Невѣрные были на коняхъ, а я шелъ пѣшкомъ, видѣли ли вы это?» Юсуфъ-бегъ говоритъ: «Моя внутренность сожжена, моя скорбь безконечна. Какъ я вступалъ сюда съ связанными руками, повинуюсь волѣ коня, видѣли ли вы это?»

Его бросаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ находитъ себѣ товарища въ изнывающемъ тамъ же суннитѣ, навлекшемъ на себя гнѣвъ персидскаго царя за ворожбу и предсказанія, и благодѣтельную подругу въ дочери тюремщика, которая влюбилась въ него. До сихъ поръ описывались только битвы, геройскіе подвиги и религиозное рвеніе. Съ этого же времени въ исторію вмѣшивается и любовь. Юсуфъ-бегъ оставилъ дома сестру и возлюбленную. Первая, тщетно ожидая его возвращенія, горько жалуется и приглашаетъ своихъ служанокъ распустить волосы въ знакъ горести, а послѣдняя, и въ разлукѣ пылая страстью къ Юсуфу, посылаетъ къ нему съ любовнымъ посланіемъ ручныхъ журавлей, давая имъ слѣдующее порученіе: «О, пять журавлей Юсуфъ-бега! Взвейтесь и летите къ городу N. Напрягите свои силы и перелетите горы. И увидавъ Юсуфъ-бега, слѣшите назадъ, чтобы

соколы не запри́мѣтилъ въ открытомъ полѣ перьевъ на вашихъ крыльяхъ. Я бѣдна, благодаря моему сердцу. Летите же; выспросивъ его о здоровьѣ, спѣшите скорѣе назадъ. Я была нѣкогда розою міровъ, но отлетѣлъ соловей дубравы моей. Если мой другъ живъ, то спѣшите назадъ, бодро взмахивая крыльями. Если же алыя розы поблекли, если его жизнь погасла, если мой другъ умеръ, то облекитесь въ трауръ и, плача, возвращайтесь назадъ. О Боже! восклицая, потрясите воздухъ крыльями вашими, съ мольбою обратите взоры ваши къ небу! Летите отъ города Юргендшъ. Взвейтесь и летите къ городу N. Дождитесь вѣрнаго извѣстія и спѣшите назадъ. О, услышите вопли Гюль-Ассели. Передайте ему моего сердца скорбь. Ахъ, летите же къ его могилѣ. Возьмите немного праха для меня и спѣшите назадъ.»

Птицы съ жалобными криками вьются надъ тюрьмою своего несчастнаго господина, который замѣчаетъ ихъ и отсылаетъ на родину съ такимъ порученіемъ:

«О, вы, вьющіеся волнообразными кругами въ воздухѣ журавли. Летите, передайте мое привѣтствіе моему народу. О, вы, озирающіеся вправо и влѣво журавли, летите, передайте мое привѣтствіе моему народу. Высоко въ воздухѣ летитъ и паритъ журавль. Утомляются его крылья на долгомъ пути. Здѣсь въ темницѣ снова движется скорбь моя. О, передайте же мое привѣтствіе моимъ сродникамъ. Городъ Харезмъ — мое отечество. Тамъ остался мой другъ и моя возлюбленная. Мою добрую, мою дорогую, мою нѣжную, о, привѣтствуйте ее, мою мать, мою Каабу. На горѣ скорби растутъ сосны высокія, высокія. О,

молитесь за меня вы всѣ, молодые и старые. Мрачная осень наступила для меня; о, еслибы распустилась снова почка жизни. О, поклонитесь моей малой, бѣдной сестрѣ. Поклонитесь той, которая кругомъ озирается, поджидая меня съ ранняго утра. Боторая пыломъ разлуки сожигаетъ свою внутренность. Боторая, облекшись въ трауръ, плачетъ, распустивъ волосы. Боторая, смотря на дорогу, горестно вздыхаетъ: «онъ не пришелъ!» Боторой сердце пусто и мрачно отъ разлуки со мною, — мою дорогую подругу, разумью я, мою Гюль-Ассель; о, поклонитесь ей! Ты прибудешь отсюда черезъ день въ Харезмъ, на пути пролетишь черезъ семь горъ. Замѣть себѣ, ты видѣлъ Юссуфъ-бега, о журавль, привѣтствуйте трусливыхъ беговъ отъ меня».

Птицы улетаютъ, герои же еще долго изнываютъ въ темницѣ. Наконецъ ихъ приговариваютъ къ смерти. Но чудесная сила сунитскихъ святыхъ спасаетъ ихъ. Обращенное на нихъ оружіе притупляется. Персидскій тиранъ обращаетъ на это вниманіе и приказываетъ привести къ себѣ героевъ. Главнымъ условіемъ для полученія свободы Юссуфу предложено состязаться въ импровизаціи съ придворнымъ шутомъ Бѣтче, и, если онъ превзойдетъ послѣдняго въ поэтической способности, то ему позволено будетъ свободно возвратиться въ отечество. Юссуфъ импровизируетъ съ чрезвычайною смѣлостію. Онъ воспѣваетъ хвалу не тирану, а самому себѣ, говоря:

«Мой народъ — прекрасный народъ. Его зима лѣто. Садовники воздѣлываютъ его сады; плоды приносятъ его деревья; въ бѣлыхъ шатрахъ покоятся его старцы, кругомъ охотятся его юноши. Дружнымъ

обществомъ живетъ его молодежь, въ наслажденіи и удовольствіяхъ проводя время. Быстры, какъ вѣтеръ, его кони: они оставляютъ тебя позади. Высоко взлетаютъ его птицы, въ гнѣвѣ уносятъ онѣ даже людей. И если бы когда дошло туда извѣстіе обо мнѣ — въ одинъ день оттуда придетъ цѣлая армія. Изъ шести фунтовой проволоки сдѣланы тетивы его луковъ. Справедливо правятъ его князья, пристрастіе далеко отъ нихъ.... Слушай меня, Гюзель Шахъ, невѣрный; если я возвращусь сюда съ тѣмъ, чтобы вести войну съ тобою, то знай, что одинъ взмахъ руки убиваетъ 100,000. Мечи народа моего изъ Испагани. Въ его городахъ богатые рынки; его поля походятъ на тюльпановыя клумбы. Оленями, зайцами и соколами изобилуютъ его луга. Ихъ щедродатели подобны Хатемамъ, ихъ вожди подобны Берамамъ. Они — Рустемы въ день битвы, герои на полѣ сраженія. Я невольникъ безъ силы, но невѣрнымъ мало до этого дѣла. Безъ предопредѣленія не умираетъ и муха; не заставляй же меня напрасно лить слезы.»

Онъ побѣждаетъ, отправляется обремененный сокровищами въ Юргендшъ и наконецъ счастливо достигаетъ отечества, гдѣ пріемъ его описанъ въ трогательныхъ, въ высшей степени поэтическихъ картинахъ. Повидавшись съ своею возлюбленною и съ своею сестрою, Юссуфъ пошелъ съ ними къ своей матери, Лалаханъ, которая отъ многолѣтнихъ слезъ почти потеряла зрѣніе. Ей приносятъ радостное извѣстіе, но она сначала не вѣритъ и говоритъ:

«Собрушила меня моя тоска; неужели же я еще увижу тебя, дорогое дитя? Давно я сижу, устре-

мивъ жгучіе взоры на дорогу и ужели, дѣйстви-
тельно, я еще увижу тебя, мое дорогое дитя? Погру-
женная въ скорбь, я только вздыхала по тебѣ, глаза
мои трепетно поджидаютъ тебя. Весь міръ хочу я
обыскать, неужели я еще тебя найду, мое дорогое
дитя? Должна ли я, подобно соловью, запѣть жалоб-
ную пѣснь, или, подобно Мансуру, подвергнуться
истязаніямъ. Должна ли я, подобно Дширпису, про-
ливать кровавыя слезы, найду ли я тебя опять, мое
дорогое дитя? и т. д.»

Къ ней приводятъ Юссуфъ-бега. Онъ останавли-
вается вдали и, услыхавъ сѣтованія своей матери,
въ словахъ еще болѣе жалобныхъ изливаетъ предъ
нею свою скорбь по поводу злополучной ихъ раз-
луки. Мать узнаетъ его по голосу. Внѣ себя отъ
радости, она привѣтствуетъ сына слѣдующими сло-
вами:

«О ты, семь лѣтъ изнывавшій въ неволѣ, о ты,
бальзамъ моего израненнаго сердца! Заблестала звѣз-
да моего счастья, миновала ночь моихъ страданій. О,
бнязь моего народа и земли, ты Рустемъ, ты герой
міра. Мой Юссуфъ, мое блестящее солнце, мое утѣ-
шеніе, сила моей жизни. Ты вѣнецъ счастья моей
главы, ты украшеніе моей жизни. Своего сына обрѣ-
ла Лалаханъ; Всемогущій послалъ ей свою милость.
Прочь изъ груди моей всякая скорбь, всякая забо-
та, ибо Юссуфъ, мое дитя, воротился ко мнѣ!»

Вскорѣ затѣмъ совершается бракъ любящейся четы.
Но геройская кровь не даетъ покоя искателю при-
ключеній. Онъ снова собираетъ войско, въ которое
вступаютъ всѣ народы Средней Азіи. Онъ намѣренъ

отомстить Гюзель-Шаху. Его оружіе увѣнчивается успѣхомъ, персы побѣждаются; Камберъ, бывший нѣкогда его товарищъ, освобожденъ и Юсуфъ со славою возвращается домой, обложивъ побѣжденнаго слѣдующею данью.

Требованія Юсуфа отъ Гюзель-Шаха.

«Онъ долженъ отдать мнѣ весь харадшъ города N. Онъ долженъ прислать мнѣ 40,000 затканыхъ золотомъ шелковыхъ матерій и 40,000 шимхаловъ (тяжелыхъ шелковыхъ матерій). Всѣ получаемыя имъ пошлины и налоги онъ долженъ передать мнѣ, также прислать 40,000 роскошныхъ одѣяній, 40,000 боевыхъ коней съ золотыми сѣдлами, 40,000 верблюдовъ самцовъ и самокъ, 40,000 молодыхъ невольниковъ съ золотыми поясами, 40,000 юношей съ прекрасными глазами, 40,000 штукъ откормленнаго рогатаго скота, 40,000 носороговъ, на цѣпяхъ, 4000..... обитыхъ золотыми гвоздями, 40,000 сѣрыхъ соколовъ, 40,000 плетей съ симметрически вбитыми гвоздями, съ серебряными ремнями и съ украшенными золотыми блестками рукавками, 40,000 пѣгихъ лошадей, 4000 лисицъ, 40,000 благородныхъ коней съ загнутыми дугою хвостами, 40,000 пѣхотинцевъ, 40,000 всадниковъ, 40,000 молодцовъ, вожатыхъ для каравановъ, такихъ, у которыхъ съ головъ ниспадаютъ черныя кудри и лице покрыто родимыми пятнами. Онъ обязанъ дать мнѣ 40,000 дѣвъ необычайной красоты и съ золотыми поясами, 40,000 шапокъ и 60,000 тюрбановъ; также 70,000

овець и барановъ съ двойными рогами долженъ онъ прислать. Юссуфъ-бегъ говоритъ: въ скоромъ времени, долженъ онъ все это мнѣ приготовить и 100,000 русскихъ талеровъ и 10 блюдъ золота долженъ онъ прислать.»

Таково вкратцѣ содержаніе одного изъ узбекскихъ романовъ. Такихъ романовъ существуетъ у нихъ безчисленное множество и туземцы особенно любятъ эти произведенія ихъ литературы. Тамъ и сямъ и религію примѣшиваютъ къ храбрости. Герои берутся изъ міра ислама, какъ напр., въ рассказѣ о Зергумъ-Шахъ, гдѣ Али чудеснымъ образомъ побѣждаетъ этого языческаго владѣтеля Ирана и обращаетъ его въ исламъ. Здѣсь поэтическое изображеніе сраженій, по силѣ воображенія, можетъ соперничать съ поэмами Аріоста и Боярді. Кромѣ того въ романы эти входитъ иногда и исторія, какъ, напр., въ безчисленныхъ сказаніяхъ о Эбу-Муслимѣ, полководцѣ абассидовъ, впоследствии сдѣлавшемся независимымъ владѣтелемъ Хорассана и Харезма. Не смотря на значительную давность событій, каждый узбекъ покажетъ въ великой пустынѣ, отдѣляющей его отечество отъ Персіи, много мѣстъ, гдѣ нѣкогда былъ лагерь арабскаго полководца, гдѣ онъ давалъ сраженія и совершалъ сверхъестественные героическіе подвиги. Въ заключеніе еще должно упомянуть объ эпопеяхъ, воспѣвающихъ древнихъ князей изъ дома Шахъ-Харезміанъ. Какъ въ этихъ эпопеяхъ, такъ и въ тѣхъ, въ коихъ воспѣваются Мехеметь-Эминъ-ханъ хививскій и Мехеметь-Али-ханъ коканд-

свій, можно найти много картинъ, указывающихъ на національное чувство и гордость узбековъ.

Вслѣдъ за этими, всегда очень длинными, произведеніями слѣдуютъ болѣе короткія поэтическія произведенія, имѣющія предметомъ любовь, мораль и героическую доблесть вообще, или же содержащія въ себѣ особыя наставленія: какъ владѣть оружіемъ и дрессировать лошадей, и указывающія на обязанности хорошаго воина. Это уже произведенія не столько образованныхъ писателей, сколько простыхъ гражданъ, бакшей по профессіи, людей, не умѣющихъ читать и писать и заставляющихъ другихъ записывать свою импровизацію, или же наконецъ поэтическія измѣненія женщинъ и дѣвицъ, снѣдаемыхъ пламенемъ страсти. Я вывезъ изъ Азіи сборникъ подобнаго рода пѣсней. Я нашелъ его, написаннымъ на грязной бумагѣ, дурнымъ почеркомъ, въ переплетѣ изъ грубой кожи, у одного бакши изъ туркменовъ, который носилъ этотъ *opus sigiosum*, запрятаннымъ въ широкихъ своихъ голенищахъ. Въ сборникѣ этомъ можно, дѣйствительно, найти много страннаго, если не изычнаго. Мы приведемъ нѣсколько образчиковъ подъ именами поэтовъ, изъ коихъ нѣкоторые, кажется, псевдонимы. Вотъ, напр., одно изъ этихъ произведеній, въ чисто восточномъ стилѣ оплачивающее непостоянство и суетность свѣта.

Аллахъ Яръ.

1) Строить замки въ этомъ мірѣ вещь бесполезная; подъ конецъ все обратится въ развалины, и строить, поистинѣ, не стоитъ труда.

2) День и ночь истязая каждого бѣднаго стран-

ника, постоянно работать и напрягаться, по истинѣ, не стоитъ труда.

3) Друзья! мучить и тревожить другъ друга въ этомъ мірѣ изъ-за мимолетныхъ благъ, по истинѣ, не стоитъ труда.

4) Изъ тщеславія и одного удовлетворенія своей страсти беспокоить больныхъ и слабыхъ, по истинѣ, не стоитъ труда.

5) Разорять страны ислама и, истребляя, обнажать свой мечъ, по истинѣ, не стоитъ труда.

6) Обременять налогами, поборами, сотнею скорбей и заботъ, мулла хадши, да и весь міръ мучить, по истинѣ, не стоитъ труда.

7) Какъ можешь ты, Аллахъ Яръ, выносить жизнь въ этомъ мірѣ; ты мучишься изъ-за того, чтобы погибнуть, — это, по истинѣ, не стоитъ труда.

Затѣмъ, вотъ любовныя стихотворенія, напр:

Рефнакъ.

1) Однажды вечеромъ пошелъ я къ моей подругѣ, ногами наступая тихо. Сладкимъ сномъ снала дорогая. Я обнялъ ее тихо, тихо.

2) Я взялъ поцѣлуй съ ея губъ и усладилъ имъ свою душу; я обвилъ ея нѣжныя бедра и поцѣловалъ ее еще разъ тихо, тихо.

3) Я сказалъ: «Поцѣлуй же меня.» — «Какъ, и тебѣ не стыдно?» отвѣчала она. «Откуда ты пришелъ, туда и иди скорѣе, ступая ногами тихо, тихо.»

4) Я разыгралъ упорнаго и не хотѣлъ идти. Она схватила мою руку и отодвинула меня. Нако-

нець я увидалъ, что нѣтъ иного исхода и потому пробрался дальше тихо, тихо.

5) Я пошелъ, но не выдержалъ и снова воротился назадъ. «О безжалостная», дай же мнѣ умолялъ я, «поцѣлуй тихо, тихо.

6) (Слишкомъ своеобразно, чтобъ могло прійти по вкусу намъ, европейцамъ).

7) Рефнакъ говоритъ: «такъ какъ весь мiръ полонъ шутокъ и насмѣшекъ, то никто не порицай меня и читай это тихо, тихо.

Мешрефъ.

1) Пламенемъ горитъ моя душа, а подруга еще неидетъ. Что я говорю, подруга? Возлюбленная моего сердца еще неидетъ.

2) Вся моя внутренность перегорѣла въ пепель отъ любви къ этой кипарисоподобной. Она такъ жестока, я не прихожу ей на умъ совѣзмъ.

3) Ея кудри вижу я во снѣ и въ глубокой скорби просыпаюсь утромъ я. И отъ волосъ этихъ кудрей мое сердце все-таки не можетъ оторваться.

4) Ленла и Мегнунъ учатся у меня любви, а моя милая, дорогая все-таки не обращаетъ вниманія на мою любовь.

5) Жизнь безумнаго Мешрема, кажется, близка къ концу, а безстрашно порхающая все еще не думаетъ обо мнѣ.

Фуцули.

1) Твердо держись помочей скромности, ибо нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ быть скромнымъ. Нескром-

ный, замѣть это, никогда не уйдетъ далеко ни въ этомъ, ни въ томъ свѣтѣ.

2) Не порхай, дорогая птичка, слишкомъ высоко въ воздухѣ, а сядь на руку царя! Ибо слишкомъ высоко летающій соколъ никогда не употребляется въ жизни для охоты.

3) Требуй сокровищъ только у Бога; у него ихъ большой запасъ, и если на твою долю придется даже только одна капля, то и ея будетъ довольно: она никогда не изсякнетъ.

4) На кого съела птица счастья, тотъ летитъ высоко даже безъ крыльевъ, а кому на долю выпалъ черный жребій, тотъ едва можетъ поднять свою собственную руку.

5) Будь всегда покорень и сокрушень духомъ, ибо кто страдаетъ жаждою золота, тотъ никогда не насытится.

6) Фуцули, ты живи въ этомъ мѣрѣ только для дружбы. Въ лишенномъ дружбы сердцѣ царствуетъ зима и никогда не можетъ быть въ немъ лѣта.

Незими.

1) Въ субботу встрѣтилъ я гипарисоподобную милую мою, она сдѣлала меня помѣшаннымъ и екитальцемъ по свѣту.

2) Въ воскресенье я впалъ въ сумашествіе и повалился безъ чувствъ. Я увидѣлъ ея лицо и принялъ его за свѣтящую луну.

3) Наконецъ въ понедѣльникъ раскрылъ я тайну моего сердца ей, чьи глаза подобны нарциссамъ, щеки — розамъ, а брови — дугѣ.

4) Во вторникъ сдѣлаися я охотникомъ и пошелъ въ поле (гулять). Но я самъ сдѣлаися добычею охоты и палъ жертвою вѣчно недоступной.

5) Въ среду моя прекрасная гуляла по лугу; соловей увидалъ ея ликъ и запѣлъ нѣжную пѣснь.

6) Въ четвергъ я сказалъ дорогой моею: «О, полушай же моего совѣта, скрой же свою тайну отъ добраго и злаго свѣта.

7) Въ пятницу наконецъ Незими увидалъ вполнѣ ея красоту и до-сыта упилися шербетомъ ея розовыхъ губъ.

Эти образцы хотя и не совсѣмъ удовлетворяютъ своими поэтическими красотами нашему европейскому вкусу, но достаточно доказываютъ, что среднеазіяты, не смотря на ихъ грубыя общественныя отношенія, не смотря на вѣчныя войны и разбои, не лишены все-таки поэтическихъ чувствъ и нѣжныхъ выраженій любви. Болѣе значительные люди хотя и не пренебрегаютъ этими произведеніями народной поэзіи, но желаютъ выказывать болѣе утонченный вкусъ, высшее образованіе и восхищаются произведеніями древнихъ персидскихъ поэтовъ, или книгами Неваи, этого перваго изъ джагатайскихъ поэтовъ, выступившаго въ томъ смыслѣ совершенства, въ которомъ остальные поэты магометанскаго образованнаго міра приобрѣли себѣ извѣстность. Неваи — ученикъ знаменитаго шейха Абдуррахмана-Дшами, бывший въ разное время министромъ, полководцемъ и губернаторомъ нѣсколькихъ провинцій, представляетъ рѣдкій поэтический геній и притомъ весьма плодовитый. Онъ

оставилъ послѣ себя болѣе 32 самостоятельныхъ произведеній по части поэзіи, исторіи, морали и логики, и хотя сочиненія его проникнуты не средне-азіятскимъ, а чисто персидскимъ характеромъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать за нимъ той заслуги, что онъ облагородилъ турецкое нарѣчіе Средней Азіи. Приведемъ изъ его «Дивана» нѣсколько пѣсней, которыя и теперь поются въ Средней Азіи имъ самимъ сложеннымъ напѣвомъ.

Неваи.

1) О сердце, приди, поищемъ вмѣстѣ любезную, поищемъ кипарисоподобную, серебристошевую.

2) Такъ какъ дорогую нашихъ очей высмотрѣлъ другой, то вѣдь и мы имѣемъ глаза и потому поищемъ себѣ другую.

3) Она улаживаетъ взоръ людей только прахомъ смерти, къ чему же томиться страстью? Поищемъ же себѣ другую красавицу.

4) И если бы я не нашелъ подобной тебѣ, милой, повергающей весь міръ въ бѣдствіе, то найду смиренную, скромную, но сострадательную.

5) Поля и нивы мы объжмимъ ради дорогой, садъ разслѣдуемъ, луга объищемъ.

6) Хотя желать полезно, но желаніе не должно же остаться неисполненнымъ; между большими и малыми, вездѣ, гдѣ только можно, мы поищемъ ее

7) О, Неваи, ты вѣчно будешь искать ее; поэтому, прежде, чѣмъ сойтися съ нею, поищемъ терпѣнія и твердости.

Неваи.

1) Вдали отъ дорогой сердце подобно странѣ безъ царя. Страна безъ царя — какъ тѣло безъ души.

2) Что пользы въ тѣлѣ безъ души, о мусульманинѣ? Оно подобно черной землѣ безъ душистыхъ розъ.

3) Черная земля безъ душистыхъ розъ подобна темной ночи безъ лучистой луны.

4) Темная ночь безъ лучистой луны похожа на мракъ, въ которомъ нѣтъ никакого источника жизни.

5) Мракъ безъ всякаго источника жизни подобенъ аду, не имѣющему райскихъ луговъ.

6) О, Неваи, такъ какъ прекрасныя причиняютъ намъ столько мученій, то нѣтъ сомнѣнія, что въ разлукѣ много скорби, а въ свиданіи нѣтъ ни малѣйшей помощи.

Изъ произведеній Наваи хороши еще: «Тшихарди-вапъ», въ которомъ онъ воспѣваетъ различные возрасты человѣка, потомъ передѣлки извѣстныхъ романсовъ: «Фергадъ и Ширинъ», «Медшунъ и Леила», «Юссуфъ и Зюлейка» и др., или наконецъ переложенія въ стихи нѣкоторыхъ сказокъ изъ «Тысячи и одной ночи», изъ коихъ самое удачное: «Принцъ Зейф-уль-Мулукъ». Для образчика возьмемъ изъ него слѣдующее:

Какъ Зейф-уль-Мулукъ отправляется изъ города Тшинъ въ морю.

1) Приди, рассказчикъ, повѣдай намъ, какъ царскаго сына постигла плачевная участь.

2) Разбазчикъ отвѣчалъ: «поистинѣ это не легко для меня, ибо мечъ горести разсѣкаетъ грудь».

3) Къ отъѣзду принцъ приказалъ все приготовить и освѣдомился сначала о городѣ Катине.

4) Вскорѣ были получены удовлетворительныя свѣдѣнія и все имущество было перевезено на корабли.

5) Всѣ люди также сѣли на корабли; вожди стояли на-готовѣ и снаряжено было войско.

6) Тогда принцъ также отправился на корабль, ввѣривъ свое тѣло искусству Божію (кораблю).

7) Кормчіе открыли шествіе; за ними слѣдовала безконечная вереница кораблей.

8) Вотъ принцъ сидитъ въ сладкихъ мечтахъ, съ улыбкою на устахъ и съ сердцемъ, свободнымъ отъ всякихъ заботъ.

9) Такъ плылъ онъ по волнамъ шесть мѣсяцевъ, тщательно охраняя путь сторожевыми лодками.

10) Но скоро рокъ далъ ему почувствовать жало зависти и злобно возсталъ противъ него.

11) Море снова взволновалось и препоясало свои чресла убійственнымъ мечемъ.

12) Оно разверзлось и дико исторгнуло изъ него потокъ, но со всѣхъ сторонъ полный потоковъ огня.

13) Каждое мгновеніе рождаетъ новыя ужасы, каждое мгновеніе потрясаетъ тысячи душъ.

14) Свирѣпо вздымаются волны и грозятъ мощными валами, кровожадною пастью свистятъ и шипятъ морскіе потоки.

15) Поднимается черный ужасный вѣтеръ, горизонтъ покрывается непрогляднымъ мракомъ и дикіе стоны раздаются съ поверхности моря.

16) Солнечный день дѣлается мрачнѣйшею ночью! Какой ужасный день! Это картина послѣдняго суда.

17) Куда ты ни взглянешь, не видно ни единого человѣка; не видно даже руки передъ глазами; все всюду покрыто водою.

18) Безпрерывно качаются и катятся соленыя волны и поднимаютъ корабли какъ будто на ноги.

19) Безпрерывно шумить и рычить сердитое море и бѣшено вздымается изъ глубокихъ безднъ.

20) Раздается ударъ, дико вскрикиваютъ твари; подумаешь, что это день воскресенія мертвыхъ.

21) Въ ужасной суматохѣ одинъ корабль налетать на другой; они трещать и погружаются въ морскую бездну.

22) Ломаются мачты, въ куски разлетаются доски; нѣтъ возможности спастись.

23) Эти сто кораблей, сказалъ разскащикъ, эти люди, это имущество.

24) Все разбивается о морской берегъ; никакого слѣда не осталось на поверхности воды.

Литература, слабый очеркъ которой мы представили на предъидущихъ страницахъ, распространена по всей области, занимаемой осѣдлыми туркестанцами. По мѣрѣ удаленія отъ границъ этой области въ степь, исламъ все болѣе и болѣе слабѣетъ и начинается переходъ отъ магометанской цивилизаціи къ древней шаманской. У киргизовъ, болѣею частью исповѣдующихъ исламъ, можно еще кое-гдѣ встрѣтить поэтическое произведеніе, сложившееся въ хан-

ствахъ, но уже экзотическимъ этимъ растеніямъ предпочитаютъ туземныя. Тамошняя народная поэзія составляетъ переходный пунктъ отъ образъ упонятій одного общества къ образу понятій другаго. Уже на разстояніи двухъ дней отъ береговъ Яксарта, или къ сѣверу отъ Аральскаго моря, бакши только тогда можетъ благоденствовать, если у него есть въ запасѣ стихи или рассказы чисто киргизскаго характера. Поэзію дикихъ обитателей степей можно назвать скорѣе странною и оригинальною, чѣмъ изящною. Въ ней иногда встрѣчаются удачныя картины, а иногда одни только прерывистыя восклицанія и отдѣльные стихи безъ малѣйшей связи. Такъ какъ тамъ каждый человѣкъ — поэтъ, то и всякое стихотвореніе не долго сохраняетъ свою оригинальность. Къ нему или прибавляютъ новое или отбрасываютъ что нибудь изъ стараго, и только весьма немногіе не прибавляютъ къ пѣснѣ минутныхъ впечатлѣній своей фантазіи.

Изъ любовныхъ пѣсенъ киргизовъ Левшинъ приводитъ, на 380-й страницѣ своей книги, одну маленькую пѣсенку, которая не лишена своего рода прелести:

«Видишь ли ты этотъ снѣгъ? Тѣло моей возлюбленной еще бѣлѣе его.

«Видишь ли ты текущую кровь убитаго ягненочка? Ея щеки ярче еще.

«Видишь ли ты стволъ этого сожженнаго дерева? Ея волосы еще чернѣе.

«Знаешь ли ты, чѣмъ пишутъ муллы нашего хана? Еще чернѣе ихъ чернилъ ея брови.

«Видишь ли ты эти раскаленные угли? Еще большимъ огнемъ блистають глаза ея».

Онъ приводитъ еще другія пѣсни, состоящія изъ отрывочныхъ изреченій безъ всякой между собою связи, какъ напр.: «Соколъ бросился на утѣкъ, на стадо, на большое стадо. И я совсѣмъ боленъ и едва думаю о пищѣ». Или: «Тамъ внизу есть высокая ель; на нее палъ туманъ. Вчера она позвала меня къ себѣ. Когда-нибудь она придетъ сама поласкать меня, и т. д.» Такія отрывистыя мысли встрѣчаются болѣе или менѣе во всѣхъ чисто народныхъ стихотвореніяхъ восточныхъ жителей; нѣкоторые слѣды ихъ можно даже найти у венгерцевъ, какъ напр. «Три яблока съ половиною; я пригласилъ тебя, но ты не пришла», или: «Высоко летаетъ журавль, прекрасно распѣвая: моя дорогая сердится, ибо не говоритъ со мною, и т. д.»

Сказокъ или разсказовъ о геройскихъ подвигахъ, изложенныхъ въ стихахъ или прозѣ, у кочевниковъ очень много. Въ нихъ преобладаетъ болѣе литературный характеръ турецкихъ племенъ южной Сибири, чѣмъ южныхъ среднеазіатскихъ сосѣдей; я слышалъ много сочиненій киргизскихъ бакшей, которыя, съ небольшими варіаціями и съ нѣкоторою діалектической разницею, встрѣчаются въ недавно вышедшей книгѣ д-ра Радлофа: «Образцы народной литературы турецкихъ племенъ южной Сибири». Въ приводимыхъ мѣстахъ и сказкахъ ученый Шифнеръ находитъ слѣды буддистскаго вліянія; точно также нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ сказокъ (иртеги) теперешнихъ кирги-

зовъ дошли къ нимъ съ дальнаго юго-востока черезъ Джунгарію, ибо направлявшійся съ юго-запада исламъ никогда не могъ твердо укорениться по другую сторону Яксарта и конечно еще менѣе можетъ укорениться теперь, когда съ сѣвера устремляется туда приливъ русскаго вліянія. Въ заключеніе мы приведемъ еще сказку киргизовъ, принадлежащихъ, по европейскому выраженію, къ малой ордѣ, а по мѣстному — носящихъ названіе мангишлакъ-казаковъ. Сказка эта заимствована изъ книги Бронислава Залѣскаго, польскаго изгнанника, который девять лѣтъ провелъ въ степи и по возвращеніи въ Парижъ въ 1865 году напечаталъ ее тамъ подъ заглавіемъ: «*La vie des steppes kirghizes.*»

Исторія Бугула.

Человѣкъ на небѣ немощенъ безъ Бога, на землѣ безсиленъ безъ лошади.

Жилъ нѣкогда одинъ киргизъ, по имени Буруцгай. У него было много овецъ и лошадей, и ничего бы ему не доставало, если бы Богъ не отказалъ ему въ дѣтяхъ. Одинокъ онъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ никогда не совершалъ обычной молитвы, никогда не соблюдалъ предписанныхъ постовъ. Однажды его одолѣла скорбь, что у него нѣтъ семейства, и онъ рѣшился посѣтить святыя мѣста, въ надеждѣ, что Богъ услышитъ его молитвы и дастъ ему сына. Онъ сковалъ себѣ изъ желѣза обувь, взялъ въ руки желѣзную палку и такимъ образомъ отправился въ путь. Онъ шелъ и шелъ десять лѣтъ, а можетъ быть и болѣе. Такъ много, такъ

много шель онъ, что его желѣзные башмаки совсѣмъ износились, а отъ палки осталась только ручка. Наконецъ онъ упалъ на землю и лежалъ распростертый. Велики были его страданія, потому что онъ не могъ ни встать, ни умереть. Вдругъ явился передъ нимъ святой мужъ, который, увидавъ его лежащимъ на землѣ, и пожалѣвъ объ немъ, наклонился къ нему и спросилъ, что съ нимъ сдѣлалось. Буруцгай не могъ издать ни единого звука; святой мужъ палъ на колѣни, прочелъ свою молитву и просилъ Всемогущаго разрешить языкъ несчастнаго. Едва только онъ кончилъ, какъ Буруцгай почувствовалъ, что силы его возвращаются и рассказалъ святому о себѣ, кто онъ такой и по какой причинѣ покинулъ свой аулъ.

Святой мужъ немного отошелъ въ сторону и молился до тѣхъ поръ, пока Богъ сказалъ ему: «ты угодилъ мнѣ; я исполню твое желаніе. Но зачѣмъ ты такъ заступаешься за Буруцгаю; онъ вѣдь не платитъ податей, не творитъ молитвы, не соблюдаетъ постовъ; какое же могу имѣть я къ нему состраданіе?» «Боже», молвилъ святой мужъ, «впредь онъ будетъ ревностно служить тебѣ и молиться, только не отвергай моей мольбы. Услышь ее и прими мое поручительство за него.» На это Богъ сказалъ: «Иди, вѣрный служитель, твоя мольба будетъ услышана, только спроси у Буруцгаю, чего онъ желаетъ; желаетъ ли онъ имѣть сорокъ сыновей или сорокъ дочерей, или же только одно дитя по моему собственному благоусмотрѣнію?» Святой мужъ вернулся къ Буруцгаю. Онъ нашелъ его совсѣмъ укрѣпившимся, стоящимъ на колѣнахъ, и съ радостію восклик-

нулъ: «о Боже, я не солгалъ тебѣ. Буруцгай еще прежде, чѣмъ я его снова увидѣлъ, принялся уже за исполненіе своихъ религіозныхъ обязанностей!» И онъ передалъ ему слова Божіи. Буруцгай отвѣчалъ: «Что буду я дѣлать съ 40 дѣвочками и 40 мальчиками? Если Всевышнему угодно услышать мою молитву, то да даруетъ онъ мнѣ одного сына и одну дочь.» Святой мужъ благословилъ Буруцгаю и передалъ Все-могущему его отвѣтъ.

Буруцгай увидѣлъ, что желѣзные его сапоги стали снова совершенно новехоньки, и тотчасъ же пустился въ обратный путь къ своей налаткѣ. Когда онъ былъ уже близко отъ нея, ему казалось, что онъ узналъ свою степь, свои стада; онъ смотрѣлъ на все съ искренней радостью. Тихо, тихо ободряясь, онъ замѣтилъ, что со времени его ухода ничто не измѣнилось. Буруцгай подошелъ къ одному пастуху, чтобы спросить его, кто хозяинъ этихъ стадъ. Пастухи не узнали его. Постъ и труды истощили его, онъ похудѣлъ и постарѣлъ и одежда его была въ лохмотьяхъ. «Что тебѣ за дѣло до нашего господина», отвѣчали пастухи, «проходи-ка своей дорогой.» И они пошли вокругъ стада. Буруцгай дождался, однакожь, ихъ возвращенія и снова спросилъ ихъ. Пастухи прогнали его, какъ нищаго, и не хотѣли говорить съ нимъ, пока онъ не назвалъ себя по имени. Тогда они посмотрѣли на него внимательноѣе, наконецъ узнали его и рассказали, что его жена, которую онъ оставилъ беременною, скоро родить и что въ аулѣ ожидаютъ гостей. За тѣмъ, не дожидаясь отвѣта Буруцгаю, пастухи стремглавъ пустились бѣжать къ женѣ.

Буруцгай и, увидавъ ее, пожелали получить отъ нея сьюндше (обычный подарокъ тѣмъ, кто приноситъ радостное извѣстіе). Они получили этотъ подарокъ и возвѣстили своей госпожѣ о прибытіи ея супруга. Она сильно обрадовалась этому извѣстію, а вскорѣ за тѣмъ пришелъ и самъ Буруцгай. Черезъ нѣсколько дней жена его разрѣшилась двумя здоровыми и красивыми дѣтьми — сыномъ и дочерью. Буруцгай былъ вѣ себя отъ радости и не могъ придумать, какое имя дать новорожденнымъ, которыми Богъ осчастливилъ его старость. Въ то время, какъ онъ думалъ объ этомъ, къ нему пришелъ тотъ же святой мужъ и сказалъ: «Ты назовешь своего сына Кугуломъ, а дочь Чанисбегою.» И Буруцгай повиновался святому мужу, который тотчасъ же удалился отъ него. Дѣти росли и хорошѣли. Прошло четыре года, близнецы начали учиться стрѣльбѣ изъ особенно для нихъ устроеннаго, маленькаго лука. Кугулъ выучился отлично стрѣлять, прошло десять лѣтъ. Въ то время случилось, что одинъ могущественный султанъ давалъ пиръ. Во время пира онъ объявилъ, что хочетъ поставить высокую мачту съ золотою верхушкою и что тотъ, кто пронзитъ стрѣлою эту верхушку, будетъ мужемъ его дочери. Тотчасъ явилась толпа сонскателей. Мачта была весьма высока, всѣ стрѣляли поочередно, но никто, даже самые лучшіе стрѣлки степи, не могли попасть въ золотую верхушку. Наконецъ выстрѣлилъ послѣдній гость и тоже не попалъ. Тогда султанъ воскликнулъ: «Всѣ ли тутъ молодые люди изъ степи? Неужели не осталось никого, кто бы пустилъ стрѣлу для по-

лученія руби султанской дочери?»—«Есть еще одинъ стрѣлокъ», отвѣчали ему, «это Кугуль, сынъ Буруцгай. Но онъ еще мальчикъ и ему только десять лѣтъ.»—«Все равно,» сказалъ султанъ, «приведите его тотчасъ сюда.» Его пошли отыскивать въ ауль. Онъ явился на плохой лошадеиъ, въ старой одеждѣ, съ лукомъ за плечами. У него, впрочемъ, была и хорошая одежда и хорошія лошади, потому что его отецъ былъ богатъ и ни въ чемъ ему не отказывалъ, но онъ желалъ явиться передъ богатыми не иначе, какъ бѣднымъ и смиреннымъ.

Жена султана, издали увидавъ Кугула, воскликнула: «этотъ будетъ моимъ зятемъ и никто другой изъ присутствующихъ». Подойдя къ мачтѣ, Кугуль не хотѣлъ тотчасъ же испробовать свой лукъ. «Васъ здѣсь такъ много», сказалъ онъ, «а я одинъ и молодъ, и если я даже попаду въ цѣль, то, пожалуй, все-таки не получу руки султанской дочери.» Султанъ увѣрилъ его, что отдастъ ему свою дочь, но только тогда, когда онъ сдѣлаетъ удачный выстрѣлъ. Кугуль прицѣлился и натянулъ лукъ такъ сильно, что его изнуренная лошадь упала. Онъ нѣсколько разъ ударилъ ее кнутомъ и она наконецъ снова встала. Кугуль прицѣлился въ другой разъ и опять натянулъ тетиву. На этотъ разъ лошадь только подогнула колѣна. Стрѣла полетѣла и попала прямо въ середину золотой верхушки. Кугуль, утомившись отъ напряженія, слѣзъ съ лошади, разсѣдлалъ ее, легъ на землю и, положивъ голову на сѣдло, заснулъ.

Онъ спалъ три дня въ своей убогой одеждѣ на плохомъ сѣдлѣ. Султанъ рѣшилъ не отдавать свою

дочь такому бѣдняку. Напрасно Кугуль ожидалъ по-
сольства. Никто не приходилъ къ нему и потому онъ
сталъ придумывать средства какъ получить обѣщан-
ную ему невѣсту. Вдругъ явилась передъ нимъ жен-
щина изъ домашникъ султана и разъяснила ему, въ
чемъ дѣло. Кугуль сказалъ ей: «иди къ султану
и скажи ему, что я даю ему до завтрашняго полу-
дня срокъ для размышленія; если онъ къ этому вре-
мени не отдастъ мнѣ свою дочь съ сорока навью-
ченными верблюдами и сорока коврами, то я убью
его и истреблю все его семейство». Женщинѣ этой
Кугуль понравился, она сочла его большимъ бати-
ромъ (героємъ), поспѣшно воротилась въ аулъ сул-
танскій, рассказала о своемъ свиданіи съ Кугуломъ
султаншѣ, которая пристала къ своему супругу, го-
воря, что Кугуль сдѣлается великимъ батиромъ и что
если онъ не сдержитъ своего слова, то навлечетъ на себя
позоръ, чернѣе земли. Султанша говорила еще много
подобныхъ словъ, но ба султанъ наконецъ не рѣшился
выдать свою дочь за Кугула и велѣлъ его объ этомъ
извѣстить. Кугуль надѣлъ роскошную одежду, сѣлъ на
прекраснаго боня и предсталъ предъ султаномъ. Свадьба
была отпразднована и послѣ обычнаго пира Кугуль
увезъ свою молодую жену домой въ свой отеческій
шатерьъ. За нимъ слѣдовали сорокъ верблюдовъ съ раз-
ными сокровищами, покрытые сорока коврами. Это
было приданое новобрачной. Когда они прибыли домой,
съ жены Кугула спало покрывало (по обычаю кир-
гизовъ), которое мужъ въ первый разъ приподнялъ въ
присутствіи своего отца и матери. Едва родители его
увидѣли ея лицо, они сдѣлали ей много подарковъ—

и скота и лошадей. Но какъ она не нашла въ подаренныхъ вещахъ своего любимаго цвѣта, то и не поклонилась имъ, въ знакъ благодарности, въ ноги. Старый Буруцгай разсердился на это и гнѣвно сказалъ: «Что за собака эта дѣвча! Мы сдѣлали ей кучу подарковъ, а она не хочетъ унизиться предъ нами, она не дѣлаетъ намъ даже обычнаго привѣтствія за это.» Она отвѣчала: «Къ чему мнѣ ваши подарки, я не нуждаюсь въ нихъ. Вы не дали мнѣ самаго лучшаго. Позади стада идетъ рыжая кобыла, которая по колѣно вязнетъ въ песокъ; только она одна нравится мнѣ. Ибо она родитъ жеребца, который спасетъ моего Кугула отъ многихъ несчастій и будетъ конемъ истиннаго воина. Дайте мнѣ эту кобылу, она дороже всего и я ее предпочитаю всему.» — «Моя невѣстка хотя и молода, но умна», сказалъ Буруцгай. Слова ея понравились ему, онъ помирился съ нею, далъ ей кобылу и молодая женщина упала въ ноги родителямъ своего мужа и сдѣлала имъ обычное привѣтствіе. Напротивъ палатки стариковъ была разбита прекрасная палатка для новобрачныхъ, которые и поселились въ ней. Жена Кугула приказала своимъ слугамъ беречь кобылу, какъ зѣницу ока. Они выкопали глубокую яму, выстлали ее травой и, поставивъ туда кобылу, тщательно за ней присматривали и ухаживали. Ночью вокругъ ямы зажигали огонь. Черезъ сорокъ дней кобыла родила маленькаго темнорыжаго жеребенка. Слуги тотчасъ извѣстили объ этомъ свою госпожу и потребовали подарка за радостное извѣстіе. «Подождите еще сорокъ дней», отвѣчала она, «ходите хорошенько за жеребенкомъ, давайте ему ѣсть и

нить.» Слуги повиновались и, когда пришло назначенное время, они снова пришли къ своей госпожѣ, которая сообщила имъ, что съ этой минуты всѣ они свободны и могутъ отправляться куда угодно. Для молодаго жеребца, напротивъ, былъ приготовленъ шелковый арканъ въ 40 локтей; его кормили чистымъ ячменемъ, молокомъ и сушенымъ виноградомъ, и онъ подросталъ вмѣстѣ съ Кугуломъ.

Въ это время ханъ (начальникъ киргизовъ) посѣтилъ молодаго Буруцгая и, увидавъ Чанизбегу, до того прельстился ея красотою, что безъ чувствъ упалъ на землю. Его привели въ чувство и приготовили обѣдъ. Всѣ принялись за дѣло и начали рѣзать мясо для мишбармака (киргизское кушанье), Ханъ дѣлалъ тоже. Но въ то время, какъ его руки были заняты этимъ дѣломъ, взоры его были устремлены на красавицу. Онъ воспылалъ къ ней сильною страстью и не могъ оторвать отъ нея своихъ взоровъ. Онъ такъ увлекся, что едва замѣтилъ, какъ, вмѣсто мяса, разрѣзалъ себѣ пальцы *). Черезъ нѣсколько минутъ, онъ это замѣтилъ и такъ стало ему совѣстно, что онъ ничего не ѣлъ, и, чтобы не оскорбить своего хозяина, онъ дѣлалъ видъ, какъ будто ѣлъ всѣхъ блюдъ, потомъ поспѣшно простился и воротился домой съ затаенною тоскою въ сердцѣ. Едва прибылъ онъ домой, какъ собралъ своихъ родныхъ и друзей и сталъ совѣтоваться съ ними на счетъ того, какъ извести ему Кугула и

---

* Такой же эпизодъ встрѣчается въ романсѣ: «Юсуфъ и Зюлейка», гдѣ подружки Зюлейки на пиру до того увлеклись красотою Юсуфа, что, вмѣсто того, чтобы чистить подливные померанцы, сдирали себѣ съ пальцевъ кожу.

овладѣть его женсю и сестрою. Всѣ сказали, что убить его нельзя, потому что онъ уже великій герой. Все-таки придумали они другой исходъ. Они предложили отправить Кугула противъ одной враждебной орды съ приказаніемъ привести царствующаго тамъ хана, живаго или мертваго. Эта мысль понравилась влюбленному хану. Его увѣрили, что посланный едва ли воротится даже черезъ десять лѣтъ, а всего вѣроятнѣе погибнетъ тамъ. Тотчасъ же послали за Кугуломъ и передали ему приказаніе; онъ возвратился въ свой аулъ и рассказалъ женѣ о возложенномъ на него порученіи.

«Тебя не за тѣмъ онъ посылаетъ», отвѣчала она, «я хорошо знаю чувства его сердца. Когда онъ былъ здѣсь, онъ воспылалъ страстью ко мнѣ и къ твоей сестрѣ. Онъ хочетъ имѣть насъ и потому отсылаетъ тебя на погибель; но пока у тебя твоя лошадь, ты не погибнешь. Возвращайся только скорѣе назадъ.» Кугуль уѣхалъ, взявъ съ собою только своихъ слугъ и лошадь, и долго, долго ѣхалъ онъ по разнымъ степямъ, пока наконецъ не достигъ вражеской границы. Десять лѣтъ, а можетъ быть больше или меньше, ѣхалъ онъ, — я навѣрное не знаю. Наконецъ его лошадь остановилась. Кугуль сталъ понукать ее впередъ. Но животное вдругъ заговорило человеческимъ голосомъ: «Не заставляй меня идти впередъ. Мы близко отъ непріятели. Сними съ меня узду и сѣдло, я сама пойду туда и посмотрю, какъ велико число враговъ.» Кугуль послушался лошади, которая начала валяться по землѣ и отъ этого силы у нея прибыло болѣе, чѣмъ отъ самаго луч-

шаго корма. За тѣмъ она поднялась, отряхнулась, заржала, обернулась въ птицу и полетѣла къ облакамъ. Такъ летѣла она три дня. Наконецъ воротилась она назадъ и сказала: «Враговъ больше, чѣмъ у меня волосъ въ гривѣ или въ хвостѣ. Подумай хорошенько, что тебѣ дѣлать, сражаться или воротиться?» Бугуль не уstraшился. Онъ оставилъ своихъ слугъ, приказавъ имъ поджидать его. «Если вы услышите о моей гибели», прибавилъ онъ, «то отнесите это извѣстiе моей женѣ и моей матери.» За тѣмъ онъ принесъ Богу усердную молитву о помощи и отправился. Враги окружили его, но онъ не допустилъ одолѣть себя. Его лошадь много помогла ему, ибо всякій разъ, какъ врагъ прицѣливался въ него изъ ружья, она превращалась въ орла и взлетала съ Бугуломъ высоко подъ облака. Если ему угрожала стрѣла, жеребецъ обращался въ воробья и исчезалъ въ травѣ, какъ маленькiй шарикъ. Наконецъ онъ перебилъ и извелъ всѣхъ мушницъ этого племени, взялъ съ собою женщинъ, дѣтей, скотъ и все имущество, привелъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ своихъ слугъ, приказалъ имъ отвести добычу домой, а самъ поѣхалъ впередъ на своемъ вѣрномъ жеребцѣ. Долго ѣхалъ, ѣхалъ онъ. Наконецъ, однажды вечеромъ, конь его не захотѣлъ идти далѣе и сталъ, какъ каменный. Бугуль сошелъ съ него и легъ спать. Къ утру онъ проснулся, подошелъ къ своему коню и увидалъ, что онъ горько плачетъ.

«Что съ тобою, мой добрый конь», спросилъ Бугуль, «о чемъ ты плачешь?» — «Ахъ, какъ же мнѣ не плакать», отвѣчалъ конь, «посмотри, вотъ мѣсто, гдѣ я когда-то гулялъ на шелковомъ

поводу; здѣсь былъ нашъ аулъ, а теперь не осталось никакого слѣда — все раззорено.» И онъ снова заплакалъ. «Возьми мое сѣдло и узду, дай мнѣ отдохнуть и собраться съ силами; я хочу разузнать, кто это сдѣлалъ и кто твой врагъ.» Кугуль снялъ съ лошади узду и сѣдло и она снова принялась валяться по землѣ и, когда опять вернулся къ ней ея силы, подняла голову, глубоко вздохнула, своими могучими ноздрями, припрыгнула, превратилась въ птицу и взвилась на воздухъ. Она летѣла такъ три дня, но ничего не видѣла и хос ла уже воротиться, какъ вдругъ замѣтила въ другой сторонѣ аулы хана. Она направила туда свой путь, полетѣла надъ палаткою и надъ стадами и все увидала. Никто не понялъ, что эта птица — конь Кугула; одна только жена героя угадала, что кто-то прибылъ къ ней [и очень близко, и сообщила объ этомъ своей сестрѣ. Птица воротилась назадъ къ Кугулу, рассказала ему, что видѣла, какъ ханъ увезъ его жену и сестру, захватилъ его стада, заставилъ его отца собирать навозъ, а мать пасти овецъ. И конь снова началъ плакать. Кугуль началъ молить Бога помочь ему отомстить за этотъ позоръ. Онъ приказалъ коню тотчасъ вести его къ матери, которую скоро и нашелъ въ степи, пасущую овецъ. Онъ бросился къ ней въ объятія.

«Зачѣмъ ты привѣтствуешь меня такъ», спросила старушка, «развѣ ужъ не сынъ ли ты мой?» — «Если бы я и не былъ твоимъ сыномъ, то развѣ я меньше стою, чѣмъ онъ?» — «О нѣтъ, во всей степи никто столько не стоитъ, сколько мой Кугуль.» — «Развѣ ты совсемъ не имѣешь объ немъ извѣстій?» — «Я не знаю,

гдѣ онъ, ханъ послалъ его противъ враждебнаго народа и съ тѣхъ поръ я ничего объ немъ не слышала. Только сегодня мнѣ кажется, что я слышала шумъ крыльевъ его коня, но я не знаю, дѣйствительность это или же навожденіе шетама.» — «А давно ли твой Кугуль уѣхалъ?» — «Да, да, давно, очень давно.» — «Но Кугуль вѣдь я самъ. Неужели ты не узнаешь меня?» — Старушка посмотрѣла на него пристальнѣе, но она не узнала его и сказала: «Нѣтъ, ты не Кугуль, но если ты его товарищъ, или если ты что нибудь знаешь объ немъ, то говори, но не обманывай меня, не мучь меня.» — «Я Кугуль», вскричалъ сынъ, «это мой конь пролетѣлъ сегодня надъ тобою.» — Но старушка все еще не вѣрила. Онъ спросилъ ее, не имѣетъ ли Кугуль какого нибудь родимаго знака и мать отвѣчала ему, что у него между плечъ черное пятно величиною съ ладонь. Тогда онъ попросилъ ее потереть ему плечо, но старушка отвѣчала: «Я не могу, потому что овцы разбредутся у меня во всѣ стороны и ханъ побьетъ меня, а онъ вѣдь часто бьетъ.» — «Предоставь мнѣ стеречь стадо.» — Онъ началъ настаивать и увѣрилъ ее, что если ее станутъ бить, то онъ защититъ ее. Наконецъ старушка согласилась, сняла его халатъ, приподняла рубашку и хотѣла потереть ему плечо, какъ вдругъ, замѣтивъ черное пятно величиною въ ладонь, бросилась къ молодому человѣку на шею и сказала: «Ты мой Кугуль!» и зарыдала отъ радости. — «Развѣ ты не узнала меня, моя родимая?» спросилъ Кугуль, «неужели я такъ давно уѣхалъ? Какъ же ты-то, моя бѣдная, дорогая матушка, перемѣнилась, ты постарѣла

и посѣдѣла; твои глаза покраснѣли отъ слезъ». И онъ въ слезахъ обнялъ ее. — «Я не знаю, дитя мое», отвѣчала мать, «давно ли ты уѣхалъ, не знаю также, когда ханъ напалъ на нашъ аулъ, когда онъ увелъ твою жену и сестру, завладѣлъ нашимъ имуществомъ и сдѣлалъ меня и твоего отца своими невольниками. Я все ждала тебя, но я потеряла память, и теперь не могу уже сказать, сколько прошло времени со дня нашей разлуки; знаю только, что давно, очень давно, какъ ты покинулъ насъ.» — «Успокойся, матушка», сказалъ Кугуль, «дурныя времена уже проходятъ и все опять пойдетъ хорошо. Богъ поможетъ мнѣ. Вернись въ аулъ, поторопись отвести домой овецъ, не смотря на то, что теперь еще рано. Если тебя спросятъ обо мнѣ, скажи, что я не далеко, но не говори ни слова болѣе.» За тѣмъ они простились и онъ ушелъ.

Старушка вернулась въ аулъ. Но она идетъ не какъ обыкновенно, она бѣжитъ; она, которая, бывало прежде едва могла нагнать овечку, теперь же гнала ихъ за разъ по три и по четыре для доенія: до того возрасли ея силы.

Ханъ замѣтилъ это и сказалъ окружающимъ его: «Старая жена Буруцгая должно быть получила отъ своего сына хорошее извѣстiе; посмотрите, какъ она бодра, — она, которая прежде едва могла двигаться.» Онъ подошелъ къ ней и спросилъ ее объ ея сынѣ. «Онъ здѣсь, онъ пріѣхалъ», воскликнула старуха мать, «и ты не будешь болѣе мучить меня». Она говорила смѣло — до такой степени отъ свиданія съ дѣтищемъ сердце ея было исполнено радости и надежды.

Ханъ поблѣднѣлъ отъ страха и вскорѣ увидалъ и Кугула, который, верхомъ на своемъ славномъ конѣ, приближался къ своему врагу. Кугуль остановился на нѣкоторомъ разстояніи и, не сходя съ коня, воскликнулъ: «Ты обманулъ меня, ты хотѣлъ избавиться отъ меня, чтобы увести мою жену и сестру. Я думалъ, что ты поступаешь чистосердечно и тотчасъ же отправился по твоему приказанію, какъ вѣрный человѣкъ. Но ты ни что иное, какъ собака, влѣтвoprеступникъ, разбойникъ. Теперь мы съ тобою посчитаемся. Но что толку, если я убью только тебя одного. Тогда сказали бы, что батиръ Кугуль убилъ лишь одного хана. Поэтому собери все свое войско.» Ханъ попросилъ дать ему три дня срока, чтобы собрать свой народъ. Кугуль согласился на это и уѣхалъ. Ханъ разослалъ приказанія во всѣ свои аулы и собралось множество народа вокругъ него. Кугуль же между тѣмъ молился Богу. Въ назначенный день онъ явился и сказалъ: «Ты мой ханъ, я не хочу стрѣлять въ тебя первый. Начинай ты!» Ханъ выстрѣлилъ и промахнулся. «Я опять таки не хочу еще стрѣлять», сказалъ Кугуль, «собери лучшихъ своихъ стрѣлковъ и прикажи имъ стрѣлять въ меня, и только тогда, когда они не попадутъ въ меня, я стану стрѣлять самъ.» Лучшіе стрѣлки хана выступили изъ рядовъ. Каждый изъ нихъ по очереди пустилъ по стрѣлѣ въ Кугула, но его лошадь превращалась то въ орла, то въ дрозда, и защищала его отъ пуль, поднимаясь на воздухъ, и отъ стрѣлъ, ложась въ степную траву. Напрасно, не могли попасть въ него. Такимъ образомъ Кугуль давалъ стрѣлять въ себя три дня сряду. На четвертый день онъ сказалъ хану:

«Хорошо же, такъ какъ ты мой господинъ, то ты и твои слуги первые стрѣляли въ меня. Теперь мой чередъ.» — «Дѣлай, что тебѣ угодно», отвѣчалъ ханъ. Кугуль поставилъ лучшаго ружейнаго стрѣлка и двухъ стрѣлковъ изъ лука позади хана, за ними еще трехъ, а четвертаго въ четвертый рядъ. Ставъ напротивъ нихъ, онъ сказалъ своему коню: «Вѣрный мой конь, стой теперь смирно и не подымайся въ воздухъ, чтобы я могъ одною стрѣлою пронзить ихъ всѣхъ.» Лошадь стала, какъ окаменѣлая. Кугуль изъ всей силы натянулъ тетиву, стрѣла полетѣла, пронзила стрѣлковъ, стрѣлковъ изъ лука и самого хана.

Когда толпа увидѣла, что ханъ палъ мертвый, то разбѣжалась во всѣ стороны. Кугуль преслѣдовалъ ее — одного настигъ на лошади, другаго, налетѣвъ на него сверху, и кого только онъ настигъ — всѣ погибли. Наконецъ онъ остановился, воротился въ свой ауль, нашель тамъ своихъ родителей, жену и сестру и овладѣлъ всѣмъ имуществомъ хана. Между женщинами и дѣтьми, захваченными въ добычу, находилась и ханская дочь. Кугуль взялъ ее къ себѣ въ качествѣ второй жены. Сестру свою Чанизбегу онъ отдалъ замужъ за сосѣдняго хана и самъ сдѣлался ханомъ.

Такъ кончается исторія. Старые люди говорятъ, что все это была истинная правда, что все это совершилось въ степяхъ. Я ничего этого не видалъ, но надо вѣрить тому, что говорятъ старики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	1
I. Дервиши и хаджи	3
II. Мое инкогнито	22
✓ III. Среди туркменовъ	43
✓ IV. Въ туркменской пустынѣ	59
V. Палатка и ея обитатели	71
VI. Хивинскій дворъ	81
VII. Радости и горе	91 ✓
Родины	92
Бракъ	95 ✓
Смерть	103
VIII. Домъ и дворъ, пища и одежда	106 ✓
IX. Изъ Хивы въ Бунградъ и обратно	118
X. Мой татаринъ	140
XI. Столичная жизнь въ Бухарѣ	154
XII. Бухара опора ислама	172
XIII. Торговля невольниками и жизнь невольниковъ въ Средней Азій	180
XIV. Производительность трехъ ханствъ	213
Растительное царство	221
Животное царство	232
Минеральное царство	236
XV. Древнѣйшая исторія Бухары	240
Бухара и ея окрестности	241
Бухара, главный городъ	242
Окрестности Бухары	247

Королева Хатунъ и первые четыре аравійскихъ
полководца 251

Тухшаде и Моканна 257

XVI. Этнографическіе очерки туранскихъ и иранскихъ пле-
менъ Средней Азіи 265

1) Восточные турки . . . . . —

А. Типы и нравы . . . . . —

а) Буряты 268

б) Киргизы 270

с) Каракалпаки 277

✓ д) Туркмены . . . . . 279 ✓

е) Узбеки 283

Б. Характеристика 288

2) Иранцы 296

Восточные иранцы 304

а) Сеистанцы или хафизы . . . . . —

б) Чихаръ-Аймаги 308

с) Таджики 315

XVII. Литература въ Средней Азіи 323

Ахмедъ и Юссуфъ 327

Требованія Юссуфа отъ Гюзель-Шаха 334

Аллахъ яръ 336

Рефнакъ 337

Мешрефъ 338

Фуцули . . . . . —

Неземи 339

Неваи 341

Какъ Зейф-уль Мулукъ отправляется изъ города . . . . .

Тшинъ къ морю 342

Исторія Кугула 347

